

ПЛАНОВОЕ
ХОЗЯЙСТВО
1931 г. № 2-3

2

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Ежемесячный

политико-экономический журнал

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Р. Е. Вайсберга, Л. М. Гатовского, В. В. Куйбышева,
А. С. Мендельсона, С. В. Минаева, А. И. Петрова,
Н. Я. Розенталя, С. Л. Ронина, М. И. Рубинштейна
и С. В. Шахновской (отв. ред.)



1931

23

ФЕВРАЛЬ - МАРТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЛАНОВОЕ= =ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

п. 13/17

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Р. Е. Вайсберга, Л. М. Гатовского, В. В. Куйбышева,
А. С. Мендельсона, С. В. Минаева, А. И. Петрова,
Н. Я. Розенталя, С. Л. Ронина, М. И. Рубинштейна
и С. В. Шахновской (отв. ред.)

Отв. секретарь А. И. Стрикис

№ 2-3

февраль-март



ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика и экономическая политика

	Стр.
Р. Вайсберг. Десять лет нэпа и плановой системы	3
М. Раг-Пинский. Потупление в период социализма и основные вопросы расширения воспроизводства в СССР	18
С. Диканский. План 1931 г. и проблемы лесной промышленности	58
А. Красногорский. Ослабление в 1931 г.	79
К. Кендзев. Вопросы строительства животноводческих ферм в колхозах	92
Вл. Воржиковский и П. Ползлов. Практика и организационные проблемы финансового планирования	104
М. Криве. Теория и практика кредитования и перспективного планирования сельского хозяйства	122
Г. Деметриадис. Кредитовое и оппортунистическое в планировании индустриализации сельского хозяйства	163
В. Баранов. Кредитовое и планирование колхозов	190

Экономика районов

М. Бушнев. Хлопковые районы в СССР	215
А. Сучков. Проблемы рыбной промышленности Волго-каспийского рыбохозяйственного района	224

Экономика и статистика

П. Москвич. К вопросу об изучении народного дохода СССР	238
София Губерман. О состоянии общественного питания	265

Хроника научной жизни

И. Кан. О преподавании технических дисциплин в плановых вузах	274
---	-----

Критика и библиография

«Энергетическое обозрение» — М. Граниковск	283
Г. Г. Ситников. Экономическая география — В. Каппелер	288
М. А. Барун. Основы капитала промышленности СССР — Г. Вурштейн	292
Машино-тракторные станции и XVI партсезон — И. Малинин	296
Колхозы Северо-кавказского края — В. Баранов	298
Библиография плановой литературы — Г. Срогемич	300

Удостоверен. Главн. В. 3317 С-3 (в) № 171. Тех. ред. Ф. Попов. Тираж 10.000 экз.

Моск. изд-во, 13-й типо-диз. «Мисл. Печатника», Москва, Петровка, 17. Заказ № 348

Р. Вайсберг

Десять лет нэпа и плановой системы

В марте и феврале 1931 г. партия и рабочий класс отмечали два знаменательных юбилеи: десятилетие со дня введения новой экономической политики и десятилетие со дня организации Государственной плановой комиссии. Эти два юбилея не представляют собой какого-либо случайного совпадения, но они, наоборот, органически, вернее диалектически, теснейшим образом связаны между собой.

Тот факт, что партия организовала всеобщий (тогда еще все-российский) штаб планирования в тот момент, когда страна стояла на предвечернем нэпе, имеет огромное историческое значение. Если нэп на первой своей стадии шел к известному разрыву в рамках пролетарской диктатуры с мелкобуржуазной стихией, то организация Госплана знаменовала собой усиление плановости во всем народном хозяйстве. Само планирование представляет собою существеннейшую черту нэпа, того самого нэпа, который начал с уступок середняку, ведущим неизбежно к росту капиталистических элементов, так как капитализм, как известно, порождается в процессе развития хозяйств простого товарного, середняцкого. Играя ведущую и определяющую роль, план и планирование не могут конечно быть противопоставлены новой экономической политике. На такое противопоставление способны — и они эту свою незидную способность неоднократно демонстрировали — только безраздельные оппортунисты, рисующие нэп в виде сплошного отступления.

План и Госплан — это составная часть новой экономической политики. И глубоко симптоматично, что Госплан возник именно в тот период, когда партия переходила на рельсы новой экономической политики. Организация Госплана именно в тот период характеризует сложную диалектику нашего социалистического бытия и его перспективы, открывавшиеся в то время. Возникновение Госплана в период переходный от гражданской войны к мирному строительству связано было с перспективами восстановления и хозяйственного строительства, которые открывались в то время, было связано с необходимостью переключить страну на рельсы организованного социалистического планирования. От зачатков плановой системы в виде Комиссии по планированию, Чусоснабярма, Наркомпрод и т. д. необходимо было перейти

¹ Здесь использованы две статьи автора: «Историческая эста» и «Наш большевистский и нэп меньшевистский», «Экономическая жизнь» от 22/II и 15/III 1931 г.

к стройной системе плановой работы, соответствующей условиям восстановления хозяйства в мирный период. Организация Госплана является одним из важнейших элементов во всей советской системе.

Госплан начал работать как раз в период, когда после доблестной атаки на мелкобуржуазную стихию и капиталистические элементы страны большевизм отпраздновал великий обходной экономический путь, характеризующийся изломом. Возникновение Госплана в этот период, как и ряд других мероприятий партии во все время излома, говорит за то, что партия все время осуществляла новую экономическую политику как политику, характеризующуюся отношением не «уступками» и «уступочками», как думают оппортунисты, но стремлением овладеть разрывающейся мелкобуржуазной стихией через план, через социалистическое хозяйство, через все рычаги нашего прямого и косвенного воздействия на экономику страны, стремлением через план повести к ликвидации его и построить фундамент социалистической экономики и самый социализм в исторически кратчайший срок.

Поэтому особенно важно строить плановую работу с учетом всех сложных обстоятельств текущего момента, с учетом специфических особенностей каждой данной стадии развития.

Две даты, два юбилея — Госплана и плана — имеют огромное значение не только для строительства социализма внутри страны, но и для борьбы мирового пролетариата за коммунистические идеалы. Десятилетие Госплана и плана является исторической датой международного значения. Десять лет работы Госплана в условиях новой экономической политики, десять лет упорной повседневной борьбы за торжество планового начала в советском государстве, это — огромная полосу борьбы за коммунизм, за социалистическую организацию против рыночной стихии, за идею пролетариата против капитализма, против международной буржуазии. Те великие идеи, которые заложены в учении Маркса, Энгельса и Ленина об организованном социалистическом хозяйстве, идеи, которые у большинства людей, у ортодоксальных марксистов, никогда не вызывали сомнения, но которые в самых разнообразных формах встречали противодействие со стороны международного капитала и всех его апологетов, — эти идеи получили свое полное торжество в практике плановой работы в течение истекшего десятилетия.

Торжество плановых социалистических идей в повседневной практике социалистического строительства в СССР тем более значимательно, сила их тем более неопровержима, что они все время пробились через тиски огромнейших препятствий, через тиски классовых борьбы, преодолевая материально-техническую и культурную отсталость страны, преодолевая упорное сопротивление наших врагов за границей и остатков эксплуататорских классов внутри страны, которые по сей день еще не складывают оружия.

Победа планового начала в нашей стране завоевывается с огромными трудностями, в борьбе с неимоверными препятствиями. И если сейчас, на одиннадцатом году существования Госплана, мы констатируем, что перед лицом фактов даже среди международной буржуазии растут ряды тех, которые правду, как скрежет зубной и с плохо скрываемой злобой признают преимущества плановой социалистической системы над анархо-капиталистической, то мы можем сказать всем этим господам: ваши признания, это — вынужденные признания побежденных, и недостоинные слова, которые в ваших рядах

временами раздаются по адресу Советского союза и планового хозяйства, являются свидетельством о бедности всех тех, которые борются и продолжают бороться против планового хозяйства, против коммунистического строя.

Тринадцать с лишним лет тому назад мир раскололся надвое — на капиталистический и социалистический, и с тех пор, еще до организации Госплана, с первых дней Октябрьской революции фактически начали закладываться основы планового социалистического хозяйства, с тех пор капиталистический и социалистический мир вступили между собой в борьбу на всех фронтах: на политическом, хозяйственном, культурном. Неоднократные попытки уничтожить страну строящегося социализма костяной рукой голода, путем военных авантур и интервенций, путем экономической блокады, попытки подорвать наш авторитет и силу при помощи неслыханных, гнуснейших инсинуаций и провокаций — все это кончилось до сих пор крахом.

Старый мир, мир капитализма опирается на беденную эксплуатацию пролетариата, на угнетенное — по законам военно-политической и экономической инквизиции двадцатого столетия — угнетение колониальных народов, на фактическое рабство сотен миллионов населения.

Мир социализма строится на освобожденном труде ста шестидесяти двух миллионов населения, занимающего одну шестую часть земной суши, где труд есть «дело чести, дело славы, дело доблести и героизма» (Сталин) пролетарских масс, разбивших цепи капиталистического феодально-помещичьего рабства, показывающих всему человечеству новые пути.

Госплан, как и вся плановая система, есть детище строящегося социализма, детище рабочего класса, пролетарской диктатуры, Октябрьской революции, без чего не мог бы возникнуть никакая план, никакое организованное хозяйство.

Заблужденные потоки отдельных политиков и экономистов создать «организованный капитализм», создать «плановый капитализм» в рамках старых, отживающих буржуазных производственных отношений заранее обречены на поражение. Равным образом отброшены жизнью социалдемократические теории «организованного капитализма», «воарингские» правыми оппортунистами (Б. Вухарин и др.) и разоблаченные партией. Капиталистическое общество в его новейшей монополистической форме может создавать отдельные объединения для конкурентной борьбы, для продолжения той же политики капиталистической анархии, принципиально враждебной социалистическому плану. Но капитализм не способен осуществлять плановое хозяйство народного хозяйства в рамках отдельных государств, ни на грани между капиталистическими государствами. Он не способен это делать, поскольку ему присущи капиталистическая эксплуатация, сохранение и углубление противоречий между производственными силами и капиталистическими производственными отношениями и противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения. Капитализм будет разрушен, рабочий класс капиталистических стран возьмет в свои руки политическую власть, и только после этого возможно будет осуществление социалистического планирования на территории современных капиталистических государств.

Планирование при капитализме, это — пустяки, мильный пузырь; идеи «планового капитализма», это — опium, которым заправляли капиталистического мира пытаются одурманить массы перед лицом кризиса, безработицы, растущей нищеты и разорения.

План же в условиях СССР, это — самое могучее орудие социалистического строительства, небывалого роста производительных сил, роста материального и культурного уровня рабочих и крестьянских масс, коренной революционной ломки старых капиталистических и докапиталистических производственных отношений, уничтожения классов и классовых противоречий, внедрения новой техники в нашу отсталую экономику, построения коммунизма в нашей стране.

На Госплан и на всю плановую систему возложены боевые задачи первостепенной важности. В самый момент организации Госплана Владимир Ильич Ленин в ряде своих выступлений и в письмах тов. Кржижановскому подчеркивал необходимость борьбы против величайшей опасности, грозившей планированию на той первоначальной стадии, опасности, заключающейся в увлечении голыми, бессодержательными схемами, далекими от жизни, против опасности бюрократизации плана. Он направлял внимание плановых органов на преодоление такого рода «левых» загибов и заскоков, на то, чтобы пробить дорогу плановой работе и плановому социалистическому строительству через преодоление ряда хозяйственных трудностей, через ликвидацию текущих повседневных затруднений.

Ленин писал тогда (апрель 1921 г.) первому председателю Госплана тов. Кржижановскому о том, что Госплан должен немедленно из всех сил взяться за текущие хозяйственные планы.

Топливо сегодня. На 1921 г. Сейчас, весной.

Сбор хлама, отбросов, мертвых материалов, использование их для обмена на хлеб. И тому подобное.

В это надо ткнуть «их» носом. За это их засадить сейчас. Сейчас.

От великих исторических перспектив, открываемых первым единым народнохозяйственным планом, планом электрификации СССР, принятым VIII съездом советов, Владимир Ильич Ленин повернул внимание и всю работу плановой системы лицом к решающим вопросам, к тому ряду хозяйственных затруднений, без преодоления которых всякий единый народнохозяйственный план, как бы хорошо он ни был составлен, остался бы только на бумаге.

Выступая против «левых» уклонов в теории и практике планирования, В. И. Ленин еще раньше обрушился против ползуемого эмпиризма, против правоупотребительского крохоборства в плановой работе. Вот что он говорил на VIII съезде советов.

«Не бойтесь планов, рассчитываемых на долгий ряд лет: без них хозяйственного возрождения не построить, и давайте на местах надегаться на их выполнение».

Борьба на два фронта в плановой работе была предугадана самим Ильичем и легла в основу руководства со стороны партии плановой системой во все последующие годы, во всех дальнейших этапах борьбы партии, за четкую марксистско-ленинскую линию и вопросы планирования.

Первые шаги роста и развития госплановской работы происходили на почве борьбы за преодоление текущих затруднений. От этой работы Госплан в 1923 г. в порядке борьбы с хозяйственным кризисом переходит к составлению общей конъюнктуры, охватывающей все отрасли народного хозяйства. В 1925 г. впервые составляются контрольные цифры, представляющие собой приближение к единому плану на предстоящий год. И только в 1928 г. Госплану удается, опираясь на работу ведомств республик и областей, составить пятилетний план народного хозяйства, ту самую пятилетку, которая была принята правительством и партией, за выполнение которой с величайшим энтузиазмом борется весь рабочий класс, ту именно «пятилетку», название которой сделалось нарицательным на всех языках не только у нас на территории СССР, но и за рубежом, пятилетку, на которую со страхом и злобой взирают наши враги и с величайшей надеждой все наши друзья.

Несомненно, что плановая работа накопила за все десять лет существования Госплана огромный опыт по изучению и планированию народного хозяйства. Этот опыт запечатлен и в работах по конъюнктурным наблюдениям, по статистике, в попытках составления генерального плана, в изучении и планировании комплексных проблем районов, в работах над контрольными цифрами, над пятилеткой и над перспективой и уточнением тех и других.

Было бы однако жесточайшим заблуждением и преступным самобольщением считать весь опыт планирования положительным и совершенным. Наоборот и в этой области имеется у нас больше чем где бы то ни было недостатков, причем таких, которые проистекают не только и не столько от объективных причин (от трудностей планировать и регулировать рыночную стихию, особенно в восстановительный период, от низкого технического уровня производительных сил и т. д.), сколько от субъективных причин, от воли людей, причем воли злой, антисоветской, антипролетарской, контрреволюционной. Мы не вправе забывать ни на одну минуту — и это к сожалению еще не всеми до сих пор понято и усвоено, — что в течение ряда лет вся плановая система сверху до низу была пландаром жесточайшей классовой борьбы. Наш классовый враг выступал в органах планирования не с открытым забралом, а под маской «друзей» советской власти и иногда даже весьма ретивых «поборников» планирования. Вредитель-меньшевик Громов в течение ряда лет сама в глазах многих простаклов горячим сторонником социалистического плана, борцом за единое народнохозяйственное целое. Вредитель, меньшевик и богдановец Базаров пытался брать на откуп всю теорию планирования, всю методологию генерального плана, различных вариантов пятилетки и контрольных цифр. На роль теоретика планирования претендовал и изловчатый контрреволюционер Кондратьев, которого вредитель пытался возвести в сан советского «ученого». Лидер промпартии Рамзин хотел играть первую скрипку в таких синтетических, решающих для всех народнохозяйственных планов вопросах, как вопросы топлива и энергетики. Продажнейший из продажных, подлых из подлых Осадчий вместе с группой своих оруженосцев-вредителей в течение нескольких лет занимался шантажом под названием «работа комиссии по составлению генерального

пидна». Ларичев, Калинин и К* в тесном содружестве с вредителями из соответствующих ведомств делали в Госплане свое грязное дело.

С самого начала перехода к нэпу и почти до последнего времени отбросы истории в лице меньшевиков, эсеров, кадетов, черносотенцев, словом всякого рода скрытых и открытых вредителей, интервентов в прошлом и в потенции, имели возможность излагать свои взгляды на новую экономическую политику в различных формах. К их услугам была заграничная безэмигрантская печать. Но они работали и в СССР. Они использовали в течение ряда лет свое положение «независимых» «советских» специалистов, которых пролетариат призывал к себе на службу для того, чтобы они своими знаниями помогали ему строить социализм. Правда впоследствии оказалось, что среди них было огромное большинство квазиученых и липовых специалистов, а даже знающие и сведущие люди в лучшем случае фюрорали и писали «умные неуживучки» для того, чтобы путать партия и мешать социалистической стройке там, где нельзя было делать этого примысленными вредительскими действиями.

Часть старых специалистов удовлетворялась тем, что пролетариат платил им хорошие деньги и обеспечивал довольно хорошие условия жизни. Другим вдобавок хотелось иметь и политическое влияние в советском аппарате. Они требовали от нас оплаты также и политической монетой, что на их языке называлось системой обвоблаживания, для изменения экономической политики советской власти. С политической монетой ничего не выходило, так как при возможности валить на отдельных оппортунистически настроенных коммунистов, а иногда даже на целые звенья советского аппарата вредительские идеи и установки встречали самый сокрушительный отпор со стороны ленинской партии, проводившей нэп по-большевистски. Приходилось ограничиваться добавочной звонкой монетой, получаемой из-за границы.

Что вредителям несомненно удалось, так это то, что они на ряде участков разрушали наши производственные силы и кое-где задерживали темпы развития, создавая вместе с тем целую систему вредительских теорий и взглядов. Взгляды эти создавались как бы рассыпным фронтом, «по кусочкам», по отдельным вопросам, «от случая к случаю», но вместе взятые они составляли единую, в своем роде законченную систему, противостоящую всем нашим путям и нашему пониманию развития нэпа. Наиболее концентрированное выражение все эти взгляды получали у плановика-синтетика вредителя Бабарова, который, как выяснилось на процессе меньшевик-интервентов, играл у них первую скрипку по программным и методологическим вопросам; одновременно он сам ученым марксистом и совершенно незаменимым универсалом-всезнайкой по вопросам планирования.

Достаточно поэтому проверить основные итоги нэпа на системе одного Бабарова, во взглядах которого концентрируются как наиболее существенные вредительские идеи, так и ряд оппортунистических установок, за которые боролись различные уклонисты внутри нашей партии.

Еще до нэпа Бабаров вообще характеризовал нашу систему как своего рода неокантоналистическую.

«Какова же подлинная социальная природа этой власти?» — спрашивает Бабаров в своей статье «Последний съезд большевиков и задача большевизма» (журнал «Мысль», № 10, апрель 1919 г.) — «Чей диктатурой она в настоящее время является? Диктатурой про-

летариата, как гласит ее официальный титул? Но говорить о пролетарской диктатуре в обществе, стремящемся эволюционирующим от всяких форм капитализма к нэпизму, значить забыть азбуку марксизма. Политическая власть не может не служить интересам того класса, который при данной úrovне развития господствует в экономической области. Какой же класс экономически господствует в современной России? Очевидно капиталист эпохи первоначально-го накопления».

Коммунистов, которые рассматривают нэп как политику наступления после некоторого периода отступления и перегруппировки сил, Бабаров берет в штаны, заявляя, что у них принципиальная ошибка возникает из неправильной концепции всего социалистического развития». Эти истины Бабаров изложил с трибуны съезда плановых органов при обсуждении принципов построения контрольных цифр на 1926/27 г., т. е. уже на рубеже восстановительного и реконструктивного периода. Наличие доказывать, что по существу Бабаров продолжал в данном случае знаменитую сменовеховскую линию на «мирное» вращение социализма в капитализм. Он хотел при этом «исправить» линию нашей партии в духе зинovieвско-троцкистской оппозиции.

Следует твердо помнить, что среди роз социалистического планирования оказались плетеными и шипы вредительства, корни которых еще далеко не во всей плановой системе вырваны. С вредительским засорением плановой практики необходимо еще вести упорную, систематическую, совершенно непримиримую борьбу. Эта борьба теснейшим образом связана с положительной, созидательной работой по планированию. Они друг от друга неотделимы.

Вредители в свое время использовали всякую малейшую трещину внутри партии, целясь на отдельных этапах внутрипартийной борьбы то за «левых», то за правых. С своей стороны правые, «правые» и «левые» элементы не гнушались заимствовать у вредителей немало аргументов против генеральной линии партии.

В период наибольшего ожесточения классовой борьбы, в период перехода от восстановления к реконструкции народного хозяйства, в период развернутого социалистического наступления вредителям удалось опутать кой-кого из правооппортунистических элементов внутри партии и сделать их орудием своей грязной работы.

Партия перекрывает всякие внутрипартийные и внепартийные колебания твердым курсом на социалистическое наступление, подготовленным всей нашей политикой, по всему фронту. Преодолевая кулацко-нэпизмское сопротивление, отбрасывая прочь его идеологов вне партии и в рядах партии, мы победили развернутое социалистическое наступление. И в результате мы имеем неснижаемые успехи социалистической индустриализации, огромные успехи советского строительства и колхозного движения. Разрешена проблема «кто кого» в промышленности. В условиях обостренной классовой борьбы и развернутого социалистического наступления мы идём к полному разрешению ее в сельском хозяйстве. Историческая значимость этих переломов в нашей экономике становится особенно понятной, если оглянуться назад, на пройденный путь.

На пороге нэпа частный капитал, во имя которого Бабаровы, Громовы и Кондратьевы признавали к отступлению, занимал на рынке огромнейшее место, достигая 3/4 всего товарооборота страны. В 1931 г. частная розничная торговля занимает не больше 2-3%. При этом чрезвычайно любопытно то обстоятельство, что ряд вредителей и

кое-кто из коммунистов, которые паслись в хвосте их идеологии, упорно толковали о том, что развитие государственной и кооперативной торговли не имеет прочных корней в нашем хозяйстве, что она, собственно говоря, не развивается, а получает место под луной только благодаря административному вытеснению частной торговли. Выходило так, что общесоветская торговля имеет пределы своего развития только те абсолютные размеры, в которых уложена частная торговля.

Такова была вредительская «реалистическая» теория. Что же показала большевистская действительность?

Она рисует картину увеличения товарооборота страны за истекшие 10 лет в 5-6 раз. Государственная и кооперативная торговля выросла за счет развития промышленности и сельского хозяйства, за счет общего роста производительных сил страны. Что же касается административных мероприятий в отношении частной торговли, то от них мы никогда не зарекались и не зарекаемся.

Партия, вопреки «беспристрастным» советам буржуазных специалистов и вопреки принятиям правооппортунистических нитиков, применяла, применяет и будет применять административные меры в той степени и в тех формах, какие с точки зрения социалистического строительства являются необходимыми на каждой данной ступени развития.

Удельный вес частного сектора в товарообороте соответствовал тому положению, какое занимали в свое время частная промышленность и сельское хозяйство. Продукция частной промышленности, которая к началу третьего года пятилетки составляет 5%, занимала в начале нэпа 36%. Ее роль обуславливалась тогда однако не только ее абсолютными размерами, но и исключительной хилостью и слабостью нашей государственной промышленности, крайней примитивностью и почти змбюрндовым состоянием нашей товаропроводящей сети. С этой же точки зрения следует рассматривать и то обстоятельство, что частный сектор в сельском хозяйстве занимал почти все 100%, что совхозы и колхозы не играли никакой сколько-нибудь заметной роли в нашем хозяйстве.

Огромное море мелких товаропроизводителей деревни беспрерывно «химически» выделяло из себя крайне вредный социальный продукт — капитализм. В начале нэпа капитализм внутри страны рос и не мог в известной мере не расти. Теперь же, по истечении десяти лет, мы на основе индустриализации и сплошной коллективизации уничтожаем его вместе со всеми его корнями.

Если в настоящее время мы уже имеем 55—60% посевных площадей в социалистическом секторе, то на фоне значительного увеличения посевных площадей за истекшее десятилетие, на фоне огромного перехода в сельском хозяйстве в сторону социализма, на фоне роста социалистического сектора в деревне от нуля до огромных размеров, знаменательных им в настоящее время, все приведенные цифры должны получить исключительное, большое историческое значение. Они действительно говорят о новом этапе, о вступлении в период социализма, так как социалистический сектор держит в своих руках все рычаги народного хозяйства. От крайне низкого уровня производительных сил, от известного разрывания сил капитализма в 1921 г. — до вступления в период социализма с сохранением нэпа, его последней ступени, и с изменением ряда его черт. Таков пройденный путь десятилетия.

Таковы итоги нэпа как политики большевистского наступления.

Важно еще то обстоятельство, что подавляющий удельный вес частного сектора в сельском хозяйстве и в товарообороте, а также значительное место его в промышленности помножались в первые годы нэпа на нашу общую организационную слабость, на недостаточную налаженность советского аппарата, на еще низкий «тонус» в сравнении с достигнутым в настоящее время уровнем развития всей советской, всей пролетарской общественности.

Трактуя нэп как отступление назад к капитализму, вредители естественно должны были отстаивать рабские темпы развития всего народного хозяйства. Отсюда следовал тот вывод, что самый так называемый «восстановительный период» должен растянуться на целое десятилетие. На основе своих квази научных изысканий, которые производились вместе со всей фальсификаторской школой троцкистских статистиков, и прибегая еще к антитезе «двух американцев», которые разработали план Дауза для России, план, ставивший заветную мечту для всех предателей-интерентов, Базаров заявлял с серьезным видом, что «получается перспектива довольно утешительная, и в 10 лет восстановимся».

Так «утешал» нас Базаров в 1924 г. А в действительности что получилось: через два года после этого восстановительный период завершился. А теперь, к концу первого десятилетия нэпа, контрольные цифры третьего года пятилетки рисуют картину трех довоенных, трех «восстановительных» уровней промышленной продукции. Мы успели завершить восстановительный период, вступили в полосу реконструкции, вступить в фазу социализма и подойти вплотную к завершению построения фундамента социалистической экономики.

Неизвестно, что говорили бы вредители, если бы они продолжали работать тогда, когда партия констатировала на XVI съезде вступление страны в период социализма, но, обратившись на «спрогнозах» восстановительного периода, они не скупилась на «тебры» при переходе к реконструкции, на теории социальной «химии» в новых условиях. Известно например, что Юровский, начиная с 1926 г., упорно отстаивал «старые» позиции нэпа, которые, как ему казалось, ведут к капитализму.

Тот же Базаров в своих неоднократных выступлениях рисовал депрессивные ужасы и бедствия, которые должны произойти от реконструкции. Наиболее «вооруженно» он выступал по вопросам безработицы, доказывая, что если имеется значительное количество безработных в период восстановления, то их еще больше будет в период реконструктивный, который должен привести к увеличению технического вооружения рабочего класса и к сокращению количества занятых рабочих рук на единицу продукции.

В основе этой вредительской теории лежали надежды на низкие темпы продукции и на пресловутую «потухающую» кривую. Увлеченный этой меньшевистско-вредительской «мудростью», кое-кто из правых коммунистов выдвинул свою истеричную теорию, своего рода «истеричный план», в силу которой мы должны искусственно задерживать механизацию сельского хозяйства, дабы таким путем препятствовать росту избыточной рабочей силы.

Партия отвергла эти взгляды. Под ее руководством новые социальные отношения и техническая реконструкция, помноженные на огромные темпы социалистического развития, привели к аккад-

или безработицы еще до истечения первых десяти лет новой экономической политики.

Что же касается механизации сельского хозяйства, то наши достижения в этой области не идут ни в какое сравнение с тем, что мы имели при переходе к нему. В 1931 г. сельское хозяйство будет иметь 1-200 тыс. лошадей, сил в тракторах, или 120 тыс. тракторов.

За два года до перехода к нему, в марте 1919 г., т. Ленин говорил: «Если бы мы могли дать завтра 100 тыс. первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (их прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунизм» (т. е. за коммунизм)».

В настоящее время эта «фантазия» стала действительностью.

Одновременно с нашими успехами и с переходом некоторой части старых специалистов на активную вредительскую работу, поднимая задачи интервенции, их формулировки становятся несколько более осторожными. Они прибегают к искусным маскировкам. Крайне интересна в этом отношении та эволюция, которую пережила вредительская триединая формула. В 1924 г. Громан выдвинул следующую «регулятивную идею» планирования:

«Изменения социальных форм хозяйства, — заявил Громан в президиуме Госплана в марте 1924 г., — возможны только при условии: а) развития производительных сил, б) при улучшении положения трудящихся масс города и деревни, в) без применения методов внеэкономического принуждения».

Спустя четыре года та же идея предстала в реформированном виде, причем в крайне зубодробительном словесном оформлении. На сей раз выступил уже не Громан, но его теоретический оруженосец Базаров, с приобретшим печальную известность положением о том, что «триединый постулат» оптимального сочетания роста производительных сил, благосостояния трудящихся и процессов обобществления составляет телеологический стержень плана.

Как легко заметить, в этих двух формулах имеется то общее, что основная идея, доминирующий принцип планирования заключается в развитии производительных сил. Этот принцип механистически поднимает себе все остальное. Что касается роста благосостояния трудящихся, то как известно из процесса меньшевиков, других Громана и Базарова по НКТОрг: Залонид, Якубович и др. напояли эту формулу вполне конкретным содержанием, срывая рабочее снабжение и стараясь обречь рабочий класс на голодную смерть. И уже конечно никакого интереса они не имели к развитию форм обобществления, к росту социализма в нашей стране. Здесь их интересовало как раз то положение, которое выдвинул в свое время Громан и которое заключается в том, что мы не должны применять никаких административных мер по отношению к частному капиталу. В ряде выступлений и Громана, и Базарова, и других предателей в разное время давались еще более решительные формулировки в защиту частнокапиталистических интересов.

Если же эти два Агаса планового предательства выступили в 1928 г. с формулой, в которую они включили процесс обобществления, то объясняется это, с одной стороны, тем, что партия в это время уже перешла на решительное социалистическое наступление, а с другой, — что тогда в стенах Госплана уже несколько возросло влияние коммунистов; в этих условиях теоретики от предательства вынуждены были в делах маскировки пойти на некоторые «уступки» в своих «паучьих» формулировках. И в данном случае мы имеем перед собой ту же «социальную миниатюру» вредительской идеологии в

условиях реконструкции, какую Базаров обнаружил тогда же по вопросам роста безработицы. Ни в первом, ни во втором издании «триединая формула» не была пригодной для социалистического планирования. Партия шла и идет совершенно иным путем, поднимая развитие производительных сил задачам социалистического строительства, ведя упорную и неустанный борьбу за направление этого развития в социалистических формах.

Большевистский путь изла и том и заключается, что, развивая социалистические формы хозяйства и вытесняя капиталистические, мы этим самым открываем новые дополнительные возможности для развития производительных сил, для мощного развертывания производственных процессов. Насколько диалектически связаны между собой развитие производительных сил и производственных отношений, насколько важна именно социалистическая форма для роста первых, видно из тех достижений, которые мы имеем за последние десятилетия.

В сельском хозяйстве, где мы имели до недавнего времени преобладание частных форм хозяйства над социалистическими, посевные площади увеличились только в полтора раза. В денежной же промышленности, где командные высоты с самого начала сосредоточены в руках пролетарского государства, в промышленности, которая все время изла существует как последовательно-социалистическая, мы имеем рост валовой продукции в двенадцать с половиной раз в течение десятилетия. Именно на этих большевистских путях изла мы достигли увеличения народного дохода в несколько раз.

Уроки вредительства и та большая программа социалистического строительства, которая стоит перед нами, требуют того, чтобы рабочий класс, а в первую очередь коммунисты, овладели техникой. На данном этапе техника, по выражению т. Сталина, решает все. Овладев техникой, мы будем представлять собой несокрушимую силу.

Вступая в период социализма, мы конечно еще не ликвидируем новую экономическую политику. Только «левые» скакунцы через этапы, не желающие или неспособные понять диалектики социалистического развития, могут рисовать дело столь упрощенно, будто в настоящее время мы должны «отбросить изл к чорту», будто все наше строительство уже протекает в условиях «чистого» социализма.

Указывая на то, что мы вступили в период социализма, т. Сталин подчеркнул на XVI съезде партии, что классовые различия и стране еще остаются, что до ликвидации классов еще далеко. Вот этой стороны дела, наличие классовых отношений, связанных с новым периодом, не понимают некоторые наши «горь-теоретики».

Из-за заблуждения того, что изл еще не упразднен, что мы только вступили в новый, хотя и последний период изла, вместе со вступлением в период социализма происходит совершенно нетерпимое пренебрежение к хозяйсчету, к финансовым вопросам и вопросам торговли. Смешно и глупо думать, будто мы можем уже в настоящее время отменить деньги или подменить их какими-нибудь суррогатами в виде «расчетных знаков». Тот беспиланный «автоматизм» и та «обезличенность» и финансовых отношений, которые господствовали до недавнего времени и области кредита, привели к полной безответственности и бесконтрольности в работе наших государственных предприятий. Постановление СНК СССР от 20 марта кладет этому делу конец.

Точно также ошибочно полагать, что в настоящее время у нас уже господствует заперенный продуктообмен и эконоичные формы

непосредственного распределения. Перед нашей торговой системой, которая одержала огромные успехи над частником, почти ликвидировав его, стоит задача научиться по-советски торговать, ликвидировать обезличенность в распределении товаров, перестроить всю торговую систему и в первую очередь систему потребкооперации в соответствии с теми задачами, которые партия возлагает на нее в настоящее время.

И в промышленном и в сельскохозяйственном производстве, а также в сфере рыночных отношений мы должны самым решительным образом пропустить политику проверки и контроля рублем сверху донизу.

Построение социалистического общества и ликвидация классов требует того, чтобы ни в коем случае не закрывать глаза на существующие классовые отношения, на соотношение классовых сил, а наоборот требует и на данной стадии, когда мы уже вступили в период социализма, самого тщательного анализа классовых отношений и учета их в нашей повседневной практической работе.

В достигнутых нами успехах величайшую историческую роль сыграл рабочий класс и руководивший им коммунистическая партия. У нас, где власть находится в руках пролетариата, являющегося хозяином над своими предприятиями, развиваются те формы коллективного труда, в виде ударничества, соревнования, встречной волны промфинпланов, которых и в помине нет и не может быть в капиталистических государствах. Роль рабочего класса, как класса господствующего, и роль его авангарда — партии — в переходный период трудно переоценить.

Однако находятся такие меньшевистские тупицы, которые сводят роль и интересы рабочего класса исключительно к узко-потребительским интересам.

Тот же Базаров, находясь в стане Деникина, писал в 1919 г. и том же журнале «Мысль» следующее:

«Для подлинного рабочего нет священных и самоценных политических принципов; каждую политическую форму он оценивает лишь как средство улучшить свое положение, т. е. добиться большей обеспеченности и большей свободы. Современный режим признается рабочим классом... потому, что все другие режимы, испробованные за время революции, оказались тоже несостоятельными. Пролетариат с полным спокойствием отнесется к расширению прав частного капитала, если такого рода реформа будет сопровождаться повышением его благосостояния».

Итак по Базарову выходит, что никаких общеполитических задач рабочий класс перед собой не ставит. Пролетариат представляет собой сплошную обывательщину, которой мол безразлично расширение или сужение частного капитала, который все равно, какой политический строй будет существовать в стране, лишь бы последний удовлетворял его материальные интересы. Базаров, который превратился в мажорного контрреволюционера, переносит свою обывательскую мерку на рабочий класс. Нечего доказывать, что такое понимание роли рабочего класса в революции, стоящее по своему уровню ниже всякого «экономизма», ничего общего не имеет ни с революционным марксизмом, ни с теми фактами действительности, которые свидетельствуют о героической борьбе рабочего класса на фронтах гражданской войны, о тех огромных жертвах, которые пролетариат приносит во всех странах на алтарь мировой революции, и о том великом классовом энтузиазме, с которым он строит свое социалистическое общество на территории СССР.

Базаровское отношение к рабочему классу как к какой-то апатичной скотине, это отношение «барина» к челяди вполне гармонирует со взглядами буржуазных специалистов на невозможность строительства социализма в нашей стране. В этом вопросе они вполне сходятся с контрреволюционным троцкизмом, варьируя только свою аргументацию. В этом, как и в ряде других вопросов, вредительская идеология служит прекрасным мостом между правыми и «левыми» уклонами коммунистической партии. Право-«левацкий» блок упирается своими корнями в ту же вредительскую идеологию.

Много всякой «наукообразной» чепухи нагородили вредители в течение десяти лет непла, в течение того периода, когда ни удалось присоседаться к советскому аппарату и орудовать под маской честных дойных специалистов. Тут имели место и громадовские «эстетические и динамические коэффициенты», и освещенный всеми вредителями принцип богдановского «равновесия», и путаница насчет генетики и телеологии, и кондратьевская скудоумная философия насчет плана и стихии, и сухановское «понимание» коллективизации, и всякий другой идеологический хлам. Все эти устоявшиеся и квазинаучные принципы могут быть суммированы и сведены только к одному, а именно: к тому, что страна должна идти по пути капиталистического развития, и что всякий иной путь грозит катастрофой или неисчислимыми бедствиями.

Ведя борьбу против партии, против ее генеральной линии, против советской власти, вредители всячески старались ослабить влияние коммунистов в плановой системе, а где возможно и вовсе не допускать их в плановой работе. Любопытно то, что еще в 1924 г., когда встал вопрос о коммунизации аппарата Госплана СССР, один из беспартийных заявил следующее: «Не будет ли это связано с возможностью образования в Госплане особой коммунистической фракции, которая будет отдельно от некоммунистических элементов обсуждать и предпринимать решать вопросы». Они боялись «коммунистической фракции», которая может помешать работе вредительских фракций.

Те небольшие группы молодых коммунистов, которые внедрялись в работу плановой системы, зачастую и в центре и на местах встречались вредителями в штыки; они наталкивались иногда на условия, не дающие никакой возможности для работы, для роста и развития. В упорной борьбе со скрытым вредительством и с поддерживающими его оппортунистическими элементами внутри партии росла и закалялась во всей плановой системе кадры плановиков-коммунистов. Но того, что сделано до сих пор, чрезвычайно мало. Переключившись на новые рельсы, на боевые темпы работы, плановая система должна, учтя горький опыт прошлого, создать условия для быстрого роста и выдвижения молодых партийцев и кадров пролетарских специалистов. Плановая система перестраивается. Как боевой штаб планирования, она должна быть орудием пролетариата и его коммунистической партии не только по существу своей работы, но и по своему социальному составу.

Вся плановая система сверху донизу должна быть связана с работой фабрик, заводов, железных дорог, совхозов и колхозов. В порядке встречного плана во всех отраслях народного хозяйства широчайшие массы промисленными рабочими, транспортниками и колхозниками должны сделаться активными участниками всей плановой работы. План должен быть делом самих рабочих масс. В корне должны быть и будут ликвидированы те методы келейной работы, благодаря ко-

торам и тиши кабинетов, далеко от глаза рабочей общественности, предители имели возможность развивать свою работу.

Работа по составлению плана, по его выполнению, по уточнению и исправлению — когда последнее требуется — ставится под контрольные наблюдение десятков миллионов глаз.

Под руководством ленинской партии десятки миллионов рабочих и колхозников делаются активными участниками социалистического планирования.

При подведении итогов пройденного десятилетия плановой работы бросается в глаза то огромное продвижение вперед, которое мы преодолели за это время. Госплан начал строиться в условиях огромной разрухи, в условиях чрезвычайно сильного падения производительных сил страны, в условиях последствий мировой войны, гражданской войны, в условиях, когда партия вынуждена была идти на известное развязывание мелкобуржуазной стихии и в ограниченных пределах на временное оживление капитализма. Мы отсчитаем десятилетие Госплана при наличии непрерывки, соцсоревнования и ударничества, в условиях, когда промышленная продукция утрачивается в сравнении с довоенной, когда мы имеем перед собой огромные успехи сплошной коллективизации, когда на базе последней ликвидируется кулачество как класс.

Госплан родился в период «военного коммунизма» и празднует свое первое десятилетие в год завершения построения фундамента социалистической экономики. Мы прошли за это время столь важные и решительные этапы развития, на которые капиталистический мир требует многих и многих десятилетий. Не только с точки зрения количественных достижений, но особенно с точки зрения качественных сдвигов, которые мы прошли за это время, советская система свидетельствует о том, что она является самой здоровой, самой эффективной: она указывает человечеству кратчайшие пути его прогресса и быстрого достижения свободного от всяких рабских форм коммунистического строя.

Сегодня у нас еще много неполадок, прорех и слабых мест. Сегодня классовый враг внутри страны, ликвидируемый нами, усиленно сопротивляется. Сегодня против нас точат оружие капиталисты всех стран. Все это — сильные препятствия на нашем пути. Но никто не в силах скрыть перед всем миром того очевидного факта, что система социалистического планирования, созданная пролетарской диктатурой, является системой наиболее передовой, которая одна только в состоянии спасти миллионы трудящихся всего мира от тех неопределимых ужасов, которыми их опутал капиталистический мир.

Господа буржуа, из которых часть начинает вынужденно признавать наши преимущества перед капитализмом, не способны с своей ограниченной классовой точки зрения даже понять существа нашей системы.

Индивидуалистическая психология американского буржуа не позволяет даже лучшим представителям ее подняться до понимания общественных движущих пружиных социалистического строя, до понима-

ния роли рабочего класса, который держит власть в своих руках, который работает не на капиталиста, а на собственное социалистическое хозяйство, который охвачен энтузиазмом великой коллективной стройки и борьбой за свое социалистическое отечество, за лучшее будущее пролетариев всех стран.

Они еще не понимают, что такое Госплан и советская система планирования. И пускай остаются в своем приятном неведении и заблуждении. Наши успехи и их причины становятся все более и более понятными мировому пролетариату, который пойдет и не может не пойти по пути СССР, являющегося крупнейшим фактором мировой революции. И раньше чем американские и европейские буржуазные экономисты будут в состоянии по-настоящему понять, что такое Госплан СССР, они смогут иметь случай познакомиться с мировым Госпланом, на основе победы рабочего класса в их собственных странах, на основе победы мировой пролетарской революции. К этому ведет весь объективный ход истории капитализма. К этому ведет ход классовой борьбы, развертывающейся в капиталистических странах.

На этом социалистическом пути развития СССР мы достигли того, что даже наши враги вынуждены признавать наши успехи, особенно в сопоставлении с капиталистическим хозяйством, подтачиваемым глубочайшим мировым кризисом. Либеральный английский журнал «Форейн Афферс» вынужден признать, что советский опыт «оправдывает себя с материальной стороны». Он считает доказанным, что «коммунизм осуществляется несмотря на то, что против него ополчается весь мир». Даже такой маститый теоретик интервенции, как Каутский, который, по характеристике Маркса, «очень много занимается статистикой, но извлекает из этого мало толку» и «от природы принадлежит к племеню филлистеров», даже этот злейший враг социализма вынужден под старость лет задуматься над тем, что если Ленин был прав, то он, Каутский, всю свою жизнь ошибался.

Да, господа интервенционисты, десять лет изпа, десять лет упорной ожесточенной борьбы за социалистический план целиком и без остатка доказали, что прав большевизм, что прав Ленин и его партия, что вы просчитались и продолжаете ошибаться.

Десять лет изпа это огромный итог борьбы за социализм в тяжчайших условиях беспрерывного сопротивления наших классовых врагов внутри и вне страны. Это — счет истории, представлений всему миру. Счет этот показывает полное банкротство всех врагов коммунизма, всех идеологов капиталистической реставрации. Счет истории, который большевизм предъявляет сегодня всему человечеству, говорит о том, что единственный путь, по которому должны будут пойти и пойдут все страны, это — путь ликвидации капитализма, путь установления диктатуры пролетариата, путь социалистического строительства и коммунистического развития.

М. Рагозский

Вступление в период социализма и основные вопросы расширенного воспроизводства в СССР

Крах теории «равновесия секторов»

Ход процесса расширенного воспроизводства в СССР разбивается на периоды «равновесия секторов», проповедывавшуюся правыми оппортунистами, взявшими эту теорию напрокат у буржуазных реставраторов.

«Нэп, — указывал тов. Сталин на XIV съезде ВКП(б), — есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов и на постройку фундамента социалистической экономики».

Прошедшие 10 лет нэпа подтвердили целиком это определение нэпа т. Сталиным. Но это означает, что в условиях нэпа воспроизводственный процесс направлялся протариантом таким образом, что ни о каком равновесии секторов не могло быть и речи, что период нэпа представлял непримиримую борьбу классов по принципу «кто кого», что процесс воспроизводства складывался как процесс расширенного воспроизводства общественного продукта при вытеснении отношений социалистическими отношениями капиталистических, рождавшихся на почве мелкого товарного хозяйства и при переводе мелкого товарного хозяйства на рельсы крупного коллективного производства.

Процесс воспроизводства в СССР представлял известное единство, поскольку в результате ленинской политики нашей партии он складывался как процесс в основном социалистического обобществления. Это единство не исключает противоположностей, противоречий, противоположных тенденций и т. д. Эти противоречия создаются в основном тем, что в переходной экономике существуют классы, имеют различные уклады с своеобразной экономической структурой каждого, с своеобразными условиями воспроизводства. И здесь также ярко обнаруживается невозможность «равновесия» секторов, которую проповедывали буржуазные реставраторы и оппортунисты.

Социалистический сектор в силу своей экономической структуры (выпадение буржуазии, концентрированность, возможность использования всех преимуществ планового хозяйства и т. д.) имеет совершенно другие возможности расширенного воспроизводства, чем скажем мелко-крестьянское хозяйство. Эти большие возможности быстрого темпа расширенного воспроизводства показывает ярко анализ структуры продукции нашей государственной промышленности. Эта структура представляется в таком виде:

Структура продукции ценовой промышленности
(В млн. руб. по ценам соответствующих лет)

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1. Валовая продукция	9.996	11.439	13.566	16.416	20.438
2. Стоимость израсходованных средств производства	6.243	6.868	8.332	10.234	12.079
3. Чистая продукция	3.753	4.571	5.214	6.182	8.359
4. В том числе					
а) зарплата	2.403	2.916	3.419	4.066	5.050
б) прибыль, продукт	1.260	1.655	1.795	2.126	3.309
В том числе: чистая прибыль ¹	610	700	810	1.100	1.450

В отличие от капиталистической промышленности вся «чистая прибыль» и в все большей мере весь прибавочный продукт идут на расширенное воспроизводство. Здесь мы и находим основной источник быстрого роста нашей социалистической промышленности.

«Наша крупная централизованная социалистическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства, ибо она растет ежегодно в своем объеме, имеет свои накопления и движется вперед семимильными шагами»².

О процессах расширенного воспроизводства в нашей крупной промышленности свидетельствуют такие данные³:

Процесс расширенного воспроизводства в ценовой промышленности СССР

1926/27 г. 6.868 средств производства + (2.916 зарплата + 1.655 прибавочный продукт) =	11.439
1927/28 г. 8.332 средств производства + (3.419 зарплата + 1.795 прибавочный продукт) =	13.566
1928/29 г. 10.234 средств производства + (4.066 зарплата + 2.126 прибавочный продукт) =	16.416
1929/30 г. 12.079 средств производства + (5.050 зарплата + 3.309 прибавочный продукт) =	20.438

Это расширенное воспроизводство было обеспечено за счет капитальных вложений в основные и оборотные фонды и расширения численности рабочих (и фонда зарплаты).

¹ Чистая прибыль показана только по промышленности ВСНХ.

² И. Сталин. К вопросам аграрной политики в СССР, стр. 6.

³ При исчислении общей суммы накопления в государственной промышленности и приросту основных и товарно-материальных запасов необходимо добавить зарплату дополнительных рабочих, чего до сих пор не делалось и чем преуменьшалась действительный размер накопления в социалистической промышленности. Трудность состоит в том, чтобы определить действительные размеры того прибавочного продукта, который народное хозяйство должно было выделить для обеспечения потребностей дополнительных работников. Если бы период производства в промышленности был равен 1 году, необходимо было бы сложить гр. 4, 5 и 6 для получения общей суммы накопления. Но этот период меньше года. Не вдаваясь в подробности, отмечу, что для получения общей суммы накопления необходимо к гр. 5 и 6 добавить примерно половину суммы гр. 4. Гр. 5 и 6 по предварительным материалам баланса народного хозяйства.

Показатели расширенного воспроизводства в ценовой промышленности СССР¹.

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1. Всего вложений в ценовую промышленность (включая амортизацию), в млн. руб.	1.896,7	2.519,2	3.226,0
2. В том числе амортизации	439,8	500,0	576,1
Наращивание вложений в млн. руб.:			
а) в основной капитал	1.341,3	1.644,2	2.290,2
б) в оборотные средства	554,4	875,0	935,8
3. Прирост рабочих и служащих (за данный год в тыс. чел.)	194,7	253,7	559,5
4. Фонд зарплат дооконченных за данный год рабочих, в млн. руб.	164,9	237,5	564,0
5. Прирост основных фондов, в млн. руб.	085,8	956,2	1.514,0
6. Прирост товарно-материальных запасов, в млн. р.	109,1	160,3	608,2

Этот мощный процесс расширенного воспроизводства происходил как за счет собственных накоплений промышленности, так и за счет финансирования промышленности гос. бюджетом и банковской системой пролетарского государства. Этот процесс иллюстрирует такая таблица:

Источники накопления госпромышленности СССР ¹ .				
Промышленность ВСНХ				
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1931 г. план.
Всего вложений (вкл. амортизацию) в млн. руб.)	1.896,7	2.519,0	3.226,0	5.500,0
Собственные средства промышленности:				
а) прибыль	810	1.100	1.450 *	2.750 *
б) амортизация	440	500	576,0	650
Приход средств из госбюджета (сильно в пользу промышленности)	258,9	430,0	418,0 *	2.786,3
Приход средств через банк, систему	469,2	653,0	1.035	728,9
В том числе через краткосроч. кредит	390,0	314,0	590,0	543,0

Несомненно, что известную роль играло благоприятное для госпромышленности соотношение цен. Узнать сколько-нибудь точно значение этого фактора не представляется возможным. Неправильным является метод приравнивания наших промышленных цен к мировым и подучение на основании этой предвзятости о «неэквивалентности обмена», что делает т. Е. Преображенский. Равенства наших цен с мировыми не было и до революции. Что касается приравнивания наших цен к внутренним довоенным, то и этот метод далеко не является бесспорным, ибо наша экономика представляет новое качество, с новой экономической структурой, новым соотношением классов и т. д. «Ножницами» на одной стороне противостояли на другой стороне: освобождение крестьянства от арендных платежей и платежей по покупке земли; меньшее налоговое обложение; освобождение от прямых налогов $\frac{1}{2}$ крестьянских дворов, заработки в городе в связи с процессом вели-

¹ Приведенная таблица дает лишь общую наглядность процесса расширенного воспроизводства. Следует учитывать всю сложную конкретность воспроизводственного процесса. Например расширение продукции возможно за счет большого использования основного капитала (переход от оловянной к железу). Производственный цикл в промышленности начался 1 года и т. д. Прирост сумм расходованных средств производства и фонд зарплат может быть больше прибавочного продукта промышленности или больше капитальных затрат, что мы и имеем в действительности.

² Таблица составлена по данным НКФ СССР сектора промышленности.

³ Без НКЗемхозской промышленности.

⁴ Данные предварительные.

кой стройки, составлявшие например в 1927/28 г. около половины доходов сельскохозяйственного населения, и т. д.

В основе политики цен лежало: 1) сохранение прочного союза с основными массами крестьянства и 2) обеспечение в известной мере и за счет политики цен быстрого темпа развития госпромышленности, этой базы социализма, этой материальной основы для социалистической переделки мелкокрестьянского хозяйства.

Как мы видим, процесс накопления в госпромышленности за последние годы обеспечивался в огромной мере за счет собственных средств ее.

«Но наша крупная промышленность не исчерпывает народного хозяйства. Наоборот в нашем народном хозяйстве, — говорил т. Сталин в конце 1929 г., — все еще преобладает мелкое крестьянское хозяйство. Можно ли сказать, что наше мелкокрестьянское хозяйство развивается по принципу расширенного воспроизводства? Нет, нельзя этого сказать. Наше мелкое крестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но наоборот, оно не всегда имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство».

Это положение т. Сталина подтверждается целиком на анализе конкретного материала, например бюджетов крестьянских хозяйств. Мы располагаем обработанными и подводящими материалами о крестьянских бюджетах лишь для 1926/27 г.

Выборка из этих материалов дает такую картину (см. таб. стр. 22).

Эта таблица является весьма поучительной. Она показывает, во-первых, что в бюджетах пролетариата и подпролетариата деревни огромную роль играл доход от получаемой зарплаты. Так по Средней Волге, ЦЧО, Уральской области этот доход составлял больше одной трети совокупного дохода, а по Зап. Сибири, Сев. Кавказу приближался к половине.

Что, особенно важно — это соотношение между совокупным доходом и личным потреблением у простых товаропроизводителей. По Средней Волге личное потребление составляло 79,1% от совокупного дохода, по Уральской области — 89,1%, по ЦЧО — 93,1%, по Московской области — 95,0%, по Нижегородскому краю — 80,8% и т. д.

Группа простых товаропроизводителей по той же Средней Волге при доходе в 67.919 руб. израсходовала на потребление 53.726 руб. и имела известные возможности накопления; за уплатой налогов она могла употребить на расширение хозяйства 12.927 руб. Меньше были возможности расширенного воспроизводства для простых товаропроизводителей по Уральской области. Здесь при доходе в 15.156 руб. потребление составляло 78.833 руб.; за уплатой налога они могли направить на расширение хозяйства около 7% своего дохода. В Московской области доходы от продажи рабочей силы в низшей группе составляют около $\frac{1}{2}$ доходов от ведения хозяйства; даже у середняков они составляют больше трети дохода от хозяйства. Потребление у середняков составляет около 95% совокупного дохода; учитывая налоги, составляющие около 2% дохода, лишь 3% дохода могло пойти на расширение хозяйства. В Нижегородском крае на расширение хозяйства простые товаропроизводители могли направить около 6% дохода, в Ленинградской области — 4,6% дохода и т. д.

Что касается кулацких хозяйств, то здесь возможности накопления были гораздо больше. Следует однако учесть, что налоги чувствительно уменьшали возможности накопления. Так по Уральской области налоги уменьшали возможности накопления у кулацких хозяйств

Из крестьянских бюджетов за 1926/27 г.¹

Район и соц. группы	Число хозяйств	Высота прожиточного минимума	Чистая продукция	Расход на личный труд	Заработок от продажи своей работы	Совокупный доход с учетом контингентной доли	Личное потребление	Налоги
I. Ср. Волга								
а) Пролетариат и полупролет.	28	10,383	7,684	435	4,180	12,223	9,582	64
б) Прол. товаропроизводители	87	96,685	71,341	3,185	2,867	67,919	53,726	1,266
в) Мелко-капиталистич. хоз-ва	22	51,977	40,075	4,906	489	33,822	23,078	1,849
II. Уральская область								
а) Пролетариат и полупролет.	60	22,143	15,352	1,173	8,403	22,966	21,222	338
б) Прол. товаропроизводители	139	116,569	83,801	4,412	7,290	85,156	75,833	3,568
в) Мелко-капиталистич. хоз-ва	42	63,792	46,821	7,454	1,062	30,466	33,783	2,894
III. ЦЧО								
а) Пролетариат и полупролет.	71	25,259	17,132	913	8,662	25,976	24,743	268
б) Прол. товаропроизводители	161	132,435	165,975	3,257	10,834	173,758	161,696	4,684
в) Мелко-капиталистич. хоз-ва	37	58,041	39,375	2,688	1,041	37,683	34,999	1,887
IV. Московская область								
а) Пролетариат и полупролет.	58	26,048	19,811	1,881	13,792	33,110	29,577	457
б) Прол. товаропроизводители	214	251,482	154,056	8,728	58,258	205,270	195,094	4,082
в) Мелко-капиталистич. хоз-ва	23	42,896	29,319	2,338	811	29,183	29,794	672
V. Нижегородский край								
а) Пролетариат и полупролет.	53	23,450	15,879	1,077	7,256	22,797	20,849	435
б) Прол. товаропроизводители	226	232,304	161,011	6,778	21,673	192,377	155,431	5,501
в) Мелко-капиталистич. хоз-ва	30	43,714	34,584	4,768	898	30,233	27,860	1,383
VI. Западная Сибирь								
а) Пролетариат и полупролет.	41	11,685	9,144	316	6,868	15,166	13,218	99
б) Прол. товаропроизводители	136	132,059	95,441	4,753	4,357	97,917	77,917	5,048
в) Мелко-капиталистич. хоз-ва	57	109,444	75,074	8,313	1,291	65,144	48,474	5,721
VII. Нижегородский край								
а) Пролетариат и полупролет.	36	10,757	8,376	428	3,832	12,131	12,690	81
б) Прол. товаропроизводители	139	144,220	100,585	2,982	5,920	100,388	91,581	2,872
в) Мелко-капиталистич. хоз-ва	45	98,600	67,183	5,810	727	58,966	46,468	3,828
VIII. Ленинградская область								
а) Пролетариат и полупролет.	42	22,802	14,557	593	6,414	20,809	20,176	202
б) Прол. товаропроизводители	108	247,366	140,222	4,749	23,737	158,402	148,179	3,122
в) Мелко-капиталистич. хоз-ва	21	58,867	32,773	4,063	1,258	29,566	26,416	994
IX. Сев. Кавказ								
а) Пролетариат и полупролет.	70	19,384	15,752	1,794	14,184	30,185	29,924	418
б) Прол. товаропроизводители	212	207,619	144,242	10,160	11,781	136,220	144,353	8,399
в) Мелко-капиталистич. хоз-ва	64	149,403	103,694	16,308	1,753	11,781	77,359	10,053
X. Украина								
а) Пролетариат и полупролет.	140	44,290	31,480	520	14,690	30,057	47,757	687
б) Прол. товаропроизводители	431	378,630	236,417	5,734	15,376	239,481	238,776	10,073
в) Мелко-капиталистич. хоз-ва	82	126,601	67,833	8,061	2,300	77,287	73,163	4,974

наполовину, причем налоги забрали 7 с лишним процентов совокупного дохода (у середняков меньше 2%).

По ЦЧО налоги уменьшали возможности накопления в капиталистических хозяйствах на 70%, и т. д. Таким образом государство чувствительно ограничивало возможности кулацкого накопления.

Итак часть разницы между совокупным доходом и личным потреблением уходила на уплату налогов.

Следует однако иметь в виду, что в том же 1926/27 г. кредитование сельского хозяйства по одной только низовой сети системы с.х. кредита достигло 252 млн. руб. при сумме единого с.х. налога в 314 млн. руб., при чем около 30% крестьянских хозяйств были вовсе освобождены от налога. Таким образом поскольку речь идет о бедняцком и середняцком хозяйстве, считать налоги сколько-нибудь значительным фактором, уменьшающим накопление в мелком хозяйстве, не приходится.

Основная причина весьма ограниченных, а то и полного отсутствия возможностей расширенного воспроизводства лежит в самой экономической структуре мелкокрестьянского хозяйства.

В итоге Октябрьской революции и военного коммунизма мелкое и мельчайшее крестьянство стало преобладающим типом в нашем сельском хозяйстве. Если в 1916 г. имелось 21 млн. крестьянских хозяйств, то к 1925 г. их численность увеличилась до 23,962 тыс., а в 1927 г. было уже 25,016 тыс. хозяйств, или на 19% больше довоенного. Между тем посевная площадь составила в 1927 г. 106% довоенного, число рабочих лошадей — 84% и число коров — 115% довоенного.

При этом уровень производительных сил был весьма низким. Ручной труд являлся преобладающим. В 1926/27 г. 75% крестьянских хозяйств не пользовались зерноочистителями и трясками; 88,4% не пользовались сенокосами; 83,4% — жнейками и 69,3% не пользовались молотилками¹.

Мельчайшие и мелкие размеры хозяйства ведут к тому, что ни незначительные средства производства, ни рабочая сила не используются полностью. На 1 гектар сельскохозяйственной площади при производстве яровой пшеницы (Ср. Волга) приходилось жинного и мертвого инвентаря в середняцких хозяйствах на 36 руб., в артелях — на 14 руб. 20 коп., в совхозах Совхозцентра — 21 р. 70 к. и т. д. Главная часть рабочего времени остается в этих хозяйствах неиспользованной. Об этом говорит такая таблица:

Неиспользованное рабочее время в % к запасу²

Районы	Пролетариат и полупролетариат	Мелкие товарные производители
Украина	43,2	40,7
Северный Кавказ	41,7	41,3
Нижег. Волга	61,1	46,3
ЦЧО	47,7	38,2
Московская промышленная область	46,5	41,7

Уже XVI конференция ВКП(б), отмечая общий рост сельского хозяйства, рост обеспеченности машинами, рабочим скотом, допение площади многопольного севооборота до 10 млн. га, увеличение на 60% технических культур, охват с.х. кооперацией больше 1/3 крестьянских дворов и т. д., вместе с тем указывала:

¹ Ср. Социалистическое переустройство сельского хозяйства между XV и XVI съездами ВКП(б), стр. 42.

² Ср. там же, стр. 35.

¹ По подсчитанному материалам Экономического статистика Госплана РСФСР; данные в рублях.

«Если в восстановительный период быстрый подъем хозяйства был достигнут в первую очередь за счет освоения бывших помещичьих, казенных и кулацких земель, то при завершении в основном восстановительного периода выявлялись ограниченные возможности развития мелкого хозяйства и в особенности роста его товарности при данных его размерах и способах производства».

В связи с этим мы имеем чрезмерное отставание сельского хозяйства от темпа развития индустрии, что не может не служить источником затруднений в продовольственной и сырьевой областях, особенно имея в виду быстрый рост потребностей в хлебе и сырье¹.

Итак, с окончанием восстановительного периода возможности расширенного воспроизводства в мелкокрестьянском хозяйстве стали весьма ограниченными. Между тем возможности расширенного воспроизводства в промышленности огромны. На этой почве не может не создаться и не обостриться противоречие между быстрым ростом социалистической промышленности и весьма медленным ростом продукции, особенно товарной, сельского хозяйства, где преобладало мелкокрестьянское хозяйство.

«Можно ли двигать дальше ускоренным темпом нашу социализируемую индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? Нет, нельзя. Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства. Где же выход? Выход в том, чтобы укрупнить сельское хозяйство, сделать его способным к накоплению, к расширенному воспроизводству и преобразовать таким образом сельскохозяйственную базу народного хозяйства»².

Существуют два пути укрупнения сельского хозяйства — капиталистический и социалистический. Путь капиталистический несовместим с советским хозяйством.

«Существует другой путь, путь социалистический, состоящий в насаждении колхозов и совхозов в сельском хозяйстве, путь, ведущий к объединению мелкокрестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, вооруженные техникой и наукой, и к вытеснению капиталистических элементов из земледелия. Мы стоим за этот второй путь. Либо в азад — к капитализму, либо в перед — к социализму. Никакого третьего пути нет и не может быть. Теория «равновесия» есть попытка наметить третий путь. И именно потому, что она рассчитана на третий (не существующий) путь, она является утопичной, антимарксистской»³.

Теория «равновесия» секторов находится в теснейшей связи и по существу вытекает, поскольку речь идет о правопреемственных представителях этой теории, из теории т. Бухарина о вращении — после завоевания пролетариатом власти — капиталистических элементов в социалистическое общество.

¹ См. резолюцию XVI конференции ВКП (б) «О путях повышения сельского хозяйства и национального благосостояния середняка».

² И. Сталин. К вопросам аграрной политики СССР, стр. 7.

³ Там же.

По теории т. Бухарина после установления диктатуры пролетариата «начинается органический период вращающегося, «дальнейшее развитие к социализму идет эволюционным путем» и «начинается действительное вращение в социализм». У т. Бухарина в проблеме «кто кого» речь идет об «эволюционной борьбе хозяйственных форм», а вовсе не о самой ожесточенной борьбе с буржуазией.¹

В своей работе «Путь к социализму и рабоче-крестьянский блок» т. Бухарин писал:

«Основная суть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из кооперативных ячеек не кулацкого, а трудового типа, ячеек, вращающихся в систему наших общегосударственных органов и становящихся таким путем звеньями единой цепи социалистического хо-ва. С другой стороны, кулацкие кооперативные гнезда будут точно также, через банки и т. д., вращаться в эту же систему...» (стр. 49).

Таким образом основное положение марксизма в том, что между капиталистическим и рабочим классом существует непримиримая противоположность интересов, т. Н. Бухариным совершенно забыто. Отсюда и теория «равновесия» секторов, теория мирного сожительства укладов, которая затуманивает, что единство противоположностей в нашей экономике «временное, преходящее, релятивное», а «борьба взаимосоключающих противоположностей абсолютна, как абсолютное развитие, движение» (Ленин). Теория «равновесия» секторов затуманивала классовые противоречия. Она затуманивала и те противоречия, которые вытекают из различия условий и возможностей воспроизводства в социалистической промышленности и простом товарном хозяйстве, противоречия, которые могут быть изжиты лишь на пути быстрых темпов социалистической индустриализации и на пути насаждения совхозов и колхозов.

Не вдаваясь здесь в подробное рассмотрение хода воспроизводственного процесса на преддверии стадии изпа, мы можем отметить:

1) Несмотря на всю противоречивость и наличие противоположных тенденций, мы имели единый процесс расширенного воспроизводства, ход движения которого определялся в основном диктатурой пролетариата, опирающейся на мощные экономические позиции, как национализированная промышленность, национализация земель, банки, монополия внешней торговли, кооперативный аппарат и т. д.

2) Процесс воспроизводства развертывался при наличии товарной формы связи между укладами. Эта форма связи имела значительное влияние на воспроизводственный процесс, на почве мелкотоварного хозяйства нарождались и воспроизводились в известной мере отношения капиталистические. Однако ни на одном этапе пролетарское государство не допускало полной свободы развития этих отношений, а опираясь на командные высоты, ограничивало и все более вытесняло капиталистическое хозяйство.

3) В отличие от капитализма воспроизводственный процесс развертывался не как стихийный процесс, независимый от воли и намерений производителей, а как процесс все более и более сознательно обуславливаемый пролетариатом. Возможность планового хозяйства, создаваемого вместе с установлением диктатуры пролетариата и пролетарской национализацией важнейших средств производства, реализовывалась как действительность и необходимость по мере укрепления социалистической промышленности, кооперирования мелких производителей, вытеснения частного капитала и т. д.

¹ См. И. Бухарин. Ленин как марксист (доклад в Коммунистической академии).

Процесс отнюдь не протекал в порядке самотека, в порядке «чистого экономического» в смысле стихийного, опосредственной товаром связи производителей и в смысле незнания о пролетарского государства развития всех секторов, он протекал как процесс, в основном сознательно предусматриваемый и обусловливаемый пролетариатом, как процесс борьбы социалистических и капиталистических элементов.

Несмотря на абсолютный рост вплоть до 1928 г. капиталистических отношений, ход движения определялся как процесс непрерывного и все ускоряющегося абсолютного и относительного роста социалистического сектора, вытеснения капиталистических отношений и подготовки перехода десятков миллионов мелких хозяйств к крупному коллективному производству. Именно это и придает определенную качественную характеристику процессу, как процессу социалистического обобществления, возрастания роли социалистического сектора и ущербу капиталистическому, как процессу стройки фундамента социалистической экономики.

На XVI съезде ВКП(б) т. Сталин указывал: «Поворот крестьянства в сторону коллективизации... подготовился... всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии и прежде всего развитием индустрии, поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготавлился он политической решительной борьбой с кулачеством и ходом наших хлебозаготовок в его новых формах за 1928 и 1929 гг., ставших кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-среднепашных масс. Подготавлился он развитием с.-х кооперации, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела. Подготавлился он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущества коллективных форм хозяйства перед индивидуальным хозяйством, подготавлился он наконец сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин проверял преимущества коллективных форм хозяйства перед индивидуальными».

Таким образом великий перелом был создан не в результате стихийного экономического развития и не в результате самотека, а в результате определенной политики и определенных мероприятий пролетарского государства.

Это убеждает нас в том, что неправильно изучать процесс производства в СССР, отлекаясь от политики советского государства, рассматривая этот процесс как «равнодействующую» независимых и равноправных сталкивающихся сил (Е. Преображенский) или как процесс «эволюционной борьбы хозяйственных форм», при которой каждый сектор выступает на рынке как добродородный экономический субъект, а рынок, стихия решает судьбу каждого сектора (Н. Бухарин).

Согласно последней теории, хотя бы пролетарское государство продвигалось и «черепашьими шагами» по пути социалистического строительства, хотя бы оно не насаждало совхозы и колхозы, хотя бы оно и не ограничивало жестко кулацкое накопление (например индивидуальное обложение), а затем на основе сплошной коллективизации ликвидировало бы его,—все равно неизбежно вращение не только середняка, но и кулака в социализм. Это есть фаталистическая теория, теория меньшинства, родственная социал-демократическим теориям вращающихся товаропроизводителей (рыночная концепция), а о взаимоотношениях непримиримо враждебных классов, рабочего класса и притом рабочего класса, установившего свою

диктатуру, и буржуазии, борющихся на смерть и применяющих все средства борьбы.

Такие факты, как национализация земли и запрещение сделок с ней, как прогрессивное и индивидуальное обложение кулачества (и освобождение от налога бедноты), как кредитование в первую очередь бедноты, как кооперирование, как организация контроля за кулацким производством со стороны бедняцко-среднепашных масс, как решительное подавление сопротивления кулачества, как насаждение совхозов, колхозов и МТС и т. д., — все это сыграло огромную роль в ходе воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве, в подготовке перехода к сплошной коллективизации.

Вступление в период социализма и завершение построения фундамента социалистической экономики

Величайшей важности исторический поворот в ходе процессов воспроизводства произошел в 1929/30 г. в связи с успехами социалистической индустрии, с поворотом среднего крестьянства к колхозам.

«Быстрый темп социалистической индустриализации страны, осуществлявшийся ЦК на основе директив XV съезда, вносит глубокие изменения в соотношение классов внутри страны. Эти изменения характеризуются прежде всего наряду с быстрым ростом численности рабочего класса усилением его руководящей роли по отношению к бедняцкому и середняцкому крестьянству. Экономическая смычка между рабочим классом и основными массами крестьянства приобрела по преимуществу производственный характер. Политика партии и ее ЦК обеспечила успешный переход отсталых и разпыленных мелких крестьянских хозяйств на рельсы крупного социалистического земледелия, развертывание сплошной коллективизации и переход к практическому осуществлению лозунга ликвидации кулачества как класса. За отчетный период резко упала роль частного капитала и происходит дальнейшее его вытеснение. Решительно усиливается плано-регулирующая роль советского государства во всем народном хозяйстве страны, охватывая все более и более не только промышленность, но и сельское хозяйство. Осуществляется поставленная Лениным задача превращения «России изповской» в «Россию социалистическую» (резолюция XVI съезда ВКП(б) по отчету ЦК).

Этот поворот нашел свое отражение по всей линии социалистического строительства. Социалистическая промышленность достигла продукции, вдвое превышающей довоенную и вступила в период развернутой реконструкции. Проблема «кто кого» в промышленности оказалась разрешенной в пользу социализма.

Успехи социалистической индустрии обусловили коренной перелом в сторону социалистического развития сельского хозяйства. За 1929 г. процент коллективизированных крестьянских хозяйств дошел до 15,5.

На основе сплошной коллективизации происходила ликвидация кулачества как класса.

Социально-экономическая структура советской экономики на последней стадии нэпа вырисовывается из следующей табл. (см. стр. 28).

Таблица свидетельствует о том, что 1) разрешена проблема «кто кого» в промышленности, 2) что капиталистические классы в городе идут ко дну, 3) что социалистический сектор занял абсолютно преобладающую роль в народном хозяйстве, что 4) СССР вступил в период развернутого социалистического наступления, непосредственного строительства социализма, в период социализма.

¹ И. Сталин и Л. Каганович. Ответ ЦК XVI съезду ВКП(б), стр. 38.

Удельные веса секторов в %

	1930 г.			1931 г.		
	Общественный сектор			Общественный сектор		
	Госуд.	Коопер.	Итого	Госуд.	Коопер.	Итого
1. Основные фонды (на конец года)	56,7	4,3	61,0	59,1	7,4	66,5
2. Валовая продукция промышленности (всей)	80,5	14,2	94,7	81,5	17,5	99,0
3. Валовая продукция сельского хозяйства	3,5	20,0	23,5	3,3	24,4	27,7
4. Народный доход (в неизм. ценах)	33,2	3,7	36,9	35,6	25,8	61,4
5. Капитальные вложения в основные фонды	74,6	12,9	87,5	79,3	13,2	92,5
6. Розничная торговля, посред. оборот	19,1	7,5	26,6	19,3	8,4	27,7

На XVI съезде ВКП(б) т. Сталин сформулировал сущность нового этапа следующим образом:

«Мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту... Мы... вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко» (И. Сталин).

«Социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства» — такова важнейшая чертовая стадия, характеризующая вступление в период социализма. В самом деле. Крупная промышленность есть материальная база социализма, есть ведущий и преобразующий элемент всего народного хозяйства. Укрепление социалистической индустрии и быстрый темп ее развития создаст положение, совершенно отличное от начала пути.

Создана материальная база непосредственного строительства социализма и наступления социализма по всему фронту.

В 1930 г. крупная промышленность дала двойную по сравнению с довоенной продукцию. При этом особенно большие темпы развития дала тяжелая индустрия, производство средств производства.

	1913 г.	1930 г.	1931 г.
Выплата чугуна млн. тонн	4,216	5,330	8,000
— стали	4,216	6,023	8,836
Машиностроение в млн. руб.	646,1	2,474,6	2,483,1
В том числе:			
Сельскохозяйственное машиностроение	67,0	414,2	760,0
Электротехническая	67,5	585,7	972,0
Автомоторостроение	—	97,0	482,0
Химическая промышленность	209,0	544,9	1,018,5

Производство электроэнергии составляло:

в 1913 г.	1.945	МЗМ. КЗТФ.
1929 "	7.275	" "
1930 "	8.800	" "
1931 "	12.700	" "

По производству электроэнергии план Говзаро перевыполнен. Что касается строительства районных электростанций, то в 1931 г. будет перевыполнена программа, намеченная Говзаро (2,3 млн. кв.

мощности районных станций в 1931 г. вместо 1,5 млн. кв. по плану). Этим самым создается тот основной элемент фундамента социалистической экономики, без которого «ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи» (Ленин, т. XXVI, стр. 391).

Но «социализм захватывает не только город. Социализм есть такая организация хозяйства, которая объединяет промышленность и земледелие на началах обобществления средств и орудий производства» (И. Сталин, отчет на XV съезде ВКП(б)).

Разрешение вопроса «кто кого» в промышленности обеспечивает быстрый темп решения этого вопроса во всем народном хозяйстве путем прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту, путем быстрых темпов коллективизации и ликвидации кулачества на основе сплошной коллективизации.

На XVI съезде ВКП (б) т. Сталин указывал

«Судьбу сельского хозяйства и его основных проблем будут только определять не индивидуальные крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы... В стране уже произошли такие экономические сдвиги, которые дают полное основание утверждать, что нам удалось повернуть деревню на новый путь, на путь коллективизации, обеспечить тем самым успешное строительство социализма в городе и деревне» (И. Сталин. Доклад на XVI съезде ВКП (б)).

Процесс социалистического обобществления сельского хозяйства, как мы видели выше, совершил огромный скачок в 1929 г. К 20 марта 1931 г. около 10 млн., или 40% крестьянских хозяйств вошло в колхозы. В течение 1931 г. не менее 50% крестьянских хозяйств должны войти в колхозы.

В итоге этого процесса в 1931 г. в социалистическом секторе сосредоточивается: 69,1% основных фондов, 97,5% продукции промышленности, 81,8% народного дохода.

16 млн. пролетариев, 2,7 млн. кооперированных кулаков и примерно 13 млн. крестьянских дворов становится в ряды социалистической армии труда.

Если учесть численность населения, охваченного непосредственно социалистическим сектором, она составит преобладающую часть населения.

Поскольку социалистический сектор охватил большую половину производства и населения, мы пришли к положению, когда народное хозяйство стало единым хозяйственным целым и быстрыми шагами приближается к превращению в непосредственно-общественное производство.

В январе 1921 г. Ленин в статье «Еще раз о профсоюзках» писал о народном хозяйстве как едином хозяйственном целом следующее: «это условие, как экономическое условие, действительно выполненным можно считать не раньше чем тогда, когда за мелкими производителями и в промышленности и в земледелии осталась меньшая, чем половина, доля в населении и в народном хозяйстве.»

Государственная социалистическая промышленность была той базой, опираясь на которую пролетариат поднимал своему экономическому велианию, своему руководству сельское хозяйство. Если присмотреть к экономическим взаимоотношениям социалистического города и мелкокрестьянского хозяйства, то увидим, что эта связь укреплялась и в то же время приобретала новое содержание, поднималась на высшую ступень. Если на первой стадии идеи экономической смелости города и деревни осуществлялась главным образом идея сбли-

товую кооперацию, то в дальнейшем — с XV съезда она превратится в сыпучку производственной.

Организация новых совхозов, содействие созданию новых и развитию старых коллективных хозяйств, развитие широкой сети машинотракторных станций, массовая контрактиция с.-х. продукции, снабжение сельского хозяйства все большим количеством с.-х. машин, тракторов и т. д. — таковы были новые формы смычки, смычки производственной. Для взаимоотношений города и деревни в 1930 г. и особенно в 1931 г. характерно положение, что в обобществленный сектор сельского хозяйства направляется огромный поток материальных средств в 4 с лишним млрд. руб.

Наконец социалистическая перестройка мелкокрестьянского хозяйства, его сплошная коллективизация при ликвидации кулачества на ее основе означает выкорчевывание корней капитализма в деревне и закрытие источников для зарождения капиталистических отношений.

«Создать экономическую базу социализма — это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается прежде всего капитал, создать в конце концов такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов» (И. Сталин)¹.

Учитывая огромные сдвиги в экономике СССР, декабрьский пленум ЦК и ЦКК признал, что выполнение плана 1931 г. в области коллективизации даст «абсолютный перевес социалистических элементов над индивидуальным сектором и деревне, упрочит смычку рабочего класса с трудящимися массами крестьянства и завершит построение фундамента социалистической экономики СССР» (Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) о народнохозяйственном плане на 1931 г., декабрь 1930 г.).

Такова качественная характеристика современного этапа советской экономики — этапа вступления в социализм.

Уже в этой характеристике даны основные черты воспроизводственного процесса, хотя и в общей форме.

Воспроизводственный процесс на современном этапе есть процесс быстрого хода расширенного воспроизводства общественного продукта при столь же быстрых «геологических» сдвигах в производственных отношениях, в области сельского хозяйства в первую очередь.

Характерной чертой процесса воспроизводства и в преддверные годы было воспроизводство общественного продукта при изменяющемся — в рамках этапа — соотношении классовых сил, при в известной мере новой структуре экономических отношений или по крайней мере при накоплении количественных изменений, перешедших на известной стадии в новое качество. Теперь воспроизводственный процесс развертывается на базе нового качества — вступления в период социализма, который в то же время есть последняя стадия этапа. Вступление в период социализма вытекает из того, что социалистический сектор держит в своих руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, что мы перешли к непосредственному строительству социализма, что это строительство развер-

тывается теперь на основе абсолютного преобладания социалистического сектора.

Миллионы сегодняшних мелких товаропроизводителей земледельцев переходят к отношениям социалистического типа. Отношения капиталистические в районах сплошной коллективизации ликвидируются начисто. Производственный процесс в этих районах развертывается в основном в таких формах, которые не рожают и не воспроизводят капиталистических отношений.

Воспроизводственный процесс становится по всей линии процессом расширенного воспроизводства социалистических отношений. Сегодня мелкий производитель производит в условиях мелкого хозяйства, частной собственности на средства производства и т. п. Со вступлением его в колхоз повторение производственного процесса совершается на новых основах — основах коллективной собственности на средства производства, непосредственно общественной организации труда, социалистического распределения все большей части продукции по труду и т. д.

Поскольку сплошная коллективизация охватила лишь половину крестьянских хозяйств, поскольку деньги еще являются общественной силой, поскольку еще не выкорчеваны целиком корни капитализма, постольку, наряду с огромным процессом ликвидации капиталистического хозяйства в деревне в одних районах, в других сохраняются еще на время капиталистические отношения подчас в полузатейливой форме, прикрытые формой «трудового» хозяйства. В сфере обращения капиталистические отношения интенсивно вытесняются. Мелкобуржуазная стихия еще имеется, но ее размеры совершенно другие — они не идут ни в какое сравнение с первыми годами этапа.

Дни кулачества и нэпманов сочтены.

Вопрос «кто кого» в итоге выполнения народнохозяйственного плана 1931 г. решается бесповоротно в пользу социализма.

«Мы вступили в период социализма, но вместе с тем мы не изжили еще и нэпа с его особенностями» (Молотов). Это положение весьма важно для анализа современного этапа и в частности вопросов воспроизводства. Процесс воспроизводства, как известно, означает единство воспроизводства общественного продукта и определенных отношений производства — расширение одних отношений, сужение или ликвидацию других и т. д. Как марксисты мы должны учитывать объективно в се классовые силы, имеющиеся в стране.

Для советской экономики необходимо исходить из трехклассовой структуры: пролетариат, мелкое крестьянство, буржуазия (кулаки, нэпманы), которым отвечают 3 основных уклада: социализм, простое товарное хозяйство и капитализм.

На новом этапе приобрела огромное и все большее значение новая форма — коллективное сельское хозяйство, которое «как тип хозяйства есть одна из форм социалистического хозяйства» (Сталин).

В результате массового развития колхозов и совхозов и начавшейся ликвидации кулачества меняется самое соотношение различных экономических укладов в хозяйстве СССР, поскольку вдобавок к социалистическому укладу, представленному промышленностью, вырастает социалистический в сельском хозяйстве СССР, вытесняющий капиталистический уклад (из резолюции XVI съезда ВКП(б) о колхозном движении и подеме сельского хозяйства). VI съезд советов Союза ССР указал, что «победоносное колхозное движение решающим образом меняет соотношение классовых сил в Союзе ССР».

¹ Стенографический отчет VII расширенного пленума ИККИ, т. II, стр. 10.

«На основе развертывания сплошной коллективизации советская власть перешла к политике ликвидации кулачества как класса и успешно осуществляет эту политику в течение последнего года. Средняк, вступивший в колхоз наряду с колхозником — прежним батраком и бедняком — превращается в действительную и прочную опору советской власти в деревне» (из резолюции VI съезда советов «О колхозном строительстве»).

Индивидуальное мелкое крестьянское хозяйство сейчас находится в процессе перехода к крупному коллективному производству. Перспектива, стоящая перед каждым мелким крестьянским хозяйством, есть перспектива вступления в колхозы.

«Для того, чтобы стать действительной и прочной опорой советской власти, перед бедняком и середняком-единоличником один путь — путь помощи колхозам, а потом и вступления в колхозы. Съезд советов уверен, что массовый опыт колхозов в кратчайший срок убедит бедняков и середняков-единоличников в выгоде перехода в колхозы и они вступят под колхозное знамя» (из резолюции VI Всесоюзного съезда советов о колхозном строительстве).

Намеченные съездом мероприятия по улучшению работы колхозов (усиление учета, распределение по труду, сдельщина), огромная помощь, оказываемая государством колхозам, мощное развитие промышленности, в особенности тяжелой, терпеливая и настойчивая разъяснительная работа среди единоличников — все это должно обусловить переход все новых миллионов крестьянских хозяйств к колхозам, а с этим и обеспечение расширенного воспроизводства общественного продукта, но уже не при отношениях мелкого товарного хозяйства, а при отношениях социалистического типа.

Ничего не поймет в ходе процесса воспроизводства в СССР тот, кто не учтет этого нового соотношения классовых сил, кто «отвечает» от политики наступления социализма по всему фронту, кто не учтет, что рабочий класс, организованный как политическая власть и руководимый коммунистической партией, проводя непосредственное строительство социализма, наступая на капитализм, изолируя оппортунистов, обуславливает своей деятельностью процесс бурной перестройки общественных отношений, процесс расширенного воспроизводства социалистических отношений и общественного продукта.

Рассмотреть конкретно, как развертывается процесс социалистической реконструкции сельского хозяйства, как выполняется программа в промышленности, как достигаются высокие темпы роста продукции, как должны устанавливаться соотношения I и II подразделений, как преодолеваются трудности роста, в том числе вопрос о кадрах, как завершается построение фундамента социализма — это и значит вскрыть закономерности хода расширенного воспроизводства на новом этапе.

Ограниченным местом, я могу остановиться лишь на некоторых вопросах этой темы.

То обстоятельство, что мы вступили в период социализма, реализует тенденции и закономерности движения к социализму, которые намечались на предыдущей стадии, и в то же время означает переход количества в качество. И здесь необходимо видеть явления в процессе их развития и не забывать про известную двойственность и современное этапа.

Вместе с получением социалистическим сектором абсолютно преобладающей роли процесс производства, а следовательно и процесс

воспроизводства становится в основном непосредственно-общественным. Отношения между производителями устанавливаются на преобладающем абсолютно поле труда не через движение вещей, товаров, а непосредственно, согласно указаниям плана. Постольку процесс воспроизводства совершается не как стихийный результат действий миллионов автономных товаропроизводителей, а как процесс в основном плано-обусловленный.

Характеризуя то новое, что свойственно новой обстановке, важно указать например на огромный сдвиг, на качественно новое содержание в области сельского хозяйства в том смысле, что наступает конец такой категории, как разностный доход, заменявший в наших условиях бывшую дифференциальную ренту.

В условиях СССР национализация земель означает не только уничтожение абсолютной ренты.

С развертыванием колхозного земледелия и советских хозяйств, с выкорчевыванием корней капитализма в сельском хозяйстве и ликвидации кулачества наступает конец тем отношениям, которые вели к этому разностному доходу в сельском хозяйстве.

Маркс указывает, что при социализме налог на общество, находящий свое выражение не только в абсолютной ренте, но также и в дифференциальной ренте, отпадает.

СССР вовсе не обязан оплачивать сельскохозяйственную продукцию по «ценам производства» ее на худшем участке. На известном этапе развития государство может закупать хлеб по ценам, пропорциональным фактической себестоимости, по ценам, исключаящим себестоимость и плановую надбавку. Государство может установить дифференциальные цены для различных районов и колхозов в зависимости от фактической себестоимости. Важно то, что хлеб будет обходиться обществу и уже обходится гораздо дешевле — прибавочный продукт увеличивается, а это имеет большое значение для темпа расширенного воспроизводства.

На новом этапе при огромном сдвиге в смысле охвата планом преобладающей части народного хозяйства общественный продукт продолжает еще сохранять стоимостную, денежную форму. Категория денег и цены отнюдь не отменяется. Деньги и цены продолжают оказывать большое влияние на процесс воспроизводства. При данной системе цен разница между выручкой и себестоимостью определяет возможность расширения производства в данном предприятии, поскольку оно не получает средств от банка, госбюджета и т. д.

Вместе с тем система цен отражает не только условия производства (через себестоимость), но и моменты перераспределения прибавочного продукта между отраслями производства и укладами (дифференцированные цены и т. д.).

Сохраняется форма зарплаты в том смысле, что сознательно выделяемая на непосредственное индивидуальное потребление рабочего часть чистой продукции выдается в виде денег. Это (и не только это) требует наличия у каждого предприятия известной части средств в форме денежных средств. Замедление в ходе производства или какой-либо прорыв грозит остановить предприятие без денег, грозит несвоевременной выплатой зарплаты, а также невозможностью оплатить сырье и т. д. Таким образом план опосредствуется через деньги и цены. Хозрасчет, учет в деньгах и т. д. являются таким образом необходимыми орудиями выполнения планов.

Темпы и пропорции

Мы видели, как в свое время количественные изменения в нашей экономике — вытеснение капиталистических элементов, укрепление социалистической индустрии, кооперирование оборота, первые успехи совхозов и колхозов — перешли в новое качество — полную победу социализма в промышленности, поворот крестьянства к колхозам и т. д.

Новое качество нашей экономики проявляется в переходе к новым этапам развития, к новым нормам накопления — здесь ярко проявляется переход качества в количество.

Вступление в период социализма создает новые возможности, новые источники ускорения темпа расширенного воспроизводства.

Советская экономика вступила в эпоху, которую предвидел Ленин на XI съезде ВКП(б), указывая, что ускорение нашего движения к социализму в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтаем не можем.

Эти растущие темпы обеспечиваются социалистическому сектору в промышленности:

а) бурным процессом обобществления во всем народном хозяйстве, что резко уменьшает долю, присваивавшуюся капиталистическим классом и шедшую для непроизводительных целей;

б) вступлением в период широкой технической реконструкции, обеспечивающей непрерывный рост производительной силы труда;

в) огромным размахом социалистического соревнования и ударе — нового, коммунистического отношения к труду;

г) вводом в действие крупного массива новых предприятий — в 1931 г. должны вступить в действие предприятия с суммой основного капитала в 4 млрд. руб.;

д) успешным разрешением — на основах сплошной коллективизации и насаждения совхозов — противоречия между быстрым темпом роста в государственной промышленности и крайней ограниченностью возможностей расширения мелкокрестьянского производства в сельском хозяйстве — разрешение в основном зерновой проблемы, а в значительной мере и проблемы с.-х. сырья и доступ к разрешению животноводческой проблемы и т. д.

Темп роста продукции зависит от различных факторов. При всех прочих равных условиях темп роста продукции зависит от нормы аккумуляции народного дохода, т. е. от доли народного дохода, идущей на цели расширения воспроизводства — в виде средств производства для постройки новых предприятий или расширения существующих предприятий и средств потребления для дополнительных рабочих (при капитализме речь идет о норме накопления, т. е. об удельном весе накапливаемой прибавочной стоимости во всей прибавочной стоимости).

По мере социалистического обобществления народного хозяйства растет и доля народного дохода, идущая на расширенное воспроизводство.

«Рост обобщественного сектора означает прежде всего сокращение эксплуататорских элементов города и деревни, падение их удельного веса в народном хозяйстве... При росте обобщественного сектора часть народного дохода, шедшая до сих пор для кормления эксплуататорских классов и их челяди, должна остаться отныне в самом производстве, на расширение производства, на постройку новых фабрик и заводов, на улучшение быта трудящихся...» (И. Сталин. Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б)).

Вместе с этим т. Сталин указывал:

«Перестройка технической базы промышленности и сельского хозяйства при социалистической организации производства открывает такие возможности ускорения темпов, о которых не может мечтать ни одна капиталистическая страна».

Процесс социалистического обобществления и технической реконструкции есть единый процесс. Социалистические отношения и промышленность обусловили ее реконструкцию; укрепление и реконструкция промышленности подготовили базу для социалистической переделки сельского хозяйства: последняя властью потребовала новых методов с.-х. производства, предъявила огромные требования на тракторы, машины, потребовала соответствующей перестройки промышленности с.-х. машиностроения и т. д. В этом процессе взаимодвижущей являлась социалистическая промышленность. И процесс социалистического обобществления и процесс технической реконструкции являются факторами, обеспечивающими подымающиеся темпы.

Перестройка технической базы промышленности и сельского хозяйства обеспечивает огромный подымающийся рост производительной силы труда. Рост же производительности труда есть весьма важный фактор увеличения темпов.

В условиях капитализма развитие производительной силы труда в отраслях производства средств потребления непосредственно и в отраслях производства средств производства косвенно вело к росту относительной прибавочной стоимости (а отчасти и абсолютной прибавочной стоимости, поскольку с ростом органического состава капитала увеличивалась резервная армия, двигавшая на зарплату). Рост прибавочной стоимости в условиях капитализма еще не означал сам по себе увеличения нормы и массы накопления. Последняя зависела от фазы цикла, возможности расширения рынка и т. д.

В наших условиях развитие производительной силы труда безусловно ведет к расширению производства. Прежде всего оно позволяет увеличить долю накопления в народном доходе. Если данное количество трудочасов при более высокой производительности труда дает большее количество потребительных стоимостей, то этот прирост может делиться между увеличением потребления работников и приростом прибавочного продукта, идущим на цели расширенного воспроизводства.

Но независимо от этого при той же норме аккумуляции рост производительной силы труда есть также фактор расширенного воспроизводства. Например развитие производительной силы есть фактор расширенного воспроизводства, поскольку оно позволяет известную часть амортизационного фонда пускать на строительство новых предприятий. Например вследствие роста производительной силы труда на 10% делается возможным возвести израсходовавший основной капитал, стоивший раньше скажем 1 миллион рублей — фондом в 900 тыс. руб. Остальные 100 тыс. руб. могут пойти на расширение производства (это относится также и к оборотным фондам).

В I и II томе «Капитала» Маркс дает ряд указаний о том, что масштаб производства, «фоне функционирования капитала» не зависит целиком от размера функционирующего денежного капитала, представляющего необходимую и начальную форму движения каждого капитала. При одной и той же затрате капитала может производиться вновь и переноситься различная стоимость. Например «производительный эксплуатированный материал природы, не составляющий элемента стоимости капитала, — земля, море, руды, леса и т. д. при большем

напряжении одного и того же количества рабочих сил может интенсивно или экстенсивно сильнее эксплуатироваться без увеличения авансированного денежного капитала¹...

«Повышение производительной силы труда, поскольку оно повышает массу продукта — результата труда, позволяет посредством того же количества труда воспроизводить больше постоянного капитала, а следовательно и сохранить стоимость большего количества этого капитала. Но в то же время повышение производительности труда создает новый материал для капитала, следовательно базис для усиленного накопления капитала»².

Здесь со всей ясностью Маркс указывает, каким важным фактором расширенного воспроизводства является рост производительной силы труда.

Имеющиеся данные говорят о том, что мы имели за предыдущие годы в общем повышающийся темп роста производительности труда. Это было фактором, обуславливающим повышающийся темп прироста продукции. Однако темп роста продукции далеко превышал и обгонял прирост производительности труда.

Динамика валовой продукции крупной государственной промышленности и производительности труда

(% отношение к предыдущему году)

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Валовая продукция в млн. руб. по довоенным ценам	4.213	5.034	6.189	12.537
В %	100,0	119,5	122,9	124,0
Средняя выработка на 1 человека в руб. по довоенным ценам	8,45	9,48	10,77	12,49
В %	100,0	112,2	113,6	116,0

Таким образом рост производительной силы труда далеко не являлся единственной причиной роста продукции.

Не только в натуральном, но и в стоимостном выражении мы имели поднимающиеся темпы роста продукции. Они были результатом 1) роста массы накапливаемого прибавочного продукта, 2) более интенсивного использования основных и оборотных фондов (увеличение числа смен, сокращение периода производства и т. д.) и 3) увеличения производительной силы труда (и его качества, квалификации).

В условиях СССР все факторы повышения темпов — рост фонда расширенного воспроизводства (накопительной части народного дохода), рост производительной силы труда и т. д. выступают полностью в свои права и дают в итоге не затухающие, а поднимающиеся темпы развития.

Меньшевистская теория затушевывая кривую, поддерживавшаяся троцкистами и правыми, терпит такой же крах как и теория равновесия секторов.

Вступление в период прямого и развернутого социалистического строительства ознаменовалось переходом и сельского хозяйства к быстрой и нарастающим темпам развития.

Динамика сельскохозяйственного производства

	В % к пред. году						
	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Посевная площадь, уборочная в млн. га	113,0	118,0	127,8	141,5	104,5	108,7	110,7
В т. ч. технические	8,6	8,8	10,6	13,5	102,6	120,0	127,5
Производство зерновых в млн. ц	733,0	717,0	874	986	98,0	122,0	133,0
Капитальные вложения в млн. руб.	344,5	870,0	2.078,8	3.800,0	232,5	259	183,0

Этот переход к новым темпам находит свое объяснение в изменении производственных отношений в сельском хозяйстве. Насаживание совхозов и переход от мелкокрестьянского хозяйства к коллективному создают совершенно новые возможности расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве даже при отсутствии во многих колхозах таких орудий производства как тракторы, комбайны и т. п., а тем более при них. Планомерная организация и кооперация труда, максимальное использование инвентаря, применение крупных орудий производства, применение новейших данных агрономической науки и т. д. — все это увеличивает валовую и чистую продукцию, позволяя увеличить и потребление и прибавочный продукт и далеко расширить процесс производства и шире — новые участки, и глубже — участие обработки, более интенсивные культуры.

Весной 1930 г. посев на один двор составил по Союзу ССР 2,7 гектара у единоличников и 5,2 гектара в колхозах (превышение почти в два раза); по основным зерновым районам у единоличников 3,7 гектара, а в колхозах 7,7 гектара на двор (превышение больше чем в 2 раза); по остальным зерновым районам — у единоличников 2,9 гектара, а в колхозах 4,6 гектара на двор (превышение больше чем в 1½ раза), по потребляющей полосе и национальным районам — у единоличников 2,2 гектара, а у колхозов 2,8 гектара на двор (превышение на 1/3) (см. резолюцию VI сессии советов Союза ССР «О колхозном строительстве»). О значении МТС говорит тот факт, что в колхозах, которые обслуживались машинно-тракторными станциями, яровой клин был расширен в 1930 г. по сравнению с 1929 г. на 1/5; озимый клин колхозов, обслуживаемых МТС, осенью 1930 г. увеличился в два раза.

Здесь особенно ярко сказалось диалектическое взаимодействие производственных отношений и производительных сил. Новые производственные отношения — коллективное социалистическое типа хозяйство, — будучи обусловлено диктатурой пролетариата, укреплением социалистической промышленности, политикой насаждения совхозов и колхозов, сами стали могучим фактором, преобразующим производительные силы. Коллективизация сельского хозяйства предвещает огромный спрос на тракторы, сложные машины, удобрения и т. д. Она требует нового типа работника — тракториста, машиниста, монтера и т. д.

Отсюда необходимость форсированного развития таких отраслей индустрии как тракторостроение, с.х. машиностроение, химическая и т. д. Отсюда и проблема обучения и создания кадров для колхозов и совхозов.

Вступление в период социализма было результатом и обусловило само огромные сдвиги в распределении общественного труда.

Об этих новых пропорциях в распределении труда говорит конечно такая таблица:

¹ Маркс, «Капитал», т. II, стр. 339.

² Там же, стр. 340, разрядка моя.—М. Р.

Отраслевая структура народного дохода СССР:

	1928 г.	1929 г. в перес. 1926/27 г.	1930 г.	1931 г.
Ценовая промышленность с акцизом.	28,0	31,7	33,3	34,1
То же без акциза	23,1	26,2	27,5	28,5
В том числе А.	11,6	13,3	15,4	17,6
Б.	11,5	12,9	12,1	10,9
Мелкая промышленность	4,8	4,9	3,8	2,9
Сельское хозяйство	35,2	29,8	27,3	24,1
Лесное хозяйство	6,8	6,9	7,4	7,2
Рыболовство и охота	1,0	1,2	1,1	1,2
Строительство	6,6	6,9	7,1	7,0
Транспорт	5,9	6,7	7,2	7,4
Торговая	10,9	11,6	11,7	11,1

Мы находим непрерывное — из года в год — увеличение удельного веса промышленности в народном доходе, в первую очередь тяжелой индустрии. На наших глазах СССР превращается из страны аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную. К 1930 г. удельный вес промышленности в народном доходе выравнился с удельным весом сельского хозяйства, а в 1931 г. должен обогнать его.

Удельный вес мелкой промышленности, как видим, уменьшается из года в год. Кооперируясь, мелкая промышленность концентрируется, переходя в разряд так называемой ценовой. СССР становится страной не только самой концентрированной промышленности, но и самого концентрированного, крупного сельского хозяйства.

Как мы видели, из всех отраслей народного хозяйства быстрее всего растет чистая продукция (народный доход) в тяжелой индустрии. Этот процесс индустриализации СССР идет быстрыми и ускоренными темпами, о чем лучше всего говорит задача, поставленная последнему году пятилетия — задача добычи 17 млн. тонн чугуна, что поставит СССР на первое место в Европе.

Вопреки существующему еще кой-где ошибочному мнению и дальнейшее движение нашей экономики (в пределах не только второй пятилетки, но и дальше) будет сопровождаться более быстрым развертыванием производства средств производства по сравнению с средствами потребления.

Намерениями в XIV съезде ВКП(б) политика индустриализации означала такое планоное руководство и регулирование пролетарским государством процесса расширенного воспроизводства, которое обеспечивало более быстрый темп развития тяжелой индустрии и металлопромышленности в первую очередь. Индустриализация СССР должна была обеспечить экономическую самостоятельность СССР, подвести базу под социалистическую реконструкцию промышленности и сельского хозяйства и тем осуществить ведущую и социалистически преобразующую роль индустрии и обеспечить быстрые и удивительные темпы развития всего народного хозяйства.

Необходимо твердо помнить, что без индустриализации, без увеличения удельного веса тяжелой индустрии в общественном производстве неосуществимы и быстрые и поднимающиеся темпы расширения производства.

Замечу, что вопрос о темпах тесно связан с соотношением I и II подразделений. Дело в том, что переход от одного темпа расширения производства к другому более высокому темпу, например от 10% до 20%, при прочих равных условиях требует того, чтобы в общественном продукте повысился удельный вес I подразделения производства орудий и средств производства.

¹ См. статью т. В. Каша в „Экономической жизни“ от 25/III/1931 г.

Действительно. Представим два случая. В одном случае из 1.000 единиц прибавочного продукта идет в накопление 200 единиц, а 800 потребляются как средства потребления административным аппаратом, армией и т. д. В другом случае идет в накопление 800 единиц, а 200 потребляются тем же аппаратом, армией и т. п.

Что означает накопление 200 единиц прибавочного продукта? Это означает, что эти 200 единиц идут для расширения воспроизводства в качестве средств производства, скажем на 150, и средств потребления для дополнительных работников в производстве, скажем на 50: устанавливаются новые машины, строятся новые здания — на 150, а строители этих новых зданий, установщики машин и новые рабочие при этих машинах обеспечиваются из 50 единиц средств потребления.

Итак при накоплении в 200 прибавочный продукт в сумме 1.000 единиц состоял из 150 средств производства и 850 единиц средств потребления.

Однако, если бы из того же прибавочного продукта в 1.000 единиц шла бы для расширения производства не 200 единиц, а 800, эти 800 единиц состояли бы из 600 средств производства и 400 (200 + 200) средств потребления. Итак, чем большая часть прибавочного продукта пускается в накопление, тем больше должен быть в нем удельный вес средств производства, а вместе с этим — выше удельный вес I подразделения в общественном продукте. При этом речь идет не просто о повышении удельного веса средств производства, а о производстве машин, угля, электроэнергии, без которых не приходится говорить об индустриализации.

Экономическая структура СССР обеспечивает возможности гораздо более быстрого развития I подразделения по сравнению с капитализмом.

В капитализме взаимоотношение I и II выражалось таким равенством²:

$$I v + I \Delta v + I K = II c + II \Delta c$$

В социалистическом секторе у нас взаимоотношения I и II могут складываться по такой формуле:

$$lv \vdash l \wedge v = llc \vdash ll \Delta c$$

Как видим, выделение личного потребления буржуазии (и помещиков) высвободило огромную часть общественного продукта. Первое подразделение может оставлять в своем распоряжении больше средств производства (по сравнению с капитализмом).

Выше приведенная формула соотношения I и II подразделений в СССР может подвергнуться известным модификациям под воздействием плана. Например, через изъятие прибыли из легкой промышленности и передачу их в тяжелую индустрию возможно создать такое положение, при котором II подразделение отдаст в I меньше, чем $IV + I + II$, или же получит больше чем $II + I + II$ с т. д. При наличии такого одностороннего потока из II в I может получиться и такое их соотношение.

$$|y+1 \Delta y - 0| = |lc + ll \Delta c| \text{ илн } |y+1 \Delta y| = |lc + ll \Delta c + ll \frac{p}{2}|$$

² К — личное потребление буржуазии; Δc — дополнительные средства производства; Δr — зарплата дополнительных рабочих.

² 0 — одностороннее движение продукта; $\frac{P}{n}$ — часть прибавочного продукта

Конечно известный поток общественного продукта в форме средств производства должен идти из I подразделения во II. Этот поток должен быть таким, чтобы обеспечить восстановление износившихся во II средств производства и обеспечить необходимый — согласно плану — темп расширенного воспроизводства во II. Но размеры этого потока зависят от плана. Этой огромной маневренности, которую дает переход к социалистическим отношениям, в отношении распределения и перераспределения общественного продукта не видят те, которые механически, т. е. без учета своеобразия экономики СССР, переносят схему воспроизводства Маркса в нашу экономику.

Марксова теория расширенного воспроизводства является могучим орудием познания процессов воспроизводства в СССР, но нужно уметь ее применять. Нужно помнить, что схема воспроизводства Маркса показывает, как происходит возмещение составных частей общественного продукта по стоимости и натуре при капитализме. Они дают закономерности соотношения I и II подразделения и законы реализации при капитализме. Применяя эти схемы к нашей экономике, нужно помнить, что своеобразие нашей экономики создает особые условия возмещения общественного продукта, своеобразную закономерность соотношения I и II подразделения и т. д.

Было бы однако ошибкой, подчеркивая решающую роль I подразделения, упускать из виду необходимость абсолютного роста II подразделения. Расширенное воспроизводство требует не только дополнительных средств производства, но и прироста средств потребления для прежних и дополнительных работников. В условиях СССР наряду с гораздо большими темпами развития, требующими относительного роста I подразделения, происходит непрерывный рост реальной заработной платы, сокращение рабочего дня, увеличение числа работающих и общий рост благосостояния трудящихся. Отсюда необходимость быстрого роста производства средств потребления.

Однако необходимые темпы роста продукции промышленности, а также и сельского хозяйства по линии средств потребления могут быть обеспечены лишь на основе создания мощной индустрии и на основе развертывания социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Говоря о том, что «главная проблема — форсированное развитие черной металлургии», что нам нужно к концу пятилетия 17 млн. тонн чугуна, т. Сталин вместе с тем указывал: «это не значит конечно, что мы должны забросить легкую индустрию... До сих пор мы экономили на всем, в том числе и на легкой индустрии, для того, чтобы восстановить тяжелую индустрию. Но тяжелую индустрию мы уже восстановили. Ее нужно только развернуть дальше. Теперь мы можем вернуться к легкой индустрии и двинуть ее вперед ускоренным темпом. Новое в развитии нашей промышленности состоит именно в том, что мы имеем теперь возможность развивать ускорен-

ным темпом и тяжелую и легкую индустрию. Перевыполнение планов хлопковых, льняных и хлопчатобумажных посевов в этом году, успешное разрешение проблемы кедря и искусственного шелка, — все это говорит о том, что мы имеем возможность действительно двинуть вперед легкую промышленность»¹.

Ускоренный темп развития и тяжелой и легкой индустрии не означает одинакового темпа их развития. Он подразумевает более быстрый темп развития тяжелой индустрии.

Увеличение удельного веса тяжелой индустрии не есть только временное явление, обусловленное лишь технико-экономической отсталостью СССР. Оно есть обратная сторона роста производительной силы общественного труда и необходимого условия быстрого роста средств потребления. Поэтому в дальнейшем будет происходить более быстрый рост тяжелой индустрии, чем других отраслей народного хозяйства.

Увеличение производительных сил выражается в том, что, во-первых, уменьшается количество труда, необходимое для производства данного продукта, во-вторых, увеличивается удельный вес прошлого труда кристаллизованного в средствах производства, и, в-третьих, соответственно уменьшается удельный вес живого, непосредственного труда в общей затрате труда на изготовление продукта.

На XVI съезде ВКП(б) т. Яковлев демонстрировал «развертывающийся на наших глазах переворот в методах сельскохозяйственного производства» следующими показателями.

«По производящему Зернотресту на 1930 г. себестоимость одного гектара пшеницы в основном складывается из стоимости металла и нефти: амортизация и материалы (т. е. в основном металл) составляли 34%, нефтепродукты — 17%, семена — 21%, зарплата — 28%. Стоимость обработки одного га МТС... складывается из следующих составных частей: ремонт — 10%, амортизация — 23%, горючее и смазочное — 29%, зарплата трактористов — 11%, административные расходы — 11%, общие расходы — 16%».

Отсюда т. Яковлев делал справедливый вывод, что «в настоящее время сельскохозяйственный продукт является результатом применения человеком к земле металла и нефти. Иначе говоря, основная часть труда, необходимого для производства пшеницы, теперь уже применяется не на поле, как это было раньше, а в металлургических заводах, нефтяных промыслах... Если раньше в нашем крестьянском хозяйстве на обработку одного га... требовалось 230 часов человеческого труда для яровой пшеницы и 281 час для озимой пшеницы, то для обработки одного га в совхозах Зернотреста требуется только девять человеко-часов при двух с половиной часах работы тракториста, а при участии работы и при механизации ряда процессов и укрупнении приемов будет требоваться не более шести часов при двухчасовой работе трактора... оставшая же часть труда, необходимого для производства пшеницы, переводится с поля в рудники, шахты, заводы и на нефтяные промыслы»².

Переворот в методах сельскохозяйственного производства не ограничивается полеводством, он будет развертываться — и уже развертывается — в области животноводства, огородничества и т. д. Неоспорительный труд в производстве хлеба, овощей, мяса, шерсти

¹ Этого не помнит тов. Батников, считавший, что если мы только нарушим капиталистическое равновесие

$$IV + IV + K = II + II + K,$$

мы тем самым приходим к отсутствию необходимости всякого движения продукта из I во II и обратно («Проблемы экономики» 1930 г. № 11-12).

Этому же товарищу следовало бы иметь в виду, что когда Ленин в примечании к работе тов. Бухарина писал: «Даже в чистом коммунизме хотя бы соотношение $IV + II = II + II$ и выполнялось» он был по тем, которые утверждали, что «зона капиталистического общества будет козлом и позитивской экономикой» (Н. Бухарин). Но Ленин вовсе не говорит о необходимости равенства $IV + II = II + II$ для нашей экономики. Он требует изучения закономерностей соотношения I и II, закономерностей расширенного воспроизводства изучения своеобразных закономерностей коммунизма.

² И. Сталин и Л. Каганович. Отчет ЦК XVI съезду ВКП(б), стр. 59.

³ Я. А. Яковлев. Колхозное движение и подъем сельского хозяйства, стр. 52.

⁴ Там же, стр. 52-53.

и т. д. будет уменьшаться при росте труда по производству тракторов, уборочных машин, машин для стрижки, удоя и т. д., труда по производству электроэнергии, которая будет играть все большую роль. Все это будет означать, что для обеспечения быстрого роста производства средств потребления общество должно будет все большую часть общественного труда концентрировать в производстве средств производства — машин, топлива, электроэнергии и т. д. Отсюда и неизбежность более высокого темпа роста продукции тяжелой индустрии.

Курс на индустриализацию СССР, провозглашенный XIV съездом ВКП(б), и установка XV конференции ВКП(б) на то, чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем превзойти уровень индустриального развития переходных капиталистических стран, определили ход и структуру воспроизводственного процесса в СССР за последние годы.

Удельный вес тяжелой индустрии (группа А), как мы видели, продолжал с каждым годом повышаться.

«Предварительные материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1927/28—1929/30 гг.» дают такую картину распределения производства между I и II подразделениями:

	1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.	
	млн. руб.	В % к итогу	млн. руб.	В % к итогу	млн. руб.	В % к итогу
Основные средства производства . . .	5.044,5	8,5	6.087	8,6	9.043	10,6
Оборотные средства производства . . .	27.938,8	48,9	32.780	46,4	39.100	45,5
Итого средства производства	32.983,0	54,4	38.867	55,0	48.143	56,1
Средства потребления	26.513	44,6	31.718	45,0	37.724	43,9

Имеющиеся материалы (нуждающиеся в уточнении) подтверждают таким образом прежде всего наиболее быстрый рост основных средств производства, что является ярким показателем процесса индустриализации.

Расширенное воспроизводство в СССР и проблема кадров

Подымающиеся темпы роста промышленной продукции, огромный размах строительства, приобщение к быстрому темпу расширенного воспроизводства сельского хозяйства, связанно с быстрым увеличением числа рабочих.

Общая численность рабочих и служащих (в тыс.)

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Весь пролетариат	11.500	12.394	14.269	16.300
В том числе промышленность	3.459	3.761	4.511	5.159
" " " строительство	723	923	1.482	2.010
" " " транспорт	1.232	1.314	1.499	1.870
" " " с.-х. сектор	—	1.989	2.158	2.587

При общем увеличении пролетариата на 24% численность рабочих в промышленности увеличилась с 1928 г. по 1930 г. на 30%, на транспорте на 22%, и в строительстве на 98%. В самой промышленности число рабочих увеличилось по группе «А» на 47% и по группе «Б» на 15%.

Огромный рост числа рабочих произошёл в так называемых сезонных отраслях народного хозяйства.

Численность рабочих (в тыс.)

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Сезонные	317	368	640	1.170
Лесозаготовки (вспомог.)	78	95	157	—
Дословла	723	923	1.432	2.010
Итого по отраслям	1.265	1.388	2.627	—

Приведённые данные дают представление об огромном масштабе расширенного воспроизводства в социалистическом секторе. Миллионные армии труда строят новые предприятия в промышленности, поднимают целину на огромных земельных просторах, прокладывают новые железные дороги и т. д.

Вместе с этим огромным размахом социалистического производства встал во весь рост проблема кадров, проблема гораздо более широкая, чем проблема специалистов.

Встает во весь рост задача планового распределения рабочих сил города и деревни, втягивания в производственный процесс всех работоспособных, подготовки и переподготовки обученных работников.

Капитализм, как известно, имеет всегда в своем распоряжении промышленную резервную армию — армию безработных, как неизбежный результат капиталистического накопления. В то время как довоенный капитализм давал абсолютный прирост рабочего класса по крайней мере в городе, послесоветский капитализм в таких странах как САСШ дает абсолютное уменьшение численности рабочего класса и в городе и в деревне. Дело здесь однако не в техническом прогрессе, позволяющем произвести больше продуктов с меньшим числом рабочих. Причиной весьма медленного прироста, а в отдельных странах и падения численности рабочего класса при капитализме является не технический прогресс, а сам капиталистический способ производства. И это лучше всего доказывает тем, что в СССР мы имеем быстрый прогресс техники, техническую революцию, огромный рост производительности труда и, несмотря на это, численность рабочего класса бурно растет.

«Накопление капитала... сопровождается постоянным увеличением его постоянной составной части за счет перенесенной и таким образом относительно уменьшается спрос на труд... Так как спрос на труд определяется не размером всего капитала, а размером его постоянной составной части, то он прогрессивно уменьшается по мере возрастания всего капитала... Концентрация и централизация капитала еще более способствует повышению органического состава капитала. В итоге «капиталистическое накопление постоянно производит и при этом пропорционально своей энергии и своим размерам относительно избыточное... рабочее население или перенаселение» (Маркс, «Капитал», т. I, гл. 23).

Но образование резервной армии позволяет капиталистам увеличить нормы эксплуатации — увеличить рабочий день, усилить интенсивность труда, снизить зарплату и т. д. А это еще больше уменьшает спрос на рабочие руки и увеличивает в свою очередь резервную армию — следствие становится причиной.

«Производство относительного перенаселения... идет поэтому еще быстрее, чем совершается технический переворот производственного процесса... Чрезмерный труд занятой части рабочего класса увеличивает его резервные ряды, а усиленное давление, оказываемое конкурен-

цией последних на занятых рабочих, наоборот принуждает их к чрезвычайному труду и подчинению велениям капитала¹. Это к моменту Маркс придавал огромное значение. «Насколько важен этот момент в образовании относительного перенаселения доказывает например Англия. Ее технические средства сбережения труда колоссальны. Однако, если бы завтра труд повсюду был ограничен до рациональных размеров и для различных слоев рабочего класса были бы введены градации сообразно возрасту и полу, то наличного рабочего населения оказалось бы абсолютно недостаточно для того, чтобы продолжать рациональное производство в его теперешнем масштабе. Огромному большинству «непроизводительных» в настоящее время рабочих пришлось бы превратиться в «производительных»². Итак резервная армия при капитализме обусловлена не просто ростом органического состава капитала, а всей сущностью капиталистического способа производства, который использует орг. состав капитала как средство увеличения эксплуатации рабочего класса и тем еще больше увеличивает резервную армию и эксплуатацию рабочего класса.

В то время как капиталистическое накопление ухудшает абсолютно и относительно положение рабочего класса, расширенное воспроизводство в СССР ведет непрерывно к подлинно благосостоянию рабочего класса. Увеличивается численность рабочего класса, сокращается рабочий день, подымается реальная зарплата, усиливается охрана труда, расширяется социальное страхование и т. д. Несмотря на более быстрый технический прогресс, чем при капитализме, рабочий класс СССР увеличивается весьма быстро. Это объясняется в основном экономической структурой советской экономики, где рабочий класс стоит у власти, где темпы роста продукции растут, где рабочий день сокращается. Вступление в период социализма дало новое качество (и количество) и здесь.

«Огромный успех социалистической индустриализации страны и быстрый темп кооперативного и совхозного строительства привели к полной ликвидации безработицы в Советском союзе и потребовали сотен тысяч рабочих. Недостаток рабочей силы в промышленности и других секторах народного хозяйства уже в этом году превратился в «узкое» место, тормозящее осуществление быстрых темпов «социалистического строительства» (из постановления ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 г.).

Полная и окончательная ликвидация безработицы есть одна из важнейших закономерностей расширенного воспроизводства в СССР в период вступления в социализм, так же как непрерывный процесс улучшения положения рабочего класса был характерен для всех этапов индустриализации. В дальнейшем мы стоим перед перспективой убыстряющегося роста рабочего класса.

Рост производительной силы труда будет выражаться в том, что продукция будет расти быстрее, чем численность рабочего класса. Скажем 45% прирост промышленной продукции в 1931 г. должен сопровождаться приростом числа рабочих в промышленности на 16,7%. Но по действующим темпам роста производства должны сопровождаться все большими приростом и рабочих. Дело однако не только в приросте числа рабочих промышленности. Огромный размах капитального строительства усиливает в еще более возрастающей степени потребности в рабочих для строительства, которое правда само становится отраслью промышленности.

Наконец засаживание совхозов и переход сельского хозяйства к быстрым темпам расширенного воспроизводства при интенсификации сельского хозяйства, росте технических культур и животноводства и т. д. усиливает потребность в рабочей силе и сельского хозяйства. Сокращение рабочего дня до 7 часов, а во вредных производствах и подземных работах — до 6 часов, предстоящее в не столь далеком будущем сокращение рабочего дня до 6 часов — все это также факторы роста числа работников в производственном процессе. «Устранение капиталистического способа производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. При этом однако при прочих равных условиях необходимый труд должен расширить свои рамки. С одной стороны, условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного запаса фонда и фонда накопления»³.

Таким образом расписание рабочего дня на необходимое и прибавочное время с выпадением капиталистического класса отпадает: необходимое время включает и время, необходимое для создания фонда накопления. Величина рабочего дня определяется растущими потребностями рабочего класса и потребностями накопления (а в условиях СССР потребности накопления определяются задачей догнать и обогнать в кратчайший исторический срок капиталистические страны). Это определяет величину рабочего дня при прочих равных условиях, скажем при неизменной производительной силе труда и т. д.

Маркс указывает, что «чем сильнее растет производительная сила труда, тем больше может быть сокращен рабочий день, а чем короче рабочий день, тем сильнее может расти интенсивность труда»⁴. В условиях СССР, вступившего в период социализма, рост производительной силы труда становится фактором сокращения рабочего дня.

Маркс указывает, что «хотя капиталистический способ производства принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил наряду с массой функций, в настоящее время неустраняемых, хотя по существу дела излечимых»⁵.

Действительно если присмотреться к составу так называемых самодельных в капиталистических странах найдем огромное количество взрослых работоспособных людей, стоящих вне производственного процесса. Так общее число «самодельных» в Германии составляло в 1925 г. 35.853.730 чел. (при 40,6 млн. человек в возрасте от 19 до 60 лет). Из них было занято:

В сельском хозяйстве	9.762.426
В том числе: служащих	161.777
хозяев	2.202.861
В промышленности	13.239.213
В том числе: служащих	1.452.293
ремесленников и хозяев	1.785.113
В торговле	2.970.692
В том числе: хозяев	936.186
В государственном аппарате, а также войско, полиция и свободные профессии	1.502.379
Прислуга	1.325.587

¹ Маркс, «Капитал», т. I, стр. 412.

² Маркс, «Капитал», т. I, стр. 412.

³ Маркс, «Капитал», т. I, стр. 412.

¹ К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 506-507, изд. 1930 г.

² Маркс, «Капитал», т. I, стр. 507.

По тем же данным 2.944.872 «самодельных» (а с семьями 4.672.692 человека), в том числе безработные, жили исключительно за счет доходов с имущества, рент, а также пособий. Наконец около 0,9 млн. человек приходится на нищих, взрослых-учащихся, заключенных в тюрьмах и т. д.¹

Итак примерно около 10 млн. взрослых работоспособных людей, получающих самостоятельный доход, стояли вне производственного процесса. А если учесть, что общее число лиц с 15 до 60 лет составляло 40.579.192 человека, то примерно около 15 млн. или больше 5% работоспособных людей стояло вне производственного процесса.

Еще более яркая картина наблюдается в этом отношении в Англии, САСШ, Франции и т. д.

Уничтожение капиталистического способа производства создает возможность сокращения рабочего дня за счет вовлечения в производственный процесс всех работоспособных. При данной интенсификации и производительной силе труда, часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно времени, остающегося для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума, тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми дееспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда...²

Если учесть все эти обстоятельства, то нет никаких оснований говорить о недостатке рабочих при быстром ходе расширенного воспроизводства при социализме. Вовлечение всех дееспособных и огромный рост производительных сил позволяет не только удовлетворить потребность в рабочей силе, но с ростом производительной силы труда сокращать рабочий день.

Своеобразие СССР в том, что здесь преобладающая часть населения работала в мелкокрестьянском хозяйстве, где даже при чрезвычайно низкой технике производства около половины рабочего времени оставалось неиспользованным, а из использованного рабочего времени около четверти уходило на приготовление пищи и домашнюю переработку. Коллективизация сельского хозяйства, с одной стороны увеличивая размеры с.-х. производства и его трудоемкость, увеличивает потребность в рабочей силе. С другой стороны, меняя радикально технику производства, она уменьшает потребность в рабочей силе в самом сельском хозяйстве, что, однако связано с увеличением промышленного производства, производства тракторов, машин и т. д.

Производительность труда в колхозах по сравнению с крестьянским хозяйством (принятым за 100) была такова (данные за 1929 г.³):

Р а й о н ы	Колхозы, связанные с МТС	Колхозы, не связанные с МТС
Средняя Волга	229,0	154,0
ЦЧО	129,5	121,0
Нижняя Волга	204,0	159,0
Северный Кавказ	153,8	146,2
УССР	157,9	126,3

Из этой таблички вытекает, что в колхозах, связанных с МТС, производительность труда увеличилась в 2 и больше раз.

¹ См. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1928, S. 21—24.

² Маркс «Критика», т. I, стр. 412.

³ См. «Плановое хозяйство», 1930 г. № 12, стр. 204.

О росте производительности в связи с механизацией ярко говорят и такие данные:

Количество га, обрабатываемых в день

	Вспашка Бороньба	Посев
1. При работе трактора (данные обследования НИКСХЭ по трем районам: Западный ЦЧО, Северный Кавказ)	2,64	9,98
2. При работе лошадей (данные крестьянских бюджетов по тем же районам)	0,44	1,1

Здесь перед нами рост производительности труда в 5—9 раз. Выше мы приводили данные т. Яковлева о колоссальном уменьшении живого труда в связи с механизацией в совхозах Зернотреста. Затрата живого труда на обработку одного гектара яровой пшеницы уменьшилась с 230 до 6 часов при 2½-часовой работе тракториста.

Эта огромная экономия живого труда в сельском хозяйстве связана с ростом массы труда в промышленности — по выплавке металла, производству тракторов, добыче нефти и т. д. В общем затраты общественного труда для обработки гектара яровой пшеницы во много раз уменьшились, но доля промышленного труда и этой затрате увеличилась.

Из вышеизложенного вытекает два вывода:

1) Огромный рост производительной силы труда в сельском хозяйстве создает такую экономию, которая перекрывает рост потребности в рабочей силе, обусловленный ростом посевных площадей, трудоемких культур и т. д.

2) Встает задача передвижения рабочих сил из деревни в город, точнее из сельского хозяйства в промышленность и строительство. Принятое коллективизация, являясь плановостью в с.-х. производстве, создает возможность планомерного передвижения свободных рабочих сил из сельского хозяйства в промышленность.

VI съезд советов СССР в резолюции «О колхозном строительстве» указал:

«Лучшая организация труда и механизация обработки земли в колхозах должны сопровождаться усилением отходничества для работы в других отраслях (промышленность, транспорт, строительство).

Учитывая огромный недостаток рабочей силы для промышленности, развертывающейся быстрым темпом, VI съезд советов Союза ССР обязывает все колхозы не только не препятствовать отходничеству рабочих в промышленность, но и содействовать отходничеству.

Вместе с тем ставит задачу вовлечения в производство женщин работоспособных членов семей рабочих и служащих, занятых домашним хозяйством, число которых определяется для 1930 г. в 5,25 млн. человек (в 1931 г. это вовлечение составит 0,8 млн. человек), а также задачу перераспределения рабочих внутри отдельных отраслей промышленности и т. д.

Было бы непереносимо поэтому, исходя из современного недостатка рабочей силы формулировать для СССР некий закон недостатка рабочей силы. Современный недостаток рабочих в ряде отраслей хозяйства есть одна из трудностей роста, преодолеваемых активными мероприятиями советского государства.

Недостаток рабочих и особо острый недостаток квалифицированных рабочих является своеобразной диспропорцией между огромными возможностями роста, которые дает вступление в период социализма и отставшей планомерной подготовкой квалифицированной рабочей силы и организацией притока рабочих из деревни.

В то время как капитализм создавал резервную армию и в то же время не мог существовать без резервной армии вследствие своего циклического движения через фазы кризиса, депрессии и подъема, при социализме, которому не присуще это циклическое движение, резервная армия отходит безвозвратно в прошлое историческое прошлое.

Плановое социалистическое хозяйство разрешает таким образом проблему обеспечения расширенного воспроизводства совершенно по-новому — путем технической революции производства, путем огромного повышения производительной силы, вовлечением в производство всех работоспособных, планомерным распределением работников. При этом оно получает возможность дальнейшего сокращения рабочего дня.

Процессы накопления и распределения

Народнохозяйственный план 1931 г. представляет систему директив и мероприятий, опирающихся на успехи первых двух лет пятилетки и имеющих целевой установкой продвигать далеко вперед электрификацию и металл, бросить в сельское хозяйство огромную массу тракторов и машин, добиться абсолютного переноса социалистического сектора в деревне, сомкнуть город и деревню в единое хозяйство, ликвидировать в основных зерновых районах кулачество и закрыть источники зарождения капитала, одним словом завершить постройку фундамента социалистической экономики.

Народнохозяйственный план 1931 г. мобилизует на цели расширенного воспроизводства примерно $\frac{1}{4}$ народного дохода. Сумма, направляемых на расширение производства материальных средств — средств производства и средств потребления — должна составить около 17,1 млрд. руб.

Основным источником обеспечения убывающегося в своем ходе процесса расширенного воспроизводства является соответствующий рост народного дохода при быстром ходе социалистического обобществления.

Рост народного дохода, будучи сам по себе результатом и следствием роста производства, роста производительности труда, роста накопления, является сам причиной, обуславливающей поднимающиеся темпы расширенного воспроизводства.

Последние годы показывали нарастающие темпы прироста народного дохода. Об этом весьма ярко говорит такая табличка:

Народный доход СССР¹

Годы	В млн. довоенных руб.	% к предыдущему году
1913	14,025	—
1926	13,747	—
1927	15,166	110,4
1928	17,017	112,2
1929	18,668	109,7
1929	22,588	121,0
1931	31,239	138,3

Последние годы, как видим, дают особенно яркое нарастание темпов. Эти невиданные в истории темпы объясняются в основном бурно развернувшимися в последние годы процессами социалистического обобществления.

Мы имеем удвоение народного дохода в 4 года. Что особенно важно — это огромный сдвиг в сельском хозяйстве. За 1931 г. сельское хозяйство должно дать прирост народного дохода на 21%.

¹ См. «Экономическая жизнь» от 24/III 1931 г., статья В. Каца.

темпы, невиданный в истории. Если народный доход СССР будет в дальнейшем увеличиваться ежегодно на 40%, то в четыре года мы можем по абсолютному размеру догнать народный доход САСШ.

На новом этапе резко повышается доля фонда накопления в народном доходе, причем преобладающая часть накопления осуществляется в социалистическом секторе.

Об этом процессе говорит такая табличка.

Фонды расширенного воспроизводства и народный доход

	Народный доход в млрд. совет. руб.	Капитальные вложения в общественный сектор, в млрд. руб.	Удельные, вес капитальных вложений в народ. доход, в %	Капитальные вложения во все народное хозяйство, в млрд. руб.	Удельный вес капит. влож. в народный доход
1928 г.	29,898	4,091	13,7	6,4	21,4
1929	31,534	5,872	18,4	8,06	25,2
1930	41,165	9,771	23,7	11,2	27,2
1931	50,493	17,017	33,7	18,37	36,4

В пояснение к этой таблице необходимо заметить, что она не дает точного представления об удельном весе накопления в народном доходе. С одной стороны, капитальные вложения включают амортизацию, т. е. элемент — в основном — простого воспроизводства. С другой стороны, капитальные вложения не включают прироста оборотных средств (материальных и денежных) в предприятиях действующих. Капитальные вложения в общественном секторе должны составить 17 млрд. руб. в т. ч. резерв в 0,6 млрд. руб., (кроме того около 3,5 млрд. руб. предназначается для усиления оборотных средств общественного сектора, а всего 20,5 млрд. руб. Из этой суммы 1,8 млрд. должны составить амортизационные отчисления, 0,8 млрд. расходы на просвещение и здравоохранение и 0,2 млрд. идут на расширение оборотных средств торговых и распределительных органов. Вычитая эти суммы в 2,8 млрд. руб. и резерв в 0,6 млрд. руб. из 20,5 млрд., получаем фонд расширенного воспроизводства в общественном секторе примерно в 17,1 млрд. руб.

Абсолютно преобладающая роль социалистического сектора в области производства вносит качественные изменения и в систему распределения. Поскольку речь идет о распределении средств производства между классами — а такое распределение само включено в процесс производства, — ликвидация кулачества как класса означает экспроприацию его средств производства и передачу их колхозникам. Что касается распределения общественного продукта, то преобладающая часть его проходит через плановую систему или планомерно регулируется (продукция государственной промышленности, товарная продукция колхозов и значительная часть продукции индивидуального хозяйства). Обращаясь к распределению между классами нашего общества народного дохода, находим такую картину:

Таблица дает яркое представление о сдвигах и распределении, обусловленных сдвигами в экономической структуре нашего общества. Растет доля пролетариата. Все быстрее падает доля капиталистических элементов, особенно ликвидируемого на основе сплошной коллективизации кулачества. В огромной мере вырос доход колхозного крестьянства. Наконец огромные темпы роста дает общественный сектор, доходы которого составляют единое целое вместе с

Распределение народного дохода СССР¹

	В миллиардах рублей				Структура дохода в процентах к итогу доходов населения			
	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
А. Не сельскохозяйственное население								
1. Пролетариат	8.563	10.285	13.094	15.752	31,2	36,1	36,2	37,8
В т. ч. рабочие	5.096	6.263	8.027	9.833	18,6	21,6	22,2	23,8
2. Ремесленники и кустари	1.807	1.916	2.192	2.530	6,6	6,7	6,1	6,2
В т. ч. кооперированные	562	771	1.113	1.699	2,0	2,7	3,1	4,0
3. Капиталист. группа	450	305	237	182	1,6	1,1	0,7	0,4
4. Мелкооп. группа (мелкие торговцы)	652	489	535	400	2,4	1,7	1,5	1,0
Б. Сельскохозяйственное население								
5. Сельскохозяй. пролетариат	526	625	844	1.207	2,0	2,2	2,3	3,1
В т. ч. общ. сектор	242	343	657	1.195	0,9	1,2	1,8	2,9
6. Колхозники	260	614	4.921	10.432	0,9	2,2	13,6	25,0
7. Единоличники	13.306	12.460	13.329	10.154	48,5	43,7	36,8	24,4
8. Кулаки	1.400	1.300	500	290	5,1	4,6	1,4	0,7
9. Все население	27.436	28.485	36.198	41.570	100,0	100,0	100,0	100,0
10. Доходы общ. сектора	2.462	3.434	4.907	8.823	—	—	—	—
Всего доходов	29.898	31.939	41.165	50.493	—	—	—	—

доходами пролетариата. Доходы мелководного хозяйства должны составить около 25%, а в неизменных ценах еще меньше — только 18,3%.

Переходя к вопросам распределения, необходимо помнить, что поскольку речь идет о распределении средств производства, это распределение включено само в производство, что распределение является обратной стороной процесса производства.

Абсолютно преобладающая часть общественного продукта производится в СССР при социалистических отношениях производства. Этот общественный продукт должен прежде всего возместить израсходование средств производства, имея для этого соответствующую натуральную форму. Остаточная часть общественного продукта составляет:

- 1) фонд расширения производства,
- 2) страховой фонд и
- 3) фонд потребления.

Все эти 3 фонда совокупно составляют народный доход.

По натуре народный доход состоит таким образом из средств производства и средств потребления.

Соотношение между теми и другими, как мы видели выше, имеет существенное значение, например, чем выше темп расширения производства, тем при прочих равных условиях должен быть выше удельный вес средств производства.

Как мы видели выше, фонд расширенного воспроизводства составлял около 17,1 млрд. руб.

¹ По данным Госплана СССР.

Что касается планового распределения и перераспределения народного дохода, то оно получает выражение на нынешней стадии развития нашей экономики в виде единого финансового плана.

Единый финансовый план является вместе с тем одним из ярких показателей планового характера воспроизводственного процесса в период вступления в социализм. Единый финансовый план 1931 г. качественно отличен от прошлогодних, представлявших лишь сумму частей, не всегда достаточно увязанных.

Единый финансовый план 1931 г. охватывает в единстве государственный бюджет, собственные средства (ресурсы накопления) социального сектора (промышленности, транспорта, совхозов и кооперации) и кредитную систему.

Единый финансовый план представляет собой одновременно план перераспределения народного дохода и финансовое выражение процесса расширенного воспроизводства.

На народный доход в 49,5 млрд. руб. единый финансовый план охватывает 31,1 млрд. руб.

Из общей суммы поступлений в финансы в 1931 г. 31,1 млрд. руб. приходится на собственные средства государственно-кооперативных органов 13,1 млрд. руб., в том числе прибыли промышленности, ж.-д. транспорта и коммунального хозяйства и кооперации — 8,3 млрд. руб., амортизационных отчислений — 1,8 млрд. руб., пая и взысканные средства — 2,5 млрд. руб., средства страховых органов — 2,6 млрд. руб. и т. д., сверх того от налогов почти 11 млрд. руб.

Эти 31,1 млрд. руб. распределяются примерно так: 20,5 млрд. руб. идут на финансирование народного хозяйства, остальные идут на социально-культурные расходы, оборону, управление и резервы.

Общие издержки управления, расходы на оборону должны составлять около 2,370 млн. руб.

«Часть, посвященная общественному удовлетворению потребностей, школам, больницам и пр.» (Маркс, Критика Готской программы), составит около 5 млрд. руб.

Фонд, посвященный содержанию неспособных к труду и временно нетрудоспособных, составит около 2,1 млрд. руб. (по соцстраху, кроме соцобеса).

Часть народного дохода мобилизуется финансовым в качестве резервного фонда. Создается резерв по линии госбюджета в 1,5 млрд. руб., по линии капитального строительства в 0,6 млрд. руб. Доходы Госстраха должны составить 523 млн. руб. при расходах в 274 млн. руб. и т. д.

Это образование резервов не есть явление временного порядка, присущее лишь данному году. Оно будет иметь место и в дальнейшем.

На необходимость предварительного вычета из общественного продукта резервного фонда и фонда обеспечения против несчастных случаев, нарушений, происходящих от естественных бедствий и т. д., указывал Маркс в «Критике Готской программы». Маркс указывал также на то, что с уничтожением капиталистической формы производства резервный фонд средств производства и в особенности средств существования будет необходим как форма контроля общества над вещественными средствами его воспроизводства¹.

В значительной мере создаваемый в нынешнем году резервный фонд должен выполнить именно функцию контроля общества над воспроизводственным процессом и обеспечить соответствие его плану — обеспечить необходимое расширение там, где это остро необхо-

¹ Ср. Маркс, «Капитал», т. II, стр. 459.

димо, но не было предусмотрено планом; предупредить прорыв там, где истощились непредвиденные затруднения и т. д.

Наличие резервного фонда отнюдь не должно снижать энергию по преодолению трудностей, по снижению себестоимости и т. д. Резервный фонд имеет задачей осуществление маневрирования на ходу производственного процесса и создание его вместе с тем требует самой энергичной борьбы за выполнение всех показателей плана каждым предприятием.

В остальной части образование резервного фонда имеет целью изъятие известного количества денег из обращения и укрепление денежного обращения.

В 1929/30 г. имела место большая эмиссия (около 1,6 млрд. руб.), служившая средством покрытия прорывов в связи с недоисполнением плана по некоторым отраслям хозяйства, а отчасти и средством финансирования капитального строительства.

Эта эмиссия создавала спрос на рынке, которому не всегда соответствовало предложение товаров широкого потребления (денежные уходы шли на перекредитование или на финансирование строительства фабричных корпусов, жилищ и т. д., продукция которых получается лишь в следующие годы).

Изъятие денежных излишков в 1931 г. путем некоторого дополнительного налогового обложения и дифференцированных цен должно увеличить соответствие спроса предложению и укрепить червонец.

Мы вступили в период социализма, который в развернутой форме предполагает отмирание денег и переход от стоимостной формы к непосредственному выражению трудового содержания продукта труда в тружущихся.

Своеобразие современного этапа однако в том, что деньги еще остаются общественной силой, правом на часть общественного богатства, в том, что укрепление червонца и выполнение финансового плана играют огромную роль для обеспечения намеченного хода воспроизводства.

Какую огромную роль играют еще деньги и денежная форма общественного продукта, в какой мере деньги остаются еще общественной силой, — можно ярко видеть из следующей таблицы:

Социальные секторы в народном доходе¹
(В процентах к итогу)

Годы	В неизменных ценах 1926/27 г.			В ценах соответствующих лет		
	Государств.	Кооперат.	Частн.	Государств.	Кооперат.	Частн.
1928	43,9	9,8	46,3	38,7	8,7	52,6
1929	48,2	14,1	37,7	45,6	11,0	43,4
1930	52,4	21,3	26,3	46,4	18,3	35,3

Мы находим значительный разрыв между действительными размерами участия классов в производстве и денежным выражением этого участия. Расхождение цен в государственно-кооперативной торговле и «вольном» обороте создавало возможность перераспределения известной части денежных средств, а через них хотя и в гораздо меньшей мере материальных средств в пользу частного сектора.

Пряда это распределение не было окончательным. Через налоги, через дифференцированные цены пролетарское государство изымало обратно огромную часть «конъюнктурных» доходов частного сектора в свою пользу. Так в 1930 г. сельскохозяйством, самообложением и страховыми платежами было изъято из дохода кулаков 24%, из дохода единоличников (кроме кулаков) — 5,64%, а из дохода колхозников — 3,43% и т. д. Окончательная структура народного дохода не совпала с вышеуказанной.

Народнохозяйственный план и составная его часть — финансовый план составляют систему взаимосвязанных мероприятий и опираются на выполнение плана каждым отдельным предприятием.

Невыполнение плана снижения себестоимости по промышленности хотя бы на 1% означает для промышленности ВСНХ выпадение 165 миллионов рублей для финансирования капитальных затрат.

Снижение себестоимости при сохранении тех же отпускных цен (или меньшем их снижении) является крупным источником финансирования процесса расширенного воспроизводства в промышленности. Так за счет снижения себестоимости промышленности ВСНХ должна получить в 1931 г. 1,650 млн. руб. По существу мы имеем здесь своеобразный метод перераспределения народного дохода в пользу промышленности, своеобразный метод мобилизации этой перераспределенной части народного дохода для целей накопления.

Эта часть должна быть отнята от другой части прибыли, получаемой в форме калькуляционной накладки на себестоимость, а фактически представляющей прибавочный труд в промышленности. Впрочем здесь не приходится искать неких строгих стоимостных границ, а следует иметь в виду, что в сложившейся исторически в ходе нашего развития системе промышленных цен переплетаются неразрывно моменты политики и экономики. Важно иметь в виду, что мы крайне заинтересованы в плановом управлении этой системой цен как весьма важным рычагом перераспределения и накопления. Современный этап крайне увеличил значение покупательной силы червонца и требует ее всемерного укрепления. Это остается в силе и для ближайших лет.

Весь народный доход на 1931 г. составляет 50,5 млрд. руб. Он произведен в виде средств производства и средств потребления.

Если весьма условно считать, что 40% капитальных вложений средств производства, а 60% в форме средств потребления (идет строительство, строительство машин, монтаж и т. д.), то общий фонд средств потребления составит около 40 млрд. руб. Из него идет 5,9 млрд. руб. на соц.-культурные нужды, 2,1 млрд. — на соцпар, около 2 млрд. — на госаппарат и Красную армию, около 2 млрд. руб. — резервы; остается 28 млрд. руб., идущие непосредственно производителям как участвующим в производственном процессе в рамках простого воспроизводства, так и дополнительным работникам, работающим в рамках расширенного воспроизводства.

Мы гигантски приближились, но еще не имеем такого положения, о котором писал Маркс в «Критике Готской программы». Экономическая структура нашего общества еще является классовой. Вопрос распределения и перераспределения народного дохода есть еще вопрос классовой борьбы. Крупнейшим источником капитальных вложений является сам общесоциальный сектор. Общесоциальный сектор непосредственно за счет собственных средств вкладывает в капитальное строительство 13,8 млрд. руб., из которых план и при-

¹ См. статью В. Каца, «Экономическая жизнь», 25/III 1931 г.

влеченные средства составляют 2,492 млн. руб. и 1,000 млн. руб. займы, а остальное составляет из прибыли (8,411 млн. руб.), амортизации (1,811 млн. руб.) и т. д.

Получает же общегосударственный сектор от финляндия 18,241 млн. руб., или на 5,2 млрд. больше. Очевидно эта последняя сумма целиком поступает от населения через налоги. Сюда следует добавить около 5,7 млрд. руб. расходов населения на просвещение, здравоохранение, управление и оборону, чтобы получить всю сумму прямых налоговых изъятий.

Как мы знаем, участие населения в налогах является далеко неравномерным. Удельный вес изымаемой надолги части доходов несравненно выше у изданных и кулаков, чем у трудящихся. Необходимо отметить, что поскольку в этих расходах участвует рабочий, «то, что теряет производитель как частное лицо, возмещается ему в виде прямой или косвенной выгоды как члену общества» (Маркс, Критика Готской программы); это относится ко всем трудящимся и не относится к городской и деревенской буржуазии, которую пролетариат ограничивает или начисто ликвидирует как класс.

Перераспределение народного дохода через бюджет, через индивидуальное обложение кулаков, подоходное обложение городской буржуазии, двойные цены и т. д. играют крупную роль как важный фактор жесткого ограничения капиталистического хозяйства и источник социалистического накопления.

Как уже указывалось, из 50,5 млрд. руб. в 1931 г. народного дохода 81,8%, или 40,9 млрд. руб. приходится на долю общегосударственного сектора. Из 50,5 млрд. руб. народного дохода около 18,37 млрд. руб. должно пойти на капитальные вложения, из них 17 млрд. руб., или 92,5% в общегосударственный сектор, в том числе:

В госпромышленность и электрификацию	7,470 млн. руб.
« ж.-д. транспорт	3,185 «
« сельское хозяйство	3,800 «
« аппарат распределения	595 « и т. д.

В итоге этих капитальных вложений, в итоге увеличения числа работников и роста производительности общая картина процесса воспроизводства в социалистическом секторе предстает в таком виде:

Процесс расширенного воспроизводства в социалистическом секторе в 1929, 1930 и 1931 гг.

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Число рабочих, в тыс. чел.	2,090	2,921	3,534	4,206
Валовая продукция, в млн. руб. по ценам 1929/27 г.	14,203	17,577	22,009	29,821
Чистая продукция, в млн. руб.	5,114	6,907	9,766	13,984
В т. ч. зарплата (с начислениями) в млн. руб.	3,536	4,210	5,539	6,745
Капитальные вложения по всей промышленности (включая амортизацию) в млн. руб. по ценам соответ. лет.	1,664	2,278	4,397	6,617

Железнодорожный транспорт

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Эксплуатационная длина ж.-д. сети, в км.	76,887	77,012	77,100	81,000
Численность работников эксплуатации ж.-д., в тыс. чел.	878,7	883,8	954,9	980
Грузовая работа, в млн. ш.	166,2	187,6	237,7	330,0
Выручка ж.-д., в млн. руб.	1,916,1	2,377,1	3,080,5	4,591,4
Народный доход ж.-д. в млн. руб.	1,091	1,318	1,934	2,919
Капит. вложения в цены соответств. лет, в млн. руб.	923,0	1,159,0	1,783,0	3,187,7
Фонд зарплат в млн. руб.		878	1,059	1,203

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Число рабочих, в тыс. чел.	723	923	1,508	2,509
Валовая продукция, в млн. руб.	2,351	3,258,0	4,984	8,900—9,900
Чистая продукция, в млн. руб.	1,772	2,023	2,325	5,012
В т. ч. зарплата (без начисл.)	720	961	1,742	2,900—2,812

Совхозы

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Число рабочих, в тыс. чел.	345	399	694	1,289
Валовая продукция, в млн. руб. по ценам соответствующих лет	208,4	216,9	678,7	2,124,1
Чистая продукция, в млн. руб. в тех же ценах	130	147	414	1,279
В т. ч. зарплата	113	132	377	898
Капитальные вложения, в млн. руб.	174	365	1,001	2,055
В т. ч. амортизация	27	39,2	66,3	143,8
Прирост числа рабочих за год, в тыс.	—	54	295	595
Зарплата всех рабочих, в млн. руб.	—	39,5	260,2	414,7
Все накопление в млн. руб.	—	376,3	1,195	2,336

Колхозы

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Число крестьянских хозяйств, в тыс.	400	1,000	6,000	13,000
Валовая продукция, в млн. руб.	139	395	3,343	7,480
Чистая продукция, в млн. руб.	62	176	2,211	4,196
Капитальные вложения, в млн. руб.	169,9	476,2	1,077,4	1,761,3
Посевная площадь, в млн. га	1,4	4,1	43,2	71,9

Огромное плановое развертывание процесса расширенного воспроизводства не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве является характерной чертой нынешнего периода. Идет бурный процесс насильственного сжатия совхозов и колхозов. Капитальные вложения в совхозы и колхозы уже в 1929 г. достигли 1 млрд., в 1930 г. превысили 2 млрд. руб., а в 1931 г. составили больше 4 млрд. руб., а с вложениями по Тракторостроению достигнут 4,8 млрд. руб.

Принято, как мы видели выше, совхозы, колхозы и МТС дают в финлянд средств на 1,1 млрд. руб., а получают 4,8 млрд. руб. Таким образом прирост средств составил около 3,7 млрд. руб. Принято гос. сектор — совхозы — дает в финлянд 211 млн. руб. и получает 2,440 млн. руб. Сумма «населения» равна 2,219 млн. руб. Фонд расширенного воспроизводства в совхозах в 1931 г. составил, как мы видели, 2,326 млн. руб.; из них 415 млн. руб. идет на зарплату 595 тыс. новых рабочих, вливающих в совхозы.

Пролетарское государство направляет в сельское хозяйство в 1931 г. на 1,2 млрд. руб. машины, тракторы, двигатели и т. д., возводит построек на 1,288 млн. руб., в том числе животноводческих на 460 млн. руб. и т. д. Капитальные затраты по одному животноводству составят 1,366 млн. руб., т. е. равны таковым по угою и черной металлургии вместе взятым.

Эти огромные вложения должны обеспечить преобладающие позиции социалистического сектора в зерновом хозяйстве и мощные позиции в животноводстве (% товарной продукции). В итоге мощного процесса сплошной коллективизации сельское хозяйство в целом даст снова (как и в 1930 г.) значительный темп роста. Продукция зерновых должна дать в 1931 г. 978 млн. ц, из них товарного 285 млн. ц. Принято совхозно-колхозный товарный хлеб составит 173 млн. ц, что не только превышает тот хлеб, который производили кулаки в 1926/27 г. (21 млн. ц), но и тот, который производили помещики и кулаки до войны — 152 млн. ц.

Этим самым разрешается социалистически противоречие между быстрым темпом роста социалистической промышленности и

отставанием мелкокрестьянского хозяйства, которое было одной из основных причин трудностей в области продовольственного снабжения, с.-х. сырья и т. д.

«Мы... вступили в период социализма... хотя до построения социалистического сектора и уничтожения классовых различий еще далеко» (Сталин). Видя новое качество — вступление нашей экономики в период социализма — необходимо видеть, что классы еще имеются, что усиление наступления на капиталистические элементы неизбежно вызывает обострение классовой борьбы в стране и попытки отчаянного сопротивления кулацко-капиталистических элементов.

Намеченный на 1931 г. гигантский процесс расширенного воспроизводства не может осуществиться сам собою, самотеком. Он может осуществиться лишь при строгом проведении генеральной линии партии, при напряжении всех сил рабочего класса и колхозников, при решительном продолжении наступления на капиталистические элементы, при непримиримой борьбе с оппортунистами как «ленинскими», так и в особенности с правыми, представляющими классовую агентуру кулачества в партии и главную опасность на современном этапе.

Таково уж своеобразие, такова уж закономерность воспроизводственного процесса в СССР, что стоит «отвечаться» от политики как не будут решены те великие задания, которые мы себе поставили.

Схоластика таких теоретиков, как Т. Е. Преображенский, выражаясь едва ли не наиболее ярко в том, что они рассматривали закономерности нашего экономического развития как закономерности «чисто экономических», развивающиеся в основном вне влияния политики, т. е. по существу как закономерности стихийного движения, не отличающегося принципиально от закономерностей капиталистического развития.

На самом деле движение нашей экономики к социализму совершалось отнюдь не стихийно, а обуславливалось политической и мероприятиями пролетарского государства.

На новом этапе мы получили господство над всеми рычагами народного хозяйства. Воспроизводственный процесс определяется в основном нами как процесс расширенного воспроизводства общественного продукта при огромном росте отношений социалистических, перелоде простого товарного хозяйства в колхозы и ликвидации (в деревне) и быстром вытеснении (в городе) остатков эксплуататорских классов. Мы направляем этот процесс, учитывая точно и делая практические выводы из того, что «мы вступили в период социализма, но вместе с тем мы не жили еще и непа с его особенностями. Как марксисты мы не должны забывать, что, вступив в период социализма, мы еще не порвали целиком со всем тем, что было у нас вчера» (Молотов, доклад на VI съезде советов СССР).

Отсюда огромное значение устойчивых денег, хозрасчета, дисциплины, распределения по труду и т. п. для обеспечения процесса воспроизводства как процесса завершения построения фундамента социализма. Хозрасчет на современном этапе является огромной важности орудием выполнения народнохозяйственного плана. Он должен обеспечить проверку количества и качества работы рублем. Он должен обеспечить выполнение плана накопления, намеченного снижения себестоимости, своевременную выплату зарплаты, выполнение договоров, улучшение руководства предприятием и правильную организацию производства.

Диалектика требует и в теории и в политике охвата изучения и учета всех сторон процесса, всех процессов, всех связей и «опосредствований». И именно потому, что мы учитываем все своеобразие современного этапа как этапа вступления в социализм и в то же время последнего этапа непа, что мы разрешили вопрос «кто кого» в промышленности и разрешаем его успешно в сельском хозяйстве, именно потому, что мы учитываем точно соотношение сил, что мы бесспорно боремся с оппортунистами и героями самотека, мы имеем полное основание вместе с VI съездом советов утверждать:

«В нашей стране вопрос о победе социализма решен и победа социализма в Союзе ССР полностью обеспечена».

Победа наша обеспечена и потому, что мы учитываем то основное звено, которое является на данном этапе особенно важным, решающим. Это звено сегодня есть овладение техникой.

Выполнение народнохозяйственного плана 1931 г. будет обеспечено, если мы учтем огромное значение этого лозунга. «Техника в период реконструкции решает все» (И. Сталин). Нами твердо усвоена мысль, что решают темпы. Между тем темпы расширенного воспроизводства в данных условиях зависят в огромной мере от хода технической реконструкции, от правильного технического руководства, от трудового энтузиазма трудящихся.

«Мы решили ряд труднейших задач. Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупнейшую социалистическую индустрию. Мы повернули серединка на путь социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: научить технику, овладеть наукой. И когда мы сделаем это, у нас пойдут такие темпы, о которых сейчас мы не смеем и мечтать. И мы это сделаем, если захотим по-настоящему» (И. Сталин).

План 1931 г. и проблемы лесной промышленности¹

1. Программа производства на 1931 г.

По принятому партией и правительством народнохозяйственному плану на 1931 г. лесная промышленность должна изготовить и вывезти следующие количества древесины (в млн. кубометров):

	Деловой		Дровяной		Всего	
	Заготовка	Вывоза	Заготовка	Вывоза	Заготовка	Вывоза
Союзлеспром	160	158	80	75	240	233
Цулес	24	24	11,5	11,5	35,5	35,5
Самозаготовители	8	8	3	3	11	11
Итого	192	190	94,5	89,5	286,5	279,5

Такова программа на 1931 г. Но в виду того, что в особом квартале программа заготовок и вывозки не была выполнена, программа 1931 г. с расчетом покрытия этого прорыва увеличивается по всей лесной промышленности с 286,5 млн. до 323,9 млн. кубометров по подготовке и с 279,5 млн. до 302,4 млн. кубометров по вывозке.

По выработке пиломатериалов программа 1931 г. установлена в следующих размерах (в млн. кубометров):

Союзлеспром	30,5
Цулес	3,1
Кооперация	2,9
Прочие	3,4
Всего	39,9

По фанере программа 1931 г. намечает выработку 541 тыс. кубометров. Все производство фанеры целиком сосредоточено в промышленности ВСНХ.

По прочим видам деревообработки (мебель, клепка, ящики, лыжи, строительные детали, сапожные колодки и пр.) объем продукции, вследствие разнообразия номенклатуры и разнокачественности изделий, обычно определяются не мерой, а ценой. На 1931 г. намечено производство на 230 млн. руб. в неизменных ценах 1926/27 г.

¹ Редакция считает необходимым подвергнуть обсуждению ряд пожеланий автора по поводу перспектив развития лесной промышленности. Ред.

Вся валовая продукция одного лишь Союзлеспрома по программе 1931 г., не считая покрытия прорыва особого квартала, составит в ценах 1926/27 г. 3.376 млн. руб. (в том числе заготовка 2.242 млн. и деревообработка 1.134 млн. руб., что составляет 12,1% валовой продукции всей промышленности ВСНХ и 19,8% валовой продукции тяжелой промышленности).

Чтобы по-настоящему оценить размах всех частей производственной программы лесной промышленности на 1931 г., нужно вспомнить, что в год, предшествующий началу пятилетки, т. е. 1927/28 г., заготовка деловой древесины составляла всего-навсего 41 млн. кубометров против 192 млн., запроектированных на 1931 г., пилопродукция — 11,5 млн. кубометров против 39,9 млн., а стоимость всей валовой продукции трестированной лесной промышленности в ценах 1926/27 г. равнялась 837 млн. руб. против 3.376 млн. руб. в 1931 г.

Таким образом третий год пятилетки по сравнению с 1927/28 г. дает рост по заготовке деловой древесины на 368,3%, по пилопродукции на 247,2% и до стоимости валовой продукции трестированной лесной промышленности на 303,3%.

2. Производственная программа 1931 г. и пятилетка

В свете этих темпов особый интерес представляет сопоставление производственной программы 1931 г. с пятилеткой, утвержденной V съездом советов.

По заготовке деловой древесины было намечено на последний год пятилетки — 1932/33 — 125 млн. кубометров. Но уже на второй год пятилетки — 1929/30 — план наметил заготовку в размере 108,7 млн. кубометров, фактически же было заготовлено даже 113,8 млн. Таким образом по заготовке деловой древесины лесная промышленность уже во втором году пятилетки лишь немного недополнила задания на последний год пятилетки. А в 1931 г. — в третьем году пятилетки — лесная промышленность, выполнив заданную ей программу заготовок в 192 млн. кубометров деловой древесины, обогнал наметку последнего года пятилетки на целых 52%.

По производству пиломатериалов намечалось на последний год пятилетки 42,5 млн. кубометров. Программа же 1931 г. намечает 39,9 млн. кубометров, т. е. уже третий год лишь на 6% недополняет программы последнего года пятилетки.

Все же совершенно очевидно, что по производству пиломатериалов дело идет у нас значительно слабее, чем по заготовке деловой древесины.

Однако, так как лесная промышленность, кроме пиломатериалов, производит с каждым годом все больше других видов и более дорогой продукции (мебель, строительные детали, ящики, стандартные дома и пр.), то по стоимости валовой продукции в неизменных ценах 1926/27 г. производственная программа 1931 г. сильно обгоняет наметки пятилетки. На последний год пятилетки стоимость валовой продукции по лесным трестам ВСНХ намечалась в 2.803 млн. По плану же 1931 г. она составит 3.376 млн. руб., или на 17% больше последнего года пятилетки.

Из этих сопоставлений следует, что хотя производство пиломатериалов и сильно отстает в темпах от других отраслей лесной промышленности, но в целом вся пятилетка лесной промышленности по продукции с избытком выполняется в три года.

При заготовках в 41 млн. кубометров деловой древесины в 1927/28 г. пятилетка проектировала на последний год ее 125 млн., т. е. рост на 200%. Пилопродукцию же против 11,5 млн. кубометров в 1927/28 г. для последнего года она намечалась в 42,5 млн. кубометров, т. е. ростом на 270%. Но так как процент выхода пилопродукции на общей массе заготовленной деловой древесины хоть и колеблется, но в довольно узких пределах, то намеченный в пятилетке разрыв в темпах между заготовкой деловой древесины и пилопродукцией довольно явно говорит об умышленно запроектированном дефиците сырья в 26%.

Разрывы сознательно проектировались не только внутри самой лесной промышленности, но и между нею и другими отраслями хозяйства. Наиболее тесно с лесной промышленностью связано конечно строительство, так как оно поглощает больше половины пилопродукции и весь тот круглый лес, который может идти как строительный. И разрыв между темпами, которые проектировались пятилеткой для лесной промышленности, и темпами, которые проектировались для строительства, особенно велик. В общественном секторе чистое строительство, т. е. строительство без учета стоимости оборудования, поглотило в 1927/28 г. 2.582 млн. руб. На последний год пятилетки проектировалось 12.465 млн. руб. Таким образом рост строительства намечался на 383%.

По заготовкам же деловой древесины рост, как мы видели проектировался на 200%. Разрыв тут намечался следовательно на 48%.

Такого же характера, хотя и несколько меньший разрыв мы имеем между темпами строительства и темпами пилопродукции. Против 383% роста строительства пятилетка проектировала рост пилопродукции, как указано выше, на 270%. Это дает разрыв на 29,5%.

Таких разрывов можно указать еще несколько, но и приведенных двух достаточно, чтобы наглядно показать наличие двух установок — установки на минималистские темпы и установки на создание узких мест, т. е. на точное выполнение директив «промпартии» и «торгпрома».

Особенно конечно опасным был намеченный разрыв между заготовкой деловой древесины и производством пиломатериалов, с одной стороны, и строительством, с другой, так как строительство ведь и есть база индустриализации и социалистического переустройства СССР.

Ниже мы в другой связи увидим наличие еще некоторых приемов вредительства в проектировках пятилетки лесной промышленности.

Из года в год мы имеем дефицит пилопродукции для строительства, а в 1931 г. имеем уже дефицит и в круглом строительном лесу. По расчетам сектора материальных балансов Госплана СССР для строительства на 1931 г. нужно 26 млн. кубометров пиломатериалов и 35,8 млн. кубометров строительного леса, а может быть, отпущено для него 21 млн. кубометров пиломатериалов и 32,4 млн. строительного леса. Таким образом дефицит по пиломатериалам составляет 5 млн. кубометров, или 19,2%, и по круглому лесу 3,4 млн. кубометров, или 9,5%.

Еще один характерный показатель вредительских установок в проектировании пятилетки лесной промышленности. Заготовка деловой древесины в последнем году пятилетки намечалась, как указано выше, в 125 млн. кубометров. Кроме того намечалась заготовка дров в количестве 59,8 млн. кубометров. Таким образом вся заготовка намечалась в размере 184,8 млн. кубометров. Количество же населения на 1932/33 г. намечалось в 169,2 млн. человек. Это дает потребление древесины на душу всего в размере 1,09 кубометра. Такая проектировка

делалась при лозунге «догнать и перегнать» и давалась в области, где при наших лесных богатствах догнать и перегнать передовые капиталистические страны представляет наименьшие трудности.

Чтобы оценить вредительство такой установки в проектировке потребления древесины, надо указать, что в Норвегии душевое потребление древесины составляет 3,3 кубометра, в Швеция — 3,7, в САСШ — свыше 6, в Финляндии — около 8,5 кубометра.

3. «Сырцовская» пятилетка

Совершенная недостаточность госплановской лесной пятилетки выявлялась почти сейчас же после утверждения. Пятый съезд советов только в апреле 1929 г. утвердил пятилетний план народного хозяйства, а уже в июне того же года была создана правительственная комиссия по главе с т. Сырцовым для составления новой пятилетки лесной промышленности. Эта «сырцовская» пятилетка в своих проектировках была гораздо смелее госплановской пятилетки. На 1932/33 г. она намечала заготовку деловой древесины не в 125, а в 180 млн. кубометров и выпуск пилопродукции не в 42,5, а в 52,7 млн. кубометров. Однако и ее мы в 1931 г. по заготовкам перекрываем полностью, а по пилопродукции сильно обогнали. По заготовкам деловой древесины план 1931 г. намечает 192 млн. кубометров, а «сырцовская» пятилетка на 1932/33 г. намечала 180. По пилопродукции план 1931 г. намечает 39,9 млн. кубометров, а «сырцовская» пятилетка только 35,1.

Между прочим, лесная пятилетка Сырцова проектирует характеристику для правого оппортуниста потухающую кривую, хотя уже во время работ над пятилетним народнохозяйственным планом она называлась в партии резкий отпор. Это отчетливо видно и по проектировке заготовок и по проектировке пилопродукции. Она намечала:

	1929/30 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
Заготовка деловой древесины					
В млн. кубометров	62	108	135	162	180
Рост в процентах к предыдущему году	—	74,2	25	20	11,1
Производство пиломатериалов					
В млн. кубометров	15,5	24	35,1	44,6	52,7
Рост в процентах к предыдущему году	—	54,8	46,2	27,1	18,1

Что касается разрыва между заготовкой деловой древесины и производством пиломатериалов, то и он имеется в «сырцовской» пятилетке, хоть и в гораздо меньшей степени, чем в госплановской, к которой приложил руку вредитель Майер. По «сырцовской» заготовка в 1932/33 г. составит 180 млн. кубометров против 41 млн. в 1927/28 г., т. е. рост на 339%, а производство пиломатериалов — 52,7 млн. кубометров против 11,5 — увеличение на 358,3%. Разрыв таким образом и в конце пятилетки составляет 5,4%.

Теперь, после разоблачения право-«левацкого» блока Сырцова — Ломинадзе, вполне понятно, почему и сырцовская пятилетка лесной промышленности оказалась в достаточной степени минималистской.

В действительности же наши годовые планы выражались в следующих цифрах:

	1928/29 г.	1929/30 г.	1931 г.
Заготовка деловой древесины			
В млн. кубометров	62	108	192
Рост в процентах к предыдущему году	—	74,2	77,7
Производство пиломатериалов			
В млн. кубометров	15,5	24	39,9
Рост в процентах к предыдущему году	—	54,8	66,2

Как видно, никаких затуханий до сих пор нет и в помине. Большевикская действительность, усилия пролетариата, соцсоревнование, ударничество отшвырнули предельские проектировки Майеров и насмелились над оппортунистической нерешительностью Сырцова.

4. Задачи лесной промышленности в 1931 г.

Программа лесной промышленности на 1931 г. огромна во всех своих частях, но наибольшие трудности представляет программа лесозаготовок в 286,5 млн. кубометров, а с покрытием прорыва особого квартала достигающая 323,9 млн. кубометров деловой древесины и др.

Уже в 1929/30 г., когда заготовлено было только 181,1 млн. кубометров, потребовалась армия в 560 тыс. лесорубов, 650 тыс. возчиков и лошадей, 600 тыс. сплавщиков. А для выполнения программы 1931 г. надо свыше 900 тыс. лесорубов, 1,2 млн. возчиков и до 1,3 млн. сплавщиков. Приращение таких армий на лесные и сплавные работы не только вредно отражается на других отраслях хозяйства, отдаленая от них столь дефицитную теперь рабочую силу, но создает и колоссальные трудности при завозе продовольствия, фуража и промтоваров в глухие лесные районы. Но самое главное — это то, что заготовки в подавляющем большинстве ведутся в таких районах, где ни рабочей, ни грузовой силы нет, и куда ее поэтому надо завозить на других, иногда очень отдаленных районах.

Трудности, связанные с рабочей силой, ее переброской, снабжением и т. д., настоятельно требуют развертывания рационализации и механизации всех производственных процессов. И СТО своим постановлением от 26 января 1931 г. наметил в этом отношении целый ряд мероприятий.

Рационализация. Производительность труда лесоруба у нас недопустимо мала. На лесоруба в рабочий день у нас приходится в среднем 2—2,3 кубометра, а в Швеции и Финляндии — 6—8. Помимо почти полного отсутствия механизации заготовок, совершенно недостаточного развития соцсоревнования и ударничества, такая низкая производительность труда наших лесорубов в немалой мере объясняется неправильной организацией труда.

У нас лесорубы обычно работают попарно. Одна и-та же пара выбирает дерево для валки, подпалывает его, валит, очищает от сучьев, отпиливает верхину, распиливает на бревна и другие сортаменты, очищает от коры и подтаскивает к тому месту, откуда его забирает возчик.

Разнообразие производственных операций, производимых одной и той же парой лесорубов, и связанная с этим необходимость беспрерывной смены инструмента и приемов работы чрезвычайно сильно понижают производительность труда.

Совсем иное получается, когда вместо работы парами вводится бригадный метод работы, который состоит в том, что один рабочий только отмечает деревья для валки и сваленные размечает для раскряжевки, другой только очищает сваленные деревья от сучьев, третий только очищает от коры, пара рабочих только валит деревья, другая пара только распиливает хлысты на бревна. Этот метод работы, довольно широко испытанный уже в 1930 г., дает поразительные результаты, доводя производительность труда до 5-7, часто до 9-10, а в ударных бригадах даже до 10-12 кубометров в день на человека.

Благоприятным условием для введения в настоящее время бригадного метода является все усиливающийся рост колхозного движения. Колхозники, отучаясь в своем сельском хозяйстве от прадедовских навыков индивидуализма и приучаясь к коллективному труду, становятся более восприимчивыми к бригадному методу. И первые бригады лесорубов действительно образовались из колхозников.

Следует указать, что эта мера имеет и политическое значение. Объединяя в бригадах преимущественно бедноту, мы изолируем кулака, решительно отделив рубку от возки, что далеко еще не везде проведено полностью, и, создавая ядрами коллективного труда, содействуя тому, чтобы работающие в бригадах крестьяне, вернувшись после лесозаготовок к себе в деревню, легче перешли в колхозы. Выше указывалось, что именно колхозники, приучившись к коллективному труду у себя в деревне, первыми вступили в бригады лесорубов. Но когда бригадный метод разовьется, тогда тут получится взаимодействие. Вчерашний колхозник сегодня станет бригадником, а сегодняшней бригадник завтра станет колхозником. И этого значения бригадного метода тоже не следует недооценивать. Следует еще учесть, что бригады являются прекрасным способом принести соцсоревнование и ударничество, которые до введения бригад очень туго принимались на лесозаготовках.

Постановление СТО от 26/1 1931 г. объявляет лесную промышленность в течение 1931 г. полностью перевести на бригадный метод лесозаготовки во всех основных районах.

Бригадный метод применим не только к заготовке, но и к вывозке.

Обычно лошади идут обозом, причем в обоз попадают и более сильные и более слабые лошади. В результате весь обоз вынужден равняться по более слабым лошадям. Если же всех лошадей разделить на группы и в каждую группу включить лошадей одинаковой силы, то работа обоза из такой однородной группы будет гораздо более продуктивной.

Правильное распределение лошадей по группам и правильная расстановка этих групп на участки, которые по дальности возки соответствуют силе лошадей, чрезвычайно увеличивает количество вывозки на каждую лошадь, а следовательно сокращает потребность в лошадях и возниках.

Дальнейшего сокращения количества возчиков можно добиться, если иметь по вознику не на каждую лошадь, а на 3-4 и 5 лошадей, что в условиях обоза особенно легко.

При таком сокращении числа возчиков необходимо только ввести еще одну разновидность работ — бригады навалщиков и свальщиков, так как один возчик не справится с нагрузкой и разгрузкой

4,5 саней. Но введение этого дальнейшего разделения труда увеличивает использование лошадей, которые теперь, когда всю нагрузку и разгрузку саней производит один возчик, санником долго во время этих операций простаивают без работы.

Однако постановление СТО от 26/1 не требует полностью ввести бригадный метод на вывозке леса уже в 1931 г., как это сделано в отношении бригадного метода на заготовках, а предлагает только приступить в 1931 г. к его введению. Постановление СТО только в отношении собственного обоза лесных трестов категорически предписывает немедленный переход на бригадный метод вывозки. В отношении же возчиков-крестьян предлагает только приступить к введению этого метода.

Однако надо указать, что только от энергии и организационного умения самих трестов и их работников на местах зависит быстрота введения бригадного метода вывозки.

Все дело в том, чтобы администрация леспромпхозов хорошо понимала значение этих мер и энергично и настойчиво ввязалась за их осуществление и чтобы профсоюзные и особенно партийные организации на местах возглавляли эту работу и умело руководили ею.

Следующей очень существенной мерой, рационализующей лесозаготовку и сокращающей потребность в рабочей силе, является предписанное тем же постановлением СТО от 26 января 1931 г. доведение числа постоянных лесорубов не меньше чем до 75 человек в каждом леспромпхозе.

Так как всех леспромпхозов имеется у нас свыше 600, то при осуществлении этого постановления общее количество постоянных лесорубов дойдет до 45—50 тыс. человек. Даже такое количество, очень скромное по сравнению с миллионной армией лесорубов, имеет очень существенное значение¹.

Ни в какой другой отрасли хозяйства текучесть рабочей силы не достигает таких колоссальных размеров, как на лесозаготовках. Редко какой лесоруб работает на одном и том же лесозаготовительном пункте месяц под ряд. Зато часты случаи, когда лесоруб, проработав только 3—4 дня, уже переходит на другой лесозаготовительный пункт, либо даже совсем возвращается к себе в деревню. Такая текучесть не дает рабочему возможности по настоящему приспособиться к месту и инструменту, сработаться с товарищами по работе и проявить ту производительность, на какую он способен. Рабочий же, постоянно живущий на лесозаготовительном пункте и ни с каким другим делом не связанный, быстро вырабатывается в настоящего пролетария. В нем скорее вырабатывается пролетарское отношение к труду, и производительность у него гораздо выше, что доказано и на опыте. Поэтому наличие даже таких скромных кадров, как 75 постоянных рабочих на леспромпхоз, имеет очень существенное значение для улучшения всей работы. Кроме того постоянные лесорубы служат наилучшим ядром для создания бригад, и, имея такую базу, как 75 постоянных лесорубов, очень легко вокруг них организовать в бригады до 500 человек и больше. Бригады же в свою очередь являются прекрасным средством для сокращения текучести, так как члену бригады труднее пойти на то, чтобы своим уходом нарушить ее слаженность и тем навредить на себя недовольство собригадных.

¹ Уже после того, как эта статья была дана в печать, СТО 25/II постановило удвинуть это число и обязало Союзлеспром довести число постоянных лесорубов до 150 на леспромпхоз. То же постановление предписывает ввести бригадный метод вывозки кроме собственного обоза еще и для котловиков.

Все перечисленные до сих пор меры являются мерами чисто рационализаторскими, но дают огромный эффект. Бригадный метод на заготовках уменьшает потребность в рабочей силе в 2-3 раза и даже больше. По той же линии идет и создание постоянных кадров лесорубов, имеющее кроме того и политическое значение, так как этим путем в медвежьих утлах создаются пролетарские центры, которые сыграют не малую роль в социалистической перестройке этих медвежьих угол. Наконец бригадный метод вывозки, в 1½-2 раза сокращающий потребность в лошадях и еще больше в возчиках, является также только мерой по рационализации работ.

Механизация. Но одна только рационализация не решает вопроса об увеличении производительности труда в такой степени, чтобы разрешить трудности с привлечением необходимого количества рабочих. Кроме рационализаторских мер необходимо еще и максимально механизировать все процессы труда на лесозаготовках, вывозке и сплаве.

В настоящее время важнейшими из механизмов, обслуживающих заготовки, являются механические пилы, древопильно-дровокотные и шпалдорезные станки, окорочные машины. Все они облегчают труд, все они дают больший или меньший эффект в смысле сокращения потребности в рабочей силе и снижения себестоимости. Однако эффект этот гораздо меньше, чем эффект от описанных выше рационализаторских мероприятий. Поэтому при всей желательности как можно полнее насытить заготовки этими машинами, с сей час гвоздь все же не в них, а в этих рационализаторских мероприятиях.

Особенно неотложной задачей является механизация вывозки — это понятие то «звено, ухвативши которое мы вытесним всю цепь» и одолеем все трудности, связанные с невероятно бурным ростом наших заготовок. Одна механизация вывозки может произвести подлинную революцию во всем лесозаготовительном деле и сократить количество потребных рубщиков, возчиков и лошадей в размерах, которых мы даже не представляем себе. Однако не всякая механизация имеет тут одинаковое значение.

Тракторная вывозка по лесным дорогам есть конечно один из видов механизации. 60-сильный трактор в Америке и Канаде вывозит за сезон 15 тыс. кубометров при дальности возки в 10—15 км, заменяя таким образом 20—30 лошадей и столько же возчиков. Правда тракторная возка у нас еще дело молодое, шоферов и ремонтных мастеров нужной квалификации у нас еще недостаточно, правильно организовать тракторную возку мы еще не умеем и потому фактически вывозим на тракторе много меньше половины того, что он может вывезти. Это конечно не страшно. Делу мы научимся и вывозить будем не меньше, чем вывозили в Соединенных штатах и Канаде. Но тракторная вывозка не полностью решает вопрос механизации вывозки, так как она ограничена сравнительно небольшим периодом морозов. И если этот период на Севере, в Сибири и в ДВК тянется месяцев пять, то в таких районах, как Ленинградская, Западная, Ивановская, Центральная-черноземная, Средневожжская область, Нижегородский край, Урал, он тянется только 3-4 месяца, а на Украине, в Белоруссии, на Сев. Кавказе еще значительно меньше. Кроме того иногда посреди зимы наступают оттепели, во время которых ледяные дороги тают, и тракторы вынуждены стоять в бездействии, как это было например в большинстве районов даже архангельского севера в ноябре-декабре 1929 г. и в течение большей половины января 1930 г. В общем на основании опыта периодом тракторной вывозки принято считать

100 дней в год. Одного этого достаточно, чтобы тракторную возку по ледяным дорогам не считать полным решением задачи механизации вывозки.

Полным же решением вопроса может быть только такой метод, который даст возможность производить вывозку круглый год, независимо ни от времени года, ни от погоды. А таким методом может быть только обычная железная дорога, узкоколейка, подвесная однопорельсовая дорога и лежневая дорога.

Подвесная однопорельсовая дорога имеет преимущества перед узкоколейкой. Она не требует никаких земляных работ и мостов, так как все неровности почвы она нивелирует путем разной вышины опорных столбов, а овраги и небольшие реки для нее не имеют значения, потому что вагоны с грузом все равно идут в воздухе, подвешенные на прогонах, уложенных на опорные столбы. Она удобна также тем, что не боится ни заносов, ни затопления пути во время таяния снега. Наконец она требует в три-четыре раза меньше металла, чем узкоколейка, что при нынешнем нашем дефиците металла имеет немаловажное значение. Важно еще и то, что, не требуя ни земляных работ, ни искусственных сооружений, она может быть построена с максимальной быстротой. В настоящее время у нас работают две такие дороги — в Нижегородском крае и недалеко от Рязани.

Лежневые дороги состоят из уложенных в два ряда простых бревен, скрепленных при помощи деревянных жатей и имеющих наверху выдолбленное вдоль всего пути углубление, по которому летом идут колеса телеги. Зимой же в углубление наливаются немного воды, которая замерзая превращает лежневую дорогу в ледяную. Таким образом по лежневой дороге возка может идти круглый год, но зимой она требует постоянной уборки снега, что в районах частого снегопада сильно удорожает ее эксплуатацию. Хотя по лежневой дороге из-за большего трения лошадь может тащить меньше груза, чем по узкоколейке, и еще меньше, чем по подвесной однопорельсовой, и хотя дорога требует частых ремонтов, так как составляющие ее бревна легко расшатываются, но ее достоинство состоит, вопервых в том, что для ее постройки никаких материалов кроме леса, имеющегося на месте, не требуется, и, во-вторых, в ее дешевизне. Такие дороги работают у нас в Нижегородском крае и в Забайкалье.

В среднем надо считать стоимость 1 километра узкоколейки в 25—30 тыс. руб., подвесной однопорельсовой дороги в 10—12 тыс. руб. и лежневой в 4-5 тыс. руб.

Если принять во внимание, что нам уже теперь надо бы иметь около 60—70 тыс. км этого вида дорог, а с ростом заготовок, года через два-три потребуются больше 100 тыс. км, то ясно, что об узкоколейках в масштабе полной потребности мы сейчас ни по запасам металла, ни по финансовым соображениям мечтать не можем, так как для этого потребовалось бы от 1,5 до 2,5 млн. тонн металла и от 1,5 до 3 млрд. рублей.

Постройка подвесных однопорельсовых дорог потребовала бы примерно втрое меньше и металла и вложений. Следовательно и их постройка послужит нам лишь постепенно. Но ввиду их большой целесообразности к их постройке надо приступить теперь же.

Лежневые же дороги мы уже и сейчас можем строить, считаясь только с финансовыми ресурсами, так как материала для них имеется в лесу сколько угодно, а постройка их даже в масштабе всей потребности потребует всего от 120 до 200 млн. руб.

Учтя все это, СТО в постановлении от 26 января 1931 г. предлагает:

1. Немедленно приступить к постройке лежневых дорог с таким расчетом, чтобы уже к 1 июля 1931 г. было проведено не менее 3.000 км этих дорог¹.

2. Построить в 1931 г. не менее 1.000 км подвесных однопорельсовых дорог и постройку их вести с таким расчетом, чтобы в течение первой половины 1931 г. большинство их вступило в работу.

Это постановление кладет прочное начало полной механизации вывозки в течение немногих лет. Очень важно, что на опыте постройки этих 4.000² км мы создадим кадры строителей подвесных и лежневых дорог и при помощи этих кадров сможем уже в 1932 г. взять в этом деле настоящие разгоны.

После этих кратких пояснений нетрудно понять, в чем будет состоять революция в лесозаготовительном деле, которую внесет полная механизация вывозки.

1. Раз можно будет вывозку производить круглый год, то нет никаких резонов и заготовку не производить тоже круглый год. А это значит, что на один и тот же объем заготовок потребуется примерно вдвое меньше рубщиков, а если учесть эффективность бригадного метода, то при полном его введении потребность в рубщиках сократится в четыре раза по сравнению с существующей.

2. При вывозке узкоколейками, подвесными и лежневыми дорогами миллионная армия возчиков вместе с их лошадьми становится излишней. Для хозяйственных же нужд и для мелких работ по подтяжке бревен к механизированной дороге достаточно и собственного обоза леспромохов и сравнительно небольшого числа лебедок с двигателями.

3. В таких условиях уже нетрудно было бы подобрать и постоянные кадры настоящих «потомственных пролетариев».

В результате дело лесозаготовок перешло бы на рельсы чисто промышленной организации, и работа на них очень мало отличалась бы от любой промышленной работы.

Всего этого можно и нужно о достичь на протяжении немногих лет. И прочное начало этому кладет постановление Совета труда и обороны от 26 января о постройке в 1931 г. 4 тыс. км подвесных и лежневых дорог³. Пока же мы дальше тракторов и ледяных дорог не шли, при всей рациональности этих мер по сравнению с возкой на крестьянских лошадках по обыкновенным дорогам мы все же ни на шаг не приближались к переводу лесозаготовок на работу в течение круглого года, а только такой переход по-настоящему революционизирует эту отрасль хозяйства.

Кроме рубщиков и возчиков нам требуется еще миллионная армия сплавщиков. Решение этой проблемы выходит за пределы 1931 года и будет дальнейшим этапом работы по механизации в лесной промышленности. Но уже сейчас можно указать, что возможности механизации сплава имеются значительные.

Сплавочная машина при 16 рабочих связывает 1.500—1.600 бревен в час, т. е. сокращает потребность в рабочих в 8—12 раз. Сорти-

¹ Уже после того, как эта статья была написана, СТО увеличило эту программу до 5.000 км и кроме того обязало ВСНХ построить еще 1.000 км узкоколейных.

² А после указанного в предыдущем примечании постановления СТО это составляет уже 7.000 км.

³ Еще крупнее этот шаг после постановления СТО от 3/III, упомянутого в предыдущих примечаниях.

ровочная машина при 30 рабочих сортирует на воде до 120 тыс. бревен в смену. Элеватор при 4-5 рабочих выгружает из воды и грузит в вагоны до 30 вагонов в смену.

Крупнейшее значение для сокращения потребности в сплавишках имеет сокращение длительности сплава. Поэтому надо максимально сократить движение плотов самосплавом и максимально увеличить количество плотов, идущих тягой за буксирным пароходом, что требует значительного увеличения постройки буксиров.

5. Капитальные вложения 1931 г.

После всего сказанного понятно будет то распределение капитальных вложений в лесную промышленность, которое запроэкспортировано в плане 1931 г.

Союзлеспрому по его кредитам	273,6 млн. руб.
Ему же специально на организацию производства строительных деталей, стандартных домов, деревянных труб и т. п. за счет отчислений от всех строителей	19,4 " "
Целлесу по его кредитам	34,0 " "
Всего	327,2 млн. руб.

Из 293,2 млн. руб., ассигнуемых Союзлеспрому, 97,3 млн. руб., или 33,2% всех вложений, идет на так называемое промышленное освоение лесов, т. е. на постройку ледяных и лежневых дорог, покупку тракторов, оборудование собственного обзона, механизацию заготовок и сплава, ялостроительство и т. д.

Если же прибавить 20 млн. руб., которые в силу постановлений СТО от 26/I и 25/III 1931 г. о постройке дорог отпущены дополнительно, и около 12 млн. руб., ассигнуемых на мелиорацию рек и совершенно неправильно включаемое освоение лесов составит по Союзлеспрому свыше 129 млн. руб., или свыше 40% всех вложений¹. Высокий удельный вес этой статьи подчеркивает величайшее значение, которое на нынешнем этапе имеет освоение лесов. И очень показательно, что из этих 129 млн. руб. больше половины (65 млн. руб.) назначено на рационализацию и механизацию возки, 30,9% (39,5 млн. руб.) на механизацию сплава и мелиорацию рек и только меньше 3% (3 млн. руб.) на механизацию налки и разделки.

Следующей по удельному весу статей является строительство новых заводов (преимущественно продолжаемое с прошлого года), на что намечено 89 млн. руб., или меньше 30% капитальных вложений. Правда, дефицит в пиломатериалах для строительства 1931 г. намечается в размере 5 млн. кубометров, правда, что надо поэтому всемерно форсировать строительство лесопильных заводов, но правда и то, что, как ясно из всего предыдущего изложения, без решительных мер по рационализации и механизации заготовок, вывозки и сплава мы не сможем обеспечить сырьем заводы, даже если и построим их. Поэтому, учитывая крайнюю ограниченность лимита, назначенного лесной промышленности на 1931 г., пришлось ограничить строительство новых заводов, чтобы больше средств бросить на освоение лесов.

¹ Упомянутое в предыдущих примечаниях постановление СТО от 3 марта еще значительно увеличило удельный вес, так как кроме дополнительной постройки 2,600 км лежневых и 1,000 км узкоколейных дорог постановление вносит еще довольно крупные затраты на механизацию заготовок и сплава.

В подавляющем большинстве строительство заводов ведется только для окончания того, что начато было в прошлом и позапрошлом году. Вновь начинается строительство только 6 новых заводов (3 лесопильных, 2 лесохимических и 1 фабрика сапжовых колодок) да несколько новых цехов при существующих заводах. Из 85 объектов строительства (заводов и цехов) только 36 являются чисто лесопильными. Остальные 49 — это фанерные, мебельные, обзобные, лыжные, лесохимические и т. д. На части этих 49 строится также устанавливаются лесопильные рамы, но лишь в качестве вспомогательных цехов. За самым ничтожным исключением все эти заводы вступают в работу в 1931 г., и подавляющее большинство даже в первой половине года. В общем это составит 156 вновь установленных рам с производительностью около 4 млн. кубометров пиломатериалов. Кроме того Целлес строит несколько заводов с 18 рамами, которые дадут около 500 тыс. кубометров пиломатериалов.

Наконец в связи с реконструкцией и расширением существующих заводов (на что идет свыше 35 млн. руб.) их производительность увеличивается почти на 2 млн. кубометров пиломатериалов, хотя новые рамы устанавливаются при этом только 19.

Таким образом в результате строительства новых заводов и реконструкции существующих мы будем иметь установленными 193 рамы и добавочную производительность около 6,5 млн. кубометров пиломатериалов.

По той же причине ограниченности лимита и острой необходимости максимум средств уделить освоению лесов и строительству заводов совсем обижено в 1931 г. лесное хозяйство. На лесное хозяйство уделяется меньше 42 млн. руб. (против 55 млн. руб. 1929/30 г.). Но если 12 млн. руб., намеченных на мелиорацию рек, перенести из статьи «лесное хозяйство» в статью «промышленное освоение лесов», что будет правильно по существу, то на лесное хозяйство останется всего около 28 млн. руб.

Остальные 30 с лишним млн. руб. капитальных вложений по Союзлеспрому идут на капитальный ремонт, жилищное, коммунальное и культурно-бытовое строительство при заводах, на постройку ФЗЗ, техникумов и вузов, на проектирование, на научно-исследовательские работы.

Из всех этих затрат нужно особо отметить одну, идущую по линии научно-исследовательских работ. Это — скромная сумма всего в 400 тыс. руб., идущая на работы по брикетированию хвойных отходов, а также отбросов лесозаготовок и лесопиления.

Идея брикетирования хвойных отходов еще в 1919 г. была поддержана Лениным. Первая машина, задуманная еще в 1920 г., после долгой борьбы с разными противодействиями, в том числе и с ирредентизмом, теперь наконец готова и вступает в работу во втором квартале 1931 г. Но это — машина на колесах и может брикетировать только лесные отходы, для которых дробилка и сушилка требуются менее мощные, так как эти отходы не столь крепки, как оставшиеся от заготовок вершины и сучья, и содержат вдвое-втрое меньше влаги, чем они и даже чист опилки. Кроме того машина на колесах при весе в 25 тонн может передвигаться в лесу далеко не везде и во всяком случае с большим трудом.

Поэтому, пуская в работу первую машину и на опыте ее работы производя в ней нужные усовершенствования, надо одновременно строить, во-первых, такие же машины на гусеничном ходу (проект такой машины в мае-июне 1931 г. будет готов), во-вторых, машины

с более мощной дробилкой и сушилкой для брикетирования опилок и отходов лесозаготовок.

Кроме того, так как собирание отходов граблями требует много рабочей силы, то теперь, когда первая машина уже начинает работать, наступило время подумать и о механизации сбора, хотя, судя по крупному опыту сбора вручную 30 тыс. тонн отходов, брикеты и при ручном сборе отходов все же обойдутся потребителю дешевле дров.

Всего по линии брикетирования намечено построить в 1931 г. десять машин разных типов (на гусеничном ходу, для отходов, для опилок и т. п.) и по линии сбора отходов несколько механических граблей и несколько всасывающих аппаратов.

Значение этой работы в случае ее успеха, в случае, если на деле будет доказана ее экономическая целесообразность (а это в высшей степени вероятно), видно из того, что по плану вся добыча угля в 1931 г. должна дать 83 млн. тонн, а один лесные отходы только в среднем полдосе европейской части СССР могут при брикетировании дать даже большее количество топлива, причем хвойные брикеты имеют до 4.500 калорий, т. е. раза в полтора больше, чем подмосковный уголь. Капитальные же затраты для этого потребуются в десятки раз меньше, чем в угольной промышленности. Кроме того отбросы лесозаготовок могут дать (только в той же средней полосе) около 30 млн. тонн, да опилки и прочие отбросы лесопиления и деревообработки 10—12 млн. тонн. Дальше нужно указать, что, развернув брикетирование, мы сможем сократить заготовку дров как топлива, обращая их в сырье для химической переработки. Огромное значение будет иметь и колоссальная разгрузка транспорта, которая получится от заготовки таких количеств местного топлива. Наконец повсеместное наличие такого прекрасного топлива имеет немалое значение и с точки зрения обороны.

6. Перспективы 1932 г.

Совет труда и обороны постановлением 16 января 1931 г., подтвержденным и в упоминавшемся уже постановлении от 26 января, поручил Союзлеспрому и Цулесу «в двухмесячный срок представить в Госплан СССР план мелноразличия сплавных путей, механизации лесных массивов и строительства новых заводов на 1931, 1932 и 1933 гг.» и Госплану «в десятидневный срок рассмотреть этот план и представить в СТО».

Из того, что в этом постановлении говорится о выработке плана и на 1931 г., хотя план 1931 г. был утвержден уже до этого постановления, ясно, что СТО, учитывая перспективы 1932 г., считает необходимым не ограничивать лесную промышленность теми 293 млн. руб., которые намечены для нее утвержденным планом на 1931 г.¹

Правильно сказал т. Сталин в политическом отчете ЦК XVI съезду партии: «Только бюрократы могут думать, что плановая работа заканчивается составлением плана. Составление плана есть лишь начало планирования. Настоящее плановое руководство развертывается лишь после составления плана, в ходе осуществления, исправления и уточнения плана».

¹ В предыдущих примечаниях уже указано, что СТО постановлением от 3 марта, не ожидая представления этого плана, предписал ряд точно перечисленных работ по механизации заготовок, вывозки и сплава сырья плана 1931 г. Можно уверенно сказать, что после рассмотрения составлявшегося теперь плана СТО предпишет и строительство заводов сверх плана 1931 г.

И действительно именно составленный уже план 1931 г. дал нам возможность увидеть прорывы, грозящие нам в 1932 г. И потому только «после составления плана развертывается настоящее плановое руководство».

Теперь дело за лесной промышленностью. Надо, чтобы она с честью и в срок справилась с заданием правительства от 16 января 1931 г. и представила достаточно обновленный план, правильно развернутый по срокам выполнения¹. Составление такого плана и энергичное его осуществление есть первая из очередных боевых задач лесной промышленности, которую она должна разрешить, чтобы не задержать общих темпов нашего социалистического строительства.

При решении этой задачи ей надо однако держать курс не только на механизацию, требующую и больших капитальных вложений и длительного времени, но и на максимальную рационализацию работ, которая может быть проведена очень быстро и либо вовсе не требует вложений, либо требует их в сравнительно ничтожных размерах.

В области лесозаготовок такими рационализаторскими мероприятиями в первую очередь являются:

1. Полное и повсеместное отделение возки от рубки, до сих пор еще не везде и не полное осуществленное.

2. Полное введение бригадного метода на заготовках — не только в основных, но и во всех без исключения заготовительных районах.

3. Введение бригадного метода на вывозке не только для собственной обода и для жолхозников в полном объеме, но и для гужа единоличников, хотя бы в размере 40—50%.

4. Приступ к введению бригадного метода и на сплаве, пристальное изучение всех его форм и энергичное проведение тех из этих форм, которые будут одобрены самими массами сплавщиков.

5. Переход на работу в течение круглого года во всех местах, где будут построены узкоколейные, подвесные и лежневые дороги, с осуществлением такого перехода немедленно после окончания постройки дорог.

В области заводской работы главнейшими рационализаторскими мерами являются в настоящее время две: во-первых, введение трехсменной работы и непрерывки на всех без исключения лесопильных, фанерных и деревообрабатывающих заводах, во-вторых, переборка всех заводов, находящихся в районах, недостаточно обеспеченных сырьем и потому работающих не в полную меру своей производственной мощности, в районы, вполне обеспеченные сырьем. Обе эти меры дадут в 1932 г. изрядное количество дополнительной продукции. Что введение трехсменной и непрерывной работы даст в этом отношении крупный эффект, ясно и без пояснений. Менее ясен этот эффект от переборки заводов из районов, дефицитных по сырью, в районы, сырьем обеспеченные. Поэтому здесь надо кратко осветить тот результат, какой будет получен от такой переборки.

Многие из деревообрабатывающих лесопильных заводов, которые до образования Союзлеспрома в августе 1930 г. были во владении многочисленных организаций, так до сих пор и не собраны еще Союзлеспромом и фактически им не планируются.

Всего таких лесопилок, находящихся вне ведения Союзлеспрома и Цулеса, имеется свыше 800 с количеством рам свыше 1.000. Из сопоставления этих двух цифр видно, что все это — лесопилки мелкие.

¹ Надо констатировать однако, что и через месяц после истечения срока ВСНХ доклада еще не представил.

Правда, что и рамы на этих заводах большей частью устаревшие и слабые. Все же 1.000 рам, хотя бы большей частью и слабых, могут дать не мало пилопродукции. Но многие из этих заводов находятся в таких местах, где леса уже в значительной мере вырублены и потому из-за нехватки сырья большую часть года не работают, а следовательно не дают стране и того количества пилопродукции, которое могли бы давать, если бы их перевести в места богатые лесом. По некоторым приблизительным подсчетам они в благоприятных по сырью условиях могли бы дать дополнительно около 3 млн. кубометров пилопродукции.

Еще хуже, что и у самого Союзлеспрома многие заводы тоже находятся в районах с истощенными лесами и потому тоже не дают всего того количества пилопродукции, какое по состоянию своего оборудования могли бы давать. И Союзлеспром обязан конечно озаботиться правильным размещением не только своих, но и всех вообще лесопильных заводов с таким расчетом, чтобы каждый из них мог работать в меру полной мощи своего оборудования. Такая переборка может дать несколько миллионов кубометров пиломатериалов.

Госплан и ЦК союза лесдревработчиков вошел по этому вопросу с докладом в Совет труда и обороны, предлагая возложить на Союзлеспром обязанность учесть совместно с НК РКИ все заводы, недостаточно загруженные, и разработать план переборки этих заводов в районы, обеспеченные сырьем, независимо от того, кому эти заводы принадлежат в настоящее время. И надо надеяться, что в течение 1931 г. этот дефект лесной промышленности будет если не полностью, то в значительной мере изжит.

Однако необходимо указать, что в отличие от вышеуказанных мер рационализации заготовок и вывозки эти две меры рационализации заводской работы потребуют не мало капитальных вложений. Что их потребует переборка заводов, ясно само по себе, но их потребует и введение трехсменной и непрерывной работы. Прежде всего это вызовет рост числа рабочих, а в связи с этим и рост расходов на жилищное строительство. Кроме того это вызовет и крупные расходы на паросиловое хозяйство и на замену изношенных частей оборудования новыми.

Но как бы велики ни были эти затраты, они все же дадут и более быстрый и более крупный эффект, чем такие же затраты на постройку новых заводов.

Союзлеспром не мало уже сделал в направлении перевода заводов на трехсменную и непрерывную работу, но именно недостаточность капитальных вложений помешала ему дойти в этом деле до конца. И надо дать ему возможность в кратчайший срок довести его до конца. Надо также дать ему возможность осуществлять переборку как своих, так и чужих заводов, которые из-за дефицита в сырье работают с неполной загрузкой. Эти две меры значительно облегчат решение задач 1932 г.

7. Задача лесной промышленности в перспективе

Выше были обрисованы б и ж а й ш и е задачи лесной промышленности. В связи с необходимостью обеспечить требования всего нашего хозяйства это прежде всего быстрая и решительная рационализация заготовок, вывозки и использования наличного заводского оборудования и основательная подготовка к тому, чтобы уже через короткое время сделать очень крупные шаги в механизации вывозки

и сплавки, а также невиданными еще темпами развернуть строительство заводов.

Но кроме этих ближайших задач, перед лесной промышленностью стоит еще целый ряд крупнейшей народнохозяйственного значения задач, решение которых требует более длительного времени. Среди этих задач на первое по важности место надо поставить задачу полного использования живого леса и древесины.

Кроме древесины живой лес может дать огромное количество таких ценнейших продуктов, как сок сосны, из которого получается скипидар и канифоль, кедровые и буковые орешки, масло которых может полностью покрыть потребность всей страны в растительном масле, хвою, из которой получаются ценнейшие эфирные масла, кора ели и других пород, из которой получают дубители для кожи, и еще целый ряд видов сырья для разных отраслей промышленности.

Не только живой лес, но и срубленное дерево используется нами далеко не полностью. На лесозаготовках имеются большие потери древесины — отбросы, которые в виде сучьев, вершин, коры и шпел достигают 20—30% объема срубленного дерева. Эти отбросы не только удорожают себестоимость заготовленной древесины, но еще и захлывают лес, мешают доступу воздуха в почву, что вредно отражается на скорости и количестве прироста древесины, способствует размножению вредных для леса насекомых и грибов и ведет к заболачиванию почвы. Чтобы со всем этим бороться, надо либо тщательно очищать лес от всех отбросов лесозаготовок и сжигать их, что требует извешней затраты труда и средств, либо, что конечно неизмеримо выгоднее для народного хозяйства, использовать эти отбросы путем их переработки.

Не меньшие потери имеем мы и в использовании древесины на лесопильных и деревообрабатывающих заводах. Отходы и отбросы лесопильных в виде опилок и обрезков составляют у нас до 42% пущенного в распиловку бревна и редко опускаются до 36—32%. Не мало опилок и обрезков дает также производство ящиков, мебели и другие отрасли деревообработки. Все эти обрезки и опилки могут быть почти без остатка использованы посредством частью механической, частью химической переработки, но наши лесные тресты делают только первые шаги в этом направлении. Обрезки досок и горбыли частично идут на выделку ящиков и стружки. Из сердцевин березы, остающейся после выделки фанеры, начали производить болванки для ниточных катушек. Обрезки фанеры частично идут на выделку игрушек и кое-какой мебели. Как уже указано выше, подготавливаются опыты прессования опилок в брикеты. Но все это — только первые и совершенно недостаточные шаги. Между тем, если бы все отходы и отбросы лесопильной и деревообрабатывающей промышленности, составляющие до 40% потребленного ею сырья, были использованы, это не только дало бы огромное количество нужнейших продуктов, между прочим и для экспорта, но и сильно уменьшило бы себестоимость продукции.

Чтобы постепенно ликвидировать размер этих потерь, необходимо самым самым образом нацелить на развитие одних производств и вновь создать целый ряд других.

Надо всемерно форсировать столь долго затянутающееся дело брикетирования лесных отходов и заводских отбросов. Надо форсировать создание на лесопильных заводах цехов для использования отходов лесопильных — реек, концов бревен и досок, горбылей и т. д. — на производство ящичной тары, стружки, наметельников и прочей ме-

лочи. Надо энергично развивать подсобку и строить канифолио-скипидарные заводы, а также заводы сухой перегонки дерева, главным образом пней и других отходов лесозаготовок. Надо форсировать производство дубителей не из древесины дуба, которая может найти себе иное применение, а прежде всего из коры дуба, ели, ивы и пр. и из отходов их заготовки.

Надо самым тесным образом связать лесопиление, особенно на крупных 6—12 рамных лесопильных заводах и в центрах скопления хотя бы меньших лесопильных заводов, с производством древесной массы, целлюлозы и бумаги, так как это производство сможет без остатка использовать отходы лесопиления и как топливо и как сырье. Только половина отходов лесопиления полностью покрывала бы всю нынешнюю потребность бумажной промышленности в сырье. И только косищность, ведомственностью и непониманием общих народнохозяйственных интересов можно в таких условиях объяснить то упорное противодействие, которое этой уязвке оказывают многие хозяйственники и профсоюзные работники.

Надо от слов перейти к делу и начать у нас производство фибры, месонита, корма для скота (путем осахаривания по способу Бергмуса) и т. д. и т. д.

Насколько мы еще отстаем в использовании древесины, видно из того, что в нашем лесоскорме кругляк лес составляет по стоимости больше трети, а в Финляндии около 12%, а Швеции 4-5%, а Норвегия и совсем не вывозит круглого леса. Зато Финляндия за древесную массу, целлюлозу и бумагу получает 35% своей выручки от лесного экспорта, Швеция 56%, а Норвегия даже 85%. А какую выгоду в виде добавочного количества валюты получили бы мы при облагораживании нашего лесного экспорта, видно из того, что кубометр сырья стоит за границей в виде круглого леса 4—6 рублей, а в виде пиломатериалов 11—13 рублей, в виде целлюлозы 17—20 рублей. При этом кроме гораздо большей валютной выручки мы имели бы и несравненно меньшие валютные расходы по фрахту на кубометр сырья.

Что касается фибры, то достаточно показательно, что в Соединенных Штатах, где производство ее началось всего несколько лет тому назад, оно теперь превосходит производство фанеры и все сильнее вытесняет ее из употребления, так как она легче и дешевле ее, а во многих случаях и гораздо удобнее. К тому же она делается не из перекластной древесины, как фанера, а преимущественно из отбросов.

Почти то же можно сказать и о месоните. Путем химико-механической обработки опилок месонитовые доски можно получать любой прочности, твердости и гибкости. При этом благодаря ничтожной (а у нас теперь даже нулевой) стоимости сырья-опилок, себестоимость месонита невелика. Поэтому он все сильнее расширяет поле своего применения.

Такова часть тех огромных задач в области использования сырья, которые стоят перед лесной промышленностью. Второй ряд не менее крупных задач стоит перед ней в области рационализации потребления дерева.

Тут на первом месте надо поставить пропитку древесины. Как это ни странно с первого взгляда, но при одинаковом весе дерево дает больше прочности, чем всякий другой материал. Надо только сделать его не менее долговечным. А в этом отношении пропитка творит чудеса. Непропитанные сосновые шпалы служат 4—6 лет, еловые только 2,5—4 года, телеграфные столбы 7—9 лет. Пропитанные

же крезотом сосновые шпалы служат 16—18 лет, а при благоприятных условиях климата и почвы даже гораздо больше (в Америке кое-где даже до 40 лет, т. е. примерно вдвое дольше, чем уложенные на них рельсы), почти столько же служат и еловые шпалы. Телеграфные столбы, пропитанные крезотом или фтористым натрием, служат 22—35 лет в среднем, а в отдельных случаях и гораздо больше. Так например на телеграфной линии Вашингтон-Норфолк, построенной в 1897 г., т. е. 34 года тому назад, за все время из нескольких тысяч столбов пришлось сменить только несколько штук.

Но если в области пропитки шпал мы еще более или менее вооружены, то мы ровно ничего не делаем для пропитки дерева, идущего на другое назначение. В результате мы имеем колоссальные, буквально миллиардные потери в нашем хозяйстве. У нас ежегодно расходуется сотни тысяч кубометров дерева на крепление угольных, железорудных и иных шахт. Шахтная стойка служит 1-2 года. Пропитанная же она может служить 6—8 лет. Мы строим ежегодно на сотни миллионов рублей деревянные дома и другие здания и сооружения. Пропитка вдвое и второе увеличила бы срок их службы. На Нью-Орлеанской ж. д. например мост через озеро Понтчартрен длиной в 10 километров целиком, включая и опорные столбы, построен из дерева и благодаря хорошей пропитке служит уже 49 лет, а у нас не только железнодорожные мосты, но и жилые дома не выдерживают такого срока службы.

Ясно, какую колоссальную экономию древесины может дать хорошо поставленная пропитка. И динать это дело, организовать его, всерьез развивать и отыскивать все новые области применения пропитанного дерева должна конечно только лесная промышленность. Теперь пропиткой занимается у нас только НКПС, но он пропитывает только шпалы. Начинает ставить пропитку НКГВТ, но только телеграфных столбов. Но это конечно не решает вопроса пропитки в целом. И только лесная промышленность как обслуживающая в с/х потребителям может и должна охватить дело пропитки во всех его разветвлениях.

Пропитка дает не только экономию древесины. Она может сэкономить и сотни тысяч тонн металла в год. По расчетам Энергоцентра замена железных опор на линиях электропередач деревянными экономит нам 40 тыс. тонн металла за 1931 год. В дальнейшем же с ростом электростроительства экономии будет еще больше. НКГВТ на один 1931 год нуждается в 20 тыс. тонн металла для телеграфных крючьев, но металлические крючья можно с успехом заменить пропитанными деревянными штырями. Потребность в железных и чугунных трубах для водопроводов, канализации и промышленных нужд только на 1931 г. определяется примерно в полмиллиона тонн, но добрая половина их может быть заменена деревянными, которые не менее, а в некоторых случаях и более долговечны, чем чугунные и железные.

Характерно, что в богатейших САСШ, которые производят в 8-9 раз больше черного металла, чем мы произвели в 1930 г., имеется 20 тыс. км электропередач на пропитанных деревянных опорах, широко применяются деревянные трубы и вообще сплошь и рядом употребляется дерево там, где мы применяем исключительно металл. Но без пропитки это и невозможно, либо из-за необходимости частой смены дерева экономически нецелесообразно.

Надо еще указать, что некоторые антисептики (медный купорос, фтористый цинк и др.) не только предохраняют дерево от гниения, чем увеличивают срок его службы, но и делают его огнестойким.

В области рационализации потребления второй важнейшей задачей является отпущек потребителям сухого леса. Незачем пояснять, какой ущерб получает строительство, вагоностроение, машиностроение и т. д., получая и круглый лес и пиломатериалы сырыми. В то же время при наших бурных темпах лесная промышленность совершенно лишена возможности выдерживать лес для естественной сушки. Единственным выходом тут является искусственная сушка, для чего требуется постройка сушилок прежде всего при всех лесопильных заводах, но также и для сушки круглого леса. В связи с тем, что выше сказано о пропитке, надо указать, что пропитывать можно только сухой лес. Кроме общих выгод для народного хозяйства следует отметить, что и на экспорте мы при сушке леса получали бы немалые выгоды, так как сухой лес продается дороже и почти совсем не подвержен заболеванию синевой, за которую мы теперь вынуждены делать нашим иностранным покупателям скидки в несколько миллионов валютных рублей ежегодно.

СТО еще в 1929 г. постановил, что искусственная сушка должна быть к концу пятилетки доведена не меньше чем до 40% всей пилопродукции, но все из-за той же недостаточности капиталовложений сделано в этом отношении очень мало.

Более сложной, чем пропитка и сушка, задачей в области рационализации потребления является такая организация лесосиления, чтобы потребителю отпущались пиломатериалы не тех немногочисленных размеров, в каких они изготавливаются теперь, а тех размеров и такими комплектами, какие нужны потребителю — вагоностроительному заводу, заводу сельскохозяйственного машиностроения, мебельной фабрике и т. д. Это сильно упростило бы работу предприятий, потребляющих древесину, избавило бы их от большого количества отбросов, разгрузило бы транспорт и сконцентрировало бы отбросы для механической или химической переработки.

Перечисленными важнейшими задачами в области потребления древесины можно ограничиться, хотя этот перечень далеко не полный. Но и того, что сказано, достаточно, чтобы судить о размахе и сложности работ в этой области и о размере потребных для них капиталовложений.

8. Лесная промышленность и задачи других отраслей хозяйства

Предстоящий огромный дальнейший рост лесозаготовок, строительство многочисленных лесопильных и деревообрабатывающих заводов, все сказанное в предыдущей главе о задачах лесной и связанных с нею отраслей промышленности в области более полного использования живого леса и древесины и в области рационализации потребления древесины ставят ряд крупнейших задач не только перед другими отраслями промышленности, но и перед другими отраслями хозяйства.

На первом месте тут надо поставить задачи машиностроительной промышленности. До сих пор лесная промышленность в подавляющем большинстве, а до недавнего времени даже полностью, базировалась на импорте рам и станков. Не трудно было и при составлении пятилетки, даже при намеченных для лесной промышленности минимальных темпах, предусмотреть необходимость создания для нее собственной машиностроительной базы. И если бы эта необходимость была предусмотрена в пятилетке, к созданию такой базы можно было бы

приступить своевременно. Теперь же мы с этим делом изрядно опоздали. В этом опоздании крупную роль сыграли вредители. Из процесса «промпартин» и из ряда других вредительских дел мы знаем, что задачей вредителей было омертвление капиталов, усиление нужды в импорте, образование разрывов. Поэтому одни вредители усиленно строили текстильные фабрики и создавали у нас хлопчатобумажное машиностроение, хотя по условиям нашей хлопковой базы и прежних текстильных фабрик было достаточно, а организованные вредителями заводы текстильного машиностроения остаются без заказов и вынуждены переходить на другие производства. Другие же вредители умышленно задерживали создание у нас машиностроения для лесной и деревообрабатывающей промышленности, хотя такие машиностроительные заводы не стояли бы без заказов, как до создания у нас сырьевой базы стоит пока заводы текстильного машиностроения. Это задерживало строительство лесопильных и деревообрабатывающих заводов, вызвало необходимость импорта, удорожало лесозаготовки, создавало разрыв между потребностью в пиломатериалах и их производством.

Теперь необходимо взять курс на решительный поворот в этом деле. Сейчас у нас имеется 8 заводов машиностроения для лесной промышленности. Вся их продукция выражается всего на всего в 204 рамах. Для характеристики прочего производства этих заводов показательно, что в 1931 г. при заказе лесной промышленности на 33.600 разных предметов оборудования они в состоянии выполнить только на 13.600. Отсюда ясно, что надо самым срочным порядком совершенно по новому организовать крупнейшее производство лесопильных рам, деревообрабатывающих машин, шпалорезных, древокопальных и иных станков. Надо резко усилить производство и улучшить качество лесорубочного инструмента (пила, топоры, напильников и т. д.) и тележки (якорей, цепей, стальных и пеньковых кинатов и т. д.). Надо поставить ряд совершенно новых у нас производств: моторов для подвесных дорог, слесарных, сортировочных, окорочных, брикетировочных и иных машин.

Кроме этого специального оборудования лесная промышленность предъявит чрезвычайно возросший спрос и на такие предметы, которые нужны и всякой другой отрасли промышленности — на locomobile, паровые котлы и машины, трубы (для сушилок), электрические моторы, рельсы для подвесных и узкоколейных дорог, агрегаты для пропитки, бани для хранения креозота, аппаратуру для лесохимической промышленности и т. д. и т. д.

Химическая промышленность должна будет резко усилить производство креозота и других пропиточных материалов.

Горная промышленность должна будет во много раз увеличить добычу плавикового шпата, из которого добывается фтористый натр, являющийся одним из важнейших антисептиков и теперь производимый в количествах, совершенно недостаточных даже для нынешних потребностей НКПС и НКПит.

Геологическое управление должно будет чрезвычайно усилить поиски и промышленную разведку залегающих плавикового шпата, потому что известные в настоящее время залегающие совершенно недостаточно для производства нужных нам количеств фтористого натра, который важен не только для пропитки древесины, но и для сельского хозяйства как инсектицид.

НКПС должен в кратчайший срок чрезвычайно усилить пропускную и провозную способность ряда дорог. Уже в 1931 г. пришлось снизить принятую уже программу лесозаготовок в Северном крае и в

Карелии из-за недостаточной пропускной способности Мурманской ж. д. и линий Архангельск—Вологда и Котлас—Вятка.

Но одного усиления пропускной способности существующих дорог совершенно недостаточно. Необходима также срочная постройка ряда новых лесовозных дорог сверх строящихся линий Сыктывкар—Пинюг, Коноша—Вельск и Томск—Чулым. Без строительства дорог вглубь северных и сибирских лесов мы не только очень скоро окончательно вырубим леса в таких областях, как Московская, Западная, БССР и т. д., но и не сможем удовлетворить потребностей народного хозяйства вообще и таких гигантов, как Урало-кузнецкий комбинат в частности.

Усложнятся и возрастут задачи и ответственность судостроительной промышленности Наркомвода, потребительской кооперации и т. д.

Как видим, задачи, которые в связи с ростом лесной промышленности стоят перед целым рядом других отраслей, не менее велики и сложны, чем задачи, стоящие перед самой лесной промышленностью. Но под руководством ленинской партии и ее ЦК все эти задачи будут в течение ближайших же лет решены или в нужной мере двинуты в своем решении, потому что «нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять».

А. Красногорский

Снабжение в 1931 году

Успехи, достигнутые партией и рабочим классом на фронте социалистического строительства, мощный рост социалистической индустрии и успешное разрешение зерновой проблемы на путях осуществления великого плана социалистической переделки сельского хозяйства создали все необходимые предпосылки для выполнения поставленной XVI съездом партии задачи — повышения реальной заработной платы и улучшения рабочего снабжения.

Неуклонное и твердое проведение генеральной линии партии, несмотря и вопреки дезорганизаторской работе оппортунистов всех мастей и предательской деятельности контрреволюционных вредительских групп в стране, обеспечивает уже на третьем году пятилетки огромный рост социалистических элементов.

Проведение этой линии является одновременно залогом окончательной ликвидации продовольственных трудностей в стране, обеспечивая уже в 1931 г. значительное увеличение валовой и товарной продукции сельского хозяйства, а также громадное расширение производства всех средств потребления.

Значительное увеличение посевных площадей и урожайности всех продуктов растениеводства, рост поголовья стада, а также улучшение качественных показателей, предусмотренных планом 1931 г. и обусловливаемых огромными капиталовложениями по линии сельского хозяйства и особенно его общесоциального сектора, — предопределяют громадные темпы прироста валовой и товарной продукции сельского хозяйства в 1931 г.

Таблица I

Рост валовой и товарной продукции сельского хозяйства в 1931 г. (в процентах к 1930 г.)

Название продукции	Валовая продукция	Товарная продукция	Удельный вес общ. сектора в валовой продукции		Удельный вес общ. сектора в товарной продукции		Процент товарности	
			1930 г.	1931 г.	1930 г.	1931 г.		
Все продукция сельского хозяйства	120,2	152,8	24,8	44,8	29,8	55,2	28,8	36,6
Зерновые	113,2	135,8	38,0	58,5	39,7	65,9	28,0	38,6
Технические культуры	155,8	181,7	38,8	61,5	40,5	64,5	74,3	86,7
Продукция животноводства	106,1	126,5	7,0	15,8	14,4	30,7	28,3	33,8

При росте всей валовой продукции сельского хозяйства на 20,2% товарная часть вырастает на 52,8%. Уже одно это обстоятельство должно явиться фактом огромного хозяйственного и политического значения. Это соотношение дает достаточно ясное представление о громадных социально-экономических сдвигах в сельском хозяйстве, отражающих огромный рост общественного сектора в товарной продукции (рост почти в два раза).

Наибольшие темпы прироста товарной продукции по сравнению с 1930 г. дает животноводческий сектор сельского хозяйства (при 6% прироста валовой продукции товарная продукция вырастает на 26,5%). Это несомненно стоит в связи с проведением партии и правительством ряда мероприятий по этой линии.

Однако даже при таких значительных темпах прироста товарной продукции животноводства, а следовательно при относительно большом увеличении общественного сектора (с 14,4% до 30,7%), все же удельный вес последнего в 1931 г. будет значительно ниже прочих секторов сельского хозяйства. Так удельный вес общественного сектора в товарной продукции животноводства составит в 1931 г. 30,7%, при удельном весе общественного сектора всего сельского хозяйства в 55,2%, зерновых — 65,9% и технического сырья — 64,6%. Это показывает, что проблема восстановления животноводства еще не может быть полностью разрешена в 1931 г., хотя острота положения в этой области значительно смягчается.

Громадный рост товарной продукции сельского хозяйства в 1931 г. требует соответствующей производственной базы по линии пищевой промышленности и предметов широкого потребления. Исходя из этого, в народнохозяйственном плане 1931 г. предусмотрен огромный рост продукции пищевой промышленности, значительно обгоняющий темп прироста продукции всей промышленности Союза (при росте всей промышленности на 45% пищевая вырастает на 57%).

Рост продукции пищевой промышленности
(в млн. руб. в ценах 1926/27 г.)

	Продукция в 1930 г.	Продукция в 1931 г.	Процент роста
Вся промышленность (пищевая)	3.015,8	4.736,6	157,1
Сахарная промышленность	680,2	1.043,1	159,5
Мукомольная промышленность	851,7	1.335,7	156,6
Маслобойная	168,7	212,5	126,0
Маргаритовая	6,6	60,0	909,0
Кондитерская	370,0	750,0	202,7
Крахмало-паточная	22,0	40,0	181,0
Консервная	71,1	165,0	232,1
Рыбная	376,1	542,7	144,3

Больше всего увеличивается продукция мукомольной, сахарной, кондитерской и консервной промышленности. Две последние отрасли за текущий год увеличивают свою продукцию более чем в два раза. Производственная мощность маргаритовых заводов вырастает почти в 9 раз. Большой разгон получает также сахарная и мукомольная промышленности, в которых наименьшее в 1931 г. увеличение количества дней сезонного функционирования предприятий позволяет максимально увеличить их загрузку, а также стать на путь более рационального использования основного капитала.

Относительно меньший рост продукции в 1931 г. намечается по линии легкой (не пищевой) промышленности предметов широкого

потребления как работающей на дефицитном отечественном и отчасти импортном сырье.

Валовая продукция легкой (не пищевой) промышленности
(в млн. руб. в ценах 1926/27 г.)

	Продукция в 1930 г.	Продукция в 1931 г.	Процент роста
Вся легкая (не пищевая) промышленность	6.817	7.938	116,4
Текстильная	3.230	3.629	112,3
Одежная	1.454	1.912	131,5
Кожая и обув.	1.252	1.350	106,9
Мясо	70	92	130,0
Керосин	163	247	151,2

Наиболее узким местом в 1931 г. несомненно явится промышленность, работающая на животном сырье (шерсть, кожа). Вследствие крайней дефицитности сырьевого снабжения такие отрасли промышленности, как кожевенная и обувная, дают небольшой рост (около 7%). Точно так же продукция шерстяных тканей фактически стабилизируется на уровне прошлого года.

Значительно большие темпы намечаются по продукции хлопчатобумажных тканей и готового платья, которые в совокупности дают увеличение на 27% по сравнению с прошлым годом.

Рост сельскохозяйственного и промышленного производства продуктов питания и предметов широкого потребления, какой в результате мероприятий партии и правительства намечается для 1931 г., несомненно в значительной степени увеличивает ресурсы снабжения в текущем году.

Однако характерной особенностью продовольственных и промышленных ресурсов для 1931 календарного года является неравномерное размещение их по отдельным кварталам, обуславливаемое поступлением этих ресурсов в результате двух урожаев (1930 и 1931 гг.), а также влиянием сезонных моментов в заготовке ряда продуктов (рыбная путина, уклонение заготовок яиц и масла со II квартала, падение заготовок скота в весенние месяцы и проч.).

Реальность запрокинутых в плане ресурсов, а следовательно и установленных норм снабжения базируется, с одной стороны, на достаточно осторожном учете хода заготовок урожая текущего года, а равно и результатов урожая 1931 г. С другой стороны, эта реальность обуславливается нашедшей свое выражение в плане снабжения на 1931 г. политикой резервов, предусматривающей рост переходящих остатков, страховых фондов на деизаготовку и бронированных резервов для обеспечения гарантированного снабжения.

Страховые резервы в процентах к фонду снабжения составляют:

По хлебофуло	30
« маслу	28
« рыбе	45
« маслу животному	60

Однако достаточное представление о ресурсах снабжения в 1931 г., имея в виду значительные различия в темпах роста, а также в условиях заготовки и переработки отдельных видов товарной продукции, можно получить лишь при конкретном осмыслении хотя бы основных продуктов питания и предметов широкого потребления.

Снабжение хлебом. Ресурсы 1931 г. по продовольственным хлебам складываются из продукции урожая двух сельскохозяйственных циклов.

По данным Госплана Союза и НКЗема валовой сбор продовольственных хлебов из урожая 1930 г. по всему Союзу определяется в огромной сумме — 52,3 млн. тонн, т. е. примерно на 35% выше валового сбора предыдущего сельскохозяйственного года. Гигантский рост зерновых колхозов и совхозов, рост урожайности на 18% и посевных площадей на 17% по сравнению с истекшим годом обеспечили рост товарной продукции хлеба почти на 67%.

Удельный вес общественного сектора в товарной продукции за один только год поднялся с 10 до 45,5%. Это обстоятельство и обеспечило в основном рост централизованных заготовок ржи и пшеницы почти на 73% против прошлой хлебозаготовительной кампании, причем следует отметить, что плановые задания оказались выполненными лишь на 95%.

Рост хлебозаготовок обеспечил повышение планового снабжения по всем статьям хлебного баланса во II полугодии 1930 г. и одновременно позволяет также значительно повысить фонд индивидуального снабжения хлебом в I полугодии 1931 г.

Однако известное недоисполнение плана заготовок продовольственных хлебов, несколько повышенный расход хлеба на снабжение промышленности, а также перерасход хлеба против плана в ряде мест на индивидуальное снабжение делают баланс продовольственных хлебов на I полугодие т. г. достаточно напряженным и обязывают все звенья снабженческого аппарата к крайней экономии в этой области. Тем не менее хлебные фонды, выделенные для индивидуального снабжения в I полугодии, позволяют значительно расширить круг снабжаемого населения (с 26 млн. человек до 30 млн.), а также поднять нормы снабжения хлебом для промышленных рабочих и прочих трудящихся в пределах от 10 до 25%.

Некоторые перебои в снабжении хлебом, какие имели место в феврале т. г. в отдельных районах, главным образом непроизвольного значения, хотя и отражают напряженность хлебного баланса, однако представляют из себя явления временного порядка, вызванные ослаблением темпов хлебозаготовительной кампании и замедлением вывоза хлеба из глубинных пунктов.

Баланс продовольственных хлебов на 1931 г. построен с учетом увеличения резервов и переходящих запасов на 1 января 1932 г. на 87% по сравнению с запасами на 1 января предыдущего года.

В соответствии с увеличением ресурсов хлеба из поступлений урожая 1931 г. все расходные статьи баланса значительно возрастают в III и особенно в IV квартале. По сравнению с I полугодием — II полугодие показывает рост по фонду индивидуального снабжения города на 21%, по снабжению села и целевому снабжению — на 34%, по организованному снабжению (общественное питание, детдома, санатории и пр.) — на 16%.

Снабжение мясом. Валовая продукция мяса для 1931 г. определена с учетом необходимости восстановления продуктивного стада, полного прекращения процессов хищнического истребления скота в результате кулацкой агитации, а также увеличения поголовья в среднем по всему стаду на 7%, по крупному рогатому скоту — на 10% и по свиному стаду — на 50%.

Такие высокие темпы роста поголовья отдельных видов и всего стада в целом за один только год (ежегодные темпы прироста поголовья всего стада за годы 1925—1929 идут на уровне не более 3—5%), совершенно необходимые с точки зрения скорейшего восстановления и подтягивания отстающего животноводческого сектора к темпам ро-

ста всего социалистического хозяйства, обуславливаются прежде всего огромными капиталовложениями и специальными мероприятиями по форсированному строительству гигантских животноводческих совхозов и колхозов. Точно так же в числе мероприятий по восстановлению мясного стада планом предусматривается значительно сниженный процент выбраковки скота для убоя по сравнению с предыдущими годами (для коров выбраковка составляла в 1929 г. 16,5%; в 1931 г. — 10%; для свиней — соответственно по этим годам — 46,7 и 40,8%).

Это обстоятельство служит объяснением тому, что валовая продукция мяса вырастает против 1930 г. лишь на 3,3%. Однако за счет увеличения удельного веса общественного сектора почти в 2,5 раза (с 8% в 1930 г. до 19,7% в 1931 г.), роста нормативов убойного веса (по отдельным видам скота от 5 до 20%), некоторого увеличения приплода и уменьшения процента падежа товарная продукция мяса вырастает на 38,7% по сравнению с истекшим годом. В соответствии с этим план мясазаготовок на 1931 г. установлен с ростом в 57% по сравнению с фактическими заготовками истекшего года.

Наряду с увеличением запасов на начало 1932 г. на 52% и образованием страхового резерва в размере 34% всего годового фонда индивидуального снабжения плановыми проекторками на 1931 г. намечается увеличение фондов индивидуального снабжения города на 11%, организованного снабжения на 117% и целевого снабжения основных хозяйственных операций на селе (лесозаготовки и пр.) на 78%.

Политик снабжения мясом продуктами в 1931 г. рассчитана на достаточное и бесперебойное снабжение основных пролетарских кадров страны.

Гарантированное снабжение мясом охватывает рабочих и прочих трудящихся столиц с соответствующей дифференциацией норм снабжения, а также рабочих и их иждивенцев основных промышленных районов и центров. Для прочего трудящегося населения выделяются в соответствии с ходом заготовок так называемые областные фонды, какие в совокупности с местными ресурсами образуют фонды местного снабжения. Однако, начиная с III и особенно IV квартала, поступления мясомпродуктов дают возможность подойти к постепенному охвату централизованным снабжением гораздо более широкого круга трудящегося населения Союза.

Снабжение жирами. Ресурсы основного вида жиров — растительного масла, — удельный вес которого в общем балансе жиров составлял около 70% на протяжении почти всех трех кварталов 1931 г., составляются из продукции переработки масличных семян урожая 1930 г. Но ход заготовок масличных в текущем году настолько неудовлетворителен, что последние стабилизировались на уровне заготовок предыдущего года, причем заготовки основных видов маслосемян (подсолнух, льняное и конопляное семя) дают даже известное снижение по сравнению с фактическими заготовками предыдущего года и значительное недоисполнение плановых наметок.

Необходимо со всей решительностью констатировать, что заготовительный аппарат совершенно не справился с заготовкой масличных в 1931 г. и что местные организации не уделяли этому весьма ответственному участку заготовок достаточного внимания.

Плановые проекторки на 1931 г. намечают огромный рост валовой и особенно товарной продукции масличных семян (увеличение валового сбора на 70,8% и товарной части на 188,3% при росте удельного веса общественного сектора товарной продукции с 38,1% до 66,1% в 1931 г.).

Другие виды жирового снабжения — масло животное и маргарин — показывают значительный рост по сравнению с истекшим годом (общее поступление животного масла и маргарина вырастает на 232%).

Распределение жиров по отдельным каналам потребления складывается таким образом, что фонды целевого снабжения и снабжения села в соответствии с производственными заданиями и заготовительными планами должны быть увеличены примерно на 35% по сравнению с аналогичным расходом в истекшем году. Фонды организованного снабжения (жировая и лакокрасочная промышленности, общественное питание, закрытые учреждения и пр.) возрастает на 17,5%. Что касается индивидуального снабжения городского населения, то последнее фактически остается на уровне снабжения истекшего года и обуславливает в основном по линии снабжения жирами политику концентрации этого снабжения среди основных промышленных кадров страны, а также и детей.

Снабжение овощами и картофелем. Мероприятиями партии, идущими по линии значительных вложений, сосредоточением внимания партийной и советской общественности к вопросам овощного снабжения, организацией пригородных хозяйств и перерабатывающих предприятий — всем этим обеспечиваются в полной мере невиданные темпы прироста валовой и товарной продукции овощей и картофеля в 1931 с.-х. году. Планом предусматривается рост валовой продукции овощей на 80%, товарной продукции на 265% и централизованных заготовок на 285% по сравнению с истекшим годом.

Однако балансы ресурсов овощей и картофеля I полугодия текущего года все же представляют достаточно напряженным. Недовыполнение за год плана по овощам и картофелю в особом квартале 1930 г., значительные потери в каналах заготовительного и снабженческого аппаратов позволяют взять на централизованное снабжение овощами и картофелем в I полугодии т. г. лишь рабочих и прочих трудящихся основных промышленных центров и районов, установив в I и II кварталах несколько пониженные нормы снабжения по сравнению со среднетоварным.

Снабжение рыбой. Добыча рыбы-сырца установлена на 1931 г. в 2,2 млн. тонн, что составляет 170,5% по отношению к фактической добыче истекшего года. Товарная продукция исчислена в 1,7 млн. тонн, в том числе 42 тыс. тонн — продукция консервной промышленности. Таким образом при повышении добычи рыбы-сырца на 70,5% товарная продукция вырастает на 94% по сравнению с истекшим годом, что объясняется изменением ассортимента рыбопродуктов в сторону увеличения выпуска свежемороженых товаров и уменьшением сушки соленой и вяленой продукции.

Снабжение рыбой и рыбопродуктами в 1931 г. по всем каналам потребления (организованное и личное снабжение) установлено с ростом на 40%. Балансом рыбопродуктов предусмотрено накопление резервов и переходящих запасов на 120%; точно так же для большей реальности проектировок на случай возможного недохода планом предусмотрен страховой резерв в размере 18% всей годовой продукции.

Снабжение сахаром. Развитие сахарной промышленности в 1931 г. показывает по сравнению с истекшим годом увеличение на 50%, что в полной мере уязвливается с возможностью освоения сырьевой базы (товарная продукция свежмя в 1931 г. устанавливается с приростом в 52,4%).

Баланс сахара утвержден с ростом переходящих запасов и резервов на 1 января 1932 г. на 14,6% и страхового резерва в размере 25% от всего количества переработки сахара в I квартале.

Фонды индивидуального снабжения сахаром городского населения увеличиваются примерно на 10%. Это позволяет поднять нормы снабжения в пределах 15—30% по сравнению с фактическими нормами выдачи в особом квартале 1930 г.

Снабжение хлопчатобумажными тканями и готовым платьем. Производственная программа всей текстильной промышленности со включением трикотажной и валяльной дает прирост на 16%.

Хлопчатобумажное производство, исходя из программы переработки в 410 тыс. тонн хлопка, дает прирост по валовой продукции на 24,5%.

Рост посевных площадей хлопка, освоение новых хлопковых районов и повышение валовой продукции на 60% позволяют планомерно поднять производство хлопчатобумажных тканей в IV квартале и затем в течение всего 1932 г. вести выработку продукции на значительно более высоком уровне.

Фонды снабжения широкого рынка в метrage несколько снижаются по сравнению с 1930 г., ввиду усиленного роста потребления тканей швейной промышленностью, продукция которой запрокидывалась в текущем году с ростом в 43%. Однако, несмотря на снижение фондов текстильных тканей, идущих на снабжение населения в метrage, общий фонд тканей и готового платья значительно вырастает. Растут также и нормы снабжения ими промышленных рабочих.

Снабжение обувью. Ввиду крайней дефицитности сырьевого снабжения продукция кожаной и обувной промышленности дает в 1931 г. небольшой прирост (около 7%).

План снабжения обуви предусматривает значительный рост фондов снабжения для промышленных рабочих, а также снабжение сельского пролетариата и колхозников.

Прочие виды промышленной продукции, идущей на широкий рынок, показывают значительный рост по сравнению с истекшим годом. Продукция мыла вырастает на 53%. Продукция керосина увеличивается на 42%. Продукция махорки и папирос в текущем году вырастает на 25% и позволяет значительно увеличить фонды индивидуального снабжения города и села.

Политика построения плана снабжения на 1931 г. целиком и полностью подчинена задачам максимального обеспечения всех условий выполнения производственных основных отраслей социалистической стройки третьего, решающего года пятилетия.

Эта установка в основном определяет завершенную в плане и принятую декабрьским пленумом ЦК высокую классовую дифференциацию рабочего пайка, выделение в особую и привилегированную по снабжению группу рабочих крупных промышленных центров и районов (Москва, Ленинград, Баку, Донбасс), а также выделение на усиленное снабжение подземных рабочих и рабочих горячих цехов (1,000 г хлеба в день и 5 кг мяса в месяц).

Эти же установки требуют осуществления тесной увязки оперативного плана снабжения с мероприятиями по поднятию производительности труда, по линии социалистических форм соревнования и ударничества, а также с мероприятиями по борьбе с текучестью рабо-

чей силы (первоочередное и преимущественное снабжение ударников, перевод застных прогульщиков в низшую по снабжению категорию и пр.).

Известный разрыв в нормах снабжения внутри отдельных списков, какой заверстан в плане по отдельным кварталам в связи с неравномерным поступлением ресурсов и сезонностью заготовок, предусматривает установление принципа замещения одних продуктов другими. Так невыполнение норм снабжения по мясу во II квартале восполняется рыбой и наоборот: дефицит рыбы в I квартале компенсируется усилением мясного снабжения в этом квартале. Дефицит животного масла в I квартале замещается маргарином, а недостаток ресурсов по яйцам в I квартале заставляет оставить в снабжении ими лишь детей, компенсируя недоснабжение рабочих в последующие кварталы.

В 1931 г. предполагается широко развернуть общественное питание с расчетом увеличения пропускной способности с 17 млн. блюд на 1 января 1931 г. до 37,5 млн. на конец текущего года.

Правительством предусмотрена организация в 1931 г. крупных работ по строительству предприятий общественного питания (столовых, распределителей, фабрик-кухонь и пр.), для чего финансовым планом выделяются ассигнования в сумме 120 млн. руб. вместо 38,5 млн. руб. в 1930 г. и 15,3 млн. руб. в 1929 г.

Охлат общественным питанием в 1931 г. всех рабочих должен выражаться в размере 42,8%, в том числе рабочих особого списка на 63,2%, учащихся вузов на 80% и служащих на 25%.

**Удельный вес общественного питания в снабжении
(в процентах к индивидуальному снабжению)**

Название продуктов	По особому списку	По списку № 1
Хлеб	26,4	22,8
Крупа и макароны	41,3	39,9
Картофель	71,9	54,5
Овощи	65,8	46,8
Мясо	32,7	49,8
Рыба	65,1	58,7
Жиры	41,2	33,5
Сахар	32,8	25,5

Приведенные данные достаточно красноречиво говорят о громадной роли общественного питания в снабжении основными продовольственными товарами уже в 1930 г., а также и о том, что процессы реконструкции быта трудящихся Советского Союза идут гигантскими шагами наряду с грандиозным ростом социального и экономического строительства.

Установленные в плане принципы и нормы снабжения позволяют стать на путь решительного улучшения всего потребления городского и сельского пролетариата и в особенности основных пролетарских кадров.

Совершенно естественно, темпы роста потребления и снабжения как по отдельным товарам, так и по отдельным социальным группировкам населения весьма сильно разнятся между собой. Это находит свое объяснение, с одной стороны, в различном уровне ресурсов снабжения по отдельным товарам, а также в реализации политики ярко выраженной классовой дифференциации норм снабжения.

Предусмотренные планом нормы централизованного снабжения и потребления в совокупности определяют значительный рост индекса

физического объема питания всех групп рабочих и служащих. Последний для рабочих в среднем по Союзу вырастает за год на 10,9% и для служащих на 10,1%.

В результате этой политики, которая заверстана в плане снабжения на 1931 г., огромный рост индекса физического объема питания получается для основных промышленных кадров рабочих (для рабочих особого списка — 32,5%; для рабочих списка № 1 — 20,7%).

Значительно улучшается также калорийный и химический состав питания почти по всем группам снабжаемого населения.

Таблица 2
Калорийный состав питания рабочих и служащих в 1931 г.
(в среднем на одного человека)

Годы	Рабочие			Служащие	
	В среднем по СССР	Особый список	Список № 1	В среднем по СССР	Особый список
Всех калорий	1930 3.108 1931 3.274	3.330 4.568	3.246 3.828	2.300 2.641	2.384 3.036
Процент роста	—	105,6	117,9	106,6	127,8
В том числе животных	1930 444 1931 464	561 768	436 484	474 484	477 544
Процент роста	—	104,5	111,0	102,1	114,0
В том числе растительных	1930 2.659 1931 2.810	2.769 3.801	2.310 3.344	2.026 2.157	1.907 2.492
Процент роста	—	105,7	119,0	106,4	129,6

Приведенные данные показывают, что наряду с ростом индексов физического объема питания существенно вырастает также и его калорийное выражение по всем без исключения социальным группировкам.

Значительный рост животных калорий в составе питания рабочих особого и первого списков несомненно свидетельствует также и о качественном улучшении питания основных пролетарских кадров страны.

Одновременно с ростом физического объема питания растет также и индекс физического объема всего потребления рабочих, включая все товарные расходы (одежда, хозяйственные вещи и пр.) на 9,4% при росте номинальной заработной платы в среднем на 5,4%.

Уже одно это обстоятельство, даже без учета влияния социализированной зарплаты, свидетельствует о значительном росте реальной заработной платы рабочих в 1931 г.

В 1931 г. на централизованное снабжение приняты также значительные контингенты сельского пролетариата, составляющие свыше 5,7 млн. человек. Этот круг снабжаемого населения почти полностью охватывает рабочих лесозаготовок и лесопилки, ловцового населения основных бассейнов рыболовства, населения крайнего севера, постоянных и сезонных рабочих совхозов, сельских учителей, агрономов, медперсонала, кустарей и прочих служащих на селе.

В отношении главнейших хозяйственных операций (лесозаготовки, рыбная ловля) в 1931 г. установлен уровень снабжения в соответствии с объемом хозяйственной деятельности.

Однако центром тяжести сельского снабжения безусловно является снабжение многомиллионных крестьянских масс сельскохозяйственного населения как колхозников, так и индивидуального его сектора.

Товароснабжение села по этой линии поставлено в прямую и безусловную зависимость от размеров отчуждения сельскохозяйственным населением продукции сельского хозяйства и выполнения заготовительных планов.

В связи с отсиженной крайне громоздкой, замедляющей быстроту товарооборота системы «отоваривания» заготовок, в настоящее время в этой области сохранено премирование сдатчиков с.х. продуктов и сырья за своевременное и полное выполнение заготовительного плана, причем размеры премирования для общесоветского сектора установлены более повышенные, чем для индивидуальных хозяйств.

Вопросы товароснабжения села представляют из себя весьма серьезный и ответственный участок социально-политических и экономических взаимоотношений города и села.

Реальность запроецированных в плане ресурсов снабжения городского пролетариата в основном сводится к обеспечению полного выполнения намеченных в 1931 г. заготовительных планов сельскохозяйственных продуктов и сырья, ориентировочно определяемых в 6,5 млрд. руб. вместо 5 млрд. руб. в 1930 г.

Динамика заготовок и удельный вес в них общесоветского сектора

Наименование продуктов	План 1931 г. в процентах к реальной заготовке	Удельный вес общесоветского сектора в заготовках, плане 1931 г.
Все зерновое	152,9	65,1
Маслосемя	380,4	66,4
В том числе подсолн.	339,2	73,6
Сахарная свекла	161,8	86,7
Хлопок-сырец	209,0	60,1
Лен-волокно	206,7	33,6
Пенька	379,9	64,6
Овощи	423,9	64,1
Мясо	165,1	36,4
Яйца	245,5	3,9

Обеспечение реальности заготовительных планов идет в огромной степени по линии резкого возрастания удельного веса общесоветского сектора сельского хозяйства.

Наряду с мероприятиями общественно-политического и административно-организационного порядка (решительная борьба за полное и безоговорочное выполнение твердых заданий по заготовке со стороны кулацких и дачничьих хозяйств, усиление общественно-политического внимания к заготовкам хлеба, мяса и жиров, ликвидация самостежных тенденций в заготовительном аппарате, доведение плана заготовок до села, расширение и углубление практики контрактационных договоров и пр.) — наряду с этими мероприятиями реальность заготовительных планов в значительной мере обуславливается планом товароснабжения села как общесоветских хозяйств, так и индивидуального его сектора.

Из направляемого на покрытие спроса сельскохозяйственного населения в 1931 г. товарного фонда в 8 млрд. руб. для целей стимулирования заготовок выделяется фонд дефицитных товаров на сумму 3 млрд. руб., что по отношению ко всей сумме с.х. заготовок (без продукции совхозов) составляет примерно около 55%.

Установки, принятые в плане снабжения на 1931 г. и сводящиеся к сосредоточению в руках пролетарского государства максимальных ресурсов снабжения — продукты питания и с.х. сырья, категорически требуют решительной и развернутой борьбы за сужение частного рынка и снижение так называемых «вблывных цен».

Обеспечивая в подавляющей части в порядке планового и гарантированного снабжения потребление продуктов питания основных групп рабочих, план снабжения на 1931 г. предусматривает обращение к частному рынку этих групп рабочих в минимальной степени (удельный вес частника в питании для рабочих в среднем по СССР по физическому объему составляет 11,2%). Для рабочих особого и первого списков удельный вес частника совершенно ничтожен.

Несколько иное положение вымывается по линии прочих категорий трудящихся. При установленных в плане для этих групп населения относительно более низких норм снабжения обращение последних к частному рынку вырастает в значительную величину (вес частного рынка в питании служащих в среднем по Союзу на 1931 г. составляет 33,9%).

При этих условиях вероятным спросом к частному рынку в 1931 г. намечается сумма порядка 3 млрд. руб. по сравнению с 3,5 млрд. руб. в истекшем году.

Этот расчет находит себе подтверждение также по линии сопоставления возможного спроса к частному рынку и свободных средств городского населения, очищаемых после покрытия нетоварной части расходов и стоимости планового снабжения.

Угроза дальнейшего роста частных цен, т. е. углубление процесса стихийного перераспределения народного дохода между городом и селом, требует решительной борьбы за сужение и лимитирование деятельности частного рынка.

Таблица 3
Городские базарные цены частного рынка за 1930 и 1931 г.

Наименование продуктов	В процентах среднего, цена 1930 г.			Среднего, 1931 года в процентах к октябрю 1930 г.
	Октябрь 1930 г.	Январь 1931 г.	Среднего, 1931 года (по плану)	
Картофель	107,2	130,1	102,0	95,1
Мясо	147,0	135,8	133,0	90,0
Мясо животное	155,1	160,8	124,1	80,0
" растительное	171,7	170,7	162,3	94,5
Яйца	132,5	168,5	105,2	80,2
Молоко	139,9	171,2	111,9	80,0

Борьба за сужение сферы частного рынка и создание передела по линии снижения цен требует целой серии сложных, комбинированных и взаимно-увязанных между собой мероприятий.

В основном последние должны сводиться, помимо создания необходимых предпосылок лучшего товарного снабжения села, к установлению возможно более гибкого маневрирования фондами снабжения городского населения в направлении большего охвата, по мере нормального хода развертывания заготовок, контингентов населения, не взятых на гарантированное снабжение.

Это, наряду с мероприятиями по увеличению прямого изъятия свободных ресурсов населения и улавливания этих ресурсов по линии государственной товарной интервенции (фонд повышенных цен товаров высокого ассортимента и предметов роскоши), должно в своей совокупности разрешить задачу создания более пониженного спроса к частному рынку.

При этих условиях мероприятия административного порядка государственного регулирования частного рынка (увеличение налогового обложения, борьба со спекуляцией, сокращение деятельности частных кустарных предприятий, запрещение частного убоя скота и пр.) окажутся достаточно эффективными и действенными.

Осуществление принципа замещения продуктов снабжения, первоочередное и равномерное снабжение основных промышленных центров и районов, выделение соответствующих областных фондов снабжения и максимальное использование местных ресурсов, обеспечение сезонности потребления, а также снабжение применительно к производственным условиям — все это требует максимального маневрирования, гибкости и радикальной перестройки всего оперативного аппарата снабжения, решительной борьбы против бюрократического извращения плановых форм товарооборота, приводящего к громадным потерям, к снижению эффективности централизованных ресурсов снабжения, омертвлению резервов, встречным перевозкам и пр.

Неотъемлемой частью плана товарного снабжения страны и рабочего снабжения в особенности должно явиться устранение отсталости кооперативной системы и всего аппарата распределения.

Между тем состояние аппарата потребительской кооперации, являющейся основной и почти монопольной организацией в деле практического осуществления всего плана снабжения, таково, что дает полное основание партийной, профессиональной и кооперативной общественности бить серьезную тревогу, решительно настаивая на радикальной перестройке всего кооперативного аппарата и методов его работы.

II съезд потребительской кооперации и позднее декабрьский пленум ЦК наметили ряд директив и практических мероприятий по решительной перестройке всей работы кооперативного аппарата.

Основное и главное — это решительная и беспощадная борьба со всеми проявлениями правого оппортунизма, особенно глубоко путившего корни в практической работе потребительской кооперации.

Необходимо решительно повернуть всю систему кооперации лицом к грандиозным производственным задачам социалистического строительства.

Организация на фабриках и заводах сети закрытых распределителей и соответствующая постановка в них техники снабжения и распределения должны явиться первым пунктом практической программы кооперации.

Кооперация должна решительно отказаться от бюрократической централизации в своей работе, привлекая к организации, упорядочению работы и контролю всю фабрично-заводскую общественность отдельных предприятий, всемерно поощряя и способствуя проявлению с ее стороны инициативы в деле снабжения (дополнительная мобилизация ресурсов снабжения; улучшение техники и форм обслуживания и т. п.).

Примерно на тот же путь необходимо стать и в области упорядочения снабжения и через общие кооперативные магазины, решитель-

но привлекая кооперативную общественность к контролю над работой распределительного аппарата, устранению злоупотреблений, хищения продуктов, обманивания, обещивания и сокращению расходов.

Наряду с этим перед потребительской кооперацией стоят также весьма ответственные задачи по упорядочению и упорядочению постановки основного и важнейшего участка в ее работе — общественного питания как в городе, так и на селе.

Точно так же и по сельскому сектору снабжения перед потребительской кооперацией встанут задачи решительного упорядочения распределительной сети, восстановления выборного начала в низовых звеньях сельской кооперации и ускорения снабжения с ростом и развитием коллективизации сельского хозяйства.

Необходимо все силы и средства системы бросить на упорядочение всей материальной базы товарооборота (складская и заочная сеть), на ликвидацию крайней неорганизованности системы распределения товаров (карточная и ордерная системы), приводящей, с одной стороны, к порче продовольственных продуктов и разбазариванию фондов снабжения и, с другой — к затовариванию дефицитными товарами и росту спекуляции.

Одновременно необходимо радикально пересмотреть и перестроить наиболее отсталый участок в работе кооперации — это ускорение продвижения товаров и всего товарооборота во всех звеньях и на всем пути от промышленности к потребителю, решительно устраивая лишнюю звеньев в структуре потребкооперации и ведя беспощадную борьбу против недооценки значения методов советской торговли в рабочем снабжении.

И наконец к числу наиболее ответственных задач потребительской кооперации, особенно на ближайший период, несомненно должны быть отнесены организация и мобилизация дополнительных ресурсов снабжения.

Создание вокруг крупных промышленных центров пригородных хозяйств (молочные фермы, огородные хозяйства с посевной площадью в 1931 г. не менее 300 тыс. га, свино-откормочные операции и пр.) — вот участок, на котором вся система, все звенья потребительской кооперации должны в ближайший период держать экзамен политической и хозяйственной зрелости.

План снабжения на 1931 г. предусматривает решительное улучшение потребления всего трудящегося населения Союза. Однако это улучшение еще не означает окончательной и полной ликвидации продовольственных затруднений в стране, в особенности в отношении потребления мяса и жиров.

Решительный перелом в этой области может быть достигнут лишь к осени 1931 г., когда в достаточной мере скажется эффективность мероприятий партии и правительства по линии животноводческого сектора сельского хозяйства.

К. Киндеев

Вопросы строительства животноводческих ферм в колхозах

Разрешив в основном зерновую проблему, партия смогла приступить к разрешению и животноводческой проблемы, что является сейчас одной из центральных задач нашей экономической политики. XVI партийный съезд совершенно четко наметил те пути, по которым должно идти решение этой проблемы. Пути эти те же, по которым партия шла при разрешении зерновой проблемы. Организация специальных животноводческих совхозов аналогично зерносовхозам, создание высокотоварных колхозных ферм и быстрое расширение кормовой базы — вот основной путь, намеченный XVI партийным съездом для разрешения проблемы животноводства.

Задача настоящей статьи — осветить ход организации и развертывания молочных и свиноводческих колхозов, исходя из материала специального обследования РКИ РСФСР.

Несмотря на короткий срок со времени XVI партийного съезда, данного директиву о форсировании организации животноводческих совхозов и высокотоварных колхозных ферм, на 1/1 1931 г. в колхозах по Союзу имелось уже 4 млн. голов крупного рогатого скота, 1,180 тыс. голов свиней и 5.100 тыс. овец, что вместе с животноводческими совхозами даст свыше 8% всего стада в Союзе.

Наряду с количественным ростом можно отметить и целый ряд качественных достижений по линии животноводства. Хотя развитие колхозного животноводческого хозяйства находится лишь на начальной стадии, колхозы уже в текущем году показывают высокую товарность. Так с.х. артели «Борьба за урожай» Бельского района Бийского округа края 88% от валового сбора молока сдали заготовительным органам; в с.х. артели «Коммунар» того же района товарность по молоку равна 76,5% от общественного стада; коммуны Северного Кавказа «Орден Ленина», «Заветы Ильича» и «Пролетарский путь» сдали шерсти на 85—95% от валового сбора, что по коммуне «Заветы Ильича» составляет 29.926 кг на сумму 43.925 руб.; в коммуне «Скнелвар» Вехонского района Уральской области в текущем году товарный выход животноводческих продуктов в расчете на хозяйство составляет 43,5 руб., в то время как товарность по индивидуальной сектору района не превышает в среднем 25 руб. на хозяйство. Та же коммуна сдала на маслозавод 2,45 ц. молока на корову, а единичники дают 1—1,2 ц.

Преимущества колхозного стада можно отметить и на основании годового удоя: по данным о 15 колхозах удой коров в колхозах превышает удой коров единоличников на 35%.

По Западной Сибири в общей товарной молочной продукции колхозы давали в 1928 г. — 0,3%, в 1929 г. — 3%, а в 1930 г. — 50%.

Повышение продуктивности мы имеем в условиях еще неясной техники содержания и кормления скота, в условиях, когда скот

помещается еще в плохо приспособленных дворах бывших индивидуальных хозяйств. Разноречивое строительство обществественных скотных дворов в колхозах несомненно в будущем году еще более повысит продуктивность скота. Чрезвычайно характерными в этом отношении являются данные по с.х. артели «Октябрь» Уральской области. За отсутствием общественного помещения в прошлом году скот колхозов стоял в крестьянских дворах, давая около 6 кг молока в день, а сейчас по вновь отстроенном дворе и при улучшении ухода удой в этот период равен уже 9 кг.

Таким образом результаты, полученные в первый период организации животноводческих колхозов, так же как и совхозов, целиком и полностью подтверждают правильность генеральной линии партии на развитие крупного социалистического животноводческого хозяйства. Факты и цифры о развертывании животноводческих колхозов показывают, что генеральная линия партии блестяще выдержала экзамен и на этом труднейшем участке нашего социалистического строительства. Вместе с тем имеющиеся материалы лишь раз подтверждают провал и беспочвенность «теории» правых и право-«левацкой» блока, которые каркали на всех перекрестках, что с организацией животноводческих совхозов и колхозов партия провалится и вынуждена будет отступить.

Конечно в животноводческих колхозах имеется еще много недостатков, которые необходимо самим решительными мерами устранять. Эти недостатки объясняются главным образом неорганизованностью работы колхозно-кооперативной системы, земорганов, Союзсельстрой и других организаций, призванных практически обсуживать и помогать животноводческим колхозам.

Ожесточенное сопротивление и борьба капиталистических остатков города и деревни (кулачества) также создают значительные затруднения при развертывании и организации животноводческих колхозов. Кулачество ведет острейшую борьбу против социалистического крупного животноводческого хозяйства, применяя самые разнообразные формы борьбы: прямое вредительство и казачение колхозного стада, поджоги скотных дворов, кормовых фондов и т. п., кулак нередко проникает в колхозы, устраиваясь на конюшнях и скотных дворах конюхом, скотником, кормовиком, чтобы осуществлять свою вредительскую работу на скотном дворе колхоза. Кулак ведет злобную агитацию среди колхозников за разбазаривание колхозного корма, за дележку его по дворам для единоличного стада колхозников, напештывая колхознику, что колхозное стадо является «казенным», а не его, колхозника, стадом.

Прямое вредительство в ряде мест со стороны деятелей контрреволюционных организаций по линии снабжения, строительства скотных дворов, комплектования стада, организации кормовой базы и других мероприятий сыграло немалую отрицательную роль в организации животноводческих совхозов и колхозов. Доказательством тому является между прочим деятельность «промпартии», меньшевиков-интервенционистов и кулацкой партии Кондратьева и Чаянова. Все это говорит о том, что наши трудности являются не трудностями мелких и случайных неполадок, а трудностями классовой борьбы (Сталин). Но трудности при развертывании животноводческих колхозов, как и другие наши трудности, являются «не трудностями у п а д к а или трудностями в а с т о я т а, а трудностями р о с т а, трудностями продвижения вперед». «Самый характер наших трудностей, являющихся трудностями роста, дает нам возможность, необходимые для

подавления классовых врагов» (Сталин). В нашу задачу входит в дальнейшем остановиться на тех трудностях, которые стоят на пути организации животноводческих колхозов, и наметить способы практического преодоления этих трудностей.

Источники комплектования стада. Колхозное стадо комплектуется в настоящее время из трех источников: за счет покупки скота, свиновода, кулацкого скота при проведении раскулачивания, на основе сплошной коллективизации. До последнего времени основным источником комплектования колхозного стада являлась покупка скота. По ЦЧО план комплектования стада МТФ выполнен за счет 15 тыс. кулацких и 12 тыс. купленных коров. По Сибири из всего стада в 300 тыс. коров на покупку приходится 86—90%. Тисяч же картина и в других районах. Это говорит о том, что обобществление стада колхозников в общем плане комплектования занимает небольшое место.

Третья сессия ЦИК СССР в январе с. г. утвердила следующие контрольные цифры по комплектованию стада в колхозах: «Обеспечение развитие продуктивного животноводства колхозов с тем, чтобы общее поголовье коров достигло 4 млн. голов, в том числе в товарных молочных фермах 1,275 тыс., свиней 5 млн. голов, в том числе в товарных фермах 1,309 тыс. маток, овец 9 млн. голов».

В решении сессии ВЦИК в декабре 1930 г. о состоянии и перспективах развития животноводства указаны и пути выполнения плана комплектования стада, намеченного контрольными цифрами. Пути эти следующие: обобществление, естественный прирост и покупка.

Ведя решительную борьбу с правооппортунистическим самостеком в области обобществления продуктивного скота, все наши местные партийные и советские организации должны отчетливо помнить слова т. Сталина, что «хозяйственная симка с середняцкими наемцами должна строиться не на основе насильственных мер, а на основе соглашения с середняком, на основе союза с середняком. Насилье, необходимое и полезное в деле борьбы с нашими классовыми врагами, недопустимо и пагубно в отношении середняка, являющегося нашим союзником».

Развертывая массовую и организационную работу по обобществлению продуктивного скота, мы должны добиться того, чтобы стадо товарных ферм по крупному рогатому скоту в основном комплектовалось за счет обобществленного скота колхозников. Покупкою же должно лишь пополняться уже организованное стадо. При этом необходимо сугубое внимание обратить на работу Союзмиса, в аппарате которого очевидно еще не выкорчеваны остатки предельства. Обследованная РКИ установлено, что покупаемые органами Союзмиса скот для колхозов нередко напрасно прогоняется сотни километров, оставшись без корма и надлежащего ухода, результатом чего являются заболевания скота и рост накладных расходов. В качестве очередной важнейшей задачи необходимо поставить решительное снижение накладных расходов на доставляемый колхозам скот. Сейчас эти расходы нередко составляют 60—100% к заготовительной цене, что является серьезным тормозом при комплектовании колхозного стада. Необходимо добиться в ближайшее же время, чтобы они составляли не более 15%.

В настоящее время стадо в колхозах делится на обобществленное товарное стадо, на обобществленное потребительское и необобществленное стадо, находящееся в единоличном пользовании колхоз-

ников. Мы считаем, что разделение обобществленного стада на «товарное» и «потребительское» является вредным, так как при таком искусственном делении его колхозники больше обращают внимания на уход и содержание потребительского стада, считая «товарное» стадо чужим, государственным. Поэтому необходимо организовывать в колхозах единое товарное стадо. Для потребительских же нужд колхозников следует отпущать определенный процент соответствующей продукции — молочной, свиноводческой и т. д.

Мы считаем необходимым поставить также вопрос о специализации животноводческих колхозов. До настоящего времени структура животноводства в колхозах еще сильно отражает структуру стада в единоличном крестьянском хозяйстве, т. е. в одном и том же хозяйстве разводит крупный рогатый скот, свиней, овец и т. д., чем затрудняется специализация животноводческого хозяйства колхозов на определенной отрасли.

С другой стороны, полеводческое хозяйство животноводческих колхозов не приспособлено к требованиям животноводства и носит еще чисто зерновой характер, что безусловно задерживает развитие животноводства в колхозах. Поэтому специализация животноводческих колхозов должна идти по двум линиям: во-первых, по линии специализации полеводческого хозяйства в направлении травосеяния, кормовых, зерновых культур, бобовых и т. д.; во-вторых, по линии организации колхозов с одной ведущей отраслью животноводства: крупного рогатого скота, свиноводства, овец, т. е. необходимо идти теми же путями, по которым пошло развитие животноводства в совхозах (Скотовод, Свиновод, Овцевод и т. д.).

Капитальное строительство. Строительство в колхозах в 1930 г. протекало крайне неорганизованно, без достаточной плановости и при абсолютном отсутствии типовых проектов, смет, а также при недостаточной уважке объектов строительства с экономическими условиями районов и колхозов. Планы строительства в процессе работы подвергались многочисленным изменениям. Так по ЦЧО план менялся 11 раз, по Северному Кавказу — 5 раз. Такое же положение и по другим районам. Само строительство по данным обследования как по линии Совхозострой, так и по линии колхозно-кооперативной системы, было начато с большим опозданием и производилось главным образом в осенние и зимние месяцы. Так в декабре Совхозострой выполнил 63%, а в июле — только 13% строительства. Наряду с поздним развертыванием работ не менее отрицательно отразилось на строительстве незначительное отношение Совхозострой к задаче выделения первоочередных объектов строительства (помещения для скота, водоснабжение и т. д.).

	План на 1930 г.	Заключено договоров	Выполнено на 1/XII 1930 г.
	В тыс. руб. за		
Совхозострой	62,731	46,033	29,823
Самост. тресты	10,023	7,390	5,106

В ЦЧО по плану необходимо было построить 141 скотный двор на 14,000 скотомест, построено же 22 на 2,200 скотомест, т. е. 15,6%; свишарников по плану — 377 на 20,257 свиномест, построено 97 на 4,000 свиномест, или 25%; волов — по плану 22 на 2,200 мест, построено же 7, или 31,2%.

По Северному Кавказу планом МТФ предполагалась постройка 171 скотного двора; в момент обследования — в декабре 1930 г. —

построено 44 двора, а в постройке находилось 94, т. е. законченное строительство выразилось в 25,1%. По свинарникам планом предполагалось построить 1.600 помещений. К 1/X этот план был сокращен до 1.000 свинарников, а впоследствии до 400. Закончено строительством к 1/XII 1930 г. 131 свинарник и находилось в стадии строительства 225. Выполнение к первоначальному плану равно таким образом 8,1%, а к последнему — 32,7%.

План строительства по Западной Сибири до ноября находился под явной угрозой срыва. К строительству колхозы совершенно не были подготовлены: планы, проекты построек скотных дворов колхозам были преподаны только в июне.

Одним из факторов неудовлетворительного хода капитального строительства в колхозах является то, что строительные организации, изготовляя проекты и сметы, не считают с директивной об удешевлении строительства, вследствие чего мы имеем высокую стоимость свино-скотоместа. Так стоимость скотного двора на одну корову НКЗемом определялась в 180 руб., а Совкохозстроем — в 90 руб.; фактически же на местах стоимость скотного двора на корову колеблется в пределах от 30 до 300 руб. (ЦЧО, Сибирь, Урал) и от 140 до 300 руб. на свиноместо.

Планирующие организации к моменту развертывания строительства не установили объема скотных дворов и свинарников, вследствие чего большинство построек рассчитано на совершенно случайные количества голов скота (от 20 до 250). Нормы размещения скота разработаны аппаратным путем и на практике не проверены. Строительные организации слишком мало уделяли внимания и использованию местных строительных материалов. Так например ни одна проектная организация не составила сметы, где бы учитывались действительные местные цены на материалы и расценки труда в колхозах.

При развертывании строительства в ряде районов Зап. Сибири (Меньшиковский, Северокрутинский), а также и ЦЧО планом строительства не предусматривалось строительство телятников. По всем районам молодняк поставлен в крайне неудовлетворительные условия. Так по Зап. Сибири в обследуемых районах телята поставлены в холодные помещения, в связи с чем наблюдается большой процент падежа. Для примера можно привести следующие данные:

	За период с 1/X по 20 XII	
	Рождаемость	% гибели
1. С.-т. артель „Красный партизан“ . . .	46	26
2. „Светлая жизнь“	66	38
3. „Красная заря“	126	75

Из-за необеспеченности помещением и вследствие плохого ухода в ряде колхозов наблюдается значительный падеж молодняка. По Зап. Сибири телята часто содержатся в холодных, темных и сырых помещениях, находятся в тесноте и без надлежащего ухода.

В текущем 1931 г. необходимо обеспечить товарные животноводческие фермы необходимыми общественными постройками: скотными дворами, свинарниками, птичниками и т. д. К концу 1931 г. необходимо возвести по Союзу не менее одного миллиона скотомест по крупному рогатому скоту, примерно 1.250 тыс. свиномест, 460 тыс. мест для молодняка.

Эти задания, намеченные Госпланом, должны быть выполнены. Надо твердо усвоить азбучную истину, что без общественных скот-

ных дворов, свинарников и пр. не может развиваться общестественное стадо. Необходимо также твердо усвоить, что строительство общественных скотных дворов должно включать в себя как составную часть строительство телятников, иначе мы будем нести огромные потери в молодняке и подрывать самую базу воспроизводства стада.

Чтобы обеспечить задания по строительству, необходимо провести следующие мероприятия: немедленно наметить конкретные пункты строительства в колхозах, разверну вокруг этих мероприятий широчайшую массово-политическую кампанию среди колхозников. Нужно решительно изжить вредную практику, имевшую место в прошлом году, когда райкохозсоюзам намечали организацию и строительство ферм простым администрированием: «Ваш колхоз выделен для организации в нем МТФ» (Костромской райкохозсоюз). Такой подход к строительству в колхозах отражает полное непонимание директивами партии об организации товарных ферм. Вокруг этого дела нужно широко мобилизовать активность самих колхозников.

Строительство общестественных скотных дворов должно производиться в основном самими колхозами. Думать, что с этим делом справится один Союзсельстрой, не более как утопия, которая может принести величайший политический и экономический вред. На Союзсельстрой должна лежать главным образом техническая консультация.

Наконец строительство должно быть дешевле и как правило основано на местном строительном материале: глина, саман, камышит, камень и т. п.

Организацию и строительство товарных молочных ферм в первую очередь следует развернуть в районах промышленного маслодела (Северный край, Сибирь, Западная область), а также вокруг промышленных пролетарских центров (Москва, Ленинград, Баку, Грозный, Иваново-Вознесенск, Урал и т. п.).

Кормовой вопрос. При разрешении животноводческой проблемы на основе совхозов и колхозов одним из основных вопросов является вопрос о кормовой базе. В своем докладе на XVI партийном съезде т. Яковлев по этому вопросу говорил следующее:

«Мы не разрешим вопросов животноводства без создания соответствующей кормовой базы. Что мы имеем в части кормовой базы в настоящий момент?

Положение здесь не из блестящих. Если в Северо-американских соединенных штатах корма занимают свыше 61% всей посевной площади (сюда не включены пастбища, луга с подсевом трав и прочее), то у нас под кормовыми культурами занято только 30% посевной площади». Наша кормовая база характеризуется, с одной стороны, резким количественным несоответствием росту и запросам социалистического животноводческого хозяйства, а с другой стороны — неудовлетворительным качеством кормов. Насколько мало внимания до сих пор обращалось на развитие кормовой базы, это видно хотя бы из следующих данных Госплана Союза: в 1913 г. валовой сбор естественного сена составлял 731 млн. ц, а в 1925—1927 гг. — 774,1 млн. ц т. е. больше всего на 5%.

Качество кормов также далеко не отвечает требованиям растущего животноводческого хозяйства в колхозах. Так грубые корма по данным крестьянских бюджетов за 1926—1928 гг. составляли по РСФСР 82,4% к общему расходу кормов кормам за стойловый пе-

риод, дохода по Северному краю до 90,8%, по Сибирью — до 92,8%, а по Казахстану — до 97,7%.

Совершенно другое соотношение кормов имеется в передовых капиталистических странах.

Виды кормов	САСШ 1920 г.	Германия	Дания
Грубые	58,2	57,4	24
Сочные	0,1	25,0	34
Сильные	41,7	17,6	42
Итого	100	100	100

Таким образом грубые корма в РСФСР составляют 82,4%, в САСШ — 58,2, в Германии — 57,4 и в Дании — 24%.

Трудности в кормообеспечении развивающегося общественного животноводства МТФ и промсинкколхозов в частности состоят в том, что эти хозяйства созданы на полевосельской базе, не рассчитанной на значительное скотское поголовье. Конкретное состояние кормообеспечения животноводческих колхозов можно видеть из данных обследования 41 колхоза Урала, ЦЧО и Сев. Кавказа. Так в указанном количестве колхозов имеют отрицательное сальдо сильных кормов 34 колхоза, причем наиболее благополучный в этом отношении является ЦЧО, в числе 15 колхозов имеющий 6 с положительным сальдо сильных кормов. Зато 15 обследованных колхозов Сев. Кавказа все имеют дефицитное сальдо по сильным кормам, а из 15 колхозов Урала только одна коммуна «Прогресс» имеет излишек сильных кормов.

Сочными кормами из 41 колхоза обеспечены только 6 колхозов. По Сев. Кавказу все 15 обследованных колхозов оказались не обеспеченными сочными кормами. Даже по грубым кормам 13 колхозов из 15 имеют дефицит. Такое положение объясняется небрежным отношением самих колхозов к делу обеспечения скота кормом.

Например на Сев. Кавказе большое количество соломы и полновышло под снег, другая часть расхищена единоличниками. Невыполнение планов по силосованию также сильно ударило по кормообеспеченности колхозов.

Вопросу организации кормового баланса путем введения соответствующих многопольных севооборотов с посевами кормовых трав и корнеклубнеплодов со стороны районных организаций также не уделяется достаточного внимания.

Одна из главных причин, тормозящих введение многопольных севооборотов в животноводческих районах, — это отсутствие семян корнеплодов и трав. По этой причине например в Русскомском и Токревском районах в прошлом году был сорван план посевов трав и кормовой свеклы.

Мы должны добиться в этом деле решительного перелома в сторону укрепления кормовой базы колхозных товарных ферм. В частности необходимо довести в стойловый период в кормовых районах молочного скота МТФ сучную дачу сочных кормов (корнеплодов и силоса) до 25 кг (в Дании 45–60 кг). Для этого следует широко развить посевы корнеплодов и силосных культур (подсолнуха, кукурузы и др.). В отношении сильных кормов необходимо предусмотреть производство и отпуск их, начиная с 1931 г., до 500 кг в год на корову (в Дании дача сильных кормов в год составляет 800–1.000 кг на корову). В соответствии с этим в севооборотах колхозов животноводческих районов площадь под травами, корнеплодами, силосными куль-

турами и зерновыми на корм скоту необходимо довести до 60–70%. Особое внимание колхозная общественность должна уделить улучшению лугов и пастбищ, охватив в этом году простейшими мероприятиями (очистка, боронование, осушка, раскорчевка и т. п.) не менее 50% лугов и пастбищ животноводческих колхозов. Необходимо повести решительную борьбу на основе социалистического соревнования, ударничества и премирования с нерациональным и бесхозяйственным расходованием кормов в колхозах.

Содержание скота. Если по части концентрации молочного скота и вообще организации МТФ и промсинкколхозов мы в сравнительно небольшой срок имеем значительные достижения, то условия содержания общеплеменного стада оставляют желать еще многого. Из-за недостаточного обеспечения колхозного поголовья скотными дворами, синарниками, из-за плохого кормления и ухода, отсутствия достаточного опытного персонала (скотников, дойрок) и надлежащего ветобслуживания в ряде колхозов наблюдаются значительный падеж и заболевания скота. Скот размещен в плохо приспособленных помещениях, сильно скучен, дворы завалены навозом, грязны, что понижает продуктивность и ведет к заболеванию.

Обследованное установлено, что молодняк крупного рогатого скота поставлен в еще более неудовлетворительные условия. При строительстве скотных дворов для последнего не предусмотрены отдельные помещения, и поэтому телата в ряде случаев помещаются и содержатся вместе с взрослыми животными. А руководящие колхозно-кооперативные организации для улучшения условий содержания молодняка ничего не делают.

О результатах плохого содержания скота говорит следующие факты. В сельскохозяйственной артели им. Блюхера (Западная область), коммуна «Коммунар», падеж по свиньям достиг 34%, а в коммуна «Переключка» падеж по молодняку крупного рогатого скота составил 60%. В указанных коммунах и артелях скот размещен в холодных, темных помещениях и стоит вместе с молодняком; кормление происходит без норм и только грубым кормом, который бросается прямо под ноги. По данным обследования 10 колхозов Северокавказского края вследствие плохого содержания и кормления падеж по лошадям достигает 1,5–16%, по коровам — 0,3–10%, свиньям — 5–30,7%, по подсосникам — 3,1–31,4%, по пороссятам — 15,6–44,5%. Падеж здесь обуславливается главным образом скученностью, отсутствием изоляторов, скверным обслуживанием скота ветеринариями, плохим питанием и т. п. В колхозе «Память Ленина» заболеваемость лошадей достигает 28,7%, молодняка крупного рогатого скота — 28,8%, свиней — 14%. В коммуна «Соцперевозованье» коровы болыи туберкулезом на 29,8%, в коммуна «Пролетарская воля» — на 21%.

По данным Зап. Сибири видно, что молодняк крупного рогатого скота в ряде колхозов гибнет главным образом от холода. Телата, родившиеся под открытым небом или во дворах, своевременно не убираются от коровы и в результате этого нередко гибнут. Так в с.х. артели «Красный партизан» с 1/IX по 20/XII родилось 46 телат, пало же 26; в артели «Светлая жизнь» родилось за тот же период 66, пало 38; в артели «Красная заря» родилось 126, пало 75. Такая же картина наблюдается и в отношении свиней. Так в акте по Меньшиковскому району Зап. Сибири говорится: «В колхозах «Пролетарский труд», «Мировой октябрь», «Победа» все поголовье — взрослые матки, хрюки, подсосники и поросята — размещены в одном пригоне. Молодняк и слабые свиньи нередко гибнут, так как все стадо кормят однове-

менно — взрослые свиньи слабых поросят от кормушек отгоняют, нанося им травматические повреждения и т. д. Указанное полностью подтверждается и данными по Кантемировскому и Подгорельскому районам (ПЧО), где свиньи содержатся в скверных условиях. Главная причина этого — что строящиеся свиноводческие подворья, и по-этому свиное стадо находится в крестьянских дворах, не приспособленных для зимнего содержания. Второй не менее важной причиной является отсутствие средней квалификации рабочей силы, отсутствие зоотехнического надзора на местах, кадров свиноводов.

Конечно приведенные данные заболеваемости и гибели молодняка и взрослого скота отнюдь не характеризуют состояния колхозного стада в целом. Но эти примеры указывают на то, что на данном участке имеется ряд явлений, которые заставляют нас обратить особое внимание на содержание и уход за скотом в колхозах.

Одним из очередных лозунгов для колхозов должно быть: обеспечить содержание, уход за скотом и полное сохранение молодняка.

Водоснабжение. Не менее плохо обстоит дело с водоснабжением. Так по обследованию 144 молочных ферм в 23 районах Зап. Сибири оборудовано колодцами на начало декабря всего лишь 34%. Многие колхозы вынуждены подвозить воду из естественных источников или гоняют скот к реке, озеру и т. д., поэтому приходится скот ежедневно перед водопоем держать часа два вне теплого двора.

При определении мест постройки скотных дворов не было уделено достаточного внимания вопросу водоснабжения (с.х. артели «Красный партизан», «Светлая жизнь», «Красная заря» Меньшиковского района и коммуна «Новая жизнь» Северокуртинского района Западносибирского края).

Около 40% всех скотных дворов расположены вдали от естественных водоемов, колодцев при дворах нет, скот гоняется к водоемам, из-за чего происходит заболелание скота, выкидыш от падения стельных коров на льду и различные травматические ранения (Чановский район, Западносибирский край).

Чтобы улучшить водоснабжение, колхозники приступили к массовому рытью колодцев хозяйственным способом.

Организовавшийся весной 1930 г. Госмелнотрест в должном масштабе работы не развернул и лишь в июле приступил к планомерному разрешению вопроса водоснабжения товарно-молочных колхозов.

В 1931 г. колхозное стадо должно быть полностью обеспечено водой — такова задача, стоящая перед Мелнотрестом и всей партийной и советской общественностью.

Финансирование. Важнейшим мероприятием для успешного развития животноводства в колхозах является финансирование. Финансирование животноводства за 1927—1930 гг. по РСФСР:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
В тыс. рублей	40.117	93.256	263.881
% роста	100	232,4	657,8

Если финансирование в целом возросло в 6½ раз, то ассигнования на корм чрезвычайно отстают от роста поголовия, что угрожает дальнейшему росту общестовного стада. В 1929/30 г. финансирование на корма составляло только 4,5% от всех кредитов.

Выполнение плана кредитования животноводства по материалам проведенного обследования свидетельствует о больших недочетах в этой области.

Отсутствие надлежащего контроля и наблюдения за направлением кредитов со стороны краевых (областных) и районных органи-

заций, неувязка плана кредитования с ходом коллективизации и растущего общестовления имеет своим последствием искривление кредитной политики.

По Западносибирскому краю в обследованных животноводческих колхозах имеет место закредитованность колхозов. В общей сумме вложений государственных средств достигает 60% (в с.х. артели «Красный пахарь» — 60,5%, в коммуна «Новая нива» — 59,4%).

С другой стороны, при практическом проведении в жизнь кредитной политики в ряде районов имеет место бюрократическое отношение. Например по Ивановской области производилось недопустимое распыление отпущенных кредитов, в результате чего государственные средства, вложенные в товарные фермы, не могут дать должного эффекта.

Не менее существенным недочетом являются массовые случаи использования отпущенных кредитов не по прямому назначению. Например по ПЧО в Токревском районе в с.х. артели «Волны революции» кредиты на животноводство в сумме 42.400 руб. использованы на другие цели; в Подгоренском районе колхозы «Ухтомский» и «Коминтерн» из 28.200 руб., отпущенных на свиноводство, использовали по назначению всего 8.200 руб. То же отмечено в Русаковском и других районах.

Особенности плана с.х. кредитования на 1929/30 г. заключались в том, что в доходной части плана видное место занимали местные средства самого населения.

Директивы партии и правительства по вопросу о мобилизации внутренних ресурсов и привлечении средств населения в систему с.х. кредита через паевое накопление, привлечение вкладов, погашение ссуд и кулацких хозяйств и др. колхозов в ряде районов не выполнялись. Эта правооportunистическая практика привела к тому, что за первое полугодие 1929/30 г. план кредитования за счет средств низовой сети системы с.х. кредита выполнен всего лишь на 24,5%. По Уральской области полугодовой план вложения средств центра использован на 94,7%, выполнение же плана вложений за счет местных средств значительно отстает. По Ивановской области, в условиях недостаточной обеспеченности развития животноводства лугами и пастбищами, кредитный план по мелнотресту выполнен всего на 14%. В Юрьеве-польском районе (животноводческом) Ивановской области кредитам дано направление без учета специализации района: из 182.800 руб., отпущенных на сельское хозяйство в 1929/30 г., на молочный скот и скотные дворы выдано всего лишь 38.000 руб., или 21% общей суммы кредита.

Кредит должен быть направлен на организацию крупных товарных ферм, причем необходимо решительно добиваться кредитной дисциплины и расходования средств по назначению. Надо обратить особое внимание на мобилизацию средств колхозников для целей организации товарных ферм. Должно быть усилено кредитование организации кормовой базы колхозов.

Организация труда. Организация труда в животноводческих колхозах — один из наименее освещенных вопросов в строительстве животноводческих колхозов.

По обследованным районам в практике животноводческих колхозов преобладает погрешный принцип работы (по трудолюбию), крайне слабо развит или совершенно отсутствует бригадный метод работ и в очень незначительной степени развита сдельщина, соцсоревнование и ударничество.

Данные обследования животноводческих колхозов, вскрывая отдельные большие стороны в организации труда, позволяют в то же время со всей уверенностью отметить, что творческая инициатива колхозных масс даже в вопросах организации труда в животноводческом хозяйстве значительно опережает все то, что предусмотрено в качестве руководящих указаний в этой области нашими земорганами и колхозно-кооперативной системой.

В деле рационального обслуживания, а также специализации работников приобретает большое значение закрепление определенной группы членов колхоза на постоянной работе по скотному двору, причем за группами должны закрепиться определенные скот.

Организация специальных бригад в животноводческом хозяйстве отмечена на Сев. Кавказе в колхозе «Память Ильича», по ЦЧО в колхозе «Путь Ленина» и в с.-х. артели «Гигант», на Средней Волге в с.-х. артели имени Ленина.

Совершенствование и премиривание в животноводческом хозяйстве колхозов имеет место (судя по данным обследования) больше всего в колхозах Зап. Сибири.

В результате совершенствования и премиривания отмечено здесь своевременное окончание планового строительства скотных дворов («Красный пахарь»), мобилизация колхозников на зимний период для окончания внутреннего оборудования скотных дворов («Пролетарский труд»), образцовое содержание скота в отдельных колхозах и т. п.

Организация труда в животноводческих колхозах на основе сдельной и почасовой оплаты, создание постоянных бригад на скотном дворе по видам скота, ликвидация обезлички, система премиривания, развитие совершенствования и ударничества — это боевая задача сегодняшнего дня.

Кадры. Характеризуя положение с животноводческими кадрами, необходимо отметить прежде всего, что в некоторых районах, как например в Ивановской области, при реорганизации колхозно-кооперативной системы в деле преимущественного закрепления животноводческих кадров за кооперативной системой, допущен определенный перегиб. Так в низовой животноводческой кооперации работает 290 техников-животноводов и ассистентов, а в колхозах только 30 человек.

Примерно ту же картину рисуют и данные об укомплектовании зооперсонала по 50 молочно-животноводческим районозам Сибиря, где вместо предусмотренных по штату 50 агрономов-зоотехников имеется лишь 16, вместо 50 отраслевых зоотехников — только 19, вместо 40 агрономов кормовиков — только 6.

При неопасности животноводческими кадрами колхозно-кооперативной системы и самих колхозов работа по подготовке и переквалификации животноводческих кадров развернута однако более чем недостаточно.

Сентябрьская директива ЦК ВКП(б) относительно обеспечения колхозной системы 1.500 специалистами высшей и 5.000 специалистов средней квалификации за счет слушателей, оканчивающих учебные заведения, НКЗемом СССР до сих пор не реализована.

Подготовка зоотехнических кадров для обслуживания животноводческих колхозов, а также специализация колхозников — членов животноводческих колхозов частично проведена в ЦЧО и Зап. Сибири.

По Ивановской области план подготовки колхозных кадров по существу был сорван (выполнен лишь в размере 3,3%); подготовка же колхозного животноводческого персонала (скотники, доярки и т. п.) по плану обколхозсоюза совершенно не предусматривалась.

Плохо обстоит дело также с ветперсоналом.

Например по Ивановской области ветчас в 600 специалистов фактически укомплектована на 55%. Из 155 ветфельдшерских пунктов по области функционирует лишь 72.

На подготовку животноводческих кадров в колхозах местными партийными и советскими организациями необходимо обратить особое внимание.

Планирование и руководство. Руководство и планирование делом строительства животноводческих колхозов в 1930 г. переходило как в центре, так и на периферии от одной советской организации к другой, что разумеется не могло не сказаться на качестве руководства и его результатах.

Связь не только у центра, но и у краевых и областных органов осуществляется в виде циркуляров и директив. Конкретное руководство в повседневной работе колхозов со стороны колхозно-кооперативной системы как правило отсутствует.

В подавляющем большинстве районов вопрос об организации молочно-товарных ферм не обсуждался ни в райзо, ни в рпках, и большая часть колхозов включена в сеть без какой-либо разяснительной работы и даже без согласия самих колхозов (Вячугский, Юрьев-Польский, Вязниковский, Даниловский районы). Обследование например отмечает, что Костромской райколхозсоюз в отношении от 18/XI за № 299 пишет: «Ваш колхоз выделен для организации в нем МТФ». Циркуляр Обколхозсоюза от 29/X к райколхозсоюзам воспроизведен Костромским райколхозсоюзом в обращении к колхозам, причем предупреждение обколхозсоюза: «Какая-либо переписка по поводу непримлемости условий кредитования будет излишней и бесполезной тратой времени, необходимого на организацию широкой разяснительной работы среди колхозников», — приложено полностью.

Организация сети МТФ и план укомплектования стада в них не были во многих районах указаны ни с потребностью порайонного рабочего снабжения молочными продуктами, ни с существующей сетью маслозаводов.

Имеются случаи, когда планирование недоучитывает возможности колхозов и намечает менее того, что делают сами колхозы.

В колхозах обследованных областей уделяемое животноводству внимание совершенно не достаточно. Правления плохо осведомлены о состоянии животноводства; работа по разъяснению задач продуктивного животноводства среди колхозных масс не ведется.

Реализуя сказанное, необходимо отметить, что вопросы колхозного животноводства все еще не стоят в центре внимания колхозной системы и местных партийных и земельных органов. Необходимо в ближайшее же время добиться решительного перелома в деле устранения имеющихся трудностей и недочетов в этом деле.

Преодоление трудностей в строительстве животноводческих и товарных ферм должно быть основано в первую очередь на решительной борьбе с кулаком, с остатками вредительства буржуазной интеллигенции и с агентурой кулачества в нашей партии — правыми оппортунистами. Правооппортунистический самотек, представляющий на данном этапе главную опасность в строительстве животноводческих товарных ферм, должен быть решительно преодолен.

Практика и организационные проблемы финансового планирования

Огромный размах социалистического строительства требует все возрастающих из года в год денежных вложений, ибо «существо большевистского наступления состоит... в том, чтобы мобилизовать максимум средств на дело финансирования нашей индустрии, на дело финансирования наших совхозов и колхозов» (Сталин).

Тем самым приобретает все большее значение планирование финансового хозяйства страны, охват этим планированием максимальной доли народного дохода для его перераспределения в интересах социалистического строительства.

Переход с 1931 г. к составлению единого финансового плана является поэтому крупнейшим достижением партии и правительства в деле осуществления единого народнохозяйственного плана, важнейшим шагом вперед в укреплении и усовершенствовании всей системы планового социалистического хозяйства.

Эта важнейшая реформа, имеющая не только экономическое, но и политическое значение, получает тем больший смысл, что первый год ее широкого проведения приходится на третий решающий год пятилетки, выполнение плана которого требует «величайшей организованности и дисциплины, решительного улучшения качества работы всех звеньев государственного, хозяйственного и кооперативного аппарата, решительного внедрения в хозяйственное развитие планового начала и плановой дисциплины, величайшей активности и трудового подъема широчайших масс трудящихся» (из резолюции декабрьского пленума ЦК и ЦКК).

В этих условиях должно протекать и выполнение единого финансового плана Союза ССР на 1931 г., основной задачей которого является максимальная мобилизация и четкое классовое перераспределение народного дохода страны на нужды народного хозяйства, культуры, управления и обороны и общий объем которого определен в 31,9 млрд. руб., т. е. с ростом против истекшего года на 36,2% и с охватом народного дохода страны в размере двух его третей.

Тесная увязка финансового плана с производственно-материальным планом народного хозяйства еще больше увеличивает ответственность хозяйственных организаций и государственного аппарата и усложняет их работу по выполнению народнохозяйственного плана страны. Осуществление качественных показателей по общественому сектору должно обеспечить поступление свыше 5 млрд. руб. Каждый процент снижения себестоимости промышленности должен составить 180 млн. руб., процент снижения стоимости строительства — 100 млн. руб., снижения стоимости транспортных перевозок — 30 млн. руб. Снижение срока оборота товаров потребкооперации на 9 дней должно дать экономии в размере около 300 млн. руб.

Эту решающую и теснейшую связь финансового плана с материально-производственным планом особенно подчеркнул в своих решениях декабрьский пленум ЦК и ЦКК, отметивший, что «... успешное выполнение финансового плана и бюджета стоит в прямой зависимости от выполнения качественных и количественных показателей по всем отраслям хозяйства».

Таковы в основном роль и значение единого финансового плана СССР, борьба за выполнение которого является не только решающим условием выполнения всего народнохозяйственного плана в целом, но также и борьбой за дальнейшее усовершенствование системы планового ведения социалистического хозяйства.

На основе опыта по составлению единого финансового плана РСФСР на 1931 г., а также опыта по проведению этой кампании в отдельных областях и республиках, можно подвести некоторые итоги этой новой и сложной работы и поставить ряд важнейших вопросов, связанных с улучшением и рационализацией как отдельных этапов по составлению финансового плана, так и всей системы финансового планирования народного хозяйства.

Основным материалом для настоящей статьи послужили итоги только что законченного НК РК РСФСР обследования порядка составления и хода выполнения единого финансового плана РСФСР на 1931 г. Кроме обследования всей этой работы в центре практика составления и ход выполнения финансового плана были проверены в Ленинградской, Средневожской областях, Северокавказском крае и Татарской АССР, что позволяет с достаточной полнотой проанализировать опыт составления финансового плана на 1931 г. не только в республиканском центре, но и на местах.

Анализ этот позволяет прийти к тому основному выводу, что в деле составления единого финансового плана РСФСР на 1931 г. как в центре так и на местах плановыми, финансовыми и почти всеми хозяйственными органами была проделана значительная организационная и плановая работа, которая в силу своей новизны и исключительных трудностей методологического, технического и экономического порядка отличалась весьма существенными недостатками и принципиальными неуязвимыми, устранение которых является ближайшей задачей на пути к дальнейшему улучшению планирования народного хозяйства.

Серьезнейшим недостатком в деле проведения всей кампании является то обстоятельство, что как союзными и республиканскими наркоматами и всеми хозяйственными организациями центра, так и местными учреждениями и организациями не были приняты соответствующие меры к мобилизации всех сил советского аппарата и к привлечению внимания профессиональных, комсомольских и общественных организаций к вопросам составления и выполнения единого финансового плана 1931 г.

До сего времени как в центре, так особенно на местах отдельные работники далеко не осознали, какое значение придется партий и правительством делу составления и выполнения финансового плана. Ряд фактов показывает, что аппарат продолжает считать основную работу по местному и государственному бюджету, а составлению финансового плана уделяет мало внимания. В Ленинградской области и Северокавказском крае отдельные организации даже не знали о переходе на систему единого финансового плана, продолжая по-старинке планировать свое финансовое хозяйство в рамках бюджета и кредита.

¹ Печатается в порядке обсуждения. Рез.

В такой обстановке недостаточной мобилизации внимания аппарата и общественности к вопросам финансового планирования протекала в 1931 г. работа по составлению единого финплана. Если к этому прибавить, что большинством союзных и республиканских наркоматов и хозяйственных организаций не было дано местным своим органам никаких указаний как по существу, так и в части методологии составления отраслевых финансовых планов, то станут ясными те исключительно трудные условия, в которых проходила составление отраслевых и сводного финпланов на 1931 г.

Вдобавок к этому и НКФ СССР разослал на места ряд инструктивных указаний по составлению единого финплана, проработанных лишь теоретически, в настоящее время уже устаревших и отвергнутых во многих своих частях опытом составления финплана на 1931 г.

В связи с этим нельзя не отметить одну чрезвычайно характерную деталь, связанную с инструктажем по финплану: изданные НКФ СССР правила и формы по составлению финплана на 1930/31 г. (механически распространенные на 1931 г.) были напечатаны в столь незначительном количестве экземпляров и настолько быстро распространены, что значительная часть учреждений и организаций как в центре, так особенно на местах не имела возможности воспользоваться этой брошюрой в своей повседневной работе по финплану.

Недочеты инструктажа центра отразились на работе местных организаций по составлению ими своих финпланов и на сводной работе по финплану финансовых и плановых органов.

НКФ РСФСР и его местные органы, на обязанности которых лежало общее руководство делом финансового планирования, в свою очередь не только не мобилизовали на эту работу все силы советского аппарата, но и своим инструктажем отразили в известной степени недостатки инструктажа НКФ СССР, прибавив к этому ряд серьезных недочетов своей собственной инструкционно-плановой работы.

В результате такой постановки дела инструктирования работа по составлению единого финплана была чрезвычайно затруднена. Бригада Центржилсоюза, обследовавшая постановку инструктажа по финансовому планированию, указывает например следующее: «руководство, а тем более инструктаж со стороны НКФина по составлению Центржилсоюзом единого финплана на 1931 г., отсутствовали. Пришлите Наркомфинном формы единого финплана, будучи разработанными для жилищно-коммунального хозяйства, для системы жилищной кооперации, оказались частью неподходящими, поскольку хозяйственная деятельность системы жилищкооперации имеет существенные отличия от жилищно-коммунального хозяйства как по своей организационной структуре, так и в смысле большего разнообразия функций (жилищное строительство, эксплуатация нового и старого фонда, производство стройматериалов, снабженческая деятельность, культбюджетная работа и т. д.)».

Бригада ГУКХ пишет: «Коммунальное хозяйство в отношении инструктажа союзных и республиканских плановых и финансовых органов по составлению финплана на 1931 г. было предоставлено собственным силам; никакого руководства со стороны этих органов не было. Ни Госплан РСФСР, ни Наркомфин не дали ГУКХу методологических или иных конкретных установок по составлению финплана как в отношении его построения по составным элементам, так и в части выполнения... В течение всего периода составления финплана и перед началом этого периода НКФ, как и Госплан, не созывали работников

коммунального хозяйства (ГУКХ, МОКХ и др.) для обсуждения и изыскания путей наиболее рационального построения финплана коммунального хозяйства на 1931 г.».

На местах дело с инструктажем по финансовому планированию обстояло еще хуже, тем более что из центра почти никаких руководящих и методологических указаний, кроме инструкций НКФ СССР, дано не было. НК РКИ Татарской АССР говорит: «формы финплана сложные и не увязаны с принятыми для организации формами промфинплана, а инструкционные указания центра по заполнению некоторых граф форм не ясны, а иногда и противоречивы». Средневолжская РКИ отмечает: «руководство и инструктаж по составлению единого финплана со стороны НКФ РСФСР были крайне недостаточны и не давали возможности быть в курсе дела столь важной работы, как единый финплан: посланные в НКФ запросы о методике составления финплана оставались без ответа, причем живой связи с НКФ не было».

Естественно, что местные финорганы, центром недостаточно проинструктированные по вопросам составления финплана, сами не сумели поставить на должную высоту дело инструктажа финансового планирования.

Область Ленинградской области перед началом кампании по составлению финплана разослала всем учреждениям и организациям коротенькую трафаретную записку, в которой указал лишь срок представления отраслевого финплана, а в части методологии его составления сослался на инструкцию НКФ СССР (которая кстати в это время уже была распорядана и в большинстве учреждений и организаций не имела). Этим по существу и ограничился инструктаж ленинградских областных организаций.

Средневолжская РКИ констатирует, что «инструктаж со стороны Крайфу проведен недостаточно и носил грубо выражаясь «кустарный характер», ограничиваясь в большинстве случаев беседами с отдельными работниками при вручении форм, вследствие чего являлось то, что инструктажем охвачены отдельные работники краевых организаций и предприятий, проявившие личный интерес, хозяй органы же и предприятия в целом остались в стороне, не осознавая всей важности финансовых планов (Крайфу, Сметчест и др.)».

Характерно, что финорганы как в центре, так и на местах проводили инструктаж по финплану без созыва широких междведомственных совещаний для уточнения на этих совещаниях всех недоуменных вопросов, затруднений по формам плана и т. д.

НКФ РСФСР и в особенности его местные органы не дифференцировали своих инструктивных указаний по финплану в зависимости от характера производственно-хозяйственной деятельности учреждений и организаций.

Наконец — что очень важно — при проведении столь новой и сложной работы, какой является работа по составлению сводного финплана, ни НКФ, ни финорганы на местах не проявили должной инициативы, не поставив перед вышестоящими финорганами ряд вопросов, требующих своего быстрого разрешения.

Работа республиканских и местных организаций по составлению финпланов на 1931 г., проходившая в отмеченных условиях, в свою очередь изобиловала множеством серьезных недостатков, причем ряд организаций, не осознавая значения и необходимости составления своих финпланов, вовсе не представляли отраслевые финпланы в НКФ РСФСР и его местные органы, которым пришлось за них составлять эти фин-

планы. Так по Ленинградской области не был составлен кредитный план на 1931 г., и в обстановке значительных трудностей был составлен обфог финплан сельского хозяйства, причем аппарат и руководство обфог проявили полное непонимание важности вопросов финансового планирования; по подведомственному отхохозу и общортотделу хозяйству финпланы также были составлены обфог. НКФ РСФСР вынужден был составить отраслевые финпланы за НКСиоб РСФСР, ГУКХ и Воесоохотозов. Госбанком не был составлен кредитный план по РСФСР, что значительно затруднило составление НКФин-ном сводного финплана РСФСР.

Подавляющее большинство организаций, создавая явную недостаточность инструктажа финорганов и полное отсутствие инструктивных указаний по финплану из своих центров, также не проявляло должной инициативы в деле постановки перед центром и финорганами необходимых вопросов и предложений, улучшающих дело финансового планирования, дело учета и отчетности.

Составленные организациями отраслевые планы оказались в результате всего этого неудовлетворительными, нереальными, порой технически и экономически необоснованными, а иногда они являлись просто формальной отпиской для удовлетворения требования об обязательном составлении финплана на 1931 г.

Что касается организаций союзного, а на местах и республиканского значения, то подавляющее их большинство вовсе не представляло в финорганы и соответствующие отраслевые организации своих финпланов, так как не имело ни необходимых указаний от своих центров, ни возможности по состоянию своего учета выполнить требования НКФ РСФСР и его местных органов.

НК РКИ Татарской АССР, давая характеристику представленным в НКФ Татарии отраслевым финпланам, пишет: «работникам НКФ нередко приходилось вместо корректирования ведомственных финпланов фактически пересоставлять их, производя сложные черновые вычисления, что объясняется недостаточной проработкой материала самими ведомствами; большинство финпланов не имеют в представленном материале обоснований и расчетов».

На Северном Кавказе расчеты и обоснования проектируемых в отраслевых планах статей доходов и расходов оказались после их проверки чрезвычайно поверхностными, а часто даже и эти поверхностные расчеты организациями вовсе не приходились, что крайне затрудняло работу крайфру по составлению сводного финансового плана края.

В Ленинграде бригада обдортранса установила, что предоставленные обдортрансом в его отраслевом финплане цифры по трудности населения основаны на данных о численности населения отдельных районов области, взятых из справочника Статбюро, причем процент трудоспособных принят в размере 30. Ни от риков, ни от сельсоветов не имеется сведений о действительном числе подлежущего трудоспособности населения. Справочник издан по материалам 1928 г. и является устаревшим. Проверенное на выдержку число лошадей в районах оказалось фактически в два раза меньше против цифр справочника.

Бригада Госплана РСФСР, давая оценку представленным ведомствами и организациями финпланам, говорит следующее: «секциям приходилось за редким исключением составлять планы, резко отличающиеся от планов ведомств. Так например представление Нарком-

здравом контрольные цифры предусматривали капитальные вложения в 900 млн. руб. против 103 млн. руб., отпущенных в 1929/30 г. В качестве источников покрытия были предусмотрены: дотация из союзного бюджета в 300 млн. руб., средства колхозов — 225 млн. руб., как будто задачи колхозов являются не производственными, а потребительскими; цели; не лучше обстоит с планом просвещения — охватываемые разногласия с Наркомпросом после целого ряда «уступок» со стороны по сравнению с наметками Госплана выражались в 1 миллиарда рублей. План Центросоюза предусматривал рост кредитования в Госбанке на 351 млн. руб., а по к. ц. Госплана намечалось наоборот изъятие в 400 млн. руб. и т. д.».

В процессе обследования отмечены также факты формального отношения ведомств и организаций к составлению своих финпланов. Представив в НКФ или местный финорган свои финпланы, эти организации не только не интересовались дальнейшим ходом работы финорганов по составлению сводного финплана, но даже не сообщали туда о происшедших в их финпланах изменениях.

Чрезвычайно затруднена была работа по составлению сводного финплана НКФ РСФСР и его местных органов, куда направлялись все отраслевые финансовые планы. В силу низкого качества планов, небоснованности приводимых в них расчетов или полного отсутствия таковых НКФ РСФСР и местные финорганы не имели возможности в полной мере критически отнестись к этим планам, проверить их обоснованность, экономическую целесообразность, увязку финансовых предположений с производственными заданиями.

На отсутствие у НКФ критического подхода к отраслевым финпланам при составлении сводного финплана РСФСР указывает бригада быв. Ростотстраха. Бригада пишет, что взаимоотношения Ростотстраха с НКФинном и Госпланом сводятся главным образом к тому, что эти последние требуют от Ростотстраха проектировки и без критики включают их в сводный финплан или используют их как побочный материал».

Финпланы Соцстраха как правило также включались в сводный финплан без глубокой их проработки в финаппарате.

Средневольская РКИ очень резко отмечает: «никакой методологии проверки и оценки отраслевых планов крайфру не выработано, и критическое отношение по существу отсутствует; некоторые финпланы на 1931 г., доставленные еще в декабре месяце, пролежали без рассмотрения до реорганизации аппарата — до 10/II 1931 г. (финплан по торговле)».

Немазовую роль сыграли неувязки и несогласованность в работе отдельных частей финаппарата. Между секторами НКФ РСФСР и его местных органов должной связи в работе по составлению финплана не было; не были разработаны календарные планы, отчеты производства неувязка в сроках окончания работ по отдельным секторам; не было коллективной проработки плановыми работниками инструкции НКФ СССР; не было совместных совещаний для выяснения и уточнения работы по сводному финансовому планированию; инструктаж и общее руководство финплановой работой со стороны сводноплановых секторов были недостаточны; отдельными секторами не были выделены работники по финплану, этот участок работы вообще не был достаточно обеспечен соответствующими кадрами; руководители отраслевых секторов в большинстве случаев должного руководства работой по финансовому планированию не осуществляли.

Все эти недочеты в деле организации составления отраслевых и сводных финансовых в центре и на местах необходимо немедленно устранить, чтобы кампания по составлению финансового плана на 1992 г. могла протекать более четко и при полной согласованности в работе Госплана, НКФ и всех республиканских и местных организаций и учреждений.

Важнейшим в этом отношении является выполнение требования к НКФину, Госплану и всем республиканским ведомствам и учреждениям об организации и постоянном осуществлении надлежащего инструктажа своих местных органов по финансовому планированию, причем в целях использования опыта и практики мест должен быть установлен порядок получения с мест соответствующей информации; в частности инструктаж, правила и формы по составлению подведомственного и особенно территориального финансового плана на 1992 г. должны быть установлены на основе предложенных мест, которые должны быть об этом заблаговременно запрошены.

Для должной проработки вопросов, связанных с составлением финансового плана на 1992 г., Госплану и НКФину необходимо одновременно созвать совещание работников областных, краевых, республиканских и союзных плановых комиссий и финорганов. На это совещание полезно также пригласить и работников по финансовому планированию из республиканских и союзных ведомств и организаций.

В отношении 1991 г. необходимо срочно поставить перед принятием вопрос об освобождении: а) областных (краевых) органов от обязательного составления территориальных финансовых планов на 1991 г. ввиду отсутствия по большинству предприятий и организаций союзного и республиканского значения отчетных материалов по финансовому, либо несоответствия имеющихся материалов требованиям форм НКФ и местных финансовых органов; б) районных финорганов от обязательного составления на 1991 г. своих финансовых планов по полной, развернутой номенклатуре, с тем чтобы такая работа была проведена выбороочным методом (по выбору обанкротившихся) лишь в наиболее подготовленных и крепких районах; в остальных районах РСФСР опыт составления финансового плана на 1991 г. должен проводиться по сокращенным и упрощенным формам, обеспечивая однако более точную и обоснованную проработку форм по мобилизации средств населения.

Проведение в жизнь этих мероприятий не может все же обеспечить в полной мере правильное и своевременное финансовое планирование. Необходимо не только установить отмеченные недочеты в практической работе всех органов, так или иначе связанных с составлением единого финансового, но и внести существенные изменения в самую систему финансового планирования, которая также страдает значительными недостатками.

Прежде всего финансовое планирование в настоящее время обособлено и осуществляется параллельно составлению материально-производственного плана народного хозяйства. Такой разрыв в планировании является следствием того, что функции сводного финансового планирования по действующему закону осуществляются финансовыми органами, причем плановые комиссии, к компетенции которых относится общее планирование народного хозяйства, обязаны лишь давать свое заключение по проекту единого финансового плана. Это весьма отрицательно сказывается на качестве и темпах составления финансового.

Установлен целый ряд случаев несоответствия финансового плану общему плану народного хозяйства и наоборот. Это несоответствие является не случайным, а вытекает из самой системы планирования, так как производственно-материальный план составляется без полного и точного представления о всех финансовых возможностях и ресурсах, а финансовый план в свою очередь вырабатывается без надлежащего учета решений плановых комиссий о потребностях народного хозяйства.

В результате этого имеет место повторная и перманентная ломка финансового плановыми комиссиями в целях приведения его в соответствие с общим планом народного хозяйства и ломка народнохозяйственного плана финорганами с точки зрения увязки финансирования тех или иных отраслей народного хозяйства или отдельных мероприятий с финансовыми возможностями. В результате этого в плане народного хозяйства отсутствует надлежащая устойчивость.

Система раздвоенного планирования обуславливает и порождает также целый ряд недочетов аппаратно-организационного характера. Прежде всего вся работа по составлению народнохозяйственного плана фактически проводилась параллельно и повторно в плановых и финансовых органах, причем первые, имея производственно-материальные показатели плана, принуждены были обращаться в финорганы и ведомства за финансовыми показателями, а финорганы в свою очередь обращались в плановые органы и ведомства за производственно-материальными отраслевыми планами. При этом плановые органы, располагая решающими во многих случаях производственно-материальными показателями народнохозяйственного плана, а также неся в конечном счете всю ответственность за сводное народнохозяйственное планирование, вместо дачи заключения по финансовому, как это предусмотрено законом, фактически производили, получив от финорганов единый финансовый, значительную работу по пересмотру и по пересоставлению этого плана в направлении его увязки с производственно-материальной частью народнохозяйственного плана. Правда, как это уже отмечалось, такая увязка все же не всегда достигалась.

Следует отметить, что на почве «узурпации» плановыми комиссиями прав финорганов в отдельных случаях на местах наблюдается нездоровая конкуренция, выражающаяся в отсутствии делового контакта в работе аппаратов тех и других органов и в некоторой ведомственной их замкнутости при взаимном обмене материалами.

На ненормальные взаимоотношения плановых и финансовых органов указывают все материалы обследования. Так по сообщению бригады НКФ РСФСР работа с Госпланом заключалась в вечном согласовании. Госплан работал самостоятельно и руководствовался данными, полученными им от Госплана СССР; нам же приходилось согласовывать с Госпланом РСФСР, но в то же время ориентироваться и на НКФ СССР; а так как между последним и Госпланом СССР были также расхождения, то положение работников НКФ РСФСР было чрезвычайно тяжелое. Наконец наступал срок внесения финансового в правительство, и тогда стремились максимально сократить разногласия с Госпланом РСФСР. Ввиду ограниченности во времени приходилось идти на компромиссы.

О том же сообщает и бригада Госплана РСФСР: «При проработке единого финансового плана работа Госплана и НКФ все время дублировалась. Оба аппарата работали над одними вопросами и пользовались одним и тем же материалом. Госплан в своей работе опирался на материалы ведомств, уже проработанные в соответствующих своих

отраслевых секциях, Наркомфин или должен был приходить и пользоваться материалами этих же секций, что для него было затруднительно, так как проработка материалов не была закончена, или же был вынужден наряду с финансовыми планами составлять свои какие-то производственные планы, на основе которых он обосновывал отдельные финансовые планы».

Такая же картина и на местах. По сообщению Северокавказской РКК «отраслевые финпланы представляются ведомствами в Крайплан и крайфру для составления единого финплана. Проработка ведется с ведомствами параллельно крайфру и крайпланом... Для увязки работы крайфру с крайпланом при составлении проекта сводного финплана на 1931 г. в совещаниях планового отдела крайфру с представителями ведомств участвовал также представитель крайплана, но это не удаляло спорных вопросов... В настоящее время финпланы ведомств вновь прорабатываются в крайплане на совещаниях с участием ведомств, крайфру и работников отраслевых секций крайплана, и следовательно в крайплане прорабатывается вновь работа, которая была сделана крайфру». То же установлено и по Ленинградской области, где работа финансовых и плановых органов также была чрезвычайно затруднена в силу существующей системы отрыва сводного финансового планирования от материально-производственного планирования.

Весьма отрицательно отражается система раздвоенного планирования также на плановой работе ведомств и организаций, которые в силу этой системы при составлении своих отраслевых планов вынуждены прорабатывать двойную и по существу тождественную работу по выполнению требований и плановых и финансовых органов, получая вместе с тем от них противоречивые директивы и указания по одним и тем же вопросам. В этом отношении характерно заявление представителя Центросоюза о том, что ввиду наличия множественности плановых инстанций от имени Центросоюза в течение двух последних месяцев пришлось сделать около 1.800 посещений этих посещений было связано с вопросами планирования. Характерно также заявление Всеохотсоюза, которому за полтора месяца пришлось по плановым вопросам участвовать в 105 официальных совещаниях, не считая обычных посещений для получения тех или иных указаний от планирующих организаций или для дачи им объяснений. Естественно, что при таком «хождении по мукам» плановая работа весьма осложняется, качественно ухудшается и нередко подпадает под удар всякого рода случайностей.

Вместе с тем значительно замедляется темп планирования. Обсуждением установлено, что даже при составлении финплана на 1931 г. не говоря о предшествующих трех плановых кампаниях (финплан на 1929/30 г., на 1930/31 г. и особый квартал 1930 г.) мы имеем срисовку установленных сроков, что в свою очередь повлекло за собой составление на местах заведомо нереальных финпланов, так как запаздывали указания относительно необходимых лимитов, которые там наверху своевременно не могли уточнить и спустить вниз на места.

Все это вместе взятое приводит к убеждению, что сводное планирование в целом (и материально-производственное и финансовое) должно быть объединено и отнесено к компетенции одного органа. Таким органом конечно должны стать плановые комиссии. Это будет вполне соответствовать указанию Ленина, который в своем письме к т. Крижановскому от 25/II 1921 г. несколько раз повторяет и подчеркивает необходимость организации «общеплановой комис-

сии», а не просто плановой комиссии¹. Первый декрет об организации Госплана от 22/II 1921 г., подписанный Лениным, также начинается словами: «При ЦТП создается Общеплановая комиссия для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана», причем в дальнейшем тексте этого декрета все время упоминается «Общеплановая комиссия» (см., «схемы» на стр. 114).

Выдвигаемое мероприятие будет не только способствовать устранению отмеченных выше недочетов в деле планирования. Оно отвечает и четкой директиве XVI партсъезда, которая была дана по отчету ЦКК—РКК и которая говорит о том, что в настоящее время «необходима беспощадная борьба с нагромождением множества дублирующих и излишних учреждений и отделение параллельных и ставших на новом этапе излишними звеньев аппарата. Точно так же должна быть устранена множественность источников финансирования одних и тех же организаций». А в данном случае, как уже было отмечено, налицо явный параллелизм и излишнее дублирование.

Конечно отделение от НКФина и его органов функций сводного финансового планирования не означает их уменения как финансового ведомства. Речь идет лишь о том, что финорганы должны стать в этом отношении ведомственными учреждениями, а не подведомственными органами, параллельными Госплану. Нам представляется, что и после передачи сводного финансового планирования плановым комиссиям роль и значение финорганов будут огромны.

Прежде всего за НКФинком, как и за всеми ведомствами, сохраняются функции по составлению своих подведомственных отраслевых финпланов, как-то: плана государственного страхования, плана мобилизации средств, плана бюджетных доходов в подпадающей их части, плана госберекса. Затем на обязанности финорганов должен лежать оперативный контроль за выполнением единого финплана в целом. Оперативной работе финорганов в настоящих условиях придется огромное значение и партийной и правительством. Отмечая, что «без строгого выполнения финансового плана невозможно осуществление намеченного хозяйственного плана во всех отраслях народного хозяйства», последний объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) признал «необходимым решительное усиление работы всех финансовых органов, внедрение строжайшей финансовой дисциплины и режима экономии, безусловное выполнение доходов, постановку расходов каждой организации в прямую зависимость от выполнения ею своих производственных и финансовых планов». А между тем несмотря на то, что с момента дачи этой директивы прошло уже более трех месяцев, работа финорганов по наблюдению за выполнением финплана еще далеко не налажена. Так большинство организаций в силу существующей у них системы отчетности до сего времени не имеет у себя данных о выполнении финплана за январь—февраль. А в тех случаях, когда эти данные уже имеются, они показывают значительное отставание выполнения заданий, причем директива партии и правительства, требующая постановки расходов каждой организации в прямую зависимость от выполнения ею своих производственных и финансовых планов, фактически не соблюдается.

Контроль за выполнением финплана в НКФ РСФСР и его местных финорганах поставлен крайне неудовлетворительно; в аппарате местных финорганов особых групп, где бы этот контроль осуществлялся, не организовано; отраслевые секторы ведут такой контроль

¹ См. «Экономическая жизнь» 22/II, 1931 г., № 1.

составляли несколько финпланов, и накопленный на этой работе опыт может уже послужить основанием для принятия того или иного решения. Второе возражение сторонников существующего порядка сводится к тому, что передача сводного финансового планирования плановым комиссиям умаляет значение и авторитет финорганов и тем самым окажется в противоречии с директивой объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) «о решительной борьбе с недооценкой роли и значения финансовой системы на данном этапе социалистического строительства». Но эта директива имела в виду главным образом пренебрежительное отношение к финансам и нарушение организациями финансовой дисциплины при выполнении финансового плана. А предложение о теснейшей увязке финансового и общего планирования говорит именно о том, что финансам в данном случае придется особо важное значение, поскольку нами признается, что планирование народного хозяйства без определения планирующим органом финансовой базы может оказаться нереальным, что без точного учета денежных ресурсов нельзя планировать. Нам представляется, что желание сохранить существующий разрыв между производственным и финансовым планированием скорее говорит о недооценке финансовой системы, поскольку тем самым допускается возможное осуществление общего планирования вне связи его с финансовым планированием.

Указывалось также, что сохранение сводного финансового планирования за финорганами имеет значение сдерживающего начала, так как деньги являются лимитом, которым выверяется материально-производственное планирование. По утверждению сторонников этой точки зрения Госплан якобы планирует, исходя из потребностей, а НКФ — из возможности, и при такой концепции плановые комиссии могут дескать проявить чрезмерный размах, сдерживать который финорганы смогут лишь при условии оставления за ними сводного финансового планирования. Но вряд ли будет правильным рассматривать финорганы как «сукротителей» максимальных темпов и широкого размаха в социалистическом строительстве. Конечно финорганы также заинтересованы не в понижении, а в максимальном стимулировании этих темпов. Вместе с тем нет никаких оснований обвинять плановые органы в планировании без учета финансовых возможностей, в отрыве от финансовой базы. Если же это порой и наблюдается, то причины данного явления лежат в самой системе планирования, которое разделено между двумя органами. Если же все сводное планирование — и материальное и финансовое — будет сосредоточено в плановых комиссиях, последние получат полную возможность гармонически увязывать финансовую и материально-производственную часть плана народного хозяйства и своевременно устранять разрывы между ними.

Интересно отметить, что сторонники сохранения существующего положения все же сознают ненормальность параллельного и обособленного составления финансового и материально-производственного плана. Некоторые из них пытаются найти выход в том, чтобы установить очередность составления того и другого плана. При этом финансовые работники предлагают сначала плановым комиссиям составлять производственные планы, которые уже затем подвергались бы изменениям и уточнениям со стороны финорганов в соответствии с финансовыми возможностями; работники же плановых комиссий считают целесообразным, чтобы сначала финорганы составляли финансовый план, который затем плановыми комиссиями окончательно корректировался и изменялся бы в соответствии с материально-производственным планом. Но вряд ли с этим можно согласиться, в особенности с

тенденцией придания финорганам преобладающего над плановыми комиссиями значения.

Следует отметить, что до постановления СНК СССР от 20 марта 1931 г. о кредитной реформе приходилось слышать еще более несостоятельное соображение, что не только система раздельного планирования (по линии Госплана и НКФ), но и наличие третьего планирующего органа в лице Госбанка является совершенно целесообразным, так как при таком сочетании эти три плановых органа смогут осуществлять взаимную проверку и корректирование своей плановой работы. При этом высказывалось даже мнение, что составление и представление в законодательные органы трех проектов плана народного хозяйства вполне нормально и неизбежно и что в этих случаях должен быть утвержден тот проект, который составлен повидимому на началах своеобразного консенсуса. Вряд ли есть необходимость останавливаться на парадоксальной и совершенно ошибочной теории «трех госпланов», особенно после решения партии и правительства о роли и месте Госбанка на данном этапе социалистического строительства. Нам представляется, что кредитный план не может быть самостоятельным и параллельным в отношении общехозяйственного плана, а наоборот как одна из составных частей последнего кредитный план должен быть подчинен общему плану народного хозяйства. Но этот вопрос уже разрешен упомянутым постановлением СНК СССР, в котором говорится, «что одной из причин неудовлетворительного проведения кредитной реформы являлось неправильное понимание Госбанком своих задач, вышедшее свое выражение в стремлении банка присвоить себе непосильные функции планирования и регулирования хозяйственных процессов».

Указывают также, что плановые комиссии не справляются с выполнением функций по финансовому планированию и что аппарат финорганов является в этом отношении более подготовленным, обладающим большим опытом. Однако вряд ли это возражение может быть решающим в данном вопросе. Прежде всего следует иметь в виду, что работа финорганов по финансовому планированию далеко не налажена, что она до сих пор страдала существенными недостатками и не может быть признана образцовой. Во многих случаях финорганы должны были пользоваться материалами плановых комиссий, без которых планирование оказывалось явно беспомощным. С другой стороны, как уже указывалось, плановые комиссии, чтобы дать заключение по проекту единого финансового, фактически прodelывали ту же работу, что и финорганы, и выступали потом с самостоятельным проектом. Даже больше — сводный финансовый план РСФСР на 1930/31 г. был составлен самостоятельно Госпланом РСФСР и представлен им в законодательные органы, которые его и приняли. Таким образом и плановые комиссии до сих пор были связаны с работой по составлению финансового плана, принимали в ней активное участие и следовательно могут на ходу принять ответственность за выполнение знакомых и свойственных им функций по финансовому планированию. Конечно аппарат финансовых секций плановых комиссий должен быть соответственно усилен финансовыми работниками, в результате чего эти финансовые секции, опираясь на отраслевые секции, лучше и легче смогут справиться с задачами по финансовому планированию, чем финорганы.

Наконец противники объединения финансового и материально-производственного планирования приводят уже явно неубедительное соображение о том, что сторонники этого объединения потому много,

что ведомства и организации мало расположены к финиорганам, которые до сих пор урезывали их финансирование. Подозревать ведомства и организации в такой заинтересованности вряд ли серьезно, тем более, что нет никаких оснований рассчитывать на большую щедрость плановых комиссий, которые также вынуждены будут при финансовом планировании исходить из финансовых ресурсов и возможностей и в соответствии с ними будут урезать чрезмерные «аппетиты» отдельных ведомств.

Несостоятельность всех этих возражений еще более убеждает в необходимости и целесообразности объединения финансового и материально-производственного планирования. При этом передача функций по финансовому планированию плановым органам по нашему мнению может состояться теперь же, т. е. начиная с кампании по составлению плана на 1932 г., так как эти функции фактически и до сих пор выполнялись ими.

Проведением в жизнь этого мероприятия будет устранен имеющийся в этой работе параллелизм, фактически приведший к существованию двух и даже трех сводно-плановых органов (Госплан, НКФ и частично Госбанк, составляющий сводный кредитный план народного хозяйства), будет упрощена плановая работа всех ведомств и ликвидирована конкуренция между плановыми и финансовыми органами. Это мероприятие внесет ясность в вопрос об ответственности за сводное народнохозяйственное планирование и обеспечит в народнохозяйственном плане необходимое равновесие и взаимодействие его финансовых и материально-производственных показателей.

Не менее существенным недостатком системы сводного финансового планирования является то, что она не увязана и не согласована в полной, надлежащей мере с порядком и сроками составления отраслевых финпланов, из-за чего создается разрыв в планировании. Так в отдельных случаях совершенно не предусматривается восхождение вверх тех или иных отраслевых финпланов, в результате чего последние по РСФСР составлялись в централизованном порядке без учета и использования краевых (областных) отраслевых финпланов. В этих случаях отраслевые финпланы в краях (областях) составлялись лишь по указаниям и требованиям местных финорганов, так как финансовая система такие отраслевые организации совершенно освобождает от составления финпланов на местах. В других случаях сроки составления отраслевых финпланов в порядке финансовой системы той или иной отраслевой организации не совпадают со сроками, предусмотренными сводным финансовым планированием.

Бригада НКФ РСФСР по этому поводу отмечает, что «трудно сейчас восстановить ту нестрогу сроков, которые были установлены для всех ведомств и организаций в работе по составлению финпланов. Сроки были отдельно для представления в НКФ СССР, отдельно для представления в Госплан РСФСР, отдельно для получения от ведомств. Первоначальные сроки настолько изменялись, что никто почти не знал, какой же срок в конце концов действителен».

В тех случаях, когда сроки составления и представления отраслевых финпланов не были увязаны надлежащим образом со сроками сводного планирования, фактически имели место двойное планирование: сначала составлялся отраслевой финплан для включения его финорганами в единый сводный финплан, а затем в другие сроки вторично составлялся отраслевой финплан для представления его в вышестоящую инстанцию той же отраслевой организации или наоборот. При этом (особенно при централизации финансовой системы той или иной

организации) составление отраслевых финпланов для включения их местными финорганами в сводный финплан производилось наспех, без должного осознания цели и значения этой работы, так как местные отраслевые организации не придают практического значения составлению на местах сводного финплана, чувствуя свою финансовую зависимость лишь от своих центров. Наоборот все внимание эти организации обращают на составление и защиту тех финпланов, которые они представляют в вышестоящие инстанции по своей линии.

С другой стороны, и вышестоящие организации, не придавая большого значения работе низовых своих организаций по составлению финпланов, не оказывают последним необходимого содействия в смысле дачи им соответствующих директив и лимитов. В результате этого наблюдаются весьма частые случаи, когда вследствие неполучения лимитов низовые организации вынуждены составлять явно необоснованные и нереальные отраслевые финпланы или, получая эти лимиты с запозданием, вынуждены нарушать сроки, установленные для составления единого финплана, и тем самым срывать сводное финансовое планирование. Кроме того отмечается совершенно ненормальное явление, когда лимиты, наспех и необоснованно составленные, спускаются вниз, а затем подвергаются повторным изменениям, вследствие чего происходит порочная ломка отраслевых и сводных финпланов. На этот весьма большой вопрос обащались внимание бригады всех обследованных учреждений, в том числе и бригада НКФ РСФСР, которая заявляет: «НКФ РСФСР обязан был составить финплан по отраслям, ввиду отсутствия обработанных материалов ведомств и организаций, на основании совершенно случайных цифр, рабочих материалов отдельных сотрудников ведомств. Финплан составлялся НКФом в то время, когда цифры ведомств диктовались, менялись и угнетались за новыми цифрами не было никакой возможности. НКФ РСФСР должен был одновременно знать и последние цифры ведомств РСФСР и СССР, Госплана РСФСР и СССР, а также НКФ СССР. Из этих разноречивых, противоположных цифр, изметок и набросков приходилось наспех готовить финплан. Директив и лимитов нормальным путем не получаем. Бывали случаи, когда сотрудник просто терял нить, не мог установить цифры, существующие в данный момент. Цифры отжигали, не успев родиться. Занесенные на бумагу цифры через час уже не соответствовали действительности. Не редки были случаи, когда договаривались об одной цифре, а назавтра оказывалась принятой другая».

Еще хуже обстоит дело на местах. По сообщению северокавказской РКИ «из центра не были получены своевременно необходимые для составления отраслевых финпланов лимиты; полученные же лимиты изменялись и изменяются беспрерывно центральными органами, вследствие чего планы в крае все время приходится исправлять. Кроме того данные центральными органами контрольные цифры и лимиты иногда не соответствуют местным условиям и не вытекают из имеющихся в крае статистико-экономических материалов, вследствие чего полученные краем лимиты опротестовываются перед центральными органами, и дело затягивается на такой длительный срок, что краевые планирующие ячейки стоят перед необходимостью строить два финплана: один — по лимитам центра, другой — по краевым лимитам».

Вследствие этих весьма существенных недочетов в системе финансового планирования единые финансовые планы, составляемые финорганом и на местах, не отражают в полной мере действительного финансового состояния РСФСР и отдельных краев, областей и АССР и

отнюдь не могут быть признаны на многих своих частях программой финансовой деятельности на 1931 г., требуя внесения в них коррективов и увязки с директивами и лимитами центра. Вместе с тем составленные в РСФСР и на местах финпланы в связи с несовпадением сроков рассмотрения планов не могли иметь и практического значения в смысле их использования и учета при компоновке финплана СССР, который на 1931 г. уже был сверстан и утвержден.

Для того, чтобы эти недочеты в дальнейшем не повторялись, необходимо пересмотреть систему финансового планирования с тем, чтобы эта система была общей и обязательной для всех ведомств и организаций, чтобы принципы и сроки составления отраслевых финпланов в полной мере соответствовали принципам и срокам составления единого сводного финплана. Исходя из этого нам представляется, что составление финансового и производственно-материального планов народного хозяйства должно осуществляться в трех направлениях: 1) сначала сверху должны быть спущены вниз директивы и лимиты по контрольным цифрам производственно-материального и финансового планов народного хозяйства; 2) затем проработанные на местах контрольные цифры в порядке встречных промфинпланов должны после утверждения их соответствующими исполкомами представляться снизу вверх, причем должно быть обеспечено максимальное проявление инициативы мест в деле выявления и мобилизации внутренних ресурсов; 3) наконец производственно-материальный и финансовый планы народного хозяйства СССР, составленные на основе представленных встречных промфинпланов и с максимальным учетом пожеланий мест, должны быть спущены вниз в территориальном разрезе. Но республиканские и областные (краевые) исполнительные комитеты при окончательном сведении и утверждении своих планов как оперативно-исполнительных документов, отражающих директивы и решения, вытекающие из планов вышестоящих органов, должны иметь полную возможность свободного маневрирования собственными, им принадлежащими ресурсами.

При этом исходя из сроков, установленных постановлением СНК СССР от 1/III 1931 г. в отношении составления союзного и республиканских планов, следует наметить следующие сроки выполнения сводного финплана снизу вверх: 1) Госплан СССР дает союзным ведомствам и республикам директивы и лимиты по контрольным цифрам 21 мая; госпланы союзных республик дают то же республиканским ведомствам и областям (краям и АССР) 1 июня; плановые комиссии областей (краев и АССР) дают то же областям (краевым и республиканским) ведомствам и районам 15 июня; 2) районы и областные (краевые и АССР) ведомства представляют проработанные производственно-материальные и финансовые планы в плановые комиссии областей (края и АССР) 5 июля; области (края и АССР) и республиканские ведомства тоже представляют в госпланы союзных республик 1 августа; союзные республики и союзные ведомства то же представляют в Госплан СССР 1 сентября; 3) производственно-материальный и финансовый планы народного хозяйства СССР в соответствующих разрезах препровождаются союзным ведомствам и союзным республикам 20 ноября; госпланы союзных республик то же препровождают в республиканские ведомства и области (края и АССР) 10 декабря; плановые комиссии областей (краев и АССР) то же препровождают в областные (краевые и АССР) ведомства и районы 20 декабря.

Конечно лишь строгое соблюдение всех этих сроков может обеспечить нормальные условия для составления единого финплана; нару-

шение хотя бы одного из сроков внесет расстройство в финансовое планирование и может привести к ухудшению качества единого финплана. Поэтому на данную сторону планирования необходимо обратить особое внимание. Чтобы обеспечить своевременное выполнение центральными и местными органами задачи по составлению финплана, представляется совершенно необходимым взять это дело под систематическое наблюдение всех местных и центральных комиссий исполнения и органов РККИ.

Только при условии устранения отмеченных недочетов в работе финансовых, плановых и хозяйственных органов и путем изменения системы финансового планирования на указанных выше началах будет в полной мере обеспечена максимальная мобилизация финансовых ресурсов для развернутого социалистического строительства.

Теория и практика вредительства в перспективном планировании сельского хозяйства¹

Буржуазные влияния в перспективном плане НКЗема РСФСР на 1923—1928 гг.

В предыдущих разделах мы дали характеристику взглядов ряда буржуазных профессоров, выражавших экономические и политические интересы кулачества в СССР и оказавшихся вредителями. Эти профессора занимались в Наркомземе РСФСР вопросами планирования сельского хозяйства.

Свои взгляды вожди кулацкой реставрации весьма энергично и настойчиво высказывали и защищали в процессе работы в Наркомземе. И мы ставим перед собой вопрос: удавалось ли кулацким профессорам влиять на плановую работу как отдельных руководителей коммунистов аппарата Наркомзема, так и на те планы, которые принимались Наркомземом как программа реконструкции сельского хозяйства? Рассмотрим официальные плановые документы Наркомзема, принятые как перспективные программы его действий.

Сравнивая планы Наркомзема и программу кулацких профессоров, мы установим непосредственное влияние последних на построение с.х. планов.

Возьмем прежде всего перспективный план НКЗ РСФСР на 1923—1928 гг. в виде двух документов: а) «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства», опубликованный как выпуск V трудов Земплана и б) доклад проф. Коидратьева от имени Наркомзема в июле 1925 г. на президиуме Госплана.

Какова методология перспективных планов НКЗема РСФСР

Прежде всего послушаем, как трактуется в плане наша социально-экономическая система. «Основы» плана начинаются такого рода предисловием:

«В условиях частично-капиталистического строя основным регулятором народного хозяйства является стихийно складывающийся рынок с его системой цен и сменяющимися конъюнктурами.

При переходе этого режима в режим государственного капитализма точно так же предполагается существование рынка, а следовательно и его регулирующее воздействие. Однако режим государственного капитализма обладает уже той новой особенностью, что в условиях этого режима рынок и народное хозяйство определяется не только стихийными факторами, но в значительной степени и факторами рациональными, а именно: регулирующим воздействием госу-

дарства. Режим государственного капитализма поэтому является режимом капитализма, пытающимся упорядочить процессы народнохозяйственной жизни путем сознательного и глубокого вмешательства государства. Сознательное упорядочивающее воздействие государства по своему существу предполагает план воздействия на народное хозяйство. Вот почему государственный капитализм является в то же время и режимом планового хозяйства»².

В приведенной цитате говорится о системе госкапитализма и о планировании в этой системе. На первый взгляд представляется, что здесь речь идет не об СССР, а о госкапитализме как определенном экономическом выражении диктатуры капитала, скажем в период империалистической мировой войны. Однако это не так. Наркомзем считает, что «идея плана и планового хозяйства», свойственная уже государственному капитализму, вообщем приобретает лишь особенно большое и жизненное значение в условиях такого общественного строя, когда государственная власть находится в руках пролетариата».

Итак здесь прежде всего необходимо отметить два момента. Первый, что госкапитализм рассматривается Наркомземом как принципиально новый этап капитализма, ибо при режиме госкапитализма назло «новая особенность». Понимает ли эта особенность несущественная особенность, это — особенность основная, а именно, что «рынок и народное хозяйство определяются... в значительной степени и факторами, и рациональными, а именно регулирующим воздействием государства». Особенность эта в чем-нибудь, а в «упорядочении процессов народнохозяйственной жизни путем сознательного и глубокого вмешательства государства». А отсюда само собой Наркомзем приходит к выводу, что в отличие от капитализма как стихийного хозяйства «государственный капитализм является в то же время и режимом планового хозяйства». Следовательно совершенно ясно, что Наркомзем считает, что капитализм по своей природе не есть обязательно стихийная, анархическая система производства, где стихийность и анархия определяются самим способом производства, основанным на частной собственности на средства производства и на эксплуатации рабочего класса. Наркомзем считает, что в рамках капитализма и на базе капиталистического способа производства возможно «организованное» или иначе говоря плановое хозяйство.

Мы видим таким образом, что кулацкие профессора повлияли на план Наркомзема и перевели его в этом пункте на позиции буржуазной экономии и методологии.

Второй момент, связанный теснейшим образом с первым, состоит в утверждении, что народнохозяйственная система пролетарской диктатуры в СССР есть также система государственного капитализма. Таким образом отношение народнохозяйственного строя СССР к госкапитализму получается такое же, как отношение частного к общему. Что именно так, а не иначе понимал Наркомзем нашу систему, видно из следующего положения:

«Необходимость плана была очевидна в эпоху военного коммунизма. Необходимость эта в полной мере сохранилась и при условиях государственного капитализма, при условиях признания рынка. Государственный капитализм тем и отличается от частного капитализма, что он является капитализмом, упорядоченным со стороны государственной власти. Если в частнокапи-

¹ Ожогиние. См. «Плановое хозяйство» № 1.

² Труды Земплана, вып. V, 1924 г., стр. 41

талистических странах развитие народного хозяйства в целом идет под давлением частнохозяйственных интересов, идет стихийно без руководства единой волей, то путь государственного капитализма неизбежно связан с организационным воздействием государства на стихийный процесс хозяйственной жизни»¹.

Для всякого, мало-мальски внимательно прочитавшего эти строки, не может остаться ни малейшего сомнения, что Наркомзем РСФСР в 1924 и 1925 гг., строя перспективный план развития сельского хозяйства на 5 лет, исходил из признания в СССР строя государственного капитализма.

Такое учение о госкапитализме ничего общего не имеет с ленинизмом. В своей брошюре о продналоге, написанной в апреле 1921 г., т. Ленин так определял госкапитализм, его роль и значение.

«Весь вопрос как теоретический, так и практический, состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм» (разр. наша—М. К.).

Вопрос поставлен и ответ дан такой, что кривотолк невозможен. Ленин разъясняет, что на известный срок и в известной степени в условиях новой экономической политики конечно неизбежно развитие капитализма. И пролетарская диктатура должна «найти правильные способы» направить этот капитализм в русло государственного капитализма. Следовательно речь идет не о госкапитализме как системе народного хозяйства СССР, а речь идет о госкапитализме как укладе, о подчинении пролетарской диктатуре начинающего возрождаться капитализма. Именно госкапитализм и есть та форма, при посредстве которой облегчается «учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством (советским в данном случае) и капитализмом». Госкапитализм есть одна из форм экономических отношений между советским государством и капиталистами на известном этапе, когда наша промышленность и сельское хозяйство только приступили к ликвидации разрухи.

Мы знаем, как крепко осудил XIV съезд партии (18—21/XII 1925 г.) так называемую ленинградскую оппозицию за подобное извращение учения Ленина о природе нашей экономики.

XIV съезд партии, дав еще раз исчерпывающие разъяснения о последовательно-социалистическом, а не о госкапиталистическом характере предприятий, находившихся в руках пролетарского государства, подчеркнул ведущую роль социалистической индустрии в построении социализма и выдвинул решающий лозунг для целой эпохи переходной экономики СССР, лозунг индустриализации страны.

Однако Наркомзем в 1924 и 1925 гг. строит перспективный план, исходя из антиленинского, буржуазного понимания нашей госпромышленности и экономики в целом. Кулацким профессорам удалось протолкнуть в перспективный план свои установки в вопросе о природе нашей экономики.

Возьмем другой вопрос — о социалистической переделке мелко-товарного производства деревни. Для такого наркомата, как Нарком-

зем, этот вопрос, особенно при составлении перспективного плана сельского хозяйства на пять лет, должен быть центральным. Для решения этого вопроса и должен быть организован весь план сельского хозяйства.

Как же ставился этот вопрос в рассматриваемом нами плане?

Приведем следующую центральную установку Наркомзема.

«Крупное коллективное хозяйство как высшая форма организации сельского хозяйства может быть осуществлено лишь при условии, во-первых, высокой организованности масс сельского населения, во-вторых, при условии уже высокого развития производительных сил сельского хозяйства и индустрии, а следовательно значительного накопления материальных средств в народном хозяйстве. Социалистическая форма земледелия мыслима на таком уровне организованности населения и развития производительных сил народного хозяйства вообще и сельского в частности, на котором индивидуальная форма хозяйства является уже формой, тормозящей их развитие (подчеркнутой — М. К.). Нужно признать, что в настоящее время в действительности только намечаются эти предпосылки. Если индивидуальная форма измелъчавших хозяйств является бесспорным тормозом развития сельского хозяйства, то степень организованности масс, культурный уровень их и их хозяйства далеко не подготовлены для полного освоения коллективного начала в хозяйстве. Вот почему было бы нежелательно выдвигать как единственную форму: через коллективное земледелие к развитию производительных сил и организованности сельского населения. Более жизненная формула — через развитие производительных сил и через усовершенствование организационных форм хозяйства, а также через организацию населения к высшему развитию производительных сил и соответственно к коллективной форме хозяйства. Иначе говоря осуществление задачи высшего развития производительных сил сельского хозяйства и соответствующая ему коллективная форма земледелия должна рассматриваться не статически, не как форма, которую полностью можно насадить по желанию, осуществить целиком в любой момент, а динамически, как форма, которая рождается и растет в процессе развития сельского хозяйства и организации сельского населения»¹.

Прежде чем начать разбор этой «колхозной» установки НКЗ, припомним «теорию» о колхозах кулацких профессоров. Их теория, как мы знаем, состояла в утверждении, что наше колхозное движение «стихийно», что оно исключительно бедняцкое, что если и имеется какой-либо смысл в этом процессе, то лишь как способ бедноты подвигаться в колхозе и разойтись середняками. Поскольку же коммунистическая партия имеет твердую линию на социалистическую переделку бедняцко-середняцких слов деревни через их коллективизацию, то вредители выдвигали следующий тезис, маскирующий их план сорвать коллективизацию, тезис о необходимости создать предварительно весьма высокую технику в сельском хозяйстве и лишь тогда коллективизировать его, причем вредитель Макаров даже трактор не считал достаточным техническим базисом для коллективизации. Или, как формулировал вредитель Кондратьев, — «надо от-
правляться от вопроса о развитии самих производительных сил, а как

¹ Труды Земплана, вып. V, «Основы перепланировки», стр. 5.

¹ Труды Земплана, вып. V, 1924 г., стр. 30.

это отразится на народном хозяйстве, об этом потом будем иметь возможность сказать». Итак прежде всего развитие производительных сил, а чьих производительных сил и как это отразится на народном хозяйстве — на это концепция вредителя давала ясный капиталистический ответ. Однако в официальном документе Наркомзема все же невозможно провести неприкрытую контрреволюционную постановку вопроса о коллективизации. Вредительство слишком бросилось бы в глаза и повредило бы им самим. Их задачей являлось оказывать влияние на планирование социалистической реконструкции в смысле отнесения задачи коллективизации к числу весьма отдаленных и для проектируемой пятилетки не актуальных. Теперь мы знаем, что в то же время кулацкая партия и агенты международного империализма в лице «промпартии» намечали именно на 1928 г. контрреволюционный переворот в СССР и интервенцию. Поэтому тактически для их целей было весьма необходимо под прикрытием той или иной «теории» дезориентировать работу по планированию одного из важнейших наркоматов, используя для этого правый оппортунизм коммунистов этого Наркомата, соответствовавший их тактическому расчету и фактически срывающий проблему коллективизации на целое пятилетие.

Правда возможность коллективизации в плане не отрицается. В одном месте говорится даже о ставке на нее. Однако все это тотчас же аннулируется и перекрывается фактической установкой, отрицающей коллективизацию. При каких условиях возможна коллективизация по плану Наркомзема? Что нужно сделать для того, чтобы ее осуществить? Указывается для условия, причем значение их для коллективизации по мысли плана категорическое. Она считается возможной лишь в том случае, если эти условия будут выполнены.

Рассмотрим первое условие: высокая организованность масс сельского населения. Это совершенно неревolutionное, неконкретное, общитно расплывчатое условие. Это ни в какой степени не условие, выдаваемое пролетарской диктатурой. Что значит «высокая организованность», «культурный уровень» и т. д.? Кто организует, кто организуется? В каких формах, для чего организуются массы? Ведущей роли пролетариата и социалистической индустрии нет в этом условии и в помине. И кулаки для своих целей не прочь «организовать массы». И капиталистическому фермеру нужна «культура». Где же по мысли составителей плана кроется тот предел организованности в о б щ е, культуры в о б щ е, за которым открывается возможность коллективизации? Требуется лишь «высокая» организованность и культура. В то же время констатируется, что в данное время условия для коллективизации «далеко не подготовлены». По сути дела это условие не что иное, как кулацко-эсеровская болтовня, давно известная нам из старых эсеровских программ. В данном случае она еще раз пригодилась для вредительства в деле планирования коллективизации. Что это именно так, доказывается вторым условием — требованием высокого развития производительных сил сельского хозяйства. Какой же «высоты» им нужно достичь? Оказывается, уровень развития производительных сил должен быть таков, когда не только в индустрии, но и в сельском хозяйстве «в частности» индивидуальная форма хозяйства является уже формой, тормозящей их развитие. Таким образом по замыслу плана как в момент его составления, так и в планируемый период состояние производительных сил сельского хозяйства не позволяет еще проводить коллективиза-

цию, ибо «в настоящее время в действительности только намечаются эти предпосылки». Отсюда ясно, что для создания этих предпосылок собирается товарно-капиталистический путь. Иначе и быть не может, ибо по замыслу плана при высоко-развитом, крупном индивидуальном хозяйстве индивидуальные формы хозяйства не будут препятствием развития сельского хозяйства. Эта мысль проводится весьма определенно, но и весьма ловко в тезисе, где говорится, что «индивидуальная форма измеляющих хозяйств является бесспорным тормозом развития сельского хозяйства». На первый взгляд этот тезис кажется даже правильным и противоречащим всей рассматриваемой нами установке. Однако это не так.

Нападение ведется не на индивидуальные формы, а на измелявшие хозяйства. Между строк здесь превосходно проведена мысль, что индивидуальные формы крупных хозяйств таким тормозом не являются. Что эта, а не иная мысль лежит в основе, доказывается выводом из этого тезиса. А вывод сделан именно тот, который нужен вредителям. Если бы тормозом являлась индивидуальная форма мелкого сельского хозяйства, то вывод ясен — надо намечать и осуществлять план коллективизации. Наркомзем однако принял тезис другой — тормозом является измелявшее хозяйство и именно поэтому нет предпосылок для коллективизации, так как «степень организованности масс, культурный уровень их и их хозяйства далеко не подготовлены». В итоге вполне готова почва для махового, вредительского обобщения и «формулы» пятилетнего плана развития сельского хозяйства. А именно — не через коллективизацию к развитию производительных сил и социалистической организованности сельского населения, а наоборот, «через развитие производительных сил и через усовершенствование организационных форм хозяйства», да и то еще не к коллективизации, а прежде всего «к высшему развитию производительных сил» и уже тогда к коллективизации. Следовательно намечен на весьма большие сроки следующая путь развития сельского хозяйства: от мелкого индивидуального хозяйства к развитию производительных сил, но не к колхозам, а к крупному индивидуальному хозяйству с усовершенствованной организационной формой, т. е. к хозяйству «оптимальных» крупно-кулацких размеров, с передовой капиталистической техникой, с правильным сенооборотом, с высокой товарностью и капиталонакоплением и т. д.

Иного классового смысла здесь нет, ибо Наркомзем в этом же плане написал: «Действительно, путь преодоления отсталости и индивидуальной ограниченности современного сельского хозяйства может быть или через развитие чисто буржуазных форм экономического режима или через коллективизацию хозяйства». В этом Наркомзем вполне отдаст себе отчет. Но он отдаст себе отчет и в том, что в длительной перспективе нужно иметь в виду целый период формирования товарно-капиталистическим путем ряда категорических условий. Такая формула вполне укладывается с программой кулацкой партии, являясь выражением тактического отрезка их реставраторской стратегии. И наконец план увеличивает поистине гармоничным методом возникновения колхозов из капиталистического процесса: устанавливается, что колхоз есть форма, «которая рождается (?) и растет в процессе развития сельского хозяйства, организации сельского населения». Как

видим, дана прекрасная формулировка теории самотека, являющейся выражением антиленинского и по существу кулацкого понимания экономики СССР.

Если мы поставим перед собой вопрос был ли рассматриваемый план Наркомзема отрезком реализации кооперативного плана Ленина, то ответ может быть дан лишь один: этот план не только не был таким отрезком, но наоборот был планом вредительства в отношении осуществления кооперативного плана Ленина.

Если взять решения XIV съезда, происходившего в 1925 г., т.е. в том же году, когда докладывалась эта с.-х. пятилетка, то в резолюции по отчету ЦК мы читаем: «Не имея этой массы (среднего крестьянства—М. К.) в качестве прочного союзника или ограничиваясь одной лишь нейтральной этих слоев, теперь после упрочения пролетарской диктатуры, нельзя строить социализма. Ибо основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, государственных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы» (разрядка наша — М. К.).

Стоит только сравнить эту постановку вопроса о коллективизации с наркомземовским перспективным планом сельского хозяйства на 1923—1928 гг., чтобы обнаружить их классовую разницу.

Или возьмем речь т. Сталина на том же XIV съезде. Развертывая дозвучив форсированной социалистической индустриализации СССР, т. Сталин говорит: «Строя социализм, мы должны оперировать не только миллионами, но и десятками миллионов людей из деревни. Иначе нельзя строить социализма. Социализм захватывает не только город. Социализм есть такая организация хозяйства, которая объединяет промышленность и земледелие на началах общности средств и орудий производства. Без объединения этих двух отраслей социализм невозможен».

Мы здесь сознательно не приводим более поздних трактовок и решений партийных съездов по вопросам социалистической реконструкции сельского хозяйства, чтобы в условиях одного и того же периода более ярко выявить классовое различие установок пролетариата в документах партии и установок кулачества, преподнесенных в несколько завуалированной форме в плановых документах Наркомзема. Причем нужно прямо сказать, что формулировки правого оппортунизма были более чем приемлемы и вполне достаточны для Кондратьевых как кулак кулацкой сущности, в них заключенной. Таким образом и в трактовке проблем коллективизации перспективный план был под влиянием вредителей. Последним удалось использовать правых оппортунистов Наркомзема как рупор своих идей. И действительно во всем огромном плане Наркомзема о колхозах больше нет ни слова, так же как нет и плана совхозов.

Пойдем дальше. Если по плану Наркомзема в нашей стране с преобладающим тогда мелкотоварным производством государственная промышленность и вся социально-экономическая система является госкапиталистической и в то же время простое товарное хозяйство

может стать социалистическим, лишь пройдя особую, длительную стадию развития производительных сил, организации хозяйства, культуры и т.д. в формах товарнокапиталистического типа, — то в таком случае весь тип развития нашей экономики в перспективном плане получает особые черты. В интересах какого класса эти черты — догадаться вовсе не трудно. Коротко говоря, план проектирует СССР как тип аграрной страны с индустриальным добавлением, нужным в интересах сельского хозяйства.

Для выражения в завуалированном виде такого характера развития нашей экономической системы придумывается «ученая» формула «двухстороннего типа народного хозяйства». А по существу за этой формулой скрываются очень значительные вещи. Нужно иметь все время в виду, что речь идет о перспективном плане развития сельского хозяйства на пять лет. Принято, казалось бы, выступают коренные вопросы социалистической реконструкции страны, социалистическая индустриализация прежде всего, курс на скорейшее создание технических основ нашей экономической независимости и усиление нашей международной мощи, коллективизация бедняцко-средних масс деревни через организацию системы рычагов экономического и политического воздействия, при определяющей, активной ведущей роли социалистической индустрии. Однако в плане Наркомзема все основы перспектив иные, чем у партии. Основным на пятилетие объявляется сельское хозяйство.

В докладе Наркомзема президиуму Госплана СССР от июля 1925 г. дается определенная формулировка типа развития страны и соотношения между индустрией и сельским хозяйством.

«Учитывая, что для ликвидации аграрного перенаселения и увеличения емкости рынка с.-х. товаров индустриализация страны является решающим фактором, мы должны стремиться к усилению удельного веса индустрии в нашем народном хозяйстве. Эту мысль мы формулируем как ставку на двухсторонний, аграрно-индустриальный тип народного хозяйства».

Что перспектива хозяйства СССР намечалась как аграрная — видно из приведенной цитаты. Индустриализация страны нужна мол лишь как фактор для сельского хозяйства, а конкретно «для ликвидации аграрного перенаселения и увеличения емкости рынка с.-х. товаров». Вот какой подход был у Наркомзема в основе проектировки типа будущего хозяйства страны. Вот какой смысл вкладывается в так называемую «двухсторонность» развития.

Стоит только припомнить «установки» вредителей по тому же вопросу, приведенные выше в соответствующей главе, чтобы сразу же узнать их в этом плане.

А отсюда Наркомзем намечал и линию с.-х. политики на пять лет.

«Толчок к росту народного хозяйства, к ускорению этого роста и к индустриализации страны, а также обеспечение устойчивого развития индустрии на первых порах могут быть достигнуты только при обращении основного внимания на условия и на темп развития сельского хозяйства». И дальше: «Но если мы хотим накопления капитала, если мы хотим скорейшего переоборудования промышленности, то это может быть достигнуто легче и быстрее всего на путях развития сельского хозяйства и быстрого увеличения с.-х. экспорта. На этом пути мы обеспечиваем накопление средств в стране и увеличиваем емкость рынка для фабрикатов, на этом пути мы обеспечиваем импорт необходимых для промышленности орудий и средств

производства. Выдвигая эти положения, мы только идем по пути, указанному покойным В. И. Лениным, еще в 1921 г., заявившим, что в развитии хозяйства нужно начать с крестьянства»¹.

«Таким образом ясно, что развитие промышленности предполагает развитие сельского хозяйства. Вот почему, выдвигая как основную ставку, ставку на двухсторонний тип народного хозяйства СССР, кратчайший путь ее осуществления нужно видеть прежде всего в развитии сельского хозяйства».

Наркомзем устами проф. Кондратьева в 1925 г., т. е. в год XIV съезда, давшего лозунг индустриализации страны, провозгласил другой лозунг — аграризации страны. «Основное внимание, — провозглашает Кондратьев, — на условия и на темп развития сельского хозяйства». Сначала мощный подъем и капиталоаккумуляция в сельском хозяйстве, а затем и в меру этого — развертывание промышленности. Именно «на этом пути» мол накопятся и средства в стране и будет возможен импорт для промышленности.

Сравнив программу контрреволюционера Кондратьева о типе и перспективах хозяйства в СССР с его докладом Госплану СССР от имени Наркомзема, мы видим, что установки буржуазной реставрации целиком перенесены в план.

Как высшую ступень наглости и развращенности следует отметить ссылку на Владимира Ильича, будто бы завещавшего то же самое, что преподносит Кондратьев. Вот мол мы все забыли Ленина, а его вам восстанавливаю. Вредитель Кондратьев сознательно извратил учение Ленина. Ленин говорил вовсе не то же самое и совсем в другой период, а именно, когда нужно было после жестокой разрухи в результате империалистической и гражданской войны оживить разрушенное и обнищавшее сельское хозяйство, чтобы дать стране продовольствие, дровяное топливо и т. д. и тем пустить в ход парализованную промышленность.

И опять-таки реставраторский маневр, развиваемый в плане кулацким профессором, совпадает с линией, предлагавшейся и защищавшейся правыми оппортунистами в ВКП(б).

Мы приводили здесь доклад Кондратьева в Госплане отнюдь не как его личный доклад, а как план НКЗ РСФСР. Замнаркомзема и председатель Земплана т. Теодорович заявлял: «доклад Кондратьева является коллективной работой Земплана и коллегий НКЗема. Доклад здесь прочитан по поручению всего Земплана и одобрен в общем и целом коллегией, отметившей марксистский (?) подход в этой работе... Ленин неоднократно указывал, что главное зао русского сельского хозяйства состоит в том, что благодаря остаткам крепостничества и феодализма в нашем сельском хозяйстве, не намечалось развития капиталистических отношений. Поэтому В. И. до 1917 г. делал в этом вопросе ставку на фермера, на американский тип развития сельского хозяйства... В последнем своем труде (о продовольственном налоге) Ленин говорит, что каждый член коммунистической партии должен понять, что капитал есть зло, в сравнении с социализмом, но добро в сравнении с распыленностью, и мы должны не мешать концентрации его, направлять его в русло государственного капитализма».

¹ Доклад Кондратьева в президиуме Госплана СССР об основах перспектив по плану НКЗ на 1923—1928 гг.

См. стенограмму доклада, VII, 1925 г.

Трудно придумать более сильное извращение марксизма и ленинизма! Во-первых, т. Теодорович не только не повел борьбу, но целиком издал под свою защиту кулацкого профессора Кондратьева, объявив его марксистом. Во-вторых, т. Теодорович несмысленно оклеветал и опозорил учение Ленина о кооперативном плане и построении социализма в СССР.

Если Владимир Ильич искривлял и бичевал дореволюционную экономику России, причем в тех условиях «американский» путь развития был прогрессивным, то отсюда никак не следует, что Владимир Ильич делал «ставку» на фермера и что будто по Ленину после Октябрьской революции, при диктатуре пролетариата лишь улучшились условия для фермерского, капиталистического пути развития сельского хозяйства. Тов. Теодорович в этом пункте променял ленинизм на троцкизм и кондратьевщину.

Тов. Теодорович совершенно не понял коренных причин новой экономической политики, не понял условий и роли, которые были отведены частному капиталу и госкапитализму в плане Ленина по построению фундамента социалистической экономики.

Генеральный план Ленина Теодорович превратил в вечную добродетель и объявил капитализм в общем и целом по сравнению с мясным товарным хозяйством, в том числе и при диктатуре пролетариата. А отсюда лозунг Теодоровича на пятилетие 1923—1928 гг. — «не мешать концентрации» капитала, лишь направляя его в русло госкапитализма.

Такова «линия» Теодоровича.

Это выступление Теодоровича являлось в высшей степени правооппортунистическим извращением учения Ленина о природе нашей экономики, о путях развития сельского хозяйства, о роли и значении элементов капитализма в народнохозяйственной системе СССР.

Кто является творцом и кто учеником и глашатаям этой «теории»? Кулацкие профессора — творцы «теории» своего класса, а правые оппортунисты в ВКП(б) — их ученики, глашатаи и защитники.

Это достаточно ярко вскрыто в докладе т. Сталина на XIV съезде партии.

«Есть две генеральные линии: одна исходит из того, что наша страна должна остаться еще долгие годы страной аграрной, должна вывозить сельскохозяйственные продукты и привозить оборудование, что на этом надо стоять и по этому пути развиваться и вперед. Эта линия требует по сути дела свертывания нашей индустрии. Она получила свое выражение недавно в тезисах т. Шанина. Эта линия ведет к тому, что наша страна никогда или почти никогда не могла бы по-настоящему индустриализироваться; наша страна из экономически самостоятельной единицы, опирающейся на внутренний рынок, должна была бы объективно превратиться в придаток общей капиталистической системы. Эта линия означает отход от задач нашего строительства. Это не наша линия (разрядка наш — М. К.).

Есть другая генеральная линия, исходящая из того, что мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну, пока есть капиталистическое окружение, страной экономически самостоятельной, базирующейся на внутреннем рынке, страной, которая послужит очагом для притягивания к себе всех других стран, поменьше отпадающих от капитализма и вливающих в русло социалистического хозяйства. Эта линия требует максимального развертывания нашей промышленности, однако в меру и в соответствии тем ресурсам, которые у нас есть. Она решительно отрицает политику препа-

шения нашей страны в придаток мировой системы капитализма. Это есть наша линия строительства, которой держится партия и которой будет она держаться и впредь. Эта линия обязательная, пока есть капиталистическое окружение».

Достаточно сравнить «не нашу» линию в определениях т. Сталина с линией Ковдрачева, чтобы видеть, что, во-первых, эта «не наша линия» Шангина—Теодоровича есть кулацкая линия и, во-вторых, что эта кулацкая линия проведена в перспективном плане Наркомзема.

Мы дали здесь краткую характеристику основных установок первой пятилетки Наркомзема. Установки эти оказались или прямо кулацкими или кулацкими с правооппортунистической вуалью. Тем самым уже в решающей степени предопределены как понимание плана в нашей экономике, так и методология его построения.

Что такое план в наркомземовском толковании? На эту тему мы читаем следующее: «Государственное регулирование сельского и лесного хозяйства по самому существу своему предполагает наличие плана этого регулирования. Только при наличии плана путем регулирования можно достигнуть с наименьшими усилиями максимальных результатов в области восстановления сельского и лесного хозяйства, можно обеспечить в наибольшей степени желательное направление его развития и сохранить необходимое влияние государственной власти на стихийные процессы этого развития»¹.

К чему сводится план в такой трактовке. К тому, что если государство находит необходимым регулировать хозяйство, то без плана оно этого делать не может. План — это план только регулирования хозяйства. Следовательно где-то существует хозяйство, а где-то рядом — государство и вот последнее, регулируя хозяйство, вырабатывает тот или иной план.

Повидимому Наркомзем считал возможным для пролетарского государства хозяйство и без плана, а план является только для регулирования, только способом достичь «с наименьшими усилиями максимальных результатов», «обеспечить в наибольшей степени желательное направление его развития и сохранить необходимое влияние государственной власти на стихийные процессы этого развития». Выходит, что план это не основной, присущий социализму способ и орудие расширенного воспроизводства социалистической экономики через индустриализацию страны, через кооперирование и коллективизацию мелких товаропроизводителей, через уничтожение капиталистов. Эти истины, известные задолго до составления плана на 1923—1928 гг., были чужды его составителям. Характеристики, данная «понятию перспективного плана» сельского хозяйства СССР, может быть без особых изменений отнесена и к капиталистической системе регулирующих мероприятий как некоему «плану», намечаемому например каким-либо департаментом земледелия. Да и сами составители не видят надобности в поисках особенностей наших планов. У нас ведь, по их учению, система государственного капитализма, а «государственный капитализм тем и отличается от частного капитализма, что он является капитализмом, упорядоченным со стороны государственной власти. Если в частнокапиталистических странах развитие народного хозяйства идет стихийно, без руководства единой волей, то путь государственного капитализма неизбежно свя-

зан с организационным воздействием государства на стихийный процесс хозяйственной жизни».

Ясно без комментариев, как понимали в Наркомземе сущность наших планов. Поскольку в СССР мы имеем «упорядоченный капитализм», то план и является выражением организационного воздействия государства на стихийный процесс. Отсюда простой «конкретизацией» является следующая формулировка содержания плана сельского хозяйства на 1923—1928 гг.

«По существу перспективный план восстановления и развития сельского хозяйства представляет из себя: а) с одной стороны, обоснование и точно выраженное построение реально возможных и в то же время желательных перспектив развития сельского хозяйства; б) с другой, систему связанных между собой мероприятий общей экономической и сельскохозяйственной политики, которые необходимы, чтобы с наименьшими затратами сил осуществить предусмотренные перспективы развития сельского хозяйства»².

Ни графа пролетарского, классового, социалистического содержания. Такова поистине буржуазная трактовка плана в СССР, данная в разбираемом нами документе.

План по Наркомзему — это ни в коем случае не закон развития, не основной метод расширенного воспроизводства социализма. Это ни в коем случае не активный всепроникающий метод реконструкции, построения социализма и уничтожения капитализма через систему социалистических рычагов прямого и косвенного воздействия и руководства. Нет. План — это просто ряд мероприятий, намеченных государством на основе стихийных законов и лишь в меру этих законов регулирующих их движение в желательном направлении. Никаких принципиальных отличий плана в СССР от плана работы любого капиталистического министерства! В частных выступлениях вредителей это сформулировано весьма ярко. Но, как видим, достаточно ярко эта идея проведена и в плане.

Одной из задач вредителей было дискредитировать план, подорвать, у рабочих и крестьян доверие к плану, разрушить созданную нами огромную значимость плана в деле социалистического строительства.

Можно уже не сомневаться, что на «базисе» таких «установок» по решающим вопросам нашего хозяйственного строительства и методы построения плана применены вредители.

Перспективный план Наркомзема оценивал социально-экономический строй СССР как госкапитализм. Отсюда понятны само собой пути, формы и методы построения перспективных планов сельского хозяйства.

И действительно не стоит большого труда показать, что методологический инструментарий построения разбираемого нами перспективного плана сельского хозяйства Наркомзема на 1923—1928 гг. тот же, что выработали вредители, будучи его ответственными сотрудниками.

Разбирая архивы плановой кухни Наркомзема—Земплана, где поварами были вредители, а заведывали правые оппортунисты, мы выявили, что вредители предлагали Наркомзему вооружиться такими «методами», как «динамические коэффициенты», «тенденции», «экономические», «модели» и т. д. Как показано выше, эти «методы» выведены

¹ Труды Земплана, вып. V, стр. 5.

² Там же.

из «эмпирических закономерностей» товарнокапиталистического общества и приложены к обществу пролетарской диктатуры с тем, чтобы повредить социалистическому строительству, толкая СССР на капиталистический путь развития. Причем вся эта «музыка» прикрыта маской «высшего критерия», «развития производительных сил», и т. д. Прежде всего проследим в действии предвещательный метод «генетики» и «тенденций».

Анализируя тенденции сельского хозяйства как в системе капитализма, так и в условиях пролетарской диктатуры, т. е. в стране строящегося социализма, Наркомзем выдвигает такой всеобщий «надклассовый» критерий «тенденций».

«Переходя к экономическому анализу этой эволюции сельского хозяйства, необходимо прежде всего уясниться в том основном критерии, с точки зрения которого нужно производить этот анализ. Таким критерием является критерий развития производительных сил»¹. Таким образом оценка путей, форм и методов развития будет зависеть от того, удовлетворяет ли они росту производительных сил вообще, а какого типа производительных сил — социалистических или капиталистических, это для «объективных» составителей перспективного плана Наркомзема на первый взгляд значения как будто не имело. Однако в сельском хозяйстве СССР, особенно в период составления данного плана, возможны были два пути развития — путь капитализма через ставку на индивидуального зажиточного и кулацкого хозяина и путь социализма через ставку на коллективизацию при одновременном подъеме уровня благосостояния бедняцко-среднекрестьянских масс деревни. Линия коммунистической партии и советской власти была на коллективизацию, на осуществление кооперативного плана Ленина методами, им указанными. Наркомзем же, как видим, выдвинул кондратьевский критерий, которым можно оправдать именно капиталистический путь. Как раз с этой целью и был выдвинут предвещательный этот критерий.

Итак «критерий» анализа найден. За «методами» анализа дело не станет. «Из внимания к особенностям сельского хозяйства всему построению плана придан в значительной мере генетический характер. В силу этого предполагаемый план отбрасывается от анализа тенденций фактического стихийного развития сельского хозяйства. Лишь затем он дает анализ этих тенденций и устанавливает, какие из них имеют жизненное положительное значение и какие нет, какие должны поощряться и какие должны встретиться сознательное противодействие»². Следовательно в основу принят генетический метод, т. е. метод продолжения в будущее тенденций прошлого, а конкретнее — метод реставрации капитализма вместо построения социализма. В дальнейшем мы увидим, какие тенденции и формы развития Наркомзем принимал как «жизненные» и подлежащие «поощрению». Как это не парадоксально, но оказывается, этот метод аргументируется... Марксом.

«Будущее вырастает из прошлого. Эта мысль является одной из руководящих идей метода экономического анализа Маркса. Вот почему, стремясь придать плану реально-исторический характер и содержание, при его построении необходимо учесть эволюцию сельского и лесного хозяйства СССР в прошлом и сейчас с общим развитием народного хозяйства страны. Это не значит,

что план развития сельского и лесного хозяйства должен строиться исключительно на основе генетического анализа. Всякий план по самому существу своему должен иметь в себе и телеологические, целевые элементы и конструкции»³.

Оказывается, базой буржуазного генетического метода планирования в условиях пролетарской диктатуры является не больше, не меньше, как теория исторического материализма и экономическое учение Маркса. Верно конечно, что будущее возникает и развивается из прошлого. Однако вовсе не так, как это записано в плане Наркомзема. Развитие народнохозяйственной системы при диктатуре пролетариата новое не есть развитие обломков старых формаций, а есть плановое построение социализма, мощное развитие индустрии последовательно-социалистического типа через передачу простого товарного хозяйства в колхозы и через ликвидацию капиталистических элементов в новой системе. Какую же роль отводит Наркомзем методу революционного планового построения социализма? Ответ может быть дан лишь один — никакая. Новый метод планирования (правда, на наш взгляд неудачно окрещенный «телеологическим») признается лишь в той же мере, как и во «всеплане», ибо мол ни один план не может быть лишним цели. Но в таком случае например между планоим построением социализма у пролетарского государства и планоим работ капиталистического департамента земледелия не оказывается никакой разницы.

В докладе президиума Госплана Наркомзем РСФСР устам своего доверенного... Кондратьева в июле 1925 г. так определил свой метод:

«Можно было идти двумя путями. Можно было идти путем телеологического построения плана. Поставив себе заранее определенную задачу в области развития сельского хозяйства, можно было поставить вопрос — как ее осуществить, какая система мероприятий для этого необходима. Этот путь в чистом виде нам казался невозможным, ибо сельское хозяйство телеологическому воздействию, нам казалось, поддается не в такой степени, чтобы можно было на основе этого метода строить весь план. Поэтому мы выдвинули в основу другой путь. Нам казалось, что нужно строить план, опираясь на генетический метод. Нам казалось, что нужно выяснить прежде всего особенности и направление эволюции сельского хозяйства для того, чтобы уяснить себе, что можно сделать в области его развития, чтобы поставить себе таким образом выполнимые задачи в смысле реконструкции сельского хозяйства».

Итак методом постановки реконструктивных задач, методом определения «цели» в перспективном планировании сельского хозяйства идти нельзя. И под маской ряда оговорок, вроде неприменимости его в «чистом виде», невозможности этим методом «построить» весь план, метод социалистического планирования отбрасывается совсем; в Наркомземе «выдвинули в основу другой путь». Докладчик довольно откровенно заявляет, что от постановки целей они не отказались, но эти цели определены и обусловлены прошлыми тенденциями в сельском хозяйстве. «Мы ставили эти цели на основе исследования тенденций эволюции самого сельского хозяйства». Поистине «комментарии излишни». В основу перспективного плана Наркомзем положил не анализ новой народно-

¹ Там же, стр. 15.

² Доклад проф. Кондратьева в президиуме Госплана СССР об основах перспективного плана. VII 1925 г.

³ Труды Земплана, вып. V, стр. 6.

хозяйственной структуры, состоящей из пяти укладов при диктатуре пролетариата и при ведущей роли социалистической индустрии и других командных высот, определяющей движение всего противоречивого единства системы. Нет, в основу положен анализ тенденций «самого сельского хозяйства» как независимой, самодовлеющей системы. И это сейчас же сказывается на дальнейших моментах плана. А именно Наркомзем прежде всего подкрепляет анализу тенденции сельского хозяйства довоенной царской России, затем периоды войны и революции, затем — период изпа и т. д. Все эти этапы рассматриваются в том смысле, что тенденции сельского хозяйства «положительные» для «развития производительных сил» в старой России, прерываемые и разрушенные революцией, вновь восстанавливаются в условиях изпа и должны усиленно продолжать свое поступательное движение как товарно-капиталистические.

Обратимся к содержанию самого плана. Вот характеристика до-революционного сельского хозяйства.

«В общем процессе развития сельского хозяйства происходил одновременно процесс перераспределения удельного веса крестьянского и частновладельческого хозяйства: удельный вес первого возрастал, второго — падал». «Крестьянское хозяйство в целом обнаруживало исключительную стойкость в экономической борьбе при этих условиях»¹.

Вместо того чтобы вскрыть, что до революции сельское хозяйство быстро вступало на путь именно капиталистического развития, разрушая «крестьянство» через выделение полюсов — пролетариата и кулачества — вместо этого Наркомзем воспекает, что «крестьянское хозяйство в целом» в условиях помещичьего капиталистического строя представляет собой такой «тип» хозяйства, который вполне удовлетворяет требованию «развития производительных сил» и проявляет «в целом» исключительную устойчивость. А где же процесс капитализации сельского хозяйства, рост кулацкой верхушки, пролетаризация и дифференциация деревни? В плане ничего этого нет. Наоборот все эти вопросы смазаны, скрыты с целью замаскировать именно эти тенденции как спасительные для контрреволюции в условиях СССР.

Что же это за тенденции «крестьянства в целом»? Перечисляются такие «тенденции»: увеличение ценности с.-х. продукции, дифференциация роста сельского хозяйства по отраслям, дифференциация сельского хозяйства по районам и рост разделения труда между ними, рост товарности (рост экспорта с.-х. товаров), рост удельного веса крестьянского хозяйства в сельском хозяйстве страны и в рыночном обороте ее, усиление процесса капиталоаккумуляции в крестьянском хозяйстве, дифференциация деревни. Таковы до-революционные тенденции сельского хозяйства. Совершенно ясно, что это — тенденции капиталистического типа. Маскирующую народническую чепуху о победе будто бы крестьянства «в целом» приклеили сюда совсем некстати с лживым умыслом как прикрытие. План констатирует, что указанные тенденции как раз и соответствуют критерию развития производительных сил.

«Констатируемые тенденции в общем можно рассматривать как формы проявления роста производительных сил сельского хозяйства»².

Следовательно «надклассовый» критерий — «рост производительных сил» — вретели весьма умело использовали для того, чтобы при его помощи замаскировать весьма классовый замысел: доказать, что до-революционный путь развития сельского хозяйства является и в СССР единственно правильным путем, или, как выразился, «по учению» проф. Кондратьев, «на пути точного анализа получить указания на линии своей работы в интересах ускорения развития производительных сил в будущем».

Оказывается, в установках перспективного плана НКЗема никаких существенных различий в развитии сельского хозяйства до пролетарской революции и в условиях пролетарской диктатуры нет. Больше того, если при царском режиме были, мол, дефекты, то революция их устранила и тем самым лишь расчистила почву для бурного роста сельского хозяйства по старым «здоровым» линиям, т. е. по пути капитализма.

В самом деле. «Социально-правовые условия существования и развития крестьянского хозяйства России ставили непосредственные препятствия для его развития. На первом месте здесь нужно поставить пережитки феодально-дворянско-помещичьего земельного режима. Этот режим исторически поставил крестьянство в тяжелую обстановку малоземелья и вынуждал его, как уже отмечалось, при помощи широкой аренды и покупки земли бороться за расширение землепользования, в то же время путем высоких арендных плат и высокой цены на землю оттягивал значительные средства из крестьянского хозяйства. В том же направлении действовала и экономическая политика царского правительства. Внешняя торговая политика правительства была проникнута духом промышленного протекционизма и приводила к высоким ценам на фабриках. Тяжелый налоговый режим экспроприировал крупные суммы из крестьянского хозяйства»³.

Следовательно до революции на пути развития производительных сил стояли тормозящие факторы, как-то: феодально-помещичий, земельный режим, высокая арендная плата и земельные цены, протекционизм царского правительства по отношению к отечественной промышленности, тяжелые налоги и т. д.

«Указанные отрицательные условия и формы развития сельского хозяйства позволяют сделать целый ряд выводов о положительных задачах и плане возрождения крестьянского хозяйства в новых условиях»⁴.

Перспективный план НКЗема находит таким образом, что «новые» условия — это условия из старых путей, но без старых феодальных тормозов. Если же обобщить эту «теорию», то она есть не что иное, как отрицание у нас пролетарской революции и признание лишь буржуазной аграрной революции.

Что именно так, а не иначе понимая нашу революцию Наркомзем того периода, видно из следующего:

«Очевидно, что деревня пауперизована и крестьянское хозяйство раздроблено до последних пределов. Таким образом реально в деревне имеется в настоящее время значительная группа подпролетарских

¹ Кондратьев. Доклад президиуму Госплана. VII. 1925 г.

² Труды Земплана, вып. V, стр. 18.

³ Там же, стр. 18.

⁴ Там же, стр. 19.

хозяйства, с одной стороны, и значительная группа беднейших хозяйств, с другой. Это обстоятельство должно быть серьезно учтено при построении перспектив сельского хозяйства и работы по его развитию». «В этом отношении должен быть учтен полностью довоенный опыт развития крестьянского хозяйства, кратко описанный выше, в связи с усилением его роли и дифференциации деревни»¹.

В приведенном нами отрезке плана весьма отчетливо формулированы капиталистические задачи, поставленные по плану НКЗема. В противовес генеральной линии коммунистической партии и учению Ленина о том, что в результате пролетарской революции деревня стала более середняцкой и на базе союза с середняком мы должны перевести ее на рельсы социализма, план Наркомзема утверждает, что в результате революции мы имеем «пауперизацию» и методом уничтожения ее является не что иное, как учет «полностью» довоенного опыта развития крестьянского хозяйства.

Мы отлично знаем, что именно довоенный путь и был путем самой широкой пауперизации через форсированное насаждение капитализма в сельском хозяйстве по программе Столыпина. И вот НКЗем находит необходимым на седьмом и восьмом году пролетарской революции запроектировать на целых пять лет вперед ни больше, ни меньше, как столыпинский путь развития сельского хозяйства. В самом деле, если предполагается перспективный план сельского хозяйства, в котором вытравлены совхозы и колхозы, но зато положены в основу товарокапиталистические пути развития, а довоенный опыт берется как образец, то это есть столыпинщина, а не план социалистического строительства.

Именно с этой точки зрения и ни с какой другой перспективный план рассматривает и оценивает период Октябрьской революции и гражданской войны. Характерно уже то обстоятельство, что Наркомзем свалил в одну кучу и даже не отметил никаких существенных различий между империалистической и гражданской войной. Никаких революционных сдвигов, никакого изменения социально-экономического строя сельского хозяйства Октябрьская революция по оценкам Наркомзема не принесла. Мы читаем в плане:

Оказывается, Октябрьская революция явилась периодом, который «принес глубокие потрясения производительных сил сельского хозяйства. Он вызвал в нем тенденции, в большинстве случаев обратные тем, которые наблюдались как положительные тенденции в довоенный период»².

Такова оценка пролетарской революции в сельском хозяйстве, данная планом Наркомзема. Оказывается, «положительные» «довоенные» тенденции сельского хозяйства были прерваны Октябрьской революцией. Следовательно задача новой экономической политики СССР чрезвычайно проста и преддана всем ходом прошлой истории — устранить дефекты довоенного сельского хозяйства и «возродить» (?) потрясенное революцией, но без дефектов прошлого. Никакой социалистической реконструкции мелкого индивидуального хозяйства деревни, никакой классовой борьбы с кулачеством. Неп мол принес «начало восстановления», население пернулось «к производительному труду», и только. Пролетарской революцией здесь даже и не пахнет. Кооперативный план Ленина Нар-

комзем под влиянием вредителей заменил столыпинской программой развития капитализма. Наркомзем находит нужным отметить лишь одно весьма благоприятное условие для бурного роста старых «плодородных» сил сельского хозяйства, созданное революцией. Мы читаем:

«Из предыдущего же нетрудно видеть, что основные линии начавшегося процесса возрождения сельского хозяйства во многом воспроизводят те линии развития сельского хозяйства, которые наблюдались перед войной. Однако процесс развития сельского хозяйства в настоящее время протекает в существенно иных условиях, чем те, которые были до войны, и сельское хозяйство находится в ином положении, чем оно было перед войной. Прежде необходимо учесть те совершенно новые социально-политические условия, которые созданы Октябрьской революцией. Старое сословно-классовое общество разрушено»³.

Итак, составляя пятилетний перспективный план сельского хозяйства, Наркомзем в 1924 и 1925 гг. исходит из фактического отрицания Октябрьской революции и из такого понимания экономического строя СССР, «что основные линии сельскохозяйственного процесса при диктатуре пролетариата «во многом воспроизводят» довоенные пути развития, т. е. капитализма.

Больше того. Оказывается, «совершенно новые социально-политические условия» всего-навсего заключаются в разрушении феодально-земельного режима старого, сословно-классового общества.

Стоит ли дальше доказывать, что кулацким профессорам удалось провести в перспективный план Наркомзема реставраторские установки? На этой основе кулацким профессорам удалось навязать Земплану враждебный пролетариату вредительский метод «генетики» и «тенденции», который конечно и не мог дать никакой другой, кроме реставраторской перспективы развития сельского хозяйства по пятилетнему плану.

Как видим, метод «генетики» в перспективном планировании дал не мало. Он наметил пути и формы столыпинского довоенного сельского хозяйства в перспективном плане в условиях пролетарской диктатуры. Провозгласил тенденции «товариокапиталистического порядка как основные и ставку на капиталистическую верхушку деревни! Это и есть «генетический» метод в практике его применения.

Теперь рассмотрим более конкретные задачи, поставленные на разрешение, при такой перспективе. Здесь вступает в действие метод «минимумов». Его суть заключается в отыскании наиболее «узких» сторон индивидуального сельского хозяйства, тормозящих успешный товариокапиталистический процесс. Устанавливается ряд подлежащих решению «минимумов», располагается очередность их решения в зависимости от средств, кредита и т. д. и в результате констатируется «модель» хозяйства, подлежащая получению в результате решения «минимумов».

Если намечен товариокапиталистический путь развития, то какие же «минимумы» стоят препятствием на этом пути? В «основах» перспективного плана, принятых НКЗемом и подтвержденных в 1925 г., мы читаем:

«Если до войны имели место относительная недонасыщенность нынешнего сельского хозяйства капиталом и относительная перенасыщен-

¹ Там же, стр. 27.

² Там же, стр. стр. 20 и 21.

³ Там же, стр. 28.

ность его трудом, во всяком случае в определенных районах, но сейчас перед нами картина еще большей перенасыщенности сельского хозяйства населения трудом и недонасыщенности его капиталом»¹.

Из приведенных положений «минимумов» вырисовываются довольно отчетливо. Если наша страна по вредительской перспективе — аграрная, с подчиненным значением промышленности, если путь развития сельского хозяйства товарнокапиталистический, то в «минимуме» прежде всего «капитализм», а в избытке «труд». Правда признается одно отличие СССР от России царской, это то, что с капиталом у нас дело еще хуже, а незанятого труда еще больше, чем в старой России. Отсюда требование развивать капиталообразование деревни. План указывает и на препятствия, а именно — «крайняя распыленность масс крестьянского хозяйства», их пауперизованность и т. д. «Концепция» достаточно цельная. В перспективном плане предлагается ликвидация этих препятствий методами капитализма. Путь капиталистической дифференциации деревни в плане принимается. Устами Кондратьева на президиуме Госплана СССР НКЗем заявил, что «Процесс дифференциации — такова вторая, в высшей степени важная черта современного положения сельского хозяйства, как это положение определяется после и в развитии действий новой экономической политики».

Никаких различий процесса дифференциации в СССР от капиталистической по планам Наркомзема совершенно не видно. Учение Ленина и решения партии в этом вопросе правые оппортунисты Наркомзема променяли на кулацкие «теории».

В том же докладе Госплану проф. Кондратьев еще более углубляет реставраторскую программу, зафиксированную в «основах» наркомзевского плана 1924 г.

«Эти особенности заключаются в том, что пережитки феодально-крепостнического режима разрушены и что крестьянское хозяйство оказывается единственной базой в области развития прогресса сельского хозяйства». Оказывается, социалистическое крупное хозяйство совсем исключается из перспектив развития сельского хозяйства.

Читая эти строки наркомзевского плана, приходится прямо констатировать, что все свои замыслы кулацкие профессора успешно провели в перспективные планы.

Таков в действительности метод «минимумов». По существу же этот метод целиком совпадает с методом правых оппортунистов — равнения на «улки места».

Не трудно себе представить, какова «модель» хозяйства, которое должно оформиться через решение «минимумов», на основе «тенденций», рассмотренных выше.

Наркомзем, опять-таки устами проф. Кондратьева, возмущается: «Одной из самых оригинальных черт плана НКЗема, если даже в нем и есть крупные недостатки и ошибки, — является то, что... в центре внимания НКЗема поставлены планом в каждом районе задачи по созданию рациональных типов хозяйств... к задаче осуществления этих типов мы подгоняем работу механизации и землеустройства, и работы по организации средств производства, переработки и т. д. План в этом отношении является выдержан-

ным... Принципы, положенные в основные планы, и схема его построения совершенно истинны, отчетливы и достаточно жизненны. А это обеспечивает самое главное — верный путь сельскохозяйственной политики»².

Итак задуманы поройонные, рациональные типы, причем эта часть плана считается самой оригинальной. К этим «типам» подогнаны такие мероприятия, как землеустройство, организация средств производства и т. д.

Каковы эти «типы»?

А вот они: «при построении прогрессивных типов, мы предполагаем, что размеры хозяйства, подвергающиеся реконструкции, не изменяются, что меняется лишь его организация, соотношение его основных элементов».

Если мыше мы видели, что берется ставка на капиталистическую верхушку деревни, то здесь разъясняется, что в условиях земельного режима в СССР «тип» проектируемого хозяйства определяется интенсификацией хозяйств этой верхушки. В «модели» реставраторов, протаченной в наркомзевский перспективный план, мы имеем таким образом кулацкое интенсивное хозяйство, с быстрым капиталообразованием, с высокой его организацией в смысле «соотношения основных элементов» и т. д.

Такова «модель». Совершенно очевидно, что здесь в полной силе сказалось влияние вредителей на сельскохозяйственный план.

Конечно в плановой кухне Наркомзема вредители выступали более откровенно, чем тогда, когда готовый продукт преподносили в высшие инстанции. Там они прямо выступают с программой развращения рук кулаку, здесь — несколько завуалированно, но все же достаточно ясно. Оказывается, для рациональной (?) организации крестьянского хозяйства требуется «охрана результатов с.х. производства». Но какие группы деревни предлагает защищать Наркомзем? У нас в стране — пролетарская диктатура; беднота — о по р а, середняк — союзник, а середняк, вошедший в коалюх, — также препращается в опору. Но вот с кулаком на всех стадиях пролетарской диктатуры ожесточенная классовая борьба. Ясно, что Наркомзем, устами вредителей, пытался взять под защиту кулака. Речь идет о защите, о гарантиях для капиталистической верхушки деревни от пролетарской диктатуры.

Такова «модель» сельского хозяйства, запрокинутая в перспективном плане НКЗема. Совершенно очевидно, что и здесь сказались влияние вредителей на руководителей НКЗема и через них на с.х. план.

Таковы «установки» и «методологии» Наркомзема в перспективном планировании периода 1923 — 1928 гг. Тем самым уже дан ответ и на вопрос о характере намечавшихся в плане мероприятий.

Мы уже указывали в предыдущем анализе плана на подчиненную роль индустрии в отношении сельского хозяйства. Это тезис проф. Кондратьева.

Не осталось без влияния вредителей в плане и внешне-торговая политика. В процессе выработки плана мы видели ярые нападки на монополию внешней торговли и на советский протекционизм. В перспективном плане вредителям кое-что удалось и протачить. Вот например такой тезис в плане: «Поддерживая общую политику протек-

¹ Там же, стр. 24.

² Доклад Кондратьева на президиуме Госплана о перспективном плане НКЗема от 25 VII 1925 г.

ционизма, мы стоим против огульного протекционизма. В частности в отношении импорта орудий и средств с.х. производства протекционизм должен глубоко сообразоваться с требованием развития сельского хозяйства»¹.

Чтобы понять истинный смысл этого положения, выраженного в несколько замаскированной форме подставной савочки «огульного», вспомним выступление того же вредителя, имевшее место в процессе выработки плана в наркомземовской плановой кухне — в Земплане.

Политика пролетарской диктатуры там сравнивалась с политикой Витте, этого вождя самодержавия. Такими методами дискредитации нашей политики вредители пытались повлиять на руководителей Наркомзема и прорвать фронт монополии внешней торговли. И, как видим, попытка имела некоторый успех по линии составления е.х. перспективного плана.

В системе проектируемых мероприятий кулацкое влияние выразилось также и в том, что в плане на пять лет совершенно отсутствует план коллективизации и совхозного строительства. Кулацкое влияние выразилось и в том, что темпы роста основных показателей сельского хозяйства, построенные методом количественных коэффициентов, были темпами капиталистической эволюции, а не социалистической реконструкции.

Как одно из чрезвычайно важных мероприятий, проектировавшихся в плане НКЗема, была ставка в период 1923 — 1928 гг. не на зерновую проблему, а на животноводство. Именно исходя из проектировки капиталистического пути развития сельского хозяйства, стави ставку на капиталистическую интенсификацию сельского хозяйства, кулацкие профессора на заседаниях Земплана выдвигали на первый план животноводство.

А вот политика Наркомзема в области землеустройства, запроектированная в «основах» перспективного плана, с учетом особенностей организационного строя хозяйства по районам. «В районах северо-запада и юго-запада хуторская и отрубная форма землепользования. В северо-восточном районе поселково-отрубная форма. В центрально-черноземном районе поселково-отрубная и общинная. В уральском районе общинная. В юго-восточном и поволжском районе поселково-отрубная и частично хуторская с типом американского фермерского хозяйства. В районах Северного Кавказа и Сибири отрубно-поселковая форма и общинная».

Спустя год, Наркомзем повторит ту же установку, но с некоторыми добавлениями.

«Хозяйство может перейти к этой форме (коллективной — М. К.) только путем эволюции — путем перехода от одной стадии развития к другой. Эти переходные стадии надо иметь в виду при проведении землеустройства. Жизненная практика достаточно хорошо вскрывает, в каких районах какие переходные формы землепользования на данной ступени исторического развития сельского хозяйства являются наиболее стойкими и прогрессивными»².

Прикрываясь словом о «коллективной форме» землепользования, Кондратьев от имени НКЗема заявляет, что лучшей эта форма

является только «в конечном счете». Такая «установка» его «пока» вполне устраивает, ибо конкретно, т. е. в ближайшей перспективе, Наркомзем проектирует целый ряд «стадий». Критерием этих стадий является не что иное, как «жизненная практика» развития индивидуального, частного хозяйства. Совершенно ясно, что эти стадии являются переходными не к социализму, а к капитализму.

Это и не скрывается. Кондратьев говорит дальше:

«Если проследить для примера распределение единоличного землепользования, то мы увидим, что оно наиболее сильно выражается в определенных районах — в северо-западном, в западном, в западной части Центрально-промышленного района и в юго-западном районе. Это показывает, что в этих районах, с наиболее интенсивным хозяйством, с этой формой землепользования мы не можем не считаться. Поэтому НКЗем считает, что в этих районах единоличная отрубно-хуторская форма землепользования получит развитие».

Ставка на единоличное землепользование в форме хуторов и отрубов — такова кулацкая «стадия». В такой проектировке скрыт вредительский маневр создать через проведение капиталистического землеустройства прецеденты коллективизации, которые, будучи проведены в широком масштабе, подготовили бы срыв кооперативного плана Ленина.

Не забыта и налоговая политика. Она запроектирована в таком виде:

«Прежде всего необходимо признать, что абсолютный размер налога должен быть строго согласован с платежеспособными силами сельского населения... без потрясения своей экономической мощи и без приостановки процесса расширенного воспроизводства и следовательно накопления капиталов. Поэтому не только размер налога должен приспособляться к потребностям государственного хозяйства, но и потребности эти должны быть согласованы с платежеспособностью страны и в частности сельского хозяйства... все обложение таким образом будет приближаться к рентному... Налог становится наиболее уравнивающим и в то же время наиболее приспособленным к системам хозяйства»³.

Вся эта вредительская работа, протасканная в план сельского хозяйства, прикрывалась так называемой теорией «развития производительных сил».

«Основной задачей развития сельского хозяйства мы считаем развитие его производительных сил»⁴.

Эта теория была надумана исключительно с вредительской целью замаскировать и протаскать вредительские замыслы в план.

Рассмотренные нами довольно подробно установки, методология и направление мероприятий, внесенные в первый перспективный план НКЗема, показывают, что в этом документе мы имеем классический по своей яркости и выдержанности факт влияния вредителей на аппарат планирования.

¹ Там же, стр. 54.

² Основы перспективного плана. Т. V, стр. 54.

³ Доклад Кондратьева в президиуме Госплана о перспективном плане НКЗема. VII, 1925 г.

⁴ Доклад Кондратьева в президиуме Госплана. V-I, 1925 г.

⁵ Там же, стр. 57.

План НКЗема на 1923/24 — 1928/29 гг. не был утвержден правительством. Однако он не был лишь бумажкой. Для Наркомзема он был программой для действий, а отнюдь не пассивным документом.

Можно привести ряд ярких иллюстраций влияния вредителя и на низовую практическую работу Наркомзема. Вот выступление одного из сотрудников НКЗема при обсуждении в президиуме Госплана СССР доклада Наркомзема¹.

«С нашим планом сталкивались места, сталкивались агрономы, когда он был еще в рукописи, и они определенно говорили: «накопец-то НКЗем получил определенную физиономию. Накопец-то мы знаем, за что он борется, куда он идет и куда он направляет свои силы и средства».

Действительно недурно сказано! Мы видели, что «физиономия» плана товарнокапиталистическая. И вот такой план попадает к агрономам, а в те времена сплошь и рядом к тому же еще к старым земским агрономам, и можно легко представить себе, какая «практика» получалась на основе такого идейного и теоретического руководства. Те агрономы, которые были чужды нам, хорошо понимали, «за что бороться» и «куда направлять свои силы и средства». Это ярко выливалось из выступления в Земплане агронома Силина².

«Говорим о «модели», но не знаем, что конкретно эта модель представляет. Поэтому и кратко предполагаю охарактеризовать ту модель, которая получалась у нас в Бедняковской волости и над которой мы работали при участии Н. П. Макарова».

Силин берет совершенно конкретную практику волостного масштаба, чтобы показать, как превращается в жизнь метод макаровской «модели». Тем интереснее посмотреть, что же получается.

Он продолжает: «Модель должна отображать действительность — это первое условие модельного метода».

Уже из этих слов начинает вырисовываться тип модели: отображать действительность. И Силин совершенно правильно ухватывает суть модельного метода вредителя. «Я считаю...», — говорит он, — что модельный метод синтезирует все остальные методы и поэтому он наиболее точный. Как он это делает? Здесь Силин дошел до самого интересного места. «Когда мы проводили свою работу, то у нас были первоначально установлены тенденции эволюции сельского хозяйства... Модель является конкретизацией и грядущего хода развития хозяйства. Как построили модель? Тут берется определенный срок примерно 5 лет для ориентировки и устанавливается какая-то модель... Мы шли здесь при помощи метода установления количественных коэффициентов и модель строили при помощи этого метода». Итак метод модели включил в себя как свое содержание и метод тенденций и метод коэффициентов. Посмотрим, что же получается: «Допустим, у нас по развитию семеноводства была такой-то темп эволюции, мы этот темп экстраполируем на модель. Темп нарастания коров примерно такой-то, мы учитываем всю соответствующую конъюнктуру и, придерживаясь количественных коэффициентов, проектируем в организационном плане определенное количественное выражение».

¹ Выступление сотрудника НКЗема Белева по докладу Кондратьева об основах перспективного плана сельского хозяйства на 1923 — 1928 гг. в Госплане СССР.

² Заседание комиссии Земплана по перспективному плану от 13/IV 1927 г.

Здесь мы вспомним, как проф. Макаров предостерегал от «субъективизма» при пользовании этими методами. Но первый участник Силин «практически справляется и здесь с макаровской «теорией».

«В чем заключается субъективизм? Он заключается в том, что можно в предполагаемые пять лет наметить больше, чем осуществиться в действительности. Чтобы этот момент проверить, нужно взять капиталоакопление как контролирующий момент. Для этого все нововведения и качественные улучшения оцениваются, и получается определенная сумма стоимости, которую нужно затратить, чтобы осуществить модель. Эту сумму стоимости мы делим на сумму стоимости ежегодного капиталоакопления и окончательный срок устанавливаем уже после этого».

Таким образом «ученые» теории и методы кулацких вредителей легко переводятся на довольно простой кулацкий же конкретный язык действий. Намечается модель кулацкого хозяйства, вычисляется, сколько нужно средств для осуществления такой модели. Затем устанавливается, каково ежегодное капиталоакопление данного хозяйства и каковы кредиты, и на этой основе определяются сроки реализации всего плана. В итоге получится кулацкое хозяйство.

Такова «методология» кулацких профессоров, взятая в действие. Уже заранее считается предсказанным, что ни о какой социалистической реконструкции даже и о каком создании предпосылок для такой реконструкции речи быть не может. Берется существующее индивидуальное частное хозяйство и продолжается в будущем с рядом усовершенствований. Именно это и означает по их мнению «отображать действительность». Однако семеноводством и коровами модель ограничить нельзя. Буржуазные агрономы и профессора отлично сознают, что модель является и социальной проблемой. Здесь для них возникает ряд любопытных «трудностей» и «сомнений». Действительно ли эта модель отображает «массу хозяйства»? И вот как они на практике «отображают» эту массу хозяйства. «Мы эту модель пропускаем как бы через действительность, т. е. через социальные группы». А именно: «Для построения модели мы брали среднестатистическое хозяйство, его обеспеченность средствами производства, коровами, рабочей силой и т. д., в данной плоскости и построили на этой модели, а затем уже подошли к социальным группам и дифференцировали эту модель по социальным группам. Тогда средние условия для каждой социальной группы варьировались. Интересно знать, как же эти «средние» варьировались». И вот здесь начинается поистине невероятная в условиях пролетарской диктатуры «практика». Оказывается, самых малочисленных или «первую группу мы исключили или пролетаризировали сознательно. Вторая группа хозяйства — безлошадные и в модели, так как у них меньше земельного надела. Третья группа — самая многочисленная — почти совпала с этой моделью. Четвертая группа будет выше модели. Пятая еще выше... Примерно в таких чертах представляется модель Бедняковской волости».

Итак перед нами конкретный и яркий пример проведения в жизнь уже в 1927 г. плана и методов, выработанных вредителями.

Модель Бедняковской волости, преподнесенная Силиным, является не чем иным, как вредительским мероприятием, направленным к

сравну социалистической реконструкции деревни и форсирующим развитием капитализма.

В самом деле. Коллективизацию вредители сознательно исключили из своей модели. Но в то же время «социалисты» пролетаризировали малоомощную группу, определив безлошадных в резерв для пролетаризации. Зато предоставлен полный простор высшим, т. е. капиталистическим группам деревни.

Такова кулацкая модель на практическом примере конкретной восточной.

Кулацкие профессора имели на местах свою агентуру и по мере сил старались не оторвать свою теорию от своей практики. Приведенный нами «опыт» агронома Силина показывает и доказывает, что «установка» и «методы» планирования вредителей, если бы они не были решительно отвергнуты революционной практикой, если социалистической стройки на основе генеральной линии партии, если при содействии правых оппортунистов получили широкое применение в практике, — это означало бы форсирование капитализма в сельском хозяйстве СССР, означало бы рост базы для реставрации.

И даже теперь, когда в 1931 г. мы завершаем построение фундамента социалистической экономики, когда 50% крестьянских хозяйств вовлекаются в колхозы, мы не должны ослаблять, а должны усилить свою классовую бдительность, бороться и выкорчевывать в сельскохозяйственной практике кулацкую агентуру, еще сохранившуюся силой и рдвом в среде агрономов старой школы. Практика агронома Силина в 1927 г. очень поучительна.

Приведем еще один факт. Как известно, летом 1925 г. правительство образовало специальный фонд для борьбы с засухой.

И нужно сказать, что вредителям удалось в известной мере извратить социальное направление этого мероприятия. Вот как оценивал итоги этого мероприятия комиссия по пересмотру работ в засухливой области (от 9/Х 1928 г.). В пункте 2 резолюции НКЗема в засухливой области четкой этой специальной работы мы читаем: «Главной отличительной чертой этой специальной работы по борьбе с засухой являлось направление всех ассигнованных средств на определенное, сравнительно весьма ограниченное количество крестьянских хозяйств (3,9) в целях их коренной реорганизации. С отобранными хозяевами или объединениями из этих хозяйств — земорганам заключались договоры на проведение так называемой реорганизации. Вслед за этим большинство хозяйств получало на эту цель долгосрочные кредиты в повышенном размере: средняя выдача на двор равнялась 350—550 руб.).

Итак «отличительные черты» работы: а) ограниченное количество отобранных хозяйств; б) сохранение частнособственнического индивидуального типа крестьянского хозяйства; в) выдача дополнительно солидных сумм в виде долгосрочного кредита на отобранный индивидуальный двор (350—550 руб.) и д) на этой основе «коренная реорганизация» этих хозяйств.

А вот как характеризуется в пункте 3 резолюции содержание мероприятий.

«Сущность намечавшейся реорганизации сводилась к изменению технических приемов обработки почвы и посевов, к введению селекционных семян, рациональных севооборотов с использованием животноводческого направления при помощи приобретенных орудий, семян, в проведении землеустройства (расселения), организа-

ции водоустройства, проведении мелкоразной и т. п. Подобным путем предполагалось создать засухоустойчивое хозяйство. В намеченных районах отбирались для реорганизации определенные гнезда; в этих гнездах выбирались типичные селения и в последних намечались отдельные хозяйства или их группы».

Уже из этой характеристики мероприятий по борьбе с засухой видно, что они строились методом «минимумов и моделей» вредителя Макарова. Вся «реорганизация» сводилась исключительно к техническому перевооружению на товарнокапиталистической основе за счет средств пролетарского государства. Как видим, ни о какой социалистической переделке нет и речи. Техническая реконструкция используется не как орудие коллективизации, а как орудие превращения простых товарных хозяйств в капиталистические. В самом деле, если выбрать ряд районов, а в районах «определенные гнезда», в гнездах — «типичные селения», а в них — «отдельные хозяйства» и путем большого вложения кредитных средств перестроить весь комплекс технических элементов индивидуального хозяйства, превратить их в столь мощные, что, оставаясь индивидуальными, они становятся уже засухоустойчивыми, то спрашивается, что это такое, как не сталинским политикой насаждения капитализма.

В пункте 4 проекта резолюции, подводящей к 1928 г. итоги трехлетней работы по борьбе с засухой, мы читаем:

«При отборе хозяйств НКЗему ставились определенные требования в смысле бедняцко-среднебедняцкого состава реорганизуемых хозяйств. Однако в некоторых районах, как например в Сталинградской губ., а также в Сызранском уезде Ульяновской губ. и др. местах констатирован повышенный отбор зажиточных слоев деревни; в Сталинградской губ. например среди отобранных для реорганизации крестьянских хозяйств было 40,1% трехлошадных. В результате того, что в первые 1½ года мероприятия по борьбе с засухой проводились в уже готовых поселах, констатирован общий повышенный уровень отбираемых для реорганизации хозяйств. Процент низших групп среди отобранных для реорганизации хозяйств значительно ниже, чем в массе хозяйств и обратно — процент высших групп среди всех хозяйств того или иного района выше. Имевшая же место в отдельных случаях попытка создания реорганизуемых поселков из одних бедняцких хозяйств почти без всяких средств производства приводит к отрицательным последствиям».

Резолюция отмечает, что НКЗем ставил требование реорганизовать бедняцко-среднебедняцкие хозяйства. Однако одного этого требования далеко не достаточно, ибо без одновременного кооперирования и коллективизации их развитие неизбежно получает капиталистическое направление. Но резолюция констатирует гораздо более серьезные вещи. Осуществляя свои «модели», вредители через свою агентуру на местах нарушали самым преступным образом политику коммунистической партии и советского правительства в отношении деревни. Оказывалось, для реорганизации отбирались хозяйства из высших групп деревни. Удельный вес бедняцких реорганизуемых хозяйств был значительно ниже их удельного веса в том или ином районе. Эта явно вредительская практика особенно ярко выражалась в попытке раздвинуть бедняцкие и среднебедняцкие хозяйства путем образования реорганизуемых поселков из одних бедняцких хозяйств.

Мы поставили вопрос: как могло быть вредительство в планировании сельского хозяйства?

План НКЗема, как мы знаем, охватывал «восстановительные годы» для сельского хозяйства СССР, а именно 1923—1928 гг.

Для того, чтобы по-ленински построить перспективный план на данный отрезок, предполагается знание учения Ленина о переходной экономике СССР, о кооперативном плане и о тех задачах, которые Владимир Ильич ставил на разрешение перед коммунистической партией и пролетарской диктатурой на ближайшие примерно 10 лет. И совершенно ясно, что если коммунист, руководящий плановой работой, собьется в этих вопросах с ленинской дороги, то он неизбежно превратится в оппортуниста как в теории, так и на практике.

Сопоставим теперь «установки» некоторых коммунистов-плановиков, положенных ими в основу плановой работы и конкретно в основу построения перспективного плана развития сельского хозяйства на 1923—1928 гг., сопоставим их с указаниями В. И. Ленина, обязательными и исходными при построении планов.

Не имея возможности изложить здесь многочисленные факты правооппортунистической практики целого ряда коммунистов, работников Наркомзема тех лет (как-то: тт. А. П. Смирнов, Миросхин и др.), рассмотрим наиболее ценную «теорию» и «практику» планирования, выразителем которой является руководитель, Земляна т. Теодорич. У него мы имеем ярко выраженными все важнейшие зловещие признаки оппортунизма. Приведем ряд фактов, сопоставив их с учением Ленина.

Отбросив в жестокой гражданской войне возможность строить социализм, пролетариат СССР, опираясь на бедноту и в союзе с середняком, приступил к созданию фундамента социалистического общества и к построению социализма в СССР. Этот фундамент мы достраиваем в 1931 г.

В 1921—1923 гг. Владимир Ильич Ленин развертывает гениальный стратегический план социалистической индустриализации страны и социалистической переделки деревни.

Можно ли допустить, что В. И. считал необходимым для сельского хозяйства СССР сперва капиталистический путь сельского хозяйства и лишь затем — переход к социалистическому строительству? Достаточно привести несколько тезисов Ленина, чтобы видеть, что думать так об учении Ленина — значит не знать его или сознательно извращать.

Переводя страну на рельсы новой экономической политики, Ленин учил, как построить социализм в условиях, когда в стране преобладает мелкотоварное производство. «Я говорю об отношениях победоносного пролетариата к мелким хозяевам, когда пролетарская революция развертывается в стране, где пролетариат в меньшинстве, где большинство — мелкобуржуазное. Роль пролетариата в такой стране заключается в руководстве переходом этих мелких хозяев к обществу, к кооперативному, коллективному, общинному труду. Это теоретически несомненно. Этого перехода мы коснулись в целом ряде законодательных актов и в практическом осуществлении, и мы знаем, что это можно обеспечить, когда имеешь сильнейшую крупную промышленность, способную дать мелкому производителю такие блага, что он увидит на практике преимущество этого крупного хозяйства».

Тов. Ленин ясно указывает задачи пролетариата в наших условиях. Не ставка на капиталистический путь сельского хозяйства, а руководство переходом бедничко-средних масс деревни к коллективному труду. Не аграризация и не «двухсторонний тип» развития страны, а «сильнейшая крупная промышленность».

Если пролетарская диктатура перешла к новой экономической политике, то это сделано для того, чтобы в условиях мирного хозяйственного строительства новыми экономическими и политическими методами построить социализм.

«Когда мы все внимание направляем на восстановление хозяйства — мы должны знать, что перед нами мелкий земледелец, мелкий хозяин, мелкий производитель, работающий на товарный оборот до полной победы крупного производителя, до его восстановления, а это восстановление невозможно на старой базе. Это дело многих лет, не меньше, чем десятилетия, а при разоренности нашей деревни и больше. До тех пор долгие годы мы с этим мелким производителем должны будем иметь дело как с таковым, и лозунг свободной торговли будет неизбежным».

Здесь Ленин тесно связывает процесс социалистической переделки мелкого товаропроизводителя с победой крупного производителя, с восстановлением промышленности на новой базе. «До тех пор нам придется иметь дело с мелким товаропроизводителем».

«Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем». В то же время Ленин прямо указывает, что «свобода оборота и свобода торговли, это значит товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все, что учились хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и на владельца рук, разделение на капиталиста и на наемного рабочего, т. е. воссоздание снова капиталистического наемного рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледелия».

Однако это не значит, что мы в праве забыть при этом классовую борьбу.

«Мы смотрим на этот ряд явлений с точки зрения классовой борьбы и мы никогда не заблуждались насчет того, что отношение пролетариата к мелкой буржуазии — вопрос трудный, требующий для победы пролетарской власти сложных мер, или, вернее сказать, целую систему сложных переходных мер».

Относительно того, каков главный путь и метод борьбы со стихией, — Ленин дает ясный ответ. «Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неизбежно состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое обособленное крестьянское хозяйство постепенно организовало общественное крупное сельскохозяйственное хозяйство».

И здесь Ленин говорит о «неизбежном» пути отсталого, раздробленного крестьянского хозяйства. Этот путь — организация крупных общественных сельскохозяйственных хозяйств.

Можно ли утверждать, что Ленин намечал в условиях изначального периода капиталистического пути в сельском хо-

зьястве? Нет этого утверждать нельзя, не извращая учения Ленина. Место, роль и значение элементов капитализма в сельском хозяйстве СССР определены Лениным совершенно ясно.

Перестраивая СССР на реальс новой экономической политики, Владимир Ильич говорил:

«Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере как стихийный продукт мелкого производства и обмена».

Для укрепления союза с крестьянством, для создания условий его социалистической переделки необходимо дать возможность мелкому земледельцу восстановить, оживить свое хозяйство, в то время как пролетариат будет возрождать, укреплять, развивать социалистическую индустрию, одновременно овладевая основными экономическими рычагами в отношении деревни. И в этом отношении, в условиях начала первого периода новой экономической политики, торговля — вот то звено исторической цепи, цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства 1921/22 г., «за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать» (разрядка наша — М. К.).

Ленин поставил гигантскую проблему — создать фундамент социалистической экономики. Торговля являлась в решении этой проблемы для первых лет непа тем «звеном», за которое нужно было ухватиться, чтобы подойти к постройке этого фундамента. Ни о каком капиталистическом этапе как стадии развития сельского хозяйства нет и речи.

«В первый раз в новейшей истории мы имели дело с таким общественным порядком, когда класс эксплуататорский удален, но когда мы имеем два различных класса — рабочий класс и крестьянство. При громадном преобладании крестьянства это преобладание не могло не отразиться на экономической политике и на всей политике вообще. Главным вопросом для нас остается — и в течение долгого ряда лет неминуемо останется — правильное установление отношений между этими двумя классами, правильно с точки зрения уничтожения классов». «Если не иметь в виду, что соглашение, с точки зрения рабочего класса, лишь тогда является допустимым, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством целиком остается формулой, которую все враги советской власти и все враги диктатуры в своих заговорах и проповеди».

Вот сущность соглашения союза с крестьянством по Ленину. Уничтожение классов, построение социализма — вот наша генеральная задача. Союз с крестьянством «является одной из мер, направленных к решению этой задачи».

«Что значит — руководить крестьянством? Это значит вести линию на уничтожение классов. Если бы мы с этой линией коренной и основной сбился, тогда мы бы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эсеров и меньшевиков,

которые являются сейчас самыми левыми врагами пролетариата» (разрядка наша — М. К.).

Вот ясные, меткие и категорические указания Ленина, показывающие генеральный путь построения социализма в такой стране, как СССР, где в истекший период преобладала мелкая крестьянская экономика.

Создание мощной социалистической индустрии, упорная работа по созданию предосылок социалистической переделки деревни, кооперирование, начиная с простейших и понятных для крестьянства мероприятий, непримиримая борьба с кулачеством — вот из чего обязательно нужно было исходить, когда строились в тот период перспективные планы сельского хозяйства, в рамках тех примерно десяти лет, в которых мы при благоприятных условиях, при правильной политике партии по мысли Ленина могли приступить к коренной переделке мелкобуржуазной стихии и осуществить коренные сдвиги в этом отношении.

Мы знаем, что партия, положив в основу своей генеральной линии это учение Ленина и с большевистской настойчивостью и непримиримостью осуществляя эту линию на практике, добила успешного выполнения плана Ленина.

Владимир Ильич говорил, что наша задача — «смонтировать с крестьянской массой, с рядовыми трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем».

Наша партия осуществляла эту идею Ильича. На основе ленинских отношений с крестьянством были созданы предпосылки того, что в 1929, 1930 гг. произошел коренной перелом, «великий перелом» в отношении деревни, в отношении середняка к социализму. Мелкое крестьянское производство перестраивается в крупное социалистическое на основе сплошной коллективизации, и последняя является той «антикулацкой лавиной», которая сметает кулачество. Кулачество ликвидируется как класс.

Этот план Ленина осуществляется в жесточайшей борьбе с классовым врагом и правым оппортунизмом как кулацкой агентурой внутри партии.

Мы показали в предыдущих разделах статьи, какое ожесточенное наступление классовый враг вел на левом фронте. И здесь, как и на всех фронтах, правый оппортунизм весьма чувствительно помогал ему, создавая условия для работы предателей, прикрывая и помогая протаскивать в наши планы свои «теории», «установки», «методы» и т. д.

Если мы приведем здесь ряд положений из учения Ленина, то сделаем это не только и не столько потому, что полезно прочитать и вспомнить, что говорил Ленин, а главным образом в конкретной связи с нашей темой.

Изложенное учение и директивы Ленина даны им в самом начале новой экономической политики. Коммунисты-плановики, составив в 1923, 1924 и 1925 гг. перспективный план на 1923—1928 гг., должны были, обязаны были знать учение Ленина, обязаны были положить его в основу и из него исходить. Вот здесь-то мы и имеем ряд «прорывов».

В предыдущих главах мы развернули и показали взгляды классового врага — кулацких профессоров и выявили их предательскую

сущность. Посмотрим теперь, каковы были взгляды правых оппортунистов-плановиков. Вот «концепция» бывшего тогда руководителя Земплана т. Теодоровича, продуктом которого в огромной степени был весь рассмотренный нами план. Рассмотрим эту «концепцию» в ее основных звеньях.

Начнем с мирового хозяйства.

«Если брать сейчас мировое хозяйство в целом, — говорит т. Теодорович, — как в том секторе его, который остался капиталистическим, так и тот сектор, который переживает переходную стадию развития, то мы видим, что основные причины кризиса как капиталистической его части, так и социалистической заключаются в разрыве мирового хозяйства»¹.

Прочитав этот «кризисный тезис», невольно спрашиваешь себя: да верно ли, что это говорил коммунист? Не Кондратьев ли это говорил? Оказывается, не только капиталистическая система, но и советская переживают кризис. Причем и по характеру и по причинам кризис обеих систем одинаков, ибо он рожден не чем иным по Теодоровичу, как разрывом мирового хозяйства, созданным пролетарской революцией.

Сейчас же вспоминается Кондратьев, который говорил, что мировой капитализм здоров и развивается. Лишь мешает ему такое «срешествие», как пролетарская диктатура в СССР. То же самое по существу говорит и Теодорович, ибо по его мнению кризис капитализма не было бы, если бы не «разрыв» мирового хозяйства. А мы очень хорошо знаем, кто произвел разрыв. Пролетариат СССР, руководимый коммунистической партией и поддерживаемый международным пролетариатом, произвел этот «разрыв».

Выходит, что в кризисе капитализма виноваты пролетариат и Октябрьская революция в СССР. Мы знаем, что этой клеветой усиленно занимаются международный империализм и социал-фашизм. Теодорович же сошнулся с ними в этом пункте.

Теперь относительно кризиса «социалистического сектора мирового хозяйства». Откуда взял Теодорович этот «кризис»? И ВКП(б) и Коминтерн, и весь международный пролетариат твердо убеждены и знают, что в то время как мировой империализм находится в безвыходных для капитализма противоречиях, которые будут сняты только пролетарской революцией в этих странах, в это время в СССР происходит бурный процесс сначала восстановления, а затем и реконструкции. Мы уже не говорим о нынешнем этапе развития социализма в СССР. Мы говорим о том периоде, когда т. Теодорович разрывал в Земплане свою «теорию» кризиса капитализма и социализма, а именно — апрель 1927 г.

Таким образом Теодорович вместо борьбы с кулаками профессором в Земплане сам выступил с ревизией ленинизма и решение партии по вопросам империализма. Так же, как и буржуазные профессора, он исходит из того, что берет «мировое хозяйство в целом» и, совершенно не понимая особенностей переживаемого этапа капитализма, он скатывается на классово враждебное пролетариату положение.

В дальнейших положениях Теодорович неизбежно еще более рождается с враждебными теориями.

На заседании перспективной комиссии Земплана 13/IV 1927 г. с докладом выступил проф. Кондратьев. В этом докладе Кондратьев

характеризует систему мирового капитализма как находящуюся в стадии развития. Никакого кризиса капиталистической системы по проф. Кондратьеву нет. На этом фоне он рисует мрачными красками перспективы СССР. Единственным выходом он считает капиталистический путь развития деревни, ставку на капиталистические верхушки деревни. Кооперацию он вообще считает несостоятельной сыграть какую-либо существенную роль. Промышленность должна быть подчинена интересам сельского хозяйства и т. д. Одним словом кулачество предлагает путь реставрации капитализма.

Посмотрим, как отвечает на это председатель Земплана т. Теодорович, какие «идеи» он развивает, и сравним их с кулаческими идеями.

«Мы могли бы например допустить совершенно объективно (? NB), забывши свои несогласия с Коминтерном (?), три возможности: 1-я возможность, что мы накануне мировой революции; 2-я возможность, что мировая революция не так близка, но капитализм гнет (жаргон резолюций Коминтерна нам хорошо известен), и 3-е предположение, что капитализм не изжит, хотя и находится на пути исчерпания своих возможностей»¹.

Итак согласно Теодоровичу можно совершенно «объективно» забыть свои несогласия с Коминтерном или вернее «коммунист» может выступать против решений Коминтерна, оставаясь членом важнейшей секции его. И действительно. Будучи окружен кулаками профессорами, Теодорович, как мы видим, был несогласен с Коминтерном и теперь старается «объективно» отвлечься для «углубленного анализа».

Получаются три равноправных варианта, причем ни в одном из них не сказано, что мировая революция уже началась. Диктатуру пролетариата в СССР т. Теодорович не считает началом мировой революции. Поэтому у него в лучшем случае получается, что мировая революция «близка». Но и это лишь один из равноправных вариантов. Эта равноправность далеко не случайная огорка.

Теодорович «развивает» свою мысль: «если исходить из 3 пункта (т. е., что «капитализм не изжит» — М. К.) и принять во внимание, что мы всемерно заинтересованы в развитии мировых связей, то мы имеем огромный хозяйственный выигрыш». Следовательно по Теодоровичу мы всемерно заинтересованы в том, чтобы капитализм здравствовал. И это тем более повидному так, что: «Если же взять 2 пункт, т. е., что капитализм загнивает, то мы не имеем никаких прочих перспектив на наш экспорт, никаких прочих перспектив на включение в связь с единым мировым хозяйством у нас нет. Выходит курьезное положение, что по политическим соображениям нам выгодно, что загнивает капитализм, хозяйственно же мы не решим при таком положении проблемы экспорта».

Вот он где — безудный, гнилой оппортунизм, во всей его неприкрытой пошлости! Полное неерие в силы пролетариата, полное отрицание возможности построения социализма в СССР. Отрыв политики пролетариата от экономики! Все сведено к экспорту, т. е. в понимании Теодоровича — к сельскому хозяйству. Отсюда кривляние и поясничание Теодоровича перед кулаками профессорами по поводу «курьезного положения», что, мол, если капитализм гнет, то и нам этого не миновать.

Высшая точка кривляния и поясничания, бахвальства и оспаривания своим «могуществом» нашла свое выражение, когда Теодорович

¹ Речь т. Теодоровича на заседании Земплана. Апрель 1927 г.

¹ Эввин Герялс. Индустриализация сельского хозяйства, 1939 г.

добрался до первой возможности, т. е. «когда налицо первый путь и мы накаливаем, в обозреваемый (?) исторический момент, социалистического переворота; тогда я распускаю Земплан (вот мы как! — М. К.), рекомендую нас (т. е. Кондратьева, Макарова, Челпанова и всю прочую вредительскую сволочь — М. К.) в Лондонской Госплан и уже Лондонский госплан дает распределение общественных сил и т. д.».

Как видим, «объективно» отвлекшийся от разногласий с Коминтерном Теодорович в отношении мирового империализма прочно сбежал с позиций пролетарской партии и перешел на сторону кулацких профессоров.

Этот переход подтверждается и тем, что Теодорович допускает, что «есть другая возможность, и, выражаясь языком Н. Д. (Кондратьева), получается подьем волны средькапиталистического цикла».

Таким образом мы не нашли никаких существенных различий между «теорией» кулацких профессоров и «теорией» руководителя Земплана Теодоровича.

Это по линии мировых проблем. Но с этим связана постановка и решение задач, стоящих перед пролетариатом СССР. Если вредители толкали СССР на путь аграризации, на путь выключения в систему международного разделения труда, то Теодорович ничем «не хуже» их. «Вовлечение в мировое хозяйство», — говорит он, — неизбежно, как заветная воля. «Здесь есть очевидно какая-то обусловленность и закономерность, поэтому мы видим, что действительно мировой закон влечения и двухсторонний тип своего развития такой страны, как Россия». Теодорович весь во власти стихийных капиталистических процессов. Он целиком во власти буржуазных схем развития.

«Я глубочайшим образом убежден, независимо от форм государственной власти мы застаем Россию в стадии завершения своего национального хозяйства, понимая этот термин в духе проф. Бюхера. Это — максимум разделения труда. Я по-прежнему (!) буду цитировать слова т. Ленина, я думаю, что независимо от форм политической власти мы имеем сейчас процесс достраивания национального хозяйства».

Точки над «и» поставлены! оказывается, никакой пролетарской революции у нас не было и нет. Диктатура пролетариата по Теодоровичу — это игрушка в руках мировой стихии!

Если проф. Кондратьев, как мы помним, говорил, что «хотим мы или не хотим», но капитализм в СССР будет, то Теодорович повторяет то же самое, но другими словами. Ибо «независимо от форм государственной власти» «Россия» (?) завершает свое национальное хозяйство по схемам «в духе проф. Бюхера». Оказывается, что пролетариат СССР только воображает, что строит социализм, а на самом деле, если послушать Теодоровича, он только или невольно занимается лишь «процессом достраивания национального хозяйства», т. е. хозяйства капиталистического.

Еще на XI съезде партии Ленин так характеризовал смену вековцев. «Что такое новая экономическая политика большевиков — эволюция или тактика? Так поставила вопрос сменовеховцы, которых вы знаете, — течение, пришедшее в эмигрантской России, течение общественно-политическое, во главе которого стоят крупнейшие кадетские денатели, некоторые министры бывшего колчаковского правительства, — люди, пришедшие к убеждению, что советская власть строит русское государство, и надо поэтому идти за ней... Большевики

могут говорить, что им нравится, а на самом деле, это не тактика, а эволюция, внутреннее переобразование, они придут к общему буржуазному государству, и мы должны их поддерживать. История идет разными путями — рассуждают сменовеховцы».

Сравнение показывает совершенно ясно, что «концепция» Теодоровича целиком совпадает с теорией сменовеховцев. В лице Теодоровича мы разоблачаем правый оппортунизм как разновидность устрояльщины. Большевики, мол, занимаются построением национальной России, включаются в систему международного разделения труда и таким образом превращаются, в строгом соответствии со схемами Бюхера, в частичку мирового капиталистического хозяйства, проходя предначертанные судьбой «стадии». Таковы установки руководителя Земплана.

Уже отсюда ясно, в каком направлении будут формулированы более частные проблемы развития и перспектив СССР. Вредители пытались протолкнуть в основу наших с.-х. планов да и вообще наших народнохозяйственных планов ту установку, что СССР должен быть страной сельского хозяйства, с подчиненным значением индустрии, а Теодорович полностью разделяет эти взгляды.

На заседании Земплана в апреле 1927 г. в связи с обсуждением перспективного плана, составленного в Госплане СССР под руководством С. Г. Струмилина, плана, как известно, в высшей степени оптимистического в отношении индустрии и не принятого ни Госпланом СССР, ни правительством, Теодорович развил следующие интересные взгляды. Еще, мол, Каутский учил, что, «как только пролетариат возьмет власть в свои руки, он должен будет эту историческую несправедливость уничтожить, он должен будет все (?) технические возможности, все, что имеется в распоряжении индустрии, бросить в сельское хозяйство для того, чтобы поднять его производительность труда».

Теперь я спрашиваю себя, верна ли эта концепция, и отвечаю себе — она верна. Далее я спрашиваю, а руководствуются ли у нас при назначении курса на индустриализацию этой идеей, и отвечаю — как будто нет.

Смысл выступления совершенно ясен. Даже струминские темпы развития промышленности казались неоправданными и Теодоровичу. Ему казалось, что эти темпы — во вред сельскому хозяйству, ибо сюда, по его теории, нужно бросить «все, что имеется в распоряжении индустрии». Итак — в основу сельского хозяйства. Последнее подчинить индустрии! А отсюда — экспорт как центральная идея. «Если мы должны центральной идеей иметь идею экспорта как того направления нашей хозяйственной жизни, которое в конце концов скажется на возможности импорта, а с другой стороны — на громадном росте дохода сельского хозяйства, то мы легко увяжемся с той основной идеей Каутского, о которой я говорил, т. е. мы ставим ставку на рост сельского хозяйства не только как базы для роста нашей индустрии, но ставим курс на рост производительных сил сельского хозяйства как такового для ликвидации той общей отсталости сельского хозяйства в народном хозяйстве, о которой говорил Каутский».

Мы видим полный разрыв с генеральной линией партии, провозглашенной на XIV съезде лозунг: всемерной индустриализации страны и высвобождения от зависимости по линии индустрии передовых капиталистических стран.

Теодорович ставит ставку на экспорт как на «направление нашей хозяйственной жизни», на «рост производительных сил сельского хозяйства как такового». Здесь мы вспоминаем предельтепский «критерий» «производительных сил». Иначе не могло получиться у правого оппортуниста, который говорит, что «все построение у меня связывается и базируется на анализе связи с единым мировым хозяйством и нашего включения в него».

И так как Теодорович являлся председателем Земплана, то его формулировки показались вредителю Кондратьеву слишком откровенными и резкими, которые, будучи вынесены в таком виде за стены Земплана, могли бы повредить вредителям. Поэтому Кондратьев «сожигает» своего руководителя по Земплану и последователя по идеям: «Ту группу вопросов, — говорит он в заключительном слове, — которую вы выдвинули, я ее учитываю. Но так выпукло формулированную идею в план вводить невозможно по тем соображениям, что это — гонимая идея».

Между Теодоровичем и Кондратьевым не оказалось по существу никакого различия.

Мы видим полную смычку, контакт вредителя с правым оппортунизмом под идейным руководством вредителя. Но быть может Теодорович, ратуя за сельское хозяйство, имеет в виду социалистическую реконструкцию сельского хозяйства? Оказывается, ни в какой степени! Сравним выступления Кондратьева с выступлениями Теодоровича. Кондратьев считает, что «курс должен быть взят на формирование сельского хозяйства, ибо это есть основной путь в проведение огромного количества материальных ценностей через мировой рынок... Нужно до конца понять это положение».

«По линии сельского хозяйства это есть отказ от преследований так называемого кулака. Если под кулаком нужно понимать всякого мужика, который может продавать, то не жаалуется, если он не продает, когда может. Ведь это же демагогия, когда говорят, что мы покровительствуем бедноте, а потом жалуются, что деревня ничего не продает. Беднота потому ничего не продает, что у нее нет ничего».

Здесь кулацкий профессор «ничего же сумняшися» пред'являет от имени кулачества ультиматум пролетарской диктатуре: или откажитесь от преследований и ограничений кулака и разгрозите ему дорогу или он перестанет вам продавать и заморит вас голодом: и если вы будете и впредь «покровительствовать» бедноте, то и в самом деле вас, мол, придется заморить голодом. А дальше идут уже прямо невыносимые пошлости и инсинуации насчет бедноты и восхваление кулачества.

«Я считаю, — продолжает Кондратьев, — что нужно признать, что богатейший мужик вовсе не является таким, которого мы берем под надзор, а является творческой фигурой. Я знаю, что предубежденность против этой фигуры огромна. Но извините меня, тот класс населения, который не сводит концы с концами в своем бюджете, никакого накопления дать не может. Можно на него возлагать горы надежд. Он может быть годен для борьбы на баррикадах, а с этим согласен, может быть он годен еще на что-нибудь, но для накопления он не годится. Не ведите зигагообразной политики в деревне, а ведите определенную политику, стройте дело на бедноте или от этого откажитесь и разожгите руки творческой фигуре деревни».

Мы видим, что «модель» будущего СССР в перспективном плане Кондратьева «сконструирована» довольно ярко и фундаментально. Кулак — «творческая фигура». Бедняку никаких хозяйственных перспектив. Кондратьев требует отказаться от политики — «строить дело на бедноте» и намечает генеральную линию кулацкой партии. Эту кулацкую вылазку против генеральной линии партии, против пролетарской диктатуры, за кулачество, за капитализм вредители устроили не где-либо, а на заседании Земплана НКЗема РСФСР в 1926 г., под председательством Теодоровича. И никакого отпора, никакого возражения эта кулацкая контрреволюция не получила. Да и не могла получить, если послушать заключение Теодоровича.

«Ваши рассуждения, что история обязала нас к цанканью с бедняком, правильны; мы все это будем делать, но это цанканье будет нам мешать. Это — накладные расходы. Но дело не в том, мы не сумеем здесь платить по векселям, если кто-то не будет создавать ценностей. Вот ценности может создавать эта персона, которую мы называем кулаком. Она не кто иной. Я считаю, что без этого вывода вы нигде не денетесь при всем добром желании. Должен быть курс на крепкого зажиточного мужика при всей системе охраны и защиты труда, налоговой политике и известном регулировании этого процесса. Это не что иное, как ленинская (?) формулировка: «взрастим производительные силы промышленности на росте сельского хозяйства, идущем на капиталистической основе. Вот формула живая и истинная».

Как видим, председатель Земплана, правый оппортунист Теодорович, самым бесцеремонным образом извращает и реирует кооперативный план Ленина и переходит на сторону классового врага.

Не классовая борьба с кулаком и не политика ограничения (в период до ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации), а «курс на крепкого зажиточного мужика», «создание в деревне атмосферы свободного накопления».

Беднота по правому оппортунисту — это не опора пролетарской диктатуры и не активный массив деревни в деле социалистической ее переделки, а «Аркашка из «Леса», мешающий «дотраивать национальное хозяйство» Теодоровичу. Политика пролетариата в отношении бедноты по Теодоровичу не что иное, как политиканство, ибо выходит, что мы с ней заиграем, хитрим, идя на «цанканье», на «накладные расходы» по бедноте. «Это цанканье будет нам мешать, ибо ценности может создать лишь «персона, которую мы называем кулаком».

Владимир Ильич неустойно твердил и билвал в головы всем коммунистам, всем трудящимся, что прежде всего мы должны создать мощную индустрию, одновременно поднимая бедничко-среднечное хозяйство деревни, кооперируя его, внедряя элементы социализма, создавая условия для перевода его на рельсы крупного социалистического производства, коллективизации его, ведя непримиримую борьбу с элементами капитализма и т. д. В это время находится коммунист, который, пользуясь тем, что партия доверила ему ответственный пост зам. Наркомзема и председателя Земплана, окружил себя кулацкими воядами, сомкнулся с ними и вместе с ними пошел в поход против ленинизма, против генеральной линии партии. Чем отличается от кулацких тезисов требование Теодоровича: «взрастим производительные силы промышленности на росте сельского хозяйства, идущем на капиталистической осно-

вс». И это Теодорович называет ленинской формулировкой изпа! Стоит сопоставить этот перд с определением т. Сталина: «Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отстающего мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства».

По Теодоровичу выходит, что надо формировать, превращение мелкотоварного сельского производства в крупное капиталистическое и на капиталистическом сельском хозяйстве строить промышленность. По генеральной линии партия выходит совсем иначе. Если нельзя базировать социалистическое строительство на двух разных основах, из коих одна — мелкотоварное производство, то тем более нельзя допустить как одну из основ капиталистическое производство в сельском хозяйстве. «Этот путь отвергается нами как путь, несомысленный с советским хозяйством».

Каким же путь наш при наличии сектора мелких товаропроизводителей? «Существует путь социалистический, состоящий в строительстве совхозов и колхозов в сельском хозяйстве, ведущий к объединению мелкотоварных хозяйств в крупные коллективные хозяйства, вооруженные техникой и наукой, и к вытеснению капиталистических элементов из земледелия» (Сталин). Таков путь партии, ее генеральная линия. Нельзя же оправдываться тем, что Теодорович не имел тогда под рукой определений т. Сталина. Положения, сформулированные здесь т. Сталиным, заложен в основах ленинизма. Но, как мы видели, именно эти-то основы ленинизма и не принимает Теодорович, подвергая их кулацкой ревизии. Таково «теоретическое» лицо правого оппортуниста. Практически же это означает принятие целиком установок и предложений вредителей и защиту их от критики коммунистов. Выводы, которые делает Теодорович из контрреволюционных докладов, как нельзя больше удовлетворяют вредителей. Вот несколько примеров: 1) доклад Кондратьева в феврале 1926 г. о конъюнктуре, где он требует, как мы уже видели, отказа от бедности и ставки на кулачество. Заключение Теодоровича: «в общем выводы, которые вы на непривычном для нас жаргоне изложили, правильны»; 2) доклады Макарова и Кондратьева в комиссии по перспективному плану от 18 апреля 1927 г. Вредители развивают теорию о неизбежности капитализма в СССР, отрицают коллективизацию, требуют развивать рынок и т. д. Иллюстрируем эти выступления лишь одной «обычной» для Земплана выдержкой из речи Кондратьева на этом заседании, где он требует «не мешать беднякам подниматься до середняков, до верхов, а если так, то открыть двери, а если открыть двери, то мириться и с теми группами, которые выросли. Но может быть другой подход, когда будет допускаться известное поднимание, а потом опять их будут резать. Это называется ловить комаров».

Мы знаем, что это за «комары». Мы их, не переставая «ловить», давим и продолжаем добавлять. И это, как известно, очень трудная работа. Но нас сейчас интересует заключение Теодоровича. Вот оно: «Я думаю, что общий язык может быть найден, если несколько уточнить (?) те формулировки, которые даны Н. Д. Кондратьевым и Н. П. Макаровым, если и существуют недоразумения, то все же на самом деле общий язык может быть найден. Прежде всего недоразумение (?) такое. Бывают такие моменты (?), когда у Н. Д. (Кон-

дратьева) срываются с кончика его языка или пера, что еще хуже, потому что, что срывается с его языка, я консервирую, а когда это делается с кончика пера, то всякие Кубань и прочие товарищи (?) только этого и ждут».

Здесь Теодорович сам расписывается в своей позорной роли. Он прямо покрывает контрреволюцию! А как он «консервирует» их идеи, это мы видели из анализа его собственных взглядов и из той пятнадцати на 1923—1928 гг., которую выработали вредители под руководством м. Теодоровича и которую он защищал в Госплане. Нечего и говорить, что от его нападков на товарищей, критикующих вредителей, нападков вроде «всякие Кубань», «прочие товарищи» и т. д., несет кулацкой гнилью.

Мы остановились на фигуре Теодоровича так подробно потому, что он был руководителем Земплана, материалы которого мы рассматривали и «работу» кулацких сотрудников которого мы видели. Однако перспективный план Земплана на 1923—1928 гг. был рассмотрен и утвержден коллегией НКЗема РСФСР. Больше того, этот план был одобрен от имени НКЗема проф. Кондратьевым в с-х. секции Госплана СССР в 1924 г. и в президиум Госплана в 1925 г., где был принят. Сельскохозяйственная секция Госплана в 1924 г., заслушав доклад Кондратьева, постановила: «признать общие предпосылки доклада проф. Кондратьева о перспективном плане сельского хозяйства на ближайшее пятилетие вполне правильными и, считая, что сложность вопросов, затронутых докладом, требует комиссионной проработки, передать доклад в комиссию для рассмотрения отдельных вопросов в связи с конкретными планами различных управлений. Это и понятно. Тогдашний руководитель с-х. секции Госплана т. П. И. Попов находил нужным признать правильным общепринципиальный подход докладчика, но ввиду сложности вопросов, он предложил образовать комиссию для детального рассмотрения и конкретизации отдельных пунктов доклада. Вредители Кондратьеву оставалось лишь «выразить свое удовлетворение ходом прений».

Итак основы плана были приняты. Было дано задание перейти к детальному рассмотрению по отраслям хозяйства.

Этим делом НКЗем РСФСР и с-х. секция Госплана занимались в течение года, и в 1925 г. тот же проф. Кондратьев вновь выступил, но уже не в секции, а в президиум Госплана с «более обстоятельным» планом. Несмотря на то, что доклад этот встретил значительный отпор со стороны ряда коммунистов (Крицман и др.), несмотря на то, что последние были предложены резолюция — план «вернуть в НКЗем для переработки», — все же президиум Госплана эту резолюцию проводил и принял следующую, в первом пункте которой мы читаем:

«Отметить, что общие основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства СССР были рассмотрены с-х. секцией Госплана в прошлом 1924 г. 8 июля и основные принципы построения перспективного плана признаны правильными».

Вместо жестокой критики и категорического отклонения чуждого нам перспективного плана сельского хозяйства, должного Кондратьевым, резолюция первым делом и с удовлетворением напоминает, что еще год тому назад с-х. секцией Госплана были заслушаны и одобрены «основные принципы построения».

Вторым пунктом резолюции президиум Госплана еще раз, уже в 1925 г., признает правильной «методологию» наркомземовской пятетки. «Заслушав доклад НКЗема РСФСР об основных положениях перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства, пре-

зидиум Госплана СССР считает, что общий методологический подход, положенный в основу построения перспективного плана и заключающийся в анализе эволюции сельского хозяйства и его тенденции в прошлом, а также указывающим желательное направление сельского хозяйства в будущем, исходя из конкретных задач социалистического строительства, — является правильным».

Мы видели, что установки и методология наркомземовской пятилетки находились в вопиющем противоречии с генеральной линией партии. По существу своему они были построены, исходя из капиталистической перспективы сельского хозяйства, и являлись продуктом влияния кулацких профессоров на руководящих работников аппарата Наркомзема, работников, правых оппортунистов которых вполне совпал с кулацким маневром и стал важнейшим условием вредительства.

И вот президиум Госплана признал правильными все основные элементы плана. «Генетика», «тенденции», «равновесие», «минимумы и модели» и т. д. — все эти навсвое чуждые и враждебные ленинзму методы признаны соответствующими экономике пролетарской диктатуры.

В пятилетнем плане НКЗема на 1923—1928 гг. свалены в одну кучу и доктябрьская Россия и Союз советских социалистических республик, никаких принципиальных различий между ними не найдено, тенденции сельского хозяйства царской России продолжены авторами для сельского хозяйства Советского союза, и на этой основе построена перспектива развития, а президиум Госплана постановляет: установленные планом НКЗема тенденции сельского хозяйства в прошлом признать правильными и отвечающими действительности. Равным образом признать отвечающими действительности данной в плане анализ положения и тенденции изменения сельского хозяйства во время войны и революции... Признать далее, что планом верно учтено влияние новой экономической политики».

Таким образом и президиум Госплана своим высоким авторитетом подкрепил правооппортунистический и прямо кулацкий перспективный план и его методологию. Это решение свидетельствует об огромном влиянии вредителей, имевшем место в плановых органах страны. Однако тут же мы должны отметить, что в правительстве план внесен не был и там не утверждался.

Таков первый опыт построения перспективного плана сельского хозяйства. Он строился, исходя из признания товарнокапиталистической перспективы развития сельского хозяйства, т. е. перспективы, ничего общего не имевшей с генеральной линией нашей партии.

На основе ленинской генеральной линии коммунистическая партия и под ее руководством пролетариат СССР с невиданным успехом претворяет в жизнь гениальный план Ильича, план социалистической индустриализации и коллективизации, план построения фундамента социалистической экономики, план завершения построения социализма в СССР.

В ожесточенной борьбе с классовым врагом, в непримиримой борьбе с правым и левым оппортунизмом, особенно с правым уклоном как главной опасностью на нынешнем этапе, пролетариат СССР сломал всеческое их сопротивление внутри страны, успешно защищая при поддержке международного пролетариата свою социалистическую стройку от мирового империализма, и в 1931 г. вопреки вредительству неслабыми темпами завершает построение фундамента социалистической экономики в СССР.

Г. Дементьев

Вредительство и оппортунизм в планировании индустриализации сельского хозяйства

Противоположность между городом и деревней является одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости деревни; ВКП видит в уничтожении этой противоположности одну из основных задач коммунистического строительства.

(Из программы ВКП(б))

Планирование индустриализации сельского хозяйства — это вопрос о путях изживания исторически сложившейся противоположности между городом и деревней.

«Идиотизм деревенской жизни», о котором говорили великие учителя коммунизма, заключающийся в отрыве миллионов людей от культурных ценностей, людей забытых, обреченных на варварскую эксплуатацию, этот идиотизм уничтожается в Стране советов на наших глазах.

Тов. Ленин, борясь с буржуазными апологетами типа Булгакова, Герца, Струве, защищавшими «городскую культуру» от «утопических фантазий» уничтожения противоположности между городом и деревней, писал: «Неправда, что это (уничтожение противоположности — Г. Д.) равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо для того, чтобы сделать эти сокровища доступными всему народу, чтобы уничтожить отчужденность от культуры миллионов деревенского населения» (т. IX, стр. 84).

Технических препятствий, — говорит т. Ленин (передача записки на расстоянии, удешевление техники транспорта и его удешевление), — к тому, чтобы культурными ценностями могло воспользоваться все население, нет никаких.

И дело отнюдь не в «эстетических чувствах», добавляет он. «В больших городах люди задыхаются, по выражению Энгельса, в своем собственном навозе, и периодически все, что могут, бегут из города в поисках за свежим воздухом и чистой водой» (т. IX, стр. 84).

В «Принципах коммунизма» Энгельс пишет о людях будущего: «которые одинаково занимаются как в земледелии, так и в промышленности и пользуются преимуществами городской и сельской жизни без того, чтобы сносить убожество и недостатки каждого из этих двух образов жизни».

В наше время вряд ли кто выступит с открытым забралом на защиту «городской культуры» от нашествия деревенских варваров. По крайней мере внутри Советской страны. Сторонники этих идей, а они еще не перевелись, действуют более осторожно. Они не возражают против уничтожения противоположности между городом и деревней (в перспективе конечно!), но сейчас ставят себе задачей всячески протаскивать идеи реставрации капитализма, увещевания его оплота — мелкого товаропроизводителя с «идиотизмом деревенской жизни».

К этому сводилась вся тактика кредител, каждого на своем участке работы — и в теории, и на практике.

К чему сводится существование капиталистической индустриализации сельского хозяйства? Это прежде всего процесс повышения органического строения капитала в сельском хозяйстве. Происходит ли оно в форме механизации, механизации, электрификации и т. д. — безразлично.

Вытеснение рабочих машиной, а следовательно и рост органического строения капитала в сельском хозяйстве происходит довольно быстро.

«Если, — говорит Маркс, — употребление машин в земледелии по большей части, свободно от вредных физических последствий, которые оно приносит фабричному рабочему, зато оно действует здесь еще интенсивнее и, не встречая сопротивления, делает рабочих «избыточными» (Капитал, т. I, стр. 484).

Капиталистическая рационализация со всеми ее последствиями для рабочего класса в области промышленности сейчас усиленно прокламируется и внедряется также в сельское хозяйство. В особенности широкие размеры капиталистической рационализации сельского хозяйства получает в Германии, ставленной тисками плана Юнга. Необходимость обеспечить себе конкурентоспособность на мировом рынке в условиях общего кризиса капитализма и кризиса сельскохозяйственного также толкает на это. Принято, что бы ни делалось в капиталистическом мире, все это, разумеется, делается в «интересах» населения, нации и т. п. Индустриализация сельского хозяйства прокламируется в интересах «поднятия покупательной способности крестьянства», «организации сбыта», «стандартизации товаров», «увеличения товарности» и пр. Фактически же процесс индустриализации сельского хозяйства завершает разорение крестьянства, обогащая кулачество и крупных земельных магнатов.

На примере Германии т. Геринг, член ЦК германской компартии, в своей книге «Индустриализация сельского хозяйства» показывает, как удачно сочетаются все эти красивые лозунги в отношении деревни с интересами финансового капитала, как перед лицом грядущей опасности пролетарской революции происходит процесс «сращивания» финансовых магнатов с земельными (юнкерство), но ничуть не промышленности и сельского хозяйства, в одно органическое целое.

Прокламмирование идеи «индустриализации сельского хозяйства» в капиталистических странах и в особенности в Германии представляет «одну из новейших форм замаскированной подготовки к войне. Сельскохозяйственные тракторы для мирного труда и танки для войны представляют собою продукт производства тесно связанных между собою отраслей промышленности. И действительно, вся работа по нормализации и типизации сельскохозяйственных тракторов ведется в контакте с военным министерством. Общеизвестна тесная связь, существующая между азотной промышленностью и производством удобрений газов: в несколько часов можно перевести важнейшие предприятия, производящие удобрения, на выработку ядовитых газов».

Сущность капиталистической индустриализации сельского хозяйства сводится к углублению противоположности между городом и деревней. Технический переворот в сельском хозяйстве используется капитали-

стическими слоями земледелия, в частности развитие сельскохозяйственной индустрии лишь углубляет процессы дифференциации деревни, так как переработка сырья происходит оторвано от ее добычи, подчас на основе весьма отсталой техники. Капиталистическая индустриализация сельского хозяйства оказывается неспособной разрешить противоречия между городом и деревней. Социальный переворот для «сымочки» на новом «синтезе» становится настоятельно необходимым.

«Капиталистический способ производства, — говорит Маркс, — довершая разрыв того первоначального семейного союза земледелия и промышленности, который сочетал друг с другом младенческие формы обоех. Но он создает в то же время материальные предпосылки нового высшего синтеза — союза земледелия и промышленности на основе их антагонистически развитых форм» (Капитал, т. I, стр. 485).

Союз земледелия с промышленностью реализуется немалым при существовании двух полюсов: промышленности с новейшими образцами автоматических станков и сельского хозяйства с примитивными орудиями добычи сырья и его переработки.

Социалистическая индустриализация сельского хозяйства означает коренное социалистическое переустройство советской деревни, объединение мелких крестьянских хозяйств в колхозы и развитие колхозов в предприятия последовательно социалистического типа.

Определение социалистической индустриализации сельского хозяйства должно включать в себя не только повышение технического строения «производства», но и уничтожение противоположности между городом и деревней, потому что именно в форме индустриализации сельского хозяйства и осуществится тот «высший синтез» земледелия и промышленности, о котором писал Маркс.

Каким же образом пыталась разрешить эти вопросы наша практика построения перспективных планов?

Первые «опыты» и «планы» индустриализации сельского хозяйства

Первый такой план — пятилетка, как известно, был составлен Наркомземом РСФСР на 1923—1928 гг. и выпущен в числе работ, ношедших знаменитое теперь название «Труды Земплана», вышедшие под общей редакцией И. А. Теодоровича.

Перед тем как появиться в свет этому труду, в Наркомземе велась значительная подготовительная работа. Исследовалось довоенное хозяйство, в особенности сельское, устанавливались показатели «на 100 десятин», «на одного человека» и т. п., в которых было тщательно вытравлено всякое классовое содержание сущности явлений, затуманивалась дифференциация деревни, повышался удельный вес «состоятельных слоев» крестьянства.

По вопросам индустриализации сельского хозяйства работала ряд комиссий по «электрификации», по «механизации» и специальная комиссия «по индустриализации сельского хозяйства». Велась эта работа и в отдельных ведомствах, имеющих то или иное касательство к деревне; наконец работали в этом направлении и по линии кооперации.

В январе 1922 г. комиссией по механизации сельского хозяйства при Госплане было созвано объединяющее заседание «заинтересован-

них ведомств и лиц» по вопросам индустриализации сельского хозяйства.

Под каким углом зрения намечалась «индустриализация деревни»? Арибашев (председатель комиссии) в своей программной речи отметил:

«Крупная промышленность, которая в дореволюционное время поглощала главное внимание целого ряда выдающихся сил, деятелей страны, которые отдавали капиталы, жертвовали всем, в настоящее время эта крупная промышленность, на некоторый период по крайней мере, обречена на застой по целому ряду причин, которых здесь касаться не место, но с которыми считаться приходится. И потому, — поясняет он далее, — волей-неволей должно быть обращено внимание на сельское хозяйство и его отрасли»¹.

Итак «индустриализация поневоле». Кроме того в деревне у крестьян в силу климатических условий имеется зимний досуг, и их надо чем-то занять. Но чем? Работой на подобных предприятиях по переработке сельскохозяйственного сырья.

Новая экономическая политика окрыляла у собравшихся надежды на капиталистическую реставрацию и они считали необходимым поскорее «индустриализировать по капиталистическому типу деревню», так как... «кустарная работа разрознена и не дает возможности конкурировать с фабричными произведениями».

Ссылаясь на свой долготелый опыт в министерстве земледелия, председательствующий Арибашев констатировал: «у нас и раньше старались отстроить деревню, но все шло разрозненно, не так, как в Новой Зеландии, где подходят во всем с точки зрения мудрости. Правда поселки у них монотонны, но тем не менее их благосостояние, благоустройство, вопросы сбыта продукции — все это поставлено разумно мудро, о чем мы можем мечтать».

Совещание наметило пути «индустриализации деревни» в «духе выступавших ораторов», под лозунгами «поднятия покупательной способности деревни», ее «товарищности», «быстрой приспособляемости к рынку» и необходимости «конкуренции с промышленностью», одним словом в духе новозеландской «мудрости». Решено было широко прокламировать устройство крупорушек, мельниц, зерноочистительных станций, маслобоек и т. п., причем намечалось выделить в качестве образцовых отдельные районы, куда и бросить средства.

Нечего говорить о том, что первые «копты» и «планы индустриализации деревни» ни о каком социалистическом переустройстве и не мыслили. Идеалом будущего являлись новозеландские поселки с увлеченным крестьянским хозяйством.

В декабре 1923 г. в Госплане вновь обсуждались вопросы «индустриализации сельского хозяйства». На сей раз совещание происходило под председательством небезызвестного Батушкова. Набшувались «пути индустриализации», и особенно четко выступала идея равнения сельского хозяйства на мировой рынок. При этом высказывались следующие соображения. Основной валютой для такой сырьевой страны, как Россия, зерно уже не будет. Зерновое хозяйство вообще менее выгодно. Нужны технические культуры. Оттого, что сократится посевная площадь под зерном, продовольственный фонх не пострадает, а мясной и всякий другой увеличится. «Конъюнктура мирового рынка такова», — пояснил Батушков, — что мы выгодно можем сбывать разного рода мясные, молочные и другие про-

дукты, но для этого необходимо индустриализовать сельское хозяйство». «Сосредоточение промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья непосредственно в руках производителей и на месте производства его даст возможность использовать разного рода отбросы, поднимет благосостояние крестьянства и увеличит в несколько раз его покупательную способность».

Выдвигалась широкая программа мероприятий с требованием кредитов для индустриализации сельского хозяйства, предоставление населению разного рода льгот, права участия в прибылях предприятий и т. д. В каждом районе предлагалось «выявить наиболее выгодные продукты сельского хозяйства, перерабатывающей промышленностью для экспортных целей». Форма предприятий предлагалась «самая различная». Они могут быть кооперативные, концессионные, коллективные, государственные, трестовые, единоличные и пр.». Предпочтение отдавалось тем, «которые легче всего могут быть построены», т. е. частным предприятиям с широким привлечением иностранного капитала. «В целях облегчения проникновения иностранного капитала должно быть организовано «общество индустриализации и механизации сельского хозяйства», куда иностранный капитал охотно пойдет».

И. Х. Озеров в специальном докладе «об организации акц. о-ва по финансированию индустриализации земледелия» еще раз подчеркнул сырьевое, сельскохозяйственное «лицо России», которое должно остаться и впредь. «Из общего экспорта довоенной России в 1 400 млн. зол. руб. экспорт продуктов промышленности составлял всего лишь 25—35 млн. руб.». «Наша промышленность может работать, — по заверению Озерова, — лишь на внутренний рынок, емкость которого зависит от покупательной способности деревенского населения».

Для прикрытия — забота о «бедном народе», о поднятии его покупательной способности и т. п., в действительности же — надежды на иностранный капитал, «который охотно пойдет в разные производства по переработке сырья, стоит лишь предоставить ему соответствующие условия».

Классовое содержание всех этих планов индустриализации ясно и очевидно: за смычку с мировым рынком, за поднятие товарности капиталистических элементов деревни, на основе капиталистических путей индустриализации сельского хозяйства.

В специальной комиссии по «индустриализации сельского хозяйства», выделенной сельскохозяйственной секцией Госплана СССР для «координирования действий» с представителями Наркомзема и с участием других «заинтересованных ведомств» формировался некий синтез мнений, система теоретических взглядов.

В заседании от 11 августа 1924 г., через полтора месяца с момента возникновения названной комиссии, она имела уже возможность услышать свое политико-экономическое «сredo», изложенное в тезисах по «индустриализации сельского хозяйства» проф. В. П. Бушинским и инж. Ф. С. Материккиным. Тезисы рассматривают индустриализацию сельского хозяйства как «одну из новых форм развития сельского хозяйства» и «как неизбежный процесс в деле развития производительных сил деревни» и «одну из наиболее серьезных факторов в деле рационализации всего сельского хозяйства».

В такой туманной форме все это может быть с успехом отнесено и к процессам, происходящим в капиталистическом сельском хозяйстве.

¹ Настоящая цитата, в также последующие, касающиеся Госплана, взяты из архивных материалов Госплана СССР за соответствующие годы.

«План развития индустриального сельского хозяйства должен иметь в своей основе факторы экономического порядка и прежде всего конъюнктуру рынка. Перспективный план технического производственного развития индустриального сельского хозяйства должен строиться на основе возможности реального спроса и сбыта того или иного контингента как сырых, так и переработанных продуктов сельского и лесного хозяйства».

Этот тезис являлся руководящим во всех дальнейших перспективных и оперативных планах по индустриализации сельского хозяйства, в особенности по линии Наркомзема РСФСР. Индустриализация сельского хозяйства должна идти «следом за товарностью», строго учитывая «контингенты сырья», «реальный спрос и сбыт» и «конъюнктуру рынка», при условии, если развитие пойдет «нормально», т. е. по пути капиталистического развития деревни.

Советская действительность опрокинула расчеты вредителей. Партия перешла от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

По показаниям вредителей рабочего снабжения развитие пошло явно «анормально», и тогда были отброшены в сторону всекие соображения и началось строительство предприятий не там, где они действительно нужны, и не тех размеров, которые отвечали бы контингентам сырья. Вредительство в планировании индустриализации сельского хозяйства нашло свое прямое продолжение в постройке предприятий по переработке и в снабжении рабочих центров.

В ряде пунктов тезисы отмечают необходимость увязки индустриализации сельского хозяйства с «принципами районирования». Использование отбросов от технической переработки для откорма скота, развитие «новых форм землепользования» и усиление кооперации на базе индустриализации. Не обходятся также вопросы «обращения крестьянских хозяйств», иначе — затухания дифференциации «в результате индустриализации» сельского хозяйства и равномерного распределения сельскохозяйственного труда во времени, вплоть до применения НОТа в деревне.

Все эти «блага», проектируемые для деревни, гармонируют с основными установками на укрепление индивидуальных хозяйств и вполне подкрепляются следующим тезисом: «в связи с развитием индустриального сельского хозяйства крестьянству необходимо дать основной рычаг для поднятия производительности его хозяйства, необходимо дать машины для переработки с.х. сырья в высшие товарные ценности, необходимо установить не только льготы и в этом направлении, но необходимо и установление премий индустриальным хозяйствам за повышение товарности вырабатываемой ими продукции».

Нет сомнения в том, что вайделдцами выданных премий «за повышение товарности» могли стать и становились «индустриальные хозяйства» повышенного типа, и в первую очередь кулацкие хозяйства.

В тезисах значительное внимание уделено вопросам «механизации сельского хозяйства», «механизации сельского хозяйства, экономизации труда, освобождает в известной части руки на селе, увеличивает безработицу, а индустриализация сельского хозяйства наоборот, образуя новые производства и хозяйственные организации, поглощает большое количество рабочих рук, загружая их более полно почти

весь круглый год, являясь тем самым серьезным средством борьбы с безработицей на селе».

Получается так: не будь «индустриализации сельского хозяйства» — механизация повергла бы трудящихся в беспросветную безработицу, а отсюда и нищету. В капиталистическом мире действительно так и бывает. Механизация, доступная лишь капиталистическим слоям в сельском хозяйстве, разоряет мелких товаропроизводителей и делает труд занятых в сельском хозяйстве совершенно излишним, несмотря на «процессы индустриализации». Иное у нас, когда массовое применение механизации сопровождается социалистической переделкой крестьянских хозяйств и переводом их в колхозы. Советская действительность зао посмеялась над теми, кто пытался попридержать механизацию «в интересах трудящихся», в интересах «избавления» их от безработицы, противопоставляя механизацию индустриализацию сельского хозяйства. Так впрочем думали не только вредители, но и правые оппортунисты. С. Г. Струмилин, председатель комиссии по выработке первой перспективной пятилетки Госплана в 1926 г., считал наметку сельскохозяйственной секции по снабжению машинами и тракторами совершенно недопустимым перебором при наличии прироста трудовых ресурсов деревни на 8 млн. человек. В плане был запроэкспортирован прирост годовой продукции всего лишь на 4,5%, а увеличение сельскохозяйственных машин и орудий всего на 21% за целое пятилетие. Однако и эти весьма скромные приросты казались опасными «ввиду аграрного перенаселения и прироста сельского населения».

Это еще лишний раз подтверждает то положение, что к реконструкции сельского хозяйства и советских условиях нельзя подходить с капиталистическими мерками. Техническая реконструкция сельского хозяйства для нас является обратной стороной его социально-экономической реконструкции.

Система взглядов на индустриализацию сельского хозяйства, изложенная в приведенном документе, дававшем бесспорно «ориентацию к действию», сводится к понятию индустриализации сельского хозяйства как переработки сельскохозяйственных продуктов, направленной на укрепление и усиление наиболее «товарных», т. е. кулацких хозяйств.

План «широкой» индустриализации в наркомземовской пятилетке № 1

Перейдем к Наркомзему, из недра которого появилась первая перспективная пятилетка развития сельского хозяйства. Она охватывает срок с 1924 по 1928 г.

Кондратьев и Огановский, основные авторы приведенного документа, стояли за «широкую» по их выражениям индустриализацию, а том числе и сельского хозяйства, выставили эту ширину для определенных предельских целей капиталистической реставрации. Эта широкая «широкая» индустриализация нужна была для обоснования необходимости «достаточного количества капиталонакоплений в сельском хозяйстве», а в переводе на более точный язык — капиталонакоплений в зажиточно-кулацких слоях деревни (чего они и сами не скрывали). Индустриализация сельского хозяйства должна была по замыслу плана помочь разрешить вопросы поднятия ценности продукции сельского хозяйства и повышения его товарности путем превращения не рыночных или мало рыночных продуктов в рыночные продукты. Отсюда задачи «расширения сети перерабатывающих предприятий» и

их «демократизации». Намечалось главным образом мелкое строительство заводов или — вернее — заводиков. Такой «тип» считался наиболее рентабельным на том основании, что он ближе всего подходит к населению и дает возможность использовать концентрированные корма в крестьянском хозяйстве. Всякое удаление переработанных заводов от крестьянского населения уменьшало по завершению «пятнелетки» эти возможности и потому менее выгодно и не может обнаружить весь эффект для народного хозяйства. Исключение делалось лишь для мясных и мясо-рыбоконсервных предприятий — только такие заводы предполагают более крупный тип организации.

Все эти наметки строительства мелких по своему размеру предприятий покоятся на предположении большей «выгодности» мелких предприятий по сравнению с крупными. Все ревизионистские и народнические теории пытаются обосновать это же положение об экономических преимуществах мелкого хозяйства. Землян в своей пятнелетке идет по тому же пути, завершая в план мелкие предприятия как наиболее «оптимальные» по своему размеру. Наиболее целесообразной формой приближения к «демократизации» считалась форма кооперированной промышленности.

При той роли, которая отводилась кооперации составителям плана, можно было не беспокоиться за последствия «демократизации». Уставниками этих демократизированных предприятий и венесосчитателями их выгод по всем установкам могли быть лишь наиболее «товарные слои» деревни. На них и ставка делалась.

В тех отраслях, где считался целесообразным более укрупненный тип заводов, пятнелетка милостиво отдает их государству или иностранному капиталу на началах аренды и концессий.

Ввоз сельскохозяйственных машин, орудий и оборудования для индустриальных переработочных предприятий (разного рода крупорушек, маслобоек и т. п.) по замыслу плана не должен ограничиваться, потому что «принцип огульного промышленного протекционизма не выдерживает критики со всех точек зрения». Установка такова: ввоз оборудования из-за границы вплоть до мелочей, поднимая «товарность» крестьянских хозяйств, увеличивая ценность с.-х. продукции на основе индустриализации сельского хозяйства (т. е. переработки) и за это получая готовый продукт для экспорта. К этому добавлялось еще требование «беспощадного вывоза с.-х. товаров».

Однако было бы ошибочно считать, что «пятнелетка» намечала вывоз с.-х. товаров исключительно в переработанном виде. За основу принимаются довоенные пропорции в вывозе с.-х. сырья (95,9% от 1911 к 1915 г.). Например вместо производства пеньковых канатов у себя намечено к вывозу сырье, а недостающие снасти, сделанные из нашего же сырья (как это и практиковалось в довоенной России), ввозятся из-за границы, дабы ликвидировать прорывы на наших лесопильных работах. То же практиковалось в отношении жмыхов. Вместо того, чтобы их пропустить через корову и свиному, а затем переработать в масло, бжон и пр. и тогда уже пустить на рынок — внутренний или международный, — вредители сплавляли эти жмыхи за границу в «сыром виде», подрывая таким образом развитие животноводства.

К чему сводился конкретный план «пятнелетки» по индустриализации сельского хозяйства? Несмотря на ратование за «широкую» индустриализацию, план этот выглядит крайне убого. Общее финансирование сельского и лесного хозяйства за 5 лет по всем источникам — госбюджету, местному бюджету, с.-х. кредиту, из средств насе-

лений и предприятий — было определено в 540,5 млн. руб. Фактически же за один 1928/29 г. — конечный год пятнелетки — было вложено в основные фонды сельского хозяйства 1923 млн. руб.¹

Львиную долю средств намечалось направить по линии землеустройства, колонизации и переселения и мелиорации, где, как известно, оказалось не мало предательства. Собственно «индустриализация» в понимании авторов плана мы находим в четырех разделах финансирования (животноводство, полеводство, садоводство, огородничество, виноградарство и виноделие). На это намечается затратить 96,396 тыс. руб., или 17,8% от общей суммы вложений. Но и эти 96 млн. руб. предназначались главным образом на другие рубрики, не на индустриализацию. Так в разделе животноводства, куда шло 78,784 тыс. руб., основные мероприятия намечались на организацию скучных пунктов, на «покупку скота для населения» (300 тыс. голов), «на контрольные союзы», на организацию кормления скота «и 10 тыс. утепленных дворов», разумеется у «наиболее образцовых» индивидуальных хозяйств. Это — по крупному рогатому скоту. По свиноводству и оленеводству те же племенные рассадники, рассадники-множители, скучные пункты производителей, агрокультурные мероприятия, покупка «хороших пород скота для населения».

В области полеводства, куда намечалось вложить 11,190 тыс. руб., план основной упор делает на технические культуры. Лен и конопля — 7,556 тыс. руб., картофель — 1,720 тыс. руб. Остальные 1,914 тыс. руб. идут на табаководство, хмелеводство, сахарную свеклу, масличные, ароматические и лекарственные растения. Садоводство и огородничество, виноградарство и виноделие съедают 6,422 тыс. руб. И здесь также преобладают так называемые «культурнические мероприятия» на основе индивидуальных хозяйств.

Остальное должно было пойти на «индустриализацию». Была намечена постройка 23 свиноводческих, восстановление 37 цементных ям для хранения ячм., сооружение 15 холодильников, 1 альбумино-сушильного завода, 5 откомочных заведений для пш., 26 молочных лабораторий, 300 районных ледников и наконец 8,400 маслоделальных заводов вместе с «различными пунктами» и т. п. «Тип» заводов проектировался по преимуществу карликовый на ручной и конной тяге и лишь отчасти механизированный.

В области полеводства «индустриализация» выглядит так: 85 заводов по первичной обработке льна, 32 льнообделочных пункта, 10 крахмало-паточных заводов по свекле, 10 крахмало-паточных заводов картофельных, кредит на выращивание табака и на восстановление сушительных сараев, «аналогичные (как и по табаку — Г. Д.) мероприятия в отношении лекарственных растений и хмеля», та же «аналогия» в отношении садоводства и огородничества, виноградарства и виноделия и плюс 4 экономических лаборатории для последнего. Мизерные по общему масштабу вложения, карликовые по размерам строительство так называемых сельскохозяйственных индустриальных предприятий. Районного разреза «индустриальных документов» планов не дает.

Из всего содержания этого «планового документа» вытекает с неизбежностью вывод: «следует за товарностью!» Строй предприятия так, чтобы барыши от «индустриализации» попадали в карман в первую очередь хозяйствам с повышенной товарностью. Ориентировка на старые районы маслодела с наиболее повышенным процентом зажиточно-кулацких элементов в первую очередь.

¹ Сдвиги в с. х. СССР между XV и XVI сдвигами, стр. 6. Экономический Госплан СССР, изд. 1930 г.

В плане нет и намек на постановку вопроса об изживании противоположности между городом и деревней на основе индустриализации сельского хозяйства, о чем т. Ленин писал еще в девяностых годах прошлого столетия. Наоборот, мы видим определенную линию построения плана индустриализации — чтобы он способствовал усилению капиталистических слоев деревни, забавлению бедноты и следовательно увеличению противоположности между городом и деревней.

Классовая борьба вокруг госплановской пятилетки индустриализации сельского хозяйства

Следующий тур ожесточенной классовой борьбы на плановом фронте разыгрался вокруг построения контрольных цифр на 1925/26 г. и «пятилетки» (1926/27—1930/31 гг.), выпущенный под редакцией С. Г. Струмилина.

Из каких установок исходил план индустриализации сельского хозяйства в первой госплановской «пятилетке» 1926/27—1930/31 гг.? В апреле 1926 г. президиум сельскохозяйственной секции Госплана обсуждал тезисы т. Гордеева «по составлению перспективного плана индустриализации сельского хозяйства», т. е. тезисы, положенные в «основу» плана 1926/27—1930/31 гг.

Раздел первый этих тезисов носит название «прогресс сельского хозяйства и индустриализация». Речь идет о послевоенном прогрессе. Сущность его заключается в том, что на каждые 100 дес. посевов в довоенной России в 1916 г. приходилось зерновых культур 90,2%, промышленно-технических — 9,8%. В советской России это соотношение было таково: в 1923 г. — 86,1 и 13,9%, а в 1925 г. — 83,8 и 16,2%. Приведенным характеризуется прогресс и рост интенсивности сельского хозяйства.

По сравнению с Западом имеющаяся интенсивность, говорится далее, лишь в начале пути. Ибо Англия имеет зерновых только 47,3%, Германия — 68,5%, а Дания — 38%.

Развитие интенсивных культур и животноводства ставит вопрос об утилизации. Часть продуктов означенных отраслей может идти в непосредственном виде в потребление; скажем, картофель требует перегонки через скот и затем уже в виде молока, мяса и продуктов технической переработки может поступить на рынок. К тому же имеются продукты нетранспортабельные, которые без соответствующей предварительной обработки перевозиться на известные расстояния не могут. Все это приводит к тому, что индустриализация сельского хозяйства по мере роста интенсификации становится неизбежной. В противном случае, при отсутствии переработочных предприятий, — делая заключение т. Гордеев, — интенсификация сельского хозяйства может замедлиться вплоть до полной остановки. А такая угроза уже имеется. В разных районах, как разъясняется дальше, создались затруднения с реализацией интенсивных культур из-за отсутствия рынка и переработки. Отсюда задача: найти «оптимальные» соотношения между интенсификацией сельского хозяйства и его индустриализацией.

Философия «не смешивания» индустриализации сельского хозяйства с его механизацией. «Радиусы индустриализации»

«Прежде всего мы должны отличать индустриализацию сельского хозяйства от индустриализации народного хозяйства в целом. Пер-

вая — лишь часть второй. Неправильно смешивать индустриализацию сельского хозяйства с его механизацией. Понятие индустриализации сельского хозяйства не может обнимать также различные несельскохозяйственные промыслы. Под индустриализацией мы понимаем переработку продуктов растениеводства и животноводства в полуфабрикаты или законченные фабрикаты. Следовательно переработка продуктов сельского хозяйства и будет называться индустриализацией сельского хозяйства».

Вот вся философия. Маркс, Ленин, на теорию которых дальше автор тезисов ссылается, ставили вопрос о «системе машин» в сельском хозяйстве, о «крупной сельскохозяйственной индустрии», об органическом слиянии промышленности и сельского хозяйства и уничтожении противоположности между городом и деревней, а т. Гордеев советует «прежде всего» отличать индустриализацию сельского хозяйства от индустриализации народного хозяйства в целом, «не смешивать» индустриализации сельского хозяйства с его механизацией.

Тов. Гордеев пытается отмежеваться дальше от теорий выгоды мелких предприятий перед крупными. Сахарная промышленность, пивоваренная, спиртовая и т. д., поясняет он, сложились уже как определенные крупные отрасли промышленности с крупными предприятиями и дают максимальные выгоды по сравнению с мелкими.

Но вот такие «отдельные продукты», как картофель, молоко, кормовая свекла, зеленый корм и др., имеющие «ограниченную транспортабельность», в силу необходимости должны перерабатываться на мелких заводах, обслуживающих небольшой рынок. Причем точно расписывается, какой именно. Для молока — радиус обслуживания не более 3 верст, для картофелеперерабатывающих заводов — 10 верст и т. д. Мелкие заводы, оказывается, для таких «исключительных продуктов» дают больший эффект для народного хозяйства.

Каким методом рекомендовалось идти при составлении перспективного плана по индустриализации сельского хозяйства? Тезисы отвечают на это так: прежде всего необходимо учесть эволюцию той или другой культуры за довоенное и послевоенное время; необходимо выделить районы с реально растущей стабильной продукцией; выделить районы, представляющие необходимые условия для возможного развития культуры «с учетом рынка и сбыта».

Когда эта «эволюция» со всеми ее довоенными и послевоенными коэффициентами учтена, установлены районы с реально растущей стабильной продукцией и учтены «рыночные условия», тогда должен иметь место следующий этап: учет валовой продукции отраслей, учет того, что должно идти в личное и хозяйственное потребление внутри хозяйства, и особо учет «рыночной части». «На основании учета рыночной части и части продукции, подвергающейся переработке, можно получить неперерабатывающийся остаток, который послужит основанием для расширения сети перерабатывающих предприятий».

Чего проще: «следуй за товарностью», развился по делу и вся сущность планирования!

План построения сети предприятий по перестройке «малотранспортабельных» продуктов должен быть связаться «с кооперацией, мелкого государственной промышленностью и частной промышленностью для подталкивания в сторону расширения сети индустриальных предприятий».

Словом «частная» при обсуждении тезисов было заменено другим более удобоваримым термином — «кустарная». Но это сущесто-

дела мало меняет, потому что именно в так называемой «кустарной промышленности» довоенной России, энтолюцию которой так усиленно рекомендуется изучать в первом же пункте тезисов, процветала самая хищническая, безудержная эксплуатация деревни, в особенности бедноты, владельцами разных заводиков по первичной обработке сельскохозяйственного сырья. И ничего похожего кетати на индустриализацию сельского хозяйства тогда не было, не происходило: добыча сырья производилась попрежнему самими отсталыми способами.

Автор тезисов, как видно, находился под влиянием «окулающей среды», в которой культивировались идеи, вроде таких: «в тех случаях, когда социалистическое переустройство общества безусловно не может разрешить задачу развития производительных сил, план может ориентироваться на иные пути развития, в частности на товарищескокапиталистический путь развития, производственных сил» (из заключения Зумплана, а потом и Наркомзема в целом о перспективном плане развития народного хозяйства на 1926/27—1930/31 гг., составленном Госпланом СССР).

И наконец последняя методологическая установка — «с чего начать?»

«Необходимо также изучить емкость как внутреннего, так и внешнего рынков для продуктов и начинать переработку с культур наиболее ходких и дающих большой эффект при переработке (разрядка наша — Г. Д.). Затем постепенно переходить к менее ходким и эффективным».

Партий ставилась и ставится определенная задача: при помощи целого ряда мероприятий и в особенности на основе строительства предприятий по переработке с.-х. продукции реконструировать сельское хозяйство, вызвать к жизни новые товарные отрасли в новых местах. Индустриализация сельского хозяйства в сочетании с электрификацией должна коренным образом изменить лицо районов, придать им определенную, ярко выраженную специализацию. Все это в тезисах т. Гордеева о методе составления перспективного плана по индустриализации сельского хозяйства, утвержденных с некоторыми изменениями, отсутствует.

Ставка на «естественное», «закономерное» развитие

Наконец следует остановиться еще на заключительном разделе тезисов: «Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства». Как известно, весьма излюбленным методом правооппортунистической концепции являлось противопоставление кооперации коллективизации. С особой силой подчеркивалось положение, будто коллективизация, захватывающая и процесс производства, противоречит кооперативному плану Ленина. Оппортунисты хотели удержать взаимоотношения города и деревни в рамках товароборота и следовательно сохранить между ними исторически сложившиеся противоположности, что вполне соответствовало и желаниям вредителей. Характерно, что везде и всюду, когда речь шла о кооперативной с.-х. индустрии, вредители не возражали. Наоборот, они нередко ратовали за это, ссылаясь на кооперативную индустрию Дании как на образец и на довоенную Россию, где процент кооперирования деревни местами был выше, чем у нас в годы 1926—1928, и где также были кое-какие кооперативно-индустриальные предприятия. Но редко где вы встретите выступления, высказывания вредителя по вопросу об индустриализации колхо-

зов. А если об этом и говорилось, то как о далеком будущем, которое «сегодня» не страшно.

Тезисы т. Гордеева идут по тому же правооппортунистическому пути: «государственные и кооперативные предприятия по переработке в силу естественного развития взаимоотношений будут стимулировать кооперирование крестьянского хозяйства». И дальше: «если предприятие по переработке будет дополнительно надеждой кредитной политикой и политической машиной, то оно может вызвать совершенно закономерно кооперированный комбинат, где будут обобществлены как производство сырья, так и его переработка».

Здесь нашли свое достаточно яркое выражение теория самотека и ставка на «естественное», «закономерное» развитие с организацией «кооперативных комбинатов» в неопределенном будущем.

Указанные тезисы сельскохозяйственной секцией Госплана СССР были приняты. По ним шла работа, составлялись проективные перспективные планы.

Процесс «отпочковывания»

Несколько позднее — в июле 1926 г. президиум с.-х. секции под председательством Громяна при выработке контрольных цифр на 1926/27 г., т. е. одновременно с выработкой пятилетнего плана, дает следующую установку в вопросе индустриализации сельского хозяйства:

«Общий подход докладчика (Материкина — Г. Д.) к разрешению вопроса об индустриализации сельского хозяйства, основывающийся на финансовых, технических и организационных возможностях осуществления этого дела и базирующийся на усилении связи сельского хозяйства СССР с мировым хозяйством, признается правильным».

В контрольных цифрах на 1926/27 г. индустриализация сельского хозяйства рассматривается в весьма отдаленной перспективе: «не выкристаллизовались еще явления, характеризующие процесс индустриализации всей страны»; «вполне отчетливо наличие, характер и форма этого процесса определяется лишь на протяжении десятилетий» (стр. 173).

То, что «отпочковывается» от «сельскохозяйственного предприятия», например маслобойные заводы, бковые фабрики, крахмало-паточные заводы и т. п., это уже (как говорится в тексте контрольных цифр) есть типично промышленные производства и их «нельзя рассматривать как индустриализацию сельского хозяйства». И дальше: «здесь мы имеем дело с индустриализацией народного хозяйства в целом за счет сельского хозяйства». Отсюда и вывод: план «индустриализации сельского хозяйства» — одно, план «сельскохозяйственной индустрии» — другое.

Если в условиях капитализма процесс «отпочковывания» с.-х. индустрии означает не что иное, как дальнейший процесс отделения города от деревни, причем противоположность между городом и деревней не только не ослабляется, а наоборот расширяется, углубляется, то в наших условиях, в условиях СССР, расширение отраслей с.-х. индустрии служит средством коренной социалистической переделки самого с.-х. производства, его индустрии в целом. Не видеть этой коренной разницы между процессом индустриализации СССР и процессами капиталистической индустриализации — значит ничего не понимать в нашей переходной экономике.

Главной линией развития индустриализации сельского хозяйства по замыслу перспективного плана на 1926/27—1930/31 гг. является перенесение промышленных методов переработки, обработки, хранения с.х. сырья и вообще продуктов сельского хозяйства в общестепляемое с.х. производство (стр. 237). Индустриализация сельского хозяйства рассматривается как фактор преобразования мелкого, раздробленного, малопродуктивного крестьянского хозяйства в сторону увеличения его товарности и доходности. В плане делается упор на кооперативную с.х. индустрию, которая является «организационно-хозяйственной формой» индустриализации сельского хозяйства и частью общей с.х. индустрии.

Вложения в с.х. индустриальные предприятия на пятилетие определены в 224 млн. руб., что составляет 6,3% в общем плане мероприятий по сельскому хозяйству.

Продукция от этих предприятий проектировалась в 800 млн. руб. Капитал индустриализованных кооперативных с.х. предприятий в 1925/26 г., судя по «материалам», составляла 70 млн. руб. с выпуском продукции на 174 млн. руб. Увеличение значительное, если исходить из «отправной точки», но оно крайне мизерно с точки зрения грандиозных задач, которые стояли перед сельским хозяйством по реконструкции его сырьевой базы, перестройки деревни на новый социалистический лад. Как правило, если не считать элеваторов, все это — строительство мелких предприятий с небольшим «радусом обслуживания», распыленных по добыче сырья, хотя и кооперативных и известной части по сбыту и переработке.

По «убывающей кривой» следом за товарностью

Порядок вложения строго «следует за товарностью» отраслей. Принадле средства населения для целей индустриализации сельского хозяйства намечалось в крайне незначительном размере. Эти средства в какой-то мере «скрываются» в графе «средства предприятия», но последние недостаточны: всего 57 290 тыс. руб., или 25,6% от общей суммы вложения. Не говоря уже о том, что вложения крайне малы по размеру их, и самый тип предприятий тщательно подгонялся под мелкое индивидуальное хозяйство; налицо ориентация на старые районы с «выявившейся товарностью» и т. п. Все это ничуть не разрешало вопросов реконструкции сельского хозяйства. Перспективная пятилетка 1926/27—1930/31 гг., также как и первая наркомзёмовская пятилетка, ни в какой мере не ориентирует нас на социалистический путь развития, не ставит задачи изживания противоречия между городом и деревней, задачи органического слияния их на основе индустриализации всей страны и индустриализации сельского хозяйства в том числе. Это еще более подтверждается тем обстоятельством, что «основным мероприятием», — как сказано во введении к разделу «Сельское хозяйство», — мы считаем землеустройство в сочетании с широким расселением, которое должно создать наиболее благоприятные условия для развития производительных сил в области сельского хозяйства, в настоящее время задерживаемое целым рядом отрицательных условий, связанных с современным состоянием землепользования и в частности с крупнообобщинной формой крестьянского землепользования.

Это прямая лаяйка для вредительства. Ранее слова о кооперировании, кооперативной индустрии, коллективизации, а потом — расселении. В этом спасение! Так и делалось долгие годы по линии

Наркомзема. Убивались громадные средства на фундаментальное землеустройство с целью укрепления индивидуальных хозяйств, создания условий для наиболее быстрого роста зажиточно-кулацких элементов.

«Индустриализация сельского хозяйства», как уже было отмечено, занимает 6,3% в общем плане финансирования сельского хозяйства, а землеустройство — 14%. Мелиорация — 16,2%, где также значатся расходы «по организации территории — землеустройству и расселению — в порядке обводнения новых поселений». Переселение — 7,5%, «электрификация», долженствовавшая сочетать свою мощь с индустриализацией, — 2,5%. Затраты на машинное снабжение и тракторное снабжение идут по «потухающей кривой». «Средний рост сбыта за пятилетие выразится в 14,5% и приблизится к среднему довоенному за 10 лет. Процент роста по годам будет: 30, 20, 10, 7, 5. Соответственно этому предполагаемый сбыт с.х. машин и орудий поднимается со 100 млн. руб. в 1925/26 г. до 192 млн. руб. в 1930/31 г.»

Эта затухающая кривая темпов роста машинного снабжения в перспективной ориентировке 1926/27—1930/31 гг., состоящей сплошь из «потухающих кривых», вполне согласуется с мнением С. Г. Струмилина, председателя комиссии по составлению пятилетия, считавшего необходимым поддерживать механизацию сельского хозяйства, дабы спасти население советской деревни от явной безработицы. Но и индустриализация сельского хозяйства, которая считалась благом, подгонялась «свободные руки», как видим, по плану не так уже далеко поднималась вперед, даже по сравнению с другими, безусловно менее важными или вовсе вредными мероприятиями с точки зрения построения социализма.

Наркомзёмовские индустриализаторы № 2

Следующей пятилетке суждено было вновь появиться из недр Земплана под общей редакцией т. Теодоровича. Она обнимает период с 1928 по 1932 гг. Работы велась одновременно и в Госплане, где по директивам партии, несмотря на пыльные букеты вредительства, в жесткой борьбе выковысывалась подлинная пятилетка, ставшая сейчас знаменем борьбы мирового пролетариата.

Вторая пятилетка Земплана носит на себе печать первой. Разница в том, что ставка на капиталистический путь развития нашей страны в ней больше завуалирована.

На опыте Сев. Кавказа и других районов в ней рисуется такой идеал развития:

«Сельское хозяйство мелочает, отпочковывая наиболее активную часть населения в виде поселков, коллективов и пр.; это отпочковывание в конце концов ведет при благоприятных условиях к распаду общины на небольшие и земельные объединения, создающиеся путем землеустройства. Лишь в таких сравнительно небольших поселках с рационально устроенной земельной площадью производится правильная организация полей с последующей улучшающей техникой обработки их». Это тот идеал новоземландской «мудрости», о котором мы упоминали ранее.

Нельзя сказать, чтобы в самом Земплане не было борьбы за генеральную линию партии. По вопросу «отпочковывания наиболее активной части населения от общины» были весьма горячие споры. В одном из докладов агроном Маркевич на основании опыта работы машинно-тракторной станции говорил о том, что: «самое предное для крестьян-

ства — это расселение. Крупное механизированное с.-х. производство освобождает его от гниющего процесса (расселения — Г. Д.) в крупных селах». А что мы имеем в директивных установках перспективного плана на 1928—1932 гг.? Идея расселения, в результате которой бесспорно росла капиталистическая элемент и затруднялся процесс коллективизации, получила свое яркое выражение в финансовом оформлении плана. Из общей суммы вложений в сельское и лесное хозяйство в 3.194 млн. руб. на расселение предназначалось 257 млн., или 8,0%. На переселение 250 млн. — 7,8%, которое также ставило себе целью насаждение «отпочковывающихся» крестьянских хозяйств в форме хуторов и мелких поселков.

Все вложения на «индустриализацию сельского хозяйства» вместе с электрификацией не достигают размеров ассигнований на переселение. Они составляют лишь 250 млн. руб. на пятилетие, или 7,8% от общей суммы.

Каковы целевые установки индустриализации сельского хозяйства? Там, где существует переселение, пятилетка считает техническую реконструкцию сельского хозяйства почти невозможной. «Раз переселение задерживает процессы накопления, то неизбежно оно тормозит и вложение средств в хозяйство, а следовательно препятствует его технической реконструкции, препятствует индустриализации и механизации сельского хозяйства и росту его товарности, ослабляет почву для развития сельскохозяйственной кооперации и коллективизации сельскохозяйственного производства».

Вместо перевода крестьянских хозяйств на социалистические рельсы и объединения их в колхозы, Земплан выдвигает переселение как единственный и подлинный источник от аграрного перенаселения и прочих бед «идиотизма деревенской жизни».

После отмеченных «замечаний» пятилетка расточает уже хвалу по адресу индустриализации сельского хозяйства, толкуя этот термин и в «широком» и «узком» смысле слова.

«Индустриализация сельского хозяйства представляет из себя частный случай общего процесса индустриализации страны. Исторически сельское хозяйство представляет из себя первоначальный и старейший вид производства. Индустрия возникает в процессе дифференциации и выделения тех или иных производственных функций из сельского хозяйства. В этом широком смысле слова весь процесс индустриализации можно рассматривать как процесс индустриализации сельского хозяйства. Однако когда в настоящее время говорят об индустриализации сельского хозяйства в собственном смысле слова, то имеют в виду более узкий и специфический случай развития промышленности. Под индустриализацией сельского хозяйства в узком смысле слова понимают развитие тех отраслей промышленности, которые заняты первичной переработкой сельскохозяйственных товаров, вышедших непосредственно из сельского хозяйства» (стр. 35 Материалов перспективного плана развития сельского хозяйства).

Неверно, что всякая индустриализация есть вместе с тем и индустриализация сельского хозяйства. Капиталистический способ производства, капиталистическая индустриализация углубляют противоречие между промышленностью и сельским хозяйством. Развитие идет в антагонистических формах. «Высший синтез» союза этих двух отраслей народного хозяйства на основе созданных материальных предпосылок может произойти лишь в результате устранения самого капиталистического способа производства. Но и при диктатуре пролетариата корни для реставрации останутся в капиталистических слоях

деревни и в мелком товарном хозяйстве, «химически выделяющем» капитализм, поэтому «синтез» промышленности и сельского хозяйства не происходит самоотечком. Он завоевывается в ожесточенной борьбе через ряд посредствующих звеньев на основе коллективизации (МТС, АИХ).

Вторая часть цитаты, пытающаяся ограничить понятие индустриализации сельского хозяйства «узким смыслом слова», т. е. развитием тех отраслей промышленности, которые заняты переработкой с.-х. товаров, является теоретически неверной и практически вредной, поскольку собственное сельское хозяйство — добыча сырья — остается попрежнему в рамках мелкого раздробленного крестьянского хозяйства.

Характерно полное совпадение установки Земплана с положениями проф. Каратыгина, предателя рабочего снабжения¹.

За индустриализацией сельского хозяйства Земпланом признается важная роль в реконструкции с.-х. производства. Но о какой реконструкции идет речь, о капиталистической или социалистической?

«Увеличивается товарность крестьянских хозяйств, используются земли в хозяйстве, развиваются производительные силы и на основе этого увеличивается «покупательная способность деревни», без чего не сможет развиваться и промышленность». Отсюда вывод «о взаимной солидарной связи развития производительных сил индустрии и сельского хозяйства».

Вместо курса на органическое слияние города и деревни даются рецепты о «необходимости» «нормальных взаимоотношений», «солидарности (!) интересов индустрии и сельского хозяйства», для чего требуется подгонять темпы индустрии к сельскому хозяйству и «нормальное» соотношение цен на с.-х. товары и промышленные. Все это разумеется для «бескризисного развития нашей страны», для «дальнейшего расширенного воспроизводства» и пр.

Подход к конкретному плану «индустриализации» по техническим культурам таков: берется довоенное производство, внутреннее крестьянское потребление, промышленное потребление и экспорт. И затем все подгоняется к существовавшим довоенным пропорциям. Построение плана в районном разрезе заключается в том, что в каждом районе выбираются наиболее важные вопросы «минимумы», без разрешения которых невозможно приступить к реорганизации хозяйства. В ЦЧО например с.-х. индустрия приветствуется, а вот в Западной или в районах Сибири «в центре системы мероприятий должны стоять уже другие основные вопросы, в частности вопросы воссоздания основного капитала хозяйства и реорганизации территории».

«Обычный», «малый», «углубленный» комплексы индустриализации

В самом районе рекомендуют идти «комплексным методом» «по благоустройству крестьянских хозяйств». Взять строго ограниченную группу этих хозяйств, но зато уж благоустроить их «как следует». На каждое хозяйство в результате этого по расчетам пятилетки потребует 300 — 500 рублей.

Ити нужно вперед комбинацией «трех комплексов». Первый — «обычная массовая работа земорганов» по обслуживанию сельского

¹ См. его работу «Проблемы индустриализации сельского хозяйства в СССР», стр. 30—35.

хозяйства. Второй — «комплекс малого объема» или простой: землеустройство, водоустройство, расселение, кредит, снабжение средствами производства и семенами. И наконец третий — «углубленный или сложный комплекс». Он разветвляется на основе предыдущего комплекса и состоит главным образом в сельскохозяйственной индустрии и углубленной работе по животноводству. Что же получится? «В результате работы по методу углубленного комплекса должна вырасти землеустроенная, достаточно водоустроенная деревня с рациональной системой полеводства, улучшенной системой животноводства, с кооперативным оформлением различных процессов сельскохозяйственного производства, переработки и сбыта».

Такой «реконструкцией» по плану должны были быть охвачены 4-5 миллионов крестьянских хозяйств. Остальные подождут до следующих пятилеток!

Таковы пути построения царства крестьянской ограниченности. Основа всего плана такова: идти с карликовыми «индустриальными предприятиями» в деревню «следом за товарностью» для укрепления индивидуальных крестьянских хозяйств и облегчения капиталистического пути развития деревни. Характерно, что намечаемое финансирование колхозов идет под общей рубрикой «бедноты и колхозов».

Рассмотренный нами документ, претендовавший на «руководство к действию», оказался явно негодным и вредным для страны строителя социализма. Встал вопрос о выработке новой пятилетки по сельскому хозяйству и по его индустриализации. Руководство Земплана и Наркомзема было обновлено. Однако многие из зубров-вредителей остались еще сидеть на своих местах в качестве «ученых» консультантов; они-то и сумели частично протолкнуть и в теорию и в практику планирования свои идеи и в последующие перспективные и оперативные планы.

Метод «замкнутых», «широких» и «рыночных» комплексов в пятилетке Земплана № 3

В заседании от 8 июня 1928 г. Земплан слушал «первую наметку» нового плана индустриализации сельского хозяйства. В постановлении Земплана по заслушанному докладу и прениям значится: «дать плану центральную идею индустриализации, рассматривая ее как фактор реконструкции сельского хозяйства по пути обобществления его. Дать оценку каждой отрасли сельского хозяйства и желательного роста ее, исходя из этого, построить план индустриализации. Проработать вопрос о владениях индустриальных установок, учтя экономическую рентабельность их и отдавая предпочтение при всех равных условиях колхозам».

В этом постановлении Земплана очевиден определенный сдвиг в планировании индустриализации сельского хозяйства. В центр плана ставится проблема обобществления сельского хозяйства. Но наряду с этим скрывается известная недооценка колхозов, коль скоро им отдается «предпочтение» лишь «при всех равных условиях».

Центральная идея индустриализации сельского хозяйства, которую было поручено сформулировать докладчику, нашла свое отражение в новом пятилетнем плане развития сельского хозяйства на 1928/29 — 1932/33 гг. В этом документе мы находим весьма ценное признание деятельности Наркомзема:

«Нужно признать, что в практике земельной работы организации с.х. индустрии весьма мало использовалась для гнездования агропро-

изводственной работы и еще менее для коллективизации (разрядка наша — Г. Д.) сельского хозяйства. Непосредственное строительство индустриальных предприятий осуществлялось с.х. кооперацией и госторговыми организациями и рассматривалось ими почти исключительно как метод организации заготовок. Развитие с.х. индустрии шло следом за товарностью, не было использовано как мощный рычаг для организации отдельных товарных отраслей и рационализации сельского хозяйства там, где существующие уже изживали себя, создавая затяжной кризис с.х. производства»¹.

Перед индустриализацией сельского хозяйства в плане правильно ставится задача — не способствовать дифференциации деревни на основе разного рода индустриальных установок, выгоды которых в довоенной России использовало кулачество и что всяческими путями внедрялось вредителями в советскую практику, а противодействовать этим процессам, повышая товарность беднейших слоев деревни. Но разумеется такая задача нас удовлетворить не может, даже если мы будем осуществлять эту задачу, как говорится там же, «исключая элементы обобществления с.х. производства». Тут все же нет четкой постановки вопроса об индустриализации сельского хозяйства на основе колхозов.

Само определение индустриализации сельского хозяйства расплывчато и неясно. Имеется длинный перечень «условий», при которых сельскохозяйственное производство становится индустриальным. Тут и специализация «в соответствии с рыночными условиями», и максимальная механизация «в пределах экономической рентабельности», и соответственный подбор растений и животных, и осуществление возможной непрерывности производственных процессов в течение года, и выработка крупных масс однородных продуктов и пр. Основное — социальные моменты уничтожения противоположности между городом и деревней отсутствуют. О «системе машин» ни слова. Понятие индустриализации сельского хозяйства поэтому получается чисто агро-техническое, близкое к обычной предельской формуле — развития производительных сил вообще.

«Поскольку в условиях западных рыночных отношений являются определяющими темп развития сельского хозяйства, основным звеном в цепи воздействий — ведущей технической идеей реконструкции с.х. — должна стать организация переработки сельскохозяйственной продукции — заводские установки» (стр. 7).

Прежде всего здесь дано совершенно неверное, в правоопортунистическом духе понимание западных, поскольку всегда, и на всех этапах западных определяющими являются рыночные отношения. Вотрых, ведущим звеном технической реконструкции сельского хозяйства вовсе не является переработка с.х. продукции. Внедрение трактора в сельское хозяйство, организация МТС, иными словами — переворот в энергетической базе является основным в техническом перевороте, в организации сельского хозяйства на новых общественных и технических рельсах.

Перед планом индустриализации сельского хозяйства ставится задача выработать систему «заводского комплекса», где «агрономический» сочетается развитие всех элементов индустриального производства. Без подготовки необходимых предпосылок для «комплекса»

¹ Из предисловия к перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства на 1928/29 — 1932/33 гг., ч. 3.

(территория, сырьевая база и пр.) строительство заводов не даст должной эффективности и может оказаться убыточным.

Вся работа по индустриализации сельского хозяйства подразделяется на три основных типа: 1) тип замкнутого заводского комплекса, 2) тип широкого заводского комплекса и 3) тип рыночного комплекса. Все эти «типы» отличаются друг от друга «степенью напряженности темпов индустриализации, т. е. повышением технического строения производства, путем увеличения используемых на единице с.х. территории средств производства».

Замкнутый комплекс рисуется как наиболее технически совершенный. Он должен основываться там, где характер сырьевых культур допускает возможность специализации хозяйства и дает возможность снабжаться заводу «с территории малого радиуса».

К таким культурам относятся: свекла, лен-конопля, «технический картофель», хмель и лекарственные растения, молочное скотоводство и др. Суть этого комплекса сводится к следующему: к льнообделочному заводу скажем придется тракторный отряд, при помощи которого включается в оборот хозяйства вся призаводская территория, ранее нераспаханная, и таким образом сокращается радиус сырьевого района завода к примеру с 25 километров до 10, чем облегчаются условия транспортирования сырья. Затем идет процесс «закультирования» новых земель и осуществление следующих элементов комплекса: семеноводство, зерноочистка и протравливание семян, организация проката необходимого конного инвентаря для бедняцких хозяйств, производственная контрактация льна и других культур, организация молочного животноводства, организация технических мероприятий по переработке молока, механизация маслобоинного производства и т. п.

«Вся эта система мероприятий сохраняет основные трудовые крестьянского хозяйства, направляя особображающиеся в процессе механизации и индустриализации трудовые ресурсы в интенсивные отрасли, обеспечивающие максимальную производительность труда на началах его обобществления».

«Осуществление этой системы мероприятий имеет целью организацию последовательно социалистического типа крупных высокоинтенсивных индустриальных коллективов, специализированных на производстве льна и продуктов скотоводства, причем в зависимости от местных условий и уровня техники производства и транспорта, может иметь место организация одного крупного с.х. предприятия или же комплекса колхозов».

Итак весь «замкнутый комплекс» мероприятий, по мнению Земплана, вполне уживается («сохраняется») с индивидуальным крестьянским хозяйством («основами трудового крестьянского хозяйства»). Высококооперативный завод по переработке строится на сырьевой базе, разбросанной среди многих сотен мелких раздробленных крестьянских хозяйств. Но зато в будущем — прямой и непосредственный скачок «из царства необходимости в царство свободы», от мелкого раздробленного крестьянского производства непосредственно к организации предприятий последовательно-социалистического типа. Никаких переходных ступеней, никакого процесса переделки крестьянина-середняка и бедняка в колхозника, а уже потом крестьянина-колхозника в работника социалистического общества в плане не предусмотрено. А между тем без переделки крестьян через колхозы строительство с.х. предприятий последовательно социалистического типа превращается в «левую фразу», в планы непосредственной «совхозизации», ничего общего не имеющие с кооперативным планом Ленина.

Среди длинного перечня вопросов, рекомендуемых для изучения и связанных с осуществлением «замкнутого заводского комплекса», имеется также целый ряд неверных положений, заимствованных из арсенала буржуазной экономики: пресловутый принцип «оптимальности» предприятий, «установление предела рентабельной механизации производственных процессов», исходя из конъюнктурных условий ближайших лет и т. д.

Здесь «теоретическая» путаница перерастает в прямое вредительство в планировании. Механизировать сельское хозяйство постольку, поскольку это позволяет конъюнктура, поскольку это «рентабельно» и соответствует «оптимуму» — это совершенно неприкрытое оружие из буржуазного арсенала должно служить необходимым условием планирования индустриализации сельского хозяйства. Никакой разницы между сельским хозяйством в СССР и сельским хозяйством капиталистического Запада Земплан не видит.

Индустриализация сельского хозяйства по методу «широкого заводского комплекса» должна охватывать более широкую территорию. Особенно этот способ рекомендуется в области свиноводства. Базовая фабрика может охватить район радиусом на 100 километров с 90—100 тыс. хозяйства при экстенсивном свиноводстве. По мере интенсификации район этот может сократиться до 60 километров и меньше. Сущность «широкого заводского комплекса» сводится к тому, что фабрика оказывает свое воздействие на окружающее селение, способствуя ему в улучшении методов ведения хозяйства, в улучшении пород, разного рода агрикультурными мероприятиями и пр.

«Теоретически мыслима организация в непосредственной близости к базовой фабрике системы свиноводческих коллективов, производящих кожное сырье...», однако индустриализация свиноводческого хозяйства до уровня фабричного производства не может быть непосредственной задачей ближайших лет. В перспективный отрезок времени такая напряженность темпов индустриализации была бы нерентабельна»¹.

Итак строительство колхозов должно быть подчинено по мнению Земплана высшему критерию — рентабельности. Исходя из молчаливой предпосылки о преимуществе индивидуального крестьянского хозяйства по сравнению с коллективным, Земплан спешит обвинить план коллективизации лишь «теоретически мыслимым», но практически «нерентабельным».

Это идет из того же вредительского лагеря буржуазных профессоров-«консультантов».

Наконец последний метод индустриализации на основе рыночного комплекса мероприятий сводится к «правильной политике цен, кооперированию сбытоснабженческих операций и т. п. мер, обуславливающих бесперебойную работу этих установок, связанных с с.х. территорией в той же степени, как и с подземными железногорными путями». Сюда относятся холодильное дело, элеваторное, мельничное и т. п.

Программа индустриализации

Перспективный план индустриализации сельского хозяйства строится на основе первых двух методов, а третий включается в общий план строительства торговли.

¹ стр. 11-12. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства ч. 3.

Разберем конкретную программу индустриализации сельского хозяйства, построенную на основе отмеченных установок.

Всего за пятилетие вкладывается в с.х. индустрию 406,380 тыс. руб., что составляет 6,3% от общего плана мероприятий по сельскому хозяйству. Цифра все же более, чем скромная. Особенно если ее сравнить с другими «статьями» финансирования. «Расселение», переселение в план от проектировок предыдущих пятилеток, получает 6,2%, переселение — 7,0%. Между тем по целому ряду отраслей при назначении темпов индустриализации пятилетка сознательно отказывается от столь ценного, так расхваленного ею же «займучего комплекса», ссылаясь на недостаток материальных возможностей. Сохранение прежних позиций в общем подходе к развитию сельского хозяйства сказывается здесь весьма сильно.

Привлеченные средства населения, идущие на дело индустриализации сельского хозяйства, составляют всего 11,8% в общей сумме вложений. Здесь сказывается недооценка роли бедняцко-середняцких масс деревни в проведении мероприятий по реконструкции сельского хозяйства. Темпы индустриализации и размер вложений в отдельные отрасли определяются на основе наличия в данной местности соответствующих благоприятных условий — сырья, товарности и др.

На первое место в индустриализации животноводства становится молочное скотоводство, за ним свиноводство и мясное скотоводство. Причем в районах механизированных маслозаводов проводится «замкнутый комплекс». Последние три отрасли индустриализируются по «широкому комплексу».

Львиная доля затрат идет на молочное дело, потому что эта отрасль, «исравнимая ни с какой другой отраслью, эффективность затрат на молочное дело является одной из причин, побуждающих НКЗем выдвинуть эту отрасль как по масштабу работ, так и по размеру затрат на первое место». Действительно такую «пропорциональную закономерность затрат» в зависимости от их эффективности мы имеем налицо. Приведем для наглядности итоги этих затрат по основным объектам индустриализации на основании материалов плана в их последовательности, (см. стр. 38 Материалов перспективного плана, ч. 3).

О т р а с л и	Размер капитальных вложений на 5-летие в тыс. руб.	На 1 руб. затрат повышение дохода, или коэффициент эффективности в руб. и коп.
Молочное дело	110,850	2-46
Птицеводство	33,200	2-28
Львоводство	50,000	2-15
Свиноводство	26,400	1-95
Скотоводство и оленеводство	23,700	1-80
Карговецкое	26,800	1-40
Маслобояльное дело	14,000	0-73
Маслозаводы	17,500	

Вперед всех молочное дело. Общая продукция маслозаводов со 127,5 млн. руб. в 1927 г. должна увеличиться к концу пятилетки до 400 млн. руб., или до 266 тыс. тонн масла.

Весьма важно распределение масло-сырьевых заводов по районам. На сколько индустриализация сельского хозяйства в пятилетнем плане делает сдвиг в сторону вовлечения новых районов маслоседелания и способствует специализации районов?

Р а й о н ы	Общая мощность индустриальных предприятий в 1927 г.	Общая сумма затрат в пятилетке		Общая проектируемая мощность заводов в 1932 г.	
		Тыс. руб.	Процент	Тыс. масса	Процент
Северо-восточный	8,2	4,140	3,7	102,5	3,8
Ленинградская обл.	4,2	8,925	8,1	177,2	6,5
Западный	2,7	4,103	3,7	91,0	3,4
ЦПО	10,0	11,400	10,3	331,8	13,2
Вятский	2,2	4,750	4,3	50,1	3,6
Урал	10,8	12,500	11,3	280,4	10,5
ПЧО	0,2	11,220	10,1	235,6	8,8
Средневожский	0,1	9,650	8,7	197,7	7,4
Нижегородский	1,0	4,380	3,9	90,2	3,4
Сев. Кавказ	1,3	9,800	8,8	188,6	7,1
Сибирь	59,1	27,610	24,9	814,5	30,6
ДВК	0,2	2,300	2,2	45,9	1,7
Всего РСФСР	100,0	110,800	100,0	2,665,5	100,0

Сдвиг есть. Обращено известное внимание на новые районы, но разумеется ни наша потребность в маслопродуктах, ни специализация районов намеченной программой не разрешается. Особенно это четко сказывается в отношении так называемой «потребляющей полосы». Тут увеличение крайне незначительно.

На это особенно необходимо обратить внимание сейчас. XVI партсезд дал определенную директиву: «на основе развития совхозов и колхозов в ближайшие же годы развернуть сельское хозяйство потребляющей полосы, превратить ее в важнейший молочно-огородно-свинопопеческий и льняной район» (из резолюции XVI партсезда).

Каковы общие выводы? По сравнению с предыдущими пятилетками последние пятилетка Наркомзема делает некоторый шаг вперед. Есть тенденция преодолеть существующую практику — в индустриализации сельского хозяйства идти «следом за товарностью». Однако пути индустриализации, перестройки деревни на социалистический лад четко не намечены. Если в плане имеются известные элементы технической реконструкции, то ее обратная сторона — социально-экономическая реконструкция — чрезвычайно запутана «займучими» и «широкими комплексами». Основной порок и этой пятилетки в том, что проблема коллективизации подменяется надуманными «комплексными», затухающими к тому же пути перестройки низших форм колхозов в более высокие.

Удельный вес индустриализации с. х. в пятилетке Госплана

Перейдем от Наркомзема к Госплану.

Работы над выработкой пятилетнего плана индустриализации сельского хозяйства в общих ведомостях велись одновременно. И бесспорно, основные идеи методов планирования индустриализации сел. хоз. нашли свое отражение и в последней пятилетке Госплана.

В общем плане финансирования сельского хозяйства (по оптимальному варианту) мы находим графу под рубрикой «индустриализация сельского хозяйства», на что предназначено 786 млн. руб. (причем на РСФСР падает 530 млн. руб.). По плану Наркомзема намечено

было 406,360 тыс. руб. В ряде мероприятий по сельскому хозяйству «индустриализация» идет на четвертом месте. Впереди нее с.-х. машины и тракторы — 2,566 млн. руб., животноводство — 943 млн., минеральные удобрения и известкование — 794 млн. и затем — индустриализация. И уже следом за ней расселение — 493 млн. руб. До сих пор мы имели во всех пятилетках «равноправие» расселения и индустриализации или значительный перевес первого. Здесь перевес за «индустриализацией». Однако и в пятилетке Госплана налицо несоответствие важнейшего рычага перестройки деревни на социалистический лад при помощи индустриальных предприятий (с.-х. индустрии). Крупные суммы финансирования расселения — мероприятия «мало рентабельного», а с точки зрения социалистического строительства подчас вредного, ослабляет важнейший участок фронта — индустриализация сельского хозяйства.

Эффективность капиталоложений Госпланом намечена несколько большая, чем Наркомзем. По животноводству у НКЗема запроектировано 2,56, у Госплана — 2,92. По растениеводству — 2,11 и 2,81. Общая — 2,36 и 2,88. Соответственно больше и размер выпускаемой продукции от с.-х. индустрии.

В основном же проектировки Госплана совпадают с наркомземовскими. Распределение средств по отдельным отраслям с.-х. индустрии и по районам в обоих планах мало чем разнятся.

Основными чертами плана индустриализации сельского хозяйства являются «охват новых отраслей и проникновение индустрии в новые районы». План делает упор на «укрупнение индустриальных сельскохозяйственных предприятий и охват при их посредстве больших сельскохозяйственных территорий». Причем «высшей формой индустриализации сельского хозяйства являются электропромышленные сельскохозяйственные комбинаты, и естественно, что они должны быть центром внимания в пятилетнем плане реконструкции сельскохозяйственного производства».

Во всех разработанных нами перспективных планах, а также и контрольных цифрах удельный вес индустриализации в системе мероприятий по сельскому хозяйству весьма небольшой. Он составляет всего 6-7%, а в некоторых случаях и того меньше. Разумеется это не есть индустриализация сельскохозяйственного производства, поднимающая его на уровень «крупной земледельческой индустрии» в духе Маркса-Ленина с «системой машины» на подобие промышленной индустрии. Это есть лишь часть целого и притом небольшая, строго очерченная рамками «сельскохозяйственной индустрии», а значит переработкой сельскохозяйственного сырья. Затусовать подлинный смысл социалистической индустриализации сельского хозяйства, ограничить его этикой «узкими рамками» переработки — было одной из немаловажных задач вредительства. Весь процесс индустриализации сельского хозяйства они пытались представить как постепенное, систематическое «выделение» из сельскохозяйственного производства отдельных его ветвей, занятых сферой переработки. Причем между «отрывающимися» отраслями и сельским хозяйством должны были устанавливаться известные отношения на основе рыночных связей.

До недавнего времени планированием «индустриализации сельского хозяйства» занималось до 40 отдельных организаций и учреждений, между собою мало связанных и почти не связанных. В результате этого получалась действительно неразбериха, садируемая и тому же достоящим в свое время руководством в этой части (вредитель Вишневицкий) со стороны сель.-хоз. секции Госплана Союза. Неудивительно поэтому, что «в одной точке» в 1929 г. строили механизированные заводы по переработке льна и Львовско-Сосновские и Лино-

центр. А отстроенные 12 птично-личных холодильных комбинатов (по докладу Госплана на конференции по индустриализации сельского хозяйства, февраль 1929 г.) стояли без работы «из-за отсутствия оборудования», или полученные средства «на индустриализацию» скажем плодородной промышленности расходовались ею «по усмотрению» на другие надобности. Случалось и так, что когда скажем знаменитый Плодовинский узнавал, что ему отуступается 1,5 млн. руб. на индустриализацию, то в составе всего правления по главе с председателем приходил в Госплан просить 300 — 400 тыс. руб. для того, чтобы закупить свежий виноград, положить его в Дербенский холодильный и затем продать в Швецию, весьма «резонно» аргументируя: «это будет выгодней и надежней». Повсюду образец понимания задач индустриализации сельского хозяйства.

Система работы по индустриализации сельского хозяйства внутри Госплана Союза до самого последнего времени отражала организационную неразбериху за его пределами. Одну часть с.-х. индустрии планировала сельскохозяйственная секция, другую — секция обмена и распределения, третью — промышленная секция, четвертую — кооперативная, пятую, шестую и т. д. — отдельные районные секции.

В 1929 г. попытались это дело «обединить». Для согласования планов внутри Госплана из представителей секций было создано «межсекционное бюро» по индустриализации сельского хозяйства. В самих же секциях работа по составлению планов индустриализации продолжалась «прежним порядком». Во главе бюро встал вредитель Вишневицкий. Понятно к чему этот надстроечный убулдок мог привести. Вишневицкий «согласовывал» план с «нужными» лицами ведомств и секций Госплана, а если бы и не согласовывал, то «самоте», игравший на руку вредительству, при такой системе планирования был обеспечен. К тому же «как на зло» секционные и ведомственные планы «попадали» в «бюро» в последнюю минуту перед сдачей материала в монтаж. Неудивительно поэтому, что сидевшие рядом с Вишневицким честные работники специалисты и даже коммунисты не были в состоянии как следует по существу разобраться во всем том, что к ним «стекалось».

Конкретное вредительство в индустриализации сельского хозяйства выразилось также в задержке изготовления у себя импортного оборудования, вроде сепараторов для механизированных молочных заводов, и изготовления того, что не нужно. Сюда же относится и отсутствие увязки планов строительства с.-х. индустрии на основе единой энергетической базы в данном конкретном районе.

План 1931 года и необходимые выводы

Можно смело сказать, что единого, строго продуманного плана строительства сельскохозяйственных индустриальных предприятий, который бы являлся мощным рычагом в специализации районов Союза, и в 1931 г. нет. Составление плана протекло в условиях хотя и раскрытого вредительства, но когда планирование, в особенности в данном вопросе, не перестроилось еще на новый лад. Параллелизм в работе ведомств, а также и секций Госплана по вопросам индустриализации сельского хозяйства не имеют, увязки планов нет. Районный разрез плана отсутствует. Ответить на вопрос — где, сколько и как должно быть построено на основе плана на 1931 г. невозможно.

Общая линия плана — в основном на мелкое и отчасти среднее строительство. «Нетранспортабельность» отдельных видов продуктов, в особенности молочных, все еще довлеет над составителями плана индустриальных с.-х. предприятий.

«У наших специалистов есть ограниченность. Они ограничиваются опытом Дании и не видят размеров нашей страны, размеров крупных хозяйств. Говорят, что маслоделие не терпит заводов с производительностью свыше 100 тонн в год масла. Мы добиваемся крупного маслоделия на базе колхозного и совхозного сырья. В настоящее время мы получаем возможность создания действительной индустрии маслоделия, какой у нас никогда не было и не могло быть без колхозов и совхозов. Надо начать строительство крупных заводов маслоделия на новой совхозно-колхозной сырьевой базе» (из выступления т. Микояна в конце марта 1931 г. на совещании управляющих конторами Союзмолока).

В 1931 г. должно быть не менее 50% коллективизированных крестьянских хозяйств, что известно было и к моменту выработки контрольных цифр. К выполнению этого большинства задания мы уже подходим. База для строительства всех видов с.-х. индустрии расширяется, между тем план 1931 г. проектирует снижение вложений в молочную промышленность по сравнению с прошлым годом. Это мотивируется «происшедшими изменениями в молочном хозяйстве, вызывавшими значительные перемещения и неустойчивость сырьевой базы». Строительство спроектировано по преимуществу мелкое.

План уделяет значительное внимание мясной-птичной и плодородной промышленности, что разумеется совершенно правильно. Но как здесь, так и в других разделах, когда скоро доходит очередь до колхозов (в отличие от совхозов), вновь проектируются для них предприятия мелких размеров. Все на основе той же «малотранспортности», и вдобавок якобы — «строительство в колхозах еще не началось более или менее установившихся организационных форм и нахождение их должно быть поставлено в порядок для ближайшего будущего».

В практике сегодняшнего дня мы имеем недооценку роли и значения вновь строящихся индустриальных сельскохозяйственных предприятий со стороны отдельных организаций как мощных рычагов в перестройке деревни на социалистический лад. Опубликованное в «Правде» от 8 апреля 1931 г. решение Комиссии исполнения при СНК СССР говорит о том, что преемник Главленкома «допустил грубую ошибку при осуществлении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о строительстве новых 489 заводов по первичной переработке льна и конопли, значительно облегчающих труд и поднимających производительность труда колхозников и единоличников и тем самым способствующих расширению посевных площадей».

Вместо того, чтобы согласно этому постановлению широко использовать для проведения контрактации льна и конопли строительство нескольких сот новых заводов, Главленком в типовом договоре по контрактации и в своей инструкции фактически обошел вопрос о возложенном на него обязательстве во-время закончить строительство новых заводов, в чем выразилось непонимание Главленкомом огромного значения строительства этих заводов для всего развешивающегося теперь льноводческого и коноплеводческого хозяйства.

Сейчас на очереди выработка новой пятилетки. Тов. Куйбисhev в своем выступлении на конференции по планированию научно-исследовательской работы дал ответ на вопрос: чем должен быть этот новый второй пятилетний план? «Он должен быть планом окончательной победы социалистических элементов в деревне, разрешения в основном проблемы уничтожения противоположности между городом и деревней и серьезного сдвига в разрешении про-

блем уничтожения разницы между физическим и умственным трудом».

Разумеется без соответствующей технической основы «разрешение в основном проблемы уничтожения противоположности между городом и деревней» не мыслимо. Отсюда вопросы индустриализации сельского хозяйства на основе индустриализации всей страны приобретают бесспорно решающее значение и место в новом пятилетнем плане, по крайней мере в отношении сельского хозяйства.

Несомненно, что Госплан в результате происходящей сейчас коренной реорганизации обратит должное внимание на это дело. Но необходимо решительно порвать с наследием прошлого, разоблачив до конца вредительство, отрешившись от предрассудков «малой» и т. п. «транспортности» и на основе марксистско-ленинской теории и изучения практики совхозно-колхозного строительства, разработать сложнейшие комплексные проблемы индустриализации сельского хозяйства с достаточно научным обоснованием плана во всех его частях.

Тропизм и правооппортунизм в вопросах индустриализации сельского хозяйства

Не случайно совпадение взглядов тропизма и правооппортунизма на пути индустриализации сельского хозяйства с идеологией вредительства. Тропкий в своей книге «К социализму или капитализму» ограничивает индустриализацию сельского хозяйства сферой переработки. И это вполне совпадает с его основными взглядами на деревню, подтвержденными в самое последнее время: «социалистическую перестройку крестьянского хозяйства (вещает мистер) мы мыслим не иначе, как в перспективе десятилетий»¹.

Тов. Бухарин в своей книге «Путь к социализму и рабоче-крестьянский блок» индустриализацию сельского хозяйства также сводит к сфере переработки. И это вполне является с установкой на «развиживание» капиталистических слоев деревни и совпадает с установками Кондратьева на капиталистический путь развития.

На наших глазах начинает сейчас проводиться подлинная социалистическая индустриализация сельского хозяйства на основе сплошной коллективизации и бурного роста гигантских совхозного строительства, которые по своим размерам во много раз превосходят имеющиеся сейчас «образцы» самых крупных капиталистических хозяйств. Использование техники в наших совхозах, например трактора, благодаря иным социальным условиям идет уже сейчас в 4—6 раз большую эффективность, чем на полях капиталистических фермеров. Под колхозами подвигается новая база «самой передовой в мире сельскохозяйственной техники» во главе с машинно-тракторными станциями. Под руководством пролетариата происходит процесс соединения добычи сырья и его переработки на совершенно новых началах — в технических и социальных (МТС, агро-индустриальные комбинаты и т. д.). Тем самым подготовляется база для перехода низших форм артельного труда в высшие — предприятия последовательно социалистического типа.

Новая техника и по новому организованному труд явятся новой производительной силой. На основе этого нового «высшего синтеза» будет раз навсегда уничтожена исторически сложившаяся противоположность между городом и деревней.

¹ Цитата по докладу т. Яковлева, стр. 23.

Вредительство в планировании совхозов

Ленинская коммунистическая партия, проводя свою работу в борьбе на два фронта — как с контрреволюционным троцкизмом, так и с правым оппортунизмом как главной опасностью на данном этапе, с примиренчеством к уклонам и беспринципным право-«левыми» группировкам Сырцова—Ломинцаде, — обеспечила гигантские успехи в построении социалистического общества в нашей стране. Мы вступили в полосу развернутого социалистического наступления по всему фронту; мы уже к XVI партийному съезду решим окончательно и бесповоротно «кто кого» в промышленности; мы в 1931 г., третьем году пятилетки, достроим фундамент социалистического хозяйства и в основном решаем «кто кого» в сельском хозяйстве. Социализм победил в городе, социализм при руководящей роли городского пролетариата на основе большевистских темпов индустриализации окончательно побеждает в деревне. К социалистической промышленности в городе, являющейся «единственной материальной основой социализма» (Ленин), присоединяется социалистическое сельское хозяйство и индустрия совхозов и колхозов. Непрерывно растет число районов сплошной коллективизации. В ожесточеннейшей классовой борьбе ликвидируется как класс деревенское кулачество на базе сплошной коллективизации. Рухнули надежды идеологов буржуазии и мелкой буржуазии на реставрацию капитализма руками мелких сельских собственников. Миллионы вчерашних мелких разрозненных собственников, объединенные в колхозы, помогают пролетариату построить социализм в нашей стране. Наши успехи в области совхозов и колхозов снова и снова подтверждают одно из основных принципиальных положений марксизма о преимуществах и победе крупного хозяйства не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Вопреки мелкобуржуазным теориям на Западе, вопреки русским народникам и неонародникам, считавшим, что в сельском хозяйстве крупное хозяйство равнозначуще с мелким и даже вытесняется мелким хозяйством, мы имеем исторического значения демонстрацию преимуществ, превосходства крупного хозяйства перед мелким. Это теперь прекрасно понял сам мелкий крестьянин.

Огромнейшие задачи в деле передачи крестьянского хозяйства на социалистический лад, в деле укрупнения сельского хозяйства возлагаются на советские хозяйства, последовательно социалистического типа предприятия в деревне. Об этом прямо говорится в программе нашей партии. Особенно ясное и четкое выражение это получило в постановлении ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию».

«Для окончательного уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, — говорится в этом решении, — для организации сельского хозяйства на основах социализ-

ма с применением всех завоеваний науки и техники, воспитания трудящихся масс в духе социализма, а также объединения пролетариата и деревенской бедноты в их борьбе с капиталом — необходим переход от единоличных форм землепользования к товарищеским. Крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования являются наилучшими средствами для достижения этой цели. Поэтому на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на преходящие и отживающиеся».

Советским хозяйствам в деревне принадлежит роль ведущей силы («стаиного хребта»), организатора передачи мелкого разрозненного крестьянства и объединения его в крупное социалистическое; советские хозяйства должны явиться агрикультурным и культурным рассадником, образцом полного и лучшего использования земли, повышения урожайности колхозных и крестьянских полей, увеличения продуктивности колхозного и крестьянского скота. При этом развитие наших советских хозяйств направлено не на поддержание мелких крестьянских хозяйств, не на их вытеснение, а на помощь им, на перекладывание их развития по кооперативному пути (колхозы). Об этом прямо говорится в решении XVI партконференции.

«Крупное общественное хозяйство не противопоставляется индивидуальным беднякам и середнякам хозяйствам как враждебная им сила, а смыкается с ними как источник помощи им, как пример преимуществ крупного хозяйства, как организатора содействия им в деле постепенного объединения их в крупное хозяйство»¹.

Роль и значение совхозов в коллективизации особенно подчеркивается только что закончившимся VI съездом советов. Съезд отмечает, что на основе растущей социалистической индустрии только одновременное развитие совхозов и колхозов обеспечивает завершение в основном коллективизации к концу настоящего 5-летия. Одновременно съезд отмечает огромное различие между совхозами и колхозами на данной стадии развития».

Совхозы являются последовательно социалистического типа предприятиями как любой государственный завод, как любая государственная фабрика.

Колхозы — добровольные коллективные объединения крестьян, объединяющих средства производства на земле принадлежащей государству.

«Поэтому всякого рода попытки отождествлять совхозы и колхозы, создавать скороспелые совхозно-колхозные комбинации, а тем более подчинять колхозы совхозам съезд рассматривает как грубейшее нарушение в политике советской власти» (из резолюции съезда, «Правда» от 18/III 1931 г.).

Совхозы не подчиняют себе колхозы, а совхозы оказывают всевозможнейшую помощь колхозам, помогают укреплению колхозов, способствуют перестроению низших форм колхозов в высшие.

Такова роль совхозов в передаче крестьянского хозяйства по пути к социализму. Она получила ясное и четкое выражение как в ленинском кооперативном плане, так и во всех последующих решениях партийных и советских органов.

В вопросе строительства совхозов и их воздействия на окружающее крестьянство не обошлось без правого оппортунизма и троцкизма. Троцкистская и сапроновская организация отрицали роль колхозов как основной формы передачи миллионов мелких крестьян. Они

¹ Стенографический отчет, стр. 301.

считали неизбежным пролетаризацию нашей деревни. Правые отрицали роль совхозов и колхозов в переделье мелкого хозяйства. Их ставка — на развитие индивидуального крестьянского хозяйства, на кооперирование обращения, на возможность через обращение «мирно-спокойного, свободновеселого прапастия старого свиства в социалистическое общество» (Энгельс).

Ставку на противопоставление развития совхозов индивидуальному крестьянскому хозяйству, ставку на пролетаризацию крестьянства мы находим в троцкистской и сапроновской платформах. Противопоставление развития совхозов колхозному строительству мы находим и у Ларина. «Будущее принадлежит, — говорит он в одной из своих работ — очевидно не этой форме (коммуне — В. Б.), а крупным государственным сельскохозяйственным хозяйствам, ведущим насимым трудом, как все государственные фабрики и заводы. Только они, а не коммуны, явятся носителями социализма в деревне и создадут мир в сельском обывательском болоте»¹.

Носителями социализма в деревне Ларин считает только совхозы. Колхозы по его мнению — это обычное объединение частных хозяйчиков, от которых социализм и не пахнет. Между тем всем прекрасно известно, что совхозам принадлежит только ведущая роль в переделье крестьянского хозяйства. Основной же формой переделья являются колхозы, предприятия социалистического типа в деревне. То, что Ларин говорил о колхозах в 1918 г. и последующих годах, он снова повторил на съезде аграрников-марксистов в декабре 1929 г., т. е. тогда, когда мы имеем уже целый ряд районов сплошной коллективизации; когда мы перешли на этой основе к ликвидации кулачества как класса; когда мы имели решающий, имеющий историческое значение поворот крестьянства в сторону коллективизации. Ясно, что точка зрения Ларина, позиция троцкистской и сапроновской платформ ничего общего не имеет с политикой партии в деревне, она в корне противоречит основным принципам марксистско-ленинизма.

«Получив в свои руки государственную власть, — писал Энгельс, — мы и думать не можем о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян». «Наша задача по отношению к мелким крестьянам, — продолжает он, — состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перенести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели».

Партия приняла указание Энгельса к руководству, проводя его по всей своей работе по отношению к деревне. Партия доказала крестьянству путем примера, живого показа преимущества крупного хозяйства. Партия помогает ему превратить свою частную собственность в товарищескую, в коллективную собственность крупного предприятия.

«Задача здесь сводится, — говорит Ленин, — не к экспроприации, а к тому, чтобы учесть особые условия жизни крестьянства, к тому, чтобы учиться у крестьян переходу к лучшему строю и не сметь возмущать».

Троцкисты и сапроновская оппозиция подошли к крестьянству именно как командиры. Их ставка на пролетаризацию миллионов крестьян. Они не верили в возможность вовлечения в русло социалистического строительства через кооперацию основной массы крестьян-

ства, а следовательно, как отмечает XV партсъезд, не верили в возможность построения социалистического общества в нашей стране.

Не обобщая вопросов совхозного строительства и взаимоотношений между совхозами и колхозами и правые. Ставка правых на развитие индивидуального крестьянского хозяйства: они против строительства совхозов, они против форсированного развития колхозов. Деньги, отпущенные на развитие совхозов, они считают зря выброшенными деньгами. Возиться с совхозами по их мнению изнаниши и никому ненужная затея. Причем, если в области коллективизации правые сначала отрицали всякие успехи, а на ноябрьском пленуме (1929 г.) ЦК они выдвинули колхозное движение как ведущее начало в сельском хозяйстве, то к совхозам у них все время было отрицательное отношение.

Тов. Бухарин и другие правые оппортунисты вели упорную борьбу с развитием совхозов и колхозов в деревне. «Совхозы и колхозы, — говорили они, — дадут нужное количество хлеба через пять—десять лет, а нам нужно выкручиваться с хлебом теперь же».

На ноябрьском пленуме ЦК (1928 г.) т. Сталин подробнейшим образом разобрал точку зрения правых по этому вопросу. На возгласы правых «не вести расширения совхозов в ударном и сверхударном порядке» т. Сталин отвечает:

«Товарищ Фрумин не может не знать, что мы только начинаем вести серьезную работу по расширению старых совхозов и созданию новых». «Тов. Фрумин не может не знать, — продолжает т. Сталин, — что мы делаем на это дело гораздо меньше средств, чем следовало бы дать, если бы у нас имелись для этого какие-либо резервы». Тов. Сталин разбирает маневр правых, пытавшихся криками об ударных и сверхударных темпах развития совхозов смалать вопрос. Слова в ударном и сверхударном порядке приводятся для того, чтобы навести ужас на людей и прикрыть свое явное нежелание развивать совхозное строительство. «Тов. Фрумин, по сути дела, высказывается здесь, против усиления социалистического сектора в деревне по линии совхозов» (Сталин).

Мы разбирали позицию «левых» и правых оппортунистов. Как те, так и другие ревизуют ленинский кооперативный план, противопоставляя ему свои планы. Партия подвергла жесточайшей критике эти планы. Из разницы в планах правых и «левых» вытекает и различное их отношение к совхозам. Одни ориентируются на капиталистический путь нашей деревни при диктатуре пролетариата, поэтому они против колхозов. Все их надежды на советские хозяйства («хлебные фабрики»), через которые по их мнению весь многомиллионный крестьянский массив включится в социалистическое строительство. Троцкисты не поняли настоящей действительной роли советских хозяйств в переходный период. Непонят роль совхозов и правых. Кооперативный план Ленина они поняли не как план, захватывающий и переделывающий самые основы крестьянского производства, а как план, кооперирующий обращение и лишь через обращение приводящий все слои крестьянства к социализму. Поэтому и совхозное строительство не нашло места в бухаринском «кооперативном плане».

По-разному подходу к совхозному и колхозному строительству, правые оппортунисты и «левые» отрицают кооперативный план Ленина, отрицают ведущую роль, роль стигиногого крбета совхозов в этом кооперативном плане, отрицают как установил т. Сталин на XVI партийном съезде, возможность построения социализма в нашей стране. Это родин

¹ Цитирую по Канюкову «Коллективное земледелие», стр. 28.

и объединяет правых оппортунистов и контрреволюционных троцкистов.

Привоопортунистические и троцкистские извращения ленинского кооперативного плана и партийных решений, развивающих и дополняющих этот план, расчищали путь для прямого вредительства в планировании сельского хозяйства.

Проследим это на документах.

За весь период социалистического строительства в развитии совхозов можно проследить четыре периода (конечная весьма условно).

Первый период — с 28/X 1917 г., т. е. с момента опубликования решений II съезда советов о земле и до издания правительственных положений о социалистическом землеустройстве.

Второй период — с февраля 1919 г., т. е. с момента принятия положений «о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» и до июля.

Третий период — с начала новой экономической политики до 1926/27 г., т. е. примерно до конца восстановительного периода.

Четвертый период — с момента перехода к реконструктивному периоду и до наших дней.

По решению II съезда советов частная собственность на землю отменялась. Помещичья, купеческая, церковная, монастырская земля и земли перешли в распоряжение уездных и волостных земельных органов. В течение первого периода издается целый ряд решений советского правительства о создании крупных зерновых и животноводческих хозяйств в помещичьих усадьбах. Но организация совхозов шла медленно. Большинство земель подверглось «черному переделу» между крестьянами.

Постановление ВЦИК «о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14/II 1919 г. ставит вопрос определение и вносит некоторую организованность в создание совхозов.

Здесь мы имеем определенный набросок ленинского кооперативного плана, который в последующих статьях им был еще более развит и дополнен: Партия прямо ставила перед крестьянством вопрос о том, что построение социализма в нашей стране связано с обязательным обобществлением мелких крестьянских хозяйств. Поэтому на единственное хозяйство следует смотреть как на временное, отживающее явление. На смену ему должны прийти крупные советские хозяйства и производственные кооперативы (колхозы). Это единственный путь для уничтожения, это противоположности между городом и деревней, это единственный путь превращения мелкокрестьянского сельского хозяйства в социалистическое.

На совхозы было возложено устройство показательных участков мастерских, опытных станций, прокатных пунктов, племенных рассадников, курсов, выставок и т. д., вообще всего того, что способствовало бы повышению благосостояния крестьянского хозяйства, его кооперированию и коллективизации как высшей стадии кооперирования. Перед совхозами с самого начала была поставлена задача не отгораживаться от окружающего крестьянства китайской стеной, не противопоставлять себя крестьянству, а мерами помощи, советами, научной показательной организацией хозяйства, высоким урожаем, повышенным урожаем демонстрировать перед крестьянством преимущество крупного, технически вооруженного хозяйства над мелким расчлененным и способствовать его организации в крупные коллективные хозяйства.

К этому времени относится издание декрета о приписных совхозах. Этим достигались две цели: 1) помочь голодающему городу добывать продовольствие; 2) оказать воздействие революционного городского пролетариата на сельское хозяйство.

Массовое насаждение приписных «фабрик зерна» (а совхозы в то время выступали исключительно как фабрики зерна) несомненно оказало громадную услугу в снабжении голодающего пролетариата продовольствием. Каждое предприятие, каждое учреждение добывало создания своей «фабрики зерна» в деревне. Поэтому нет ничего удивительного в том, что большинство возникших совхозов в первые годы советской власти было приписными предприятиями. Весьма популярной стала идея, что только такие приписные совхозы дадут городскому промышленному населению в изобилии сельскохозяйственные продукты. Каждое предприятие старалось побольше захватить этих «даров», побольше создать приписных к своему предприятию совхозов. Причем эта погоня за приписными совхозами была не только в годы военного коммунизма, но и в первые годы новой экономической политики.

Приведенная ниже таблица из материалов Госплана весьма красочно характеризует распределение совхозов РСФСР (без автономных республик) между земельными органами и другими держателями с 1918/19 г. по 1924/25 г. (см. табл. стр. 196).

Начиная с 1918/19 г. до 1921/22 г. мы имеем непрерывный рост как общего количества совхозов, так и занимаемой ими земельной площади, и лишь с 1922/23 г. наблюдается снижение и того и другого. Особенно бурный рост, до самого последнего года (когда наблюдается снижение по всем совхозам), мы имеем по приписным совхозам, значительно превышающий прирост совхозов, принадлежащих земорганам.

Нужно сказать, что образцовая постановка работы совхозов в годы военного коммунизма была довольно сложным делом. Город в городе требовал максимальной выжимки продовольствия из совхозов. А между тем переживание к совхозам помещичьих хозяйств требовало больших вложений в средства производства. Как обычное явление в эти годы мы имеем перегруженность совхозов некавалифицированной рабочей силой, низкую заработную плату, низкую производительность труда и высокую себестоимость совхозной продукции. Все это осложняло работу совхозов и затрудняло выполнение возложенных на них партий и правительством задач.

С переходом к новой экономической политике партия и советская власть своей ставкой на совхозы не сняли. Директива правительства, выраженная в резолюции Всероссийского земельного съезда (2—8 декабря 1921 г.), направлена на то, чтобы не разменивать, а «сохранять и укреплять крупные государственные и обществественные хозяйства как источник снижения крестьянского хозяйства улучшенными производственными материалами (семена, племенной скот и пр.) и как образцы ведения крупного обществественного хозяйства в технически совершенной форме». Но новая экономическая политика потребовала перестройки всей работы совхозов. Так работать, как работали совхозы при военном коммунизме, было нельзя. Нужны новые формы работы, нужно коренное изменение методов управления хозяйством. Кроме того совхозы считались с государственным бюджетом и переносились на хозяйственный расчет. Им значительно сокращается кредит.

В это время мы имеем бурный процесс восстановления крестьянского хозяйства. Вопрос о продовольствии в городе не имеет уже

В чем величина изменяется совхозы	Показатели	1918/19 г.					1920/21 г.					1921/22 г.					1922/23 г.					1923/24 г.					1924/25 г.				
		Количество	То же в % к 1918/19 г.	Площадь в га	То же в % к 1918/19 г.	Количество	То же в % к 1918/19 г.	Площадь в га	То же в % к 1918/19 г.	Количество	То же в % к 1918/19 г.	Площадь в га	То же в % к 1918/19 г.	Количество	То же в % к 1918/19 г.	Площадь в га	То же в % к 1918/19 г.	Количество	То же в % к 1918/19 г.	Площадь в га	То же в % к 1918/19 г.	Количество	То же в % к 1918/19 г.	Площадь в га	То же в % к 1918/19 г.	Количество	То же в % к 1918/19 г.	Площадь в га	То же в % к 1918/19 г.	Количество	То же в % к 1918/19 г.
Совхозы, владеющие земельными участками и лесными наделами	Количество	2,043		3,076		2,043		3,076		2,043		3,076		2,043		3,076		2,043		3,076		2,043		3,076		2,043		3,076		2,043	
	То же в % к 1918/19 г.	100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100	
Совхозы, владеющие земельными участками и лесными наделами	Площадь в га	865,714		1,638,567		865,714		1,638,567		865,714		1,638,567		865,714		1,638,567		865,714		1,638,567		865,714		1,638,567		865,714		1,638,567		865,714	
	То же в % к 1918/19 г.	100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100	
Совхозы, владеющие земельными участками и лесными наделами	Количество	1,058		912		1,058		912		1,058		912		1,058		912		1,058		912		1,058		912		1,058		912		1,058	
	То же в % к 1918/19 г.	100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100	
Совхозы, владеющие земельными участками и лесными наделами	Площадь в га	1,652,500		992,500		1,652,500		992,500		1,652,500		992,500		1,652,500		992,500		1,652,500		992,500		1,652,500		992,500		1,652,500		992,500		1,652,500	
	То же в % к 1918/19 г.	100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100	
Итого	Количество	3,101		3,984		3,101		3,984		3,101		3,984		3,101		3,984		3,101		3,984		3,101		3,984		3,101		3,984		3,101	
	То же в % к 1918/19 г.	100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100	
Итого	Площадь в га	1,918,214		2,631,067		1,918,214		2,631,067		1,918,214		2,631,067		1,918,214		2,631,067		1,918,214		2,631,067		1,918,214		2,631,067		1,918,214		2,631,067		1,918,214	
	То же в % к 1918/19 г.	100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100		100	

той остроты, которая наблюдалась при военном коммунизме. Иметь свой совхоз в деревне для предприятий и учреждений становится целесообразным. Обнаружилась явная тенденция к ликвидации приписных совхозов. Если в 1919 и даже в 1923 гг. каждое предприятие и учреждение стремилось по возможности захватить совхозов, то теперь на перебой стали отсылать от них. Этому значительно способствовало то, что совхозы, плохо обеспеченные средствами производства, при частой безвозмездной помощи государству (в 1921/22 годоводный год от совхозов было взято безвозмездно несколько миллионов пудов хлеба), на хозрасчет перестраивались медленно и многие из них давали убыток.

Часть совхозов была ликвидирована, земля распределена между крестьянами. Другая часть совхозов мало-помалу стала переходить к земельным органам, т. е. к своим настоящим владельцам.

Не все благополучно обстояло и с трестированными совхозами. Большое количество владельцев, частый переход из рук в руки не мог способствовать укреплению совхозов.

По материалам Земплана РСФСР (без автономных республик) на 1 января 1928 г. земля совхозов распределялась между держателями следующим образом:

Организация	Площадь в тыс. га	%
1. Госсельтресты	835	31,3
2. Сажтрест	324	12,1
3. Оазисы	750	21,3
4. Восток	11	0,4
5. Наркомзем	221	8,3
6. Земорганы	157	5,9
7. Наркомвнудел	45	1,7
8. Наркомпрос	77	2,9
9. Восток	66	2,5
10. Прок. госуд. учреждения	115	4,3
11. Комиссия	54	2,0
12. С.-х. кооперация	107	4,0
13. Колхозы (артели)	23	0,9
14. Крестьяне	9	0,3
15. Частные лица	41	1,5
16. Не эксплуатировались	16	0,6
Всего	2,671	100,0

Совхозы были разделены между десятками крупных и сотнями мелких держателей, руководство сверху было незначительным, у большинства совхозов не было организационных и финансовых планов. Совхозы госсельтрестов по размерам территории разбивались на такие группы: до 250 га — 29,2%; от 250 до 500 га — 35,8%; от 501 до 100 га — 19,2%; свыше 1000 га — 15,8%. Только 15,8% всех совхозов обладали территорией свыше 1000 га, остальные совхозы — это небольшие предприятия, не далеко ушедшие от крупного кулацкого хозяйства. В 1924, 1925, 1926 гг. шел непрерывный процесс укрупнения совхозов, перестройки их работы, постепенного освобождения от дефицитности, преобразования в крупные рентабельные хозяйства.

Прошло всего каких-либо три-четыре года, как наши советские хозяйства в деревне достигли таких размеров, которых не знает ни одна из капиталистических стран, включая и Соединенные Штаты С. А.

Средний размер совхозов Земтреста в 1929 г. равняется 40 тысячам га, в 1930 г. — 55,000 га, а в 1931 г. средний размер совхоза составил 80,000 га. А такие массивы, как «Гигант», Черепановский совхоз имеют площадь свыше 200 тыс. га каждый.

1927 г. учителю для совхозов в известной мере переданным.

В конце 1926 г. было принято от совхозов специальное решение ЦК партии, а 16 марта 1927 г. ЦИК и СНК СССР издают постановление, возлагающее на совхозы огромные задачи.

«Социалистическое строительство в сельском хозяйстве, — говорится в этом решении, — выдвигает наряду с проведением мероприятий по перестройке крестьянского хозяйства в качестве одной из важнейших задач необходимость дальнейшего укрепления и развития совхозов и установление их роли как последовательно социалистических предприятий в сельском хозяйстве. В соответствии с этим дальнейшее строительство совхозов должно идти по линии действительного преобразования их в крупные сельскохозяйственные индустриализованные предприятия, ведущие свое хозяйство на основе хозяйственного расчета и рентабельности».

Значительные достижения к этому времени в области индустриализации страны давали возможность партии больше внимания уделять насаждению социалистического сектора в сельском хозяйстве. Партия дала по рукам тех, кто ориентировался в реконструктивных период исключительно на индивидуальное крестьянское хозяйство, низкую роль совхозов и колхозов до второстепенного значения. На совхозы следует смотреть как на важнейший, исключительный фактор в деле разаренения хлебных, мясных и других затруднений, в деле передачи крестьянского хозяйства на социалистической основе. Решения партии и правительства требуют уделяния максимум внимания со стороны центральных и местных партийных, советских и общественных организаций — эти последовательно социалистического типа предприятия в деревне. С распыленностью, раздробленностью, убыточностью совхозов должно быть докончено. На основе хозяйственного расчета и хозяйственной рентабельности — совхозы должны стать крупными индустриализованными, прибыльными хозяйствами с высокой производительностью труда и низкой себестоимостью совхозовой продукции.

«Укрепляя и развивая свою техническую и производственную базу и повышая свою производительность, совхозы тем самым должны усиливать свое агиткультурное влияние на перестройку сельского хозяйства как путем производства семени, посевного и дачного материала, так и путем внедрения более высоких технических приемов обработки земли и содействия тракторами и сложными сельскохозяйственными машинами окружающему крестьянскому хозяйству. Усиление роли совхозов в обслуживании отдельных отраслей промышленности, в производстве сырья и в повышении их товарности необходимо проводить путем полного и рационального использования технических предприятий и совхозов, дальнейшего увеличения их удельного веса в развитии сельскохозяйственной промышленности (из решения ЦК).

Партия и советская власть поставили перед совхозами целый ряд конкретных задач.

1. Все хозяйство совхозов должно быть построено на прочной технической базе.

2. Повышая техническую вооруженность труда, совхозы должны значительно поднять производительность труда.

3. Гигантская задача возрости значимости совхозов как поставщиков сырья для промышленности, как фабрик зерна и мяса,

4. Через образцовую постановку работы, через обрабатывающую промышленность, путем оказания помощи крестьянству усилить воздействие совхозов на окружающее крестьянство в его переделе на социалистической основе.

Вот план работы совхозов. Этот план был значительно дополнен пленумом ЦК и специальными постановлениями ЦК.

Наконец XV партийный съезд, охарактеризованный т. Сталиным как съезд коллективизации, в своих директивах по составлению пятилетнего перспективного плана снова напоминает, что обязательство партийных и советских организаций является всемерное укрепление совхозов, «привратить их на деле в образцовые крупные хозяйства социалистического типа».

Такой пройденный путь совхозов на различных этапах социалистического строительства. Это — путь преобразования их из мелких распыленных, раздробленных предприятий, разбросанных среди безбрежного моря крестьянских хозяйств, в крупные социалистические предприятия, выполняющие роль стенового хребта в перестройке деревни.

Какие же отражение получали ленинский кооперативный план и директивные решения партийных и советских органов в перспективном плане Госплана и Наркомзема? Проследим, как органы, являвшиеся штабом социалистического планирования в нашей стране, заботились о насаждении социалистических форм хозяйства в деревне.

Покажем это на четырех документах: 1) пятилетний (1923/24 — 1928/29 гг.) перспективный план развития сельского хозяйства, под редакцией т. Теодоровича; 2) пятилетний (1926/27 — 1930/31 гг.) перспективный план, под редакцией т. Струмилина; 3) пятилетний (1928/29 — 1932/33 гг.) перспективный план Наркомзема, под редакцией т. Муравова; 4) пятилетний перспективный план развития народного хозяйства Госплана СССР (1928/29 — 1932/33 гг.).

Разработка и составление первой пятилетки Наркомзема принадлежит Кондратьеву и Огановскому. В той подстранице, которая посвящена во всем плане совхозам, достаточно ясно отражено, что ставка Кондратьева — Огановского была не на развитие совхозов и их укрепление, а на ликвидацию совхозов или во всяком случае на постепенное сокращение удельного веса этих «хлебных фабрик» среди раздробленного крестьянского хозяйства.

Все совхозы в пятилетний перспективе делятся на три группы: 1) совхозы, вполне обеспеченные инвентарем и постройками; 2) совхозы, инвентарем и постройками не обеспеченные, но каким-либо образом могущие себя обеспечить; 3) совхозы со слабым обеспечением инвентарем и не могущие себя обеспечить.

«Две первых группы совхозов, — читаем мы в перспективном плане на пять лет, — имеются в виду эксплуатировать в дальнейшем как совхозы, третью группу совхозов изоборот имеется в виду ликвидировать, их инвентарь использовать для усиления совхозов второй группы, а землю обратить в государственный земельный запасный фонд с последующим использованием его для прироста земли крестьянами или сдачи в аренду (ст. 63). Вот нам перспектива совхозов на пять лет! Вот директива и план действия местным земельным органам! В перспективной совхозам подстранице совсем не найти путей дальнейшего развития совхозов, не найти указания на их роль как поставщиков товарного зерна, мяса и сырья для промышленности, на их значение для окружающего крестьянства, для колхозов. Здесь

вся работа направлена на то, как совхозы ликвидировать и кому передать землю ликвидированных совхозов.

К останкам советским хозяйствам характерен чисто-торгашеский подход. Пригоден к эксплуатации — существуй, не пригоден — ликвидируем. И это конечно не является случайностью, наоборот это тесно связано со всей установкой кондратьевцев на развитие нашего сельского хозяйства. Их основная установка, высшее начало — развитие производительных сил сельского хозяйства по капиталистическому пути. Ставка кондратьевцев не на совхозы и колхозы, а на рыночное, капиталистическое развитие индивидуального крестьянского хозяйства, на всемерное развитие кулацких хозяйств.

Мало того, что социалистический сектор в деревне игнорировался, отодвигался на задний план, «забывался»... Для достижения своей цели, т. е. для быстрого насыщения кулацких хозяйств, кондратьевцы рассчитывали использовать остающиеся им советские хозяйства.

«Советские хозяйства», — говорится в кондратьевской пятилетке, — в главной своей массе строят свою работу в направлении агрикультурного воздействия на подем крестьянских хозяйств путем создания агрикультурных ценностей (племхозы, сортовые семена и т. д.), поступающих затем в крестьянские хозяйства» (стр. 65).

Здесь все обосновано, все рассчитано. Первейшей задачей контрреволюционных вредителей было побольше подвести совхозов под третью группу, т. е. добиваться ликвидации наибольшего количества совхозов. Придинок было бесконечное количество. Вредители щедро распределяли совхозовские земли между индивидуальными крестьянскими хозяйствами.

Но все же, несмотря на жесточайшую чистку совхозов со стороны вредителей, часть совхозов была настолько показательна, что ее нельзя было подвести под рубрику ликвидировавшихся совхозов. И вредители пытаются использовать их для своей цели, для насаждения кулацких хозяйств.

Известную роль в смысле возмущения в этой работе вредителей сыграла развивавшая в свое время целым рядом коммунистов (во главе с т. Галенкусом) так называемая теория «социальной рентабельности совхозов». Теория эта является плодом временной убогости наших совхозов. Вместо того, чтобы покопаться, поискать корни этой убогости, сразу берется под подозрение преимущество такого крупного предприятия в сельском хозяйстве, как совхозы.

По замыслу авторов этой теории производственные задачи будут выполняться индивидуальным крестьянским хозяйством, совхозам же принадлежит специальная задача: быть исключительно агрикультурными рассадниками. Таким образом по этой теории, если даже советские хозяйства экономически не выгодны, они все равно «социально рентабельны».

«Совхоз сам по себе», — пишет т. Галенкус, — может быть даже дефицитным, но в общей цепи народного хозяйства как активное звено строительства и часть единого целого государственного хозяйства он является социально рентабельным». Совхозы по Галенкусу могут приносить убыток, могут экономически быть побитыми индивидуальным крестьянским хозяйством, и все же государство от этого все равно выигрывает.

Никому в голову не придет оспаривать громадное значение, которое несут совхозы в передаче крестьянского хозяйства на социалистический лад. Но явной нелепостью является представление, что совхоз, плохо организованный, мелкий, убыточный, может служить ведущей силой, организатором и культурным рассад-

ником для окружающего населения. Если совхоз демонстрирует не то, как нужно вести хозяйство, а то, как не нужно вести хозяйство, т. е. если он плохо будет вооружен техникой, не выгоден экономически, он не будет иметь и социальной полезности. Не пойдет крестьянство за таким совхозом, а попробует добиться раздела его земли между собою. Только мощное крупное, вооруженное современной техникой, выгодное экономически предприятие последовательно социалистического типа может повести за собой крестьянство через объединение в коллективы. Только такие совхозы, говоря языком Галенкуса, могут быть социально полезными, социально рентабельными.

Неизвестно от субъективных намерений т. Галенкуса объективно эта теория вела не к укреплению совхозов, не к усилению этих последовательно социалистических предприятий в деревне, а к их ослаблению. Теория «социальной рентабельности», усиленно пропагандируемая плановыми и оперативными работниками Госплана, расхваливаемая руководящий аппарат совхозов, не мобилизовала его на самую важную и решительную перестройку всей работы совхозов на основах хозяйственного расчета и хозяйственной рентабельности, а создавала возможность целому ряду совхозов свою бездеятельность, бесхозяйственность и убогичность оправдывать «социальной полезностью» их с обще-государственной точки зрения.

Контрреволюционные вредители немедленно ухватились за эту правооппортунистическую «директиву» и пытались использовать ее, с одной стороны, для ликвидации «социально-полезных», но хозяйственно не оправдывающих себя совхозов, с другой, для использования помощи совхозов на развитие деревни по капиталистическому пути, для насаждения кулацких хозяйств.

Совхозам нужны кадры руководящих и технических работников. Совхозы распылены, раздроблены, разбросаны среди тысяч владельцев. Им нужны доллары оборотные средства, нужны средства производства, нужна постоянная квалифицированная рабочая сила. И совхозы имели все основания на помощь со стороны государства, на поддержку их со стороны Наркомзема. Однако в пятилетней перспективе «забыли» про совхозы, «забыли» про нужды совхозов, они просто ободлены мозгами. Единственно о чем вспомнили вредители — это о ликвидации совхозов.

Кулацкие агенты Наркомзема делали свое дело совершенно сознательно, а правые оппортунисты (Теодоричи и др.), пользуясь своим руководящим положением, расчищали дорогу их контрреволюционному творчеству.

Ставка вредителей — на всемерное развитие кулацких хозяйств. И эту кулацкую установку целиком разделяли правые оппортунисты.

Тов. Теодоричи например целиком поддерживает кондратьевцев, с такой лишь оговоркой: «что для нас рост этих хозяйств (кулацких — В. Б.) есть не цель, а средство, только средство и только потому, что они могут быть использованы как средство, мы их благославляем». Можно привести сколько угодно фактов, подтверждающих эту политику «благославения» кулацких хозяйств со стороны т. Теодорича. Причем в своих статьях он пытался подвести под это «благославение» теоретическую базу и опереться на авторитет т. Ленина. Исходным пунктом т. Теодорича является предпосылка, что производительные силы (под производительными силами т. Теодоричи понимает только технику) нашей страны не созрели до построения социалистического общества, что в Октябрьской революции мы имели изменение только производственных отношений, производительные же силы нам достались старыми. Здесь прежде всего игнорируется диалектическое со-

чтение производительных сил и производственных отношений. Допускается изменение производственных отношений при неизменных производительных силах. Это конечно не верно. Момент изменения производственных отношений (Октябрьская революция) есть момент революционного, коренного изменения производительных сил.

Поэтому наш т. Теодорович расценивает как завершение в сельском хозяйстве того, «чего не доделало капиталистическое развитие дореволюционной России». По т. Теодоровичу новая экономическая политика — «это строго продуманный план создания социалистической могучей индустрии на росте производительных сил сельского хозяйства, который идет на капиталистической основе». У т. Теодоровича развитие нашего народного хозяйства мыслится в роде «ящичков», о которых говорил т. Сталин на съезде аграрников-марксистов. Город (один «ящик») движется к социализму на базе могучей социалистической индустрии. Деревня (другой «ящик») развивает свои производительные силы на капиталистической основе. В далекой перспективе как первый, так и второй «ящик» приходит к социализму. Или то же самое, что и у Троцкого: деревенский фланг победен, но в целом социализм побеждает. Социалистический город, говорит т. Теодорович, сумеет капиталистическую деревню «направить в русло социалистического строительства».

«Борьба, говорит т. Теодорович, будет трудная, полная «зигзагов», «суступок», «маневров». И дальше. «Ведь не даром же учил Ленин: «если ты не сумеешь приспособиться, не расположен ползать на брюхе в грязи, тогда ты не революционер, а болтуны»¹.

Чего только не наговорено здесь! Прежде всего надо отметить, что указание на то, что социалистический город направит капиталистическую деревню на путь социалистического строительства, является не чем иным, как бухаринской теорией самотека. Проводя аналогию между развитием капиталистического хозяйства и развитием советского хозяйства, авторы теории самотека считают, что наша деревня стихийно, «самотеком» пойдет за социалистическим городом, так же как она стихийно идет за городом при капитализме. При капитализме развивалась капиталистическая индустрия и деревня шла стихийно за капиталистическим городом. У нас развивается социалистическая индустрия, значит деревня «самотеком» пойдет за социалистическим городом.

Эта теория окончательно разгромлена т. Сталиным. Для того, чтобы мелкокрестьянскую деревню передать на социалистический лад, чтобы деревня пошла за социалистическим городом, нужно строить в деревне крупные социалистические предприятия в виде совхозов и колхозов, нужно создавать социалистическую базу в деревне. Теория самотека не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом.

Явной клеветой на партию является толкование генеральной линии партии в отношении деревни как постоянных «зигзагов», «суступок», «маневров». При отеческом покровительстве т. Теодоровича в «зигзагах» обвиняет партию кулацкий профессор Кондратьев. «Не ведите зигзагообразной политики в деревне», — говорит он, — «ведите определенную политику, стройте дело на бедняке или от этого откажитесь и развяжите руки творческой фигуре деревни». О какой собственности зигзагообразной политике в деревне идет речь? Партия всегда, на всех этапах социалистического строительства проводила строго классовую политику в деревне. Партия веда и ведет строго классовую политику

по отношению к кулаку. С XI партийного съезда партия, проводя непрестанно жестокую политику ограничения и вытеснения кулацких элементов, перешла с XVI партсъезда к ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, при этом опираясь на новом этапе социалистического строительства не только на колхозника — прежнего батрака и бедняка, — но и на середняка, вступившего в колхоз, преиращающегося в действительную и прочную опору советской власти в деревне.

Только такие правые оппортунисты, как т. Теодорович, могут толковать политику партии как сплошное «приспособление», как сплошное «ползание на брюхе в грязи» перед капиталистическими элементами. Иначе, пугает т. Теодорович, ты не революционер, а болтуны. Это — примя дождь, клевета на Ленина. Свои «маневры» перед кулацкой агентурой, свои «суступки» и «зигзаги» по отношению к капиталистическим элементам переходного хозяйства, свое ползание на «брюхе в грязи» перед кулацкими профессорами, это низкое пресмыкание Теодорович не смеет выдавать за марксизм, за ленинизм, за политику партии.

Правооппортунистические установки руководителей Наркомзема в социалистической реконструкции сельского хозяйства расползали вредителей, развязали руки их контрреволюционным делам.

Высшим критерием, высшим правилом для Кондратьева, по его заявлению, является развитие производительных сил. Этим принципом, принятым быстрее роста производительных сил, по его утверждению, он руководствовался при перспективном планировании «тенденций сельского хозяйства».

Основной ставкой развития производительных сил СССР, — говорит Кондратьев, — должна быть ставка на создание двухстороннего индустриально-аграрного типа народного хозяйства. Но ставя ставку на развитие производительных сил, Кондратьев считал, что только капиталистическая основа создает необходимый простор для этого. Кооперирование деревни, насаждение совхозов и колхозов Кондратьев считал утопической идеей, попыткой государственной надстройки определить судьбы производительных сил. «Что вы не хотите по этому пути (капиталистическому — В. Б.) идти, я охотно верю, но пойдете ли вы или не пойдете — это вопрос другой и решается не нами, а за нас решается теми факторами, которые не зависят, не находятся в полном распоряжении человеческой воли» (Кондратьев).

Рост производительных сил по Кондратьеву независимо от воли государства направлен по пути капитализма и никакие воздействия со стороны «государственной надстройки» изменить его не могут. Причем, как ни странно, Кондратьев ссылается на Маркса. Кстати сказать, ссылка на классовый марксизм частенько применялась вредителями совершенно сознательно, чтобы сбить с толку недалеких коммунистов.

Немногом отличается от «кондратьевской» пятилетки так называемая «струмлинская» пятилетка, намечающая развитие совхозов на 1926/27—1930/31 гг. Если авторами пятилетки Наркомзема были Кондратьев и Огановский, то автором перспективного развития сельского хозяйства вообще и совхозов в частности в «струмлинской» пятилетке был коллега Кондратьева по вредительству Вишневский и тот же Огановский. Приведем намеченные капитальные вложения на пятилетие:

¹ «Путь сельского хозяйства» № 5 за 1929 г.

Источники	1926/27 г.	Итого за 5 лет	
		1926/27—1930/31 г.	
		в млн. руб.	
Бюджет	4,0	35	
Кредит	4,0	35	
Средства совхозов	1,3	11,0	
Всего	9,3	81	

Теперь мы хорошо знаем, что за это время капитальные вложения были больше на сотни процентов. Здесь вложения определяют темпы развития совхозов. Если в 1926/27 г. было вложено 9,3 млн. руб., то за пятилетие 1926/27—1930/31 гг. предполагалось вложить 81 млн. руб., или по 16,2 млн. руб. в год. Ясно, что, сводя к минимуму вложения в советские хозяйства, составители пятилетки ставили ставку не на развитие совхозов, а на сокращение их удельного веса, в крайнем случае на их стационарное состояние.

Редительские контрреволюционные темпы развития, намеченные пятилеткой, особенно бросаются в глаза, если показать действительные капитальные вложения совхозов за планируемый период. По контрольным цифрам Госплана СССР вложения в совхозы составляли: в 1927 г.—32 420 тыс. руб.; в 1928 г.—72 800 тыс. руб.; в 1929 г.—190 млн. руб.; в 1930 г.—1 млрд. руб.; в 1931 г.—1,763 млн. руб. Таким образом за планируемое пятилетие вложено не 81 млн. руб., как намечалось струминской пятилеткой, а свыше 3 млрд. руб., т. е. в 40 раз больше.

Для струминской пятилетки характерен чисто «куриный» подход к планированию сельского хозяйства. Основной проблемой для сельского хозяйства в пятилетней перспективе Вишневским—Огановским (при поддержке «ученых специалистов» из Земплана, Наркомзема) выдвигалась куриная проблема. В этом видна ставка Кондратьевых, Макаровых, Вишневских, Огановских на капиталистический путь развития сельского хозяйства, на стимулирование наиболее рыночных отраслей.

Птицеводство более рыночно, чем животноводство, животноводство более рыночно, чем зерновое хозяйство. Поэтому на первый план выдвигается птицеводство, на второй—животноводство и на последнее место—зерновое хозяйство как наименее рыночное.

В пятилетке рассчитано, сколько будет кур, какой будет прирост, сколько поступит на внутренний и мировой рынок, сколько нужно построить птичников, какого размера. В общем это «куриный бытик» так увлекся «кукурузуниверсией», что совершенно «забыл» про совхозы и хозяйства. Обобщественный, социалистический сектор не получил никакого отражения в пятилетке, он не имеет здесь никаких перспектив. Зерновая проблема, главнейшая из главнейших, являющаяся ключом для разрешения всех остальных проблем, отодвинута на задний план как раз в тот период, когда над нами уже нависли хлебные затруднения.

Мы разобрали два пятилетних перспективных плана: один, составленный в Наркомземе и вышедший как официальный документ Наркомзема, другой, составленный работниками Госплана СССР. Теперь все прекрасно знают, что оба эти документа являются редительскими документами. Оба они составлялись теперь уже окончательно

разоблаченными редителями по программе и указаниям редительских организаций. Мы уже указывали, что оба эти документа составлялись под руководством коммунистов (Теодоровича—в Наркомземе, Струминина—в Госплане). Здесь мы имеем прямое выражение правыми оппортунистами редительских контрреволюционных реставраторских чанчий и надежд капиталистических элементов в деревне. Социалистический сектор в сельском хозяйстве задерживался, ликвидировался. Капиталистические элементы деревни—кулачество—поддерживались, «благословлялись».

Пятилетний план Наркомзема под редацией т. Муралова собственно является первой попыткой второстепенного осащения попросов совхозного строительства. Здесь впервые вопрос поставлен во всей его широте. Здесь явнт решительный курс на развитие и укрепление социалистического сектора в сельском хозяйстве.

При построении пятилетнего перспективного плана Наркомзема на 1928/29—1932/33 гг., опубликованного под редакцией т. Муралова, и госплановского пятилетнего плана чувствуется значительное усиление коммунистического влияния на всю работу по планированию. Основными на пятилетке Наркомзема, Пятилетка отмечает целый ряд недостатков в жизни совхозов: слабую обеспеченность основными и оборотными средствами, низкий уровень техники полеводства и животноводства, слабую специализацию совхозов, большие общие расходы, высокую себестоимость, недостаток руководящего персонала и квалифицированных рабочих, слабое руководство трестами и их многочисленности и др. Если основными средствами (здания, отчасти машины и тяга) совхозы кое-как обеспечены, то с оборотными средствами прямо плачевное положение.

По балансу средств совхозов на 1 января 1928 г. оборотные средства их были таковы: собственные средства—4,3%, резервы—3,4%, займы и кредиты—45,2%, векселя к платежу—11,1%, кредиты—34,2%, безвозвратные ссуды—1,6%. 95,7% всех оборотных средств совхозов составляют заемные средства и только 4,3%—свои средства. Ясно, что в таких условиях совхозы испытывают постоянные перебои в оборотных средствах, что значительно затрудняет их работу. Одним из основных факторов низкой производительности труда в совхозах, а отсюда и высокой себестоимости продукции является сравнительно низкий еще удельный вес постоянных рабочих. Число постоянных рабочих слишком медленно растет за счет сокращения временных рабочих и служащих. Если в 1925 г. на каждые 100 рабочих—постоянных рабочих было 36,6, временных рабочих 50,4, служащих 11, то в 1926 г. имеем 36 постоянных рабочих (некоторое сокращение), 55 временных рабочих и 9 служащих, в 1927 г. постоянных рабочих 37,2, временных 53,3, служащих 9,5. А крупное рационально индустриализованное хозяйство совхозов нельзя себе представить при той текучести сезонной рабочей силы, которая до этого в совхозах наблюдалась. Совхозы должны быть обеспечены своей постоянной рабочей силой. И только это гарантирует тем высокую квалификацию и специализацию работников.

Постепенная замена временных сезонных рабочих постоянными обуславливается все большим использованием совхозных земель и сокращением сдачи их в аренду.

По совхозам госсельтрестов издольщина и аренда составляли:

	В 1925 г.	В 1926 г.	В 1927 г.
в процентах			
Издольщина (к посевной площади)	29,9	13,4	5,1
Плата в аренду (ко всей площади)	9,4	6,7	—

Совхозы от сдачи земли в аренду, от обработки земли средствами колхозов и крестьянства переходят к обработке всей своей земли собственными силами и кроме того оказывают помощь колхозам и окружающему крестьянству. От аренды и издольщины совхозы переходят к технической реорганизации крестьянского хозяйства, к его коллективизации.

По пятилетке Наркомзем планирует увеличение за пятилетие общей площади совхозов в 6 раз, посевной площади в 7 раз. Намечается подведение под совхозы прочной технической базы, значительное насыщение тракторами и сложными сельскохозяйственными машинами. Взяв решительный курс на повышение производительности, на снижение общих расходов, на снижение себестоимости совхозной продукции, совхозы пополняются постоянными рабочими и обеспечиваются достаточным кадром хороших руководителей.

Отмечается слабая перестройка работы совхозов в реконструктивный период. Вполне правильно поставлена задача перед совхозами «быть образцовыми в хозяйственном отношении и доходными сельскохозяйственными предприятиями». Правильно ставится вопрос о специализации совхозов. «Совхозы должны быть организованы как крупные специализированные хозяйства, рационально сочетающие различные, подчиненные отрасли с основными отраслями, на которые ориентируется хозяйство в условиях каждого с.х. района».

Вопрос специализации совхоза заслуживает того, чтобы на нем здесь остановиться более подробно.

Для марксистов является бесспорным, что сельское хозяйство подчинено тем же законам, что и промышленность, что и в сельском хозяйстве, как и в промышленности, должна обязательно проводиться специализация районов, специализация отдельных крупных предприятий.

Специализацию сельского хозяйства мы наблюдаем и в капиталистическом обществе. Подробно останавливается на этом вопросе Ленин (в IX томе), иллюстрируя его богатейшим материалом Союз Штатов.

«Промышленное обмена и торговля в земледелии вызывает специализацию и эта специализация все растет» (Ленин).

Земледелие не сразу становится торговым. Торговля шаг за шагом проникает в отдельные районы, в отдельные хозяйства. Проникновение торговли неизбежно вызывает специализацию районов, специализацию хозяйств.

«Рынок, — говорит Ленин, — подчиняет себе обыкновенно в одной местности одну, в другой другую сторону сложного земледельческого хозяйства, причем остальные стороны не исчезают, а приспособляются к «главной», т. е. денежной стороне».

В капиталистическом хозяйстве выделение этих ведущих, денежных отраслей производится рынком, через цены. В каждом районе через рынок в таких отраслях сельского хозяйства, как посевное, животноводство, выделяется одна какая-либо главная, ведущая, денежная отрасль, все остальные отрасли к ней приспособляются. Подсобные отрасли не уничтожаются, а подчиняются главной, денежной отрасли. Таков путь развития сельского хозяйства во всех капиталистических странах. Только в отдельных странах эта специализация проводится больше, в других меньше.

Каков должен быть тип нашего крупного хозяйства (совхозов, колхозов)? Должно быть оно универсальным или специальным?

¹ Ленин, т. IX. Аграрный вопрос в России к началу XIX века, стр. 670, 671.

Несомненно наше крупное хозяйство, построенное на высокой технической базе, должно быть еще более специализировано, чем крупные хозяйства при капитализме, но на другой основе. На пути специализации капиталистического хозяйства лежит частная собственность, абсолютная земельная рента. У нас нет частной собственности на землю, у нас нет абсолютной земельной ренты, у нас уничтожены всякие преграды для специализации крупного хозяйства. Есть еще большие отличия. Наше хозяйство специализируется не по кривизне рынка и цен, а по плану пролетарского государства. Для марксистов это как будто азбучная истина, а между тем у нас даже среди коммунистов находится сторонник теории универсального, комбинированного (в данном случае речь идет не об агрокомбинатах) крупного сельскохозяйственного предприятия. По Галениусу например при всех условиях «законы техники, природы, почвы и вопросы социалистической экономики предопределяют целесообразность организации комбинированного хозяйства на основе растениеводства, животноводства и технических предприятий». По Галениусу техника и природа, почва, социальная экономика (специальный «комбинат условий») — все на стороне универсального хозяйства. Это конечно неверно. Климат, почва, техника благоприятствуют как раз не универсализации, а специализации отдельных районов и отдельных крупных хозяйств. По почвенным и климатическим условиям не во всех районах можно разводить одинаковые культуры, а только специальные культуры. В специальном хозяйстве можно скорее ввести лучшие машины, наиболее эффективно их использовать. В специальном хозяйстве ниже себестоимость продукции, выше производительность труда. А как учил Ленин «Производительность труда в последнем счете — самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» (XVI, стр. 254). Свою теорию Галениус подтверждает практикой дореволюционных помещичьих хозяйств, ведущих свое хозяйство путем комбинирования целого ряда отраслей. Образчиком универсального хозяйства является также мелкое крестьянское хозяйство, ведущее «всего понемногу». Ни опыт дореволюционного помещичьего хозяйства, ни опыт крестьянского хозяйства не может быть нами положен в основу при организации наших крупных хозяйств. Даже в царских помещичьих хозяйствах рынок, ценным вынуждал специализировать, но там это торжествующая частная собственность. Наш путь — путь значительно большей специализации хозяйства, чем при капитализме. Делать ставку на универсализацию — это значит копировать мелкое крестьянское хозяйство при организации крупного предприятия. Это шаг не вперед, а назад по пути к коммунизму.

Галениус исходит на первый взгляд из самых благих намерений. Универсальное хозяйство по его мнению сокращает сезонные пики занятости труда, концентрирует убыточность одной отрасли другой, а в общем делает хозяйство доходным. Повидимому с его точки зрения универсальное хозяйство и более социально rentабельно (термин Галениуса). Неверно ни то, ни другое. Не универсальное, а специализированное хозяйство более доходно, более образцово поставлено и влияет на крестьянское хозяйство значительно сильнее. Это подтверждает в своей работе т. Яковлев.

«Следует подчеркнуть, — говорит он, — что заметные улучшения по кооперированию хозяйства имеются лишь у тех совхозов и объединений, которые специализировались в определенной отрасли: а) на основе снабжения специальными агротехническими обслуживания населения (госсемакультуры, конзаводы, племяхозы); б) при индустриализации совхозов

и массовой скотке крестьянского сырья (свекла, картофель, шерсть, молоко) и в) специально производственно обслуживают крестьянское хозяйство (Госмелтрест). У всех остальных совхозов, имеющих общий общий агрикультурный производственный характер без определенной выявленной специализации, особых результатов по кооперированию населения нет» (подчеркнуто нами — В. Б.).

Вот прекрасная характеристика с экономической стороны и с точки зрения «социальной рентабельности» наших советских хозяйств (совхозов). Совхозы универсальны: большей частью убыточны, плохо организованы и образцами, демонстрирующими преимущества крупного, технически вооруженного хозяйства, не являются. Только совхозы, строящие свое хозяйство на основе определенной специализации, лучше организованы, более рентабельны, более показательно для окружающего крестьянства. Такие совхозы послужили образцом для крестьянского хозяйства, облегчили кооперирование, а потом и коллективизацию основных крестьянских масс.

Будущее принадлежит не универсальным совхозам, а совхозам с глубокой специализацией. Конечно, эти предприятия далеко не обязательно должны строить свое хозяйство на монокультуре. Партия и советская власть встали уже на путь специализации отдельных районов и отдельных отраслей сельского хозяйства. Создан «Зернотрест», «Кенафа», «Скотовод», «Свиновод», «Овцевод» и целый ряд других специальных объединений.

Специализация сельского хозяйства приближает его к промышленности, превращает в целый ряд специальных отраслей народного хозяйства.

По плану пролетарского государства проводится специализация отдельных районов и специализация отдельных крупных предприятий внутри районов. В каждом предприятии устанавливается одна главная, ведущая отрасль, исходя из нужд общего государственного целого, и все хозяйство приспосабливается к этой главной отрасли. Такой принцип должен быть положен при строительстве советских и коллективных хозяйств. Неверно, что только универсальное хозяйство уничтожает сезонные пики в занятости труда. Специальное хозяйство с выделением главной, ведущей отрасли при подчинении под него технической базы не меньше, а больше универсального обеспечивает равномерное использование труда в течение года.

Так ставится вопрос о специальном и универсальном типе совхоза. Неверные исходные положения Галенуса и других работников, оказывавших влияние на работу совхозов, долгое время тормозили специализацию совхозов госсельтреста.

Намечаемая пятилеткой специализация совхозов является большим шагом вперед.

Совхозы в пятилетке Наркомзема рассматриваются и как государственные поставщики товарного зерна, мяса, риса, хлопка, сырья, и как рычаги по переустройству крестьянского хозяйства. Конкретно ставится вопрос о концентрации совхозов в руках небольшого количества владельцев, специально ими занимающихся. Вслед за строительством зерновых совхозов-гигантов на повестку дня поставлена задача строить крупные совхозы-гиганты мясные, рисовые, хлопковые, птицеводные, льняные, кенафовые, молочные, овощные и пр.

¹ Яковлев. Материалы к XV партезду, стр. 329.

Намечается значительный рост удельного веса совхозов по валовой и товарной продукции, повышению урожайности совхозных полей, увеличению удойности молочного совхозного скота.

Остановимся на пятилетке перспективным плане Госплана. XVI партийный съезд признает, что пятилетка Госплана по сельскому хозяйству далеко не учла происходящих темпов социалистической переделки деревни, и для директива «коренным образом пересмотреть план развития сельского хозяйства».

Основным недостатком пятилетки Госплана, так же как и пятилетки Наркомзема, следует считать слишком низкие темпы развития социалистического сектора в деревне (совхозов и колхозов), и в этом несомненно сказалось влияние Макаровых, Челющихих, Кондратьевых и «кондратьевщины» в Наркомземе, Вишневских, Огановских и «огановщины» в Госплане. Вишневскому и Огановскому в госплановской пятилетке принадлежит далеко не последняя роль. Как и раньше при составлении этой пятилетки, общий методологическая часть, разработка основных показателей, возлагалась на Огановского. И вот один из образчиков этой методологии. Наметка основных показателей развития и реконструкции сельского хозяйства в пятилетнем плане предшествует констатации, что «та конъюнктура последних полутора лет говорит о некоторых сдвигах в тенденциях в сельском хозяйстве» («Пятилетка», т. II, ч. I, стр. 270). И поэтому несмотря на отговорку авторов пятилетки, что эти «сдвигаемые» тенденции их не пугают, эта «сдвигаемая» ориентировка несомненно сказалась на планировании темпов социалистической реконструкции сельского хозяйства. Весьма интересна методология планирования сельского хозяйства, автором которой являлся Огановский. Огановским устанавливались общие показатели по посевным площадям, по валовой и товарной продукции, по урожаю, по стаду для всего сельского хозяйства в целом, исходя из «сдвигаемых тенденций» сельского хозяйства, а потом эти общие показатели разбивались по отдельным социальным секторам. Значит не от отдельных секторов (совхозы, колхозы, индивидуальные крестьянские хозяйства) к общим показателям сельского хозяйства, а от общих показателей всего сельского хозяйства к разрезке по отдельным социальным секторам (совхозы, колхозы, крестьянские хозяйства).

И в этом несомненно было прямое предвещание. Если установленные Огановским общие показатели — посевная площадь, урожайность, выход валовой и товарной продукции стада — не совпадали с социальным разрезом плана по секторам, то, так как индивидуальный крестьянский сектор считался им и основным сектором, а совхозы и колхозы не основными, разница механически находилась за счет снижения социалистического сектора.

Вот эта своеобразная предвещательная «дедукция» безусловно сказалась на темпах социалистической реконструкции сельского хозяйства, в частности на развитии совхозов.

Определенно недооценивалась роль социалистического сектора в разрешении зерновой проблемы. Предполагалось, что разрешение зернового вопроса будет идти постепенно, медленно и оно займется на целое пятилетие. Таким образом пятилетка Госплана намечала, что целое пятилетие придется заниматься исключительно разрешением зернового вопроса, а развитие животноводческих совхозов и колхозов отодвигалось на второе пятилетие.

«Если брать не только зерновую, а всю продукцию сельского хозяйства, — говорится в пятилетнем плане, — то доля общестественного сектора (колхозы и совхозы) будет значительно меньше и в 1932/33 г. составит валовой продукции 13%, а в товарной 23%. В урожае последнего года пятилетки (1933 г.), который засчитывается уже в продукцию 1933/34 г., удельный вес общестественного сектора поднимается до 17% в валовой продукции и 25% в товарной» (стр. 284). Мы знаем теперь, — и это особенно ясно и четко показало тов. Сталиным на XVI партийном съезде, — что нам удалось за два года разрешить в основном зерновую проблему и на этой основе уже в третий год пятилетки приступить к решению животноводческой проблемы и проблемам технических культур. Уже в 1930 г. страна получила от социалистического сектора больше половины всей товарной продукции зерна. И это дало полное основание заявить т. Сталину на XVI партийном съезде, что судьбу сельского хозяйства и его основных проблем будут отныне определять не индивидуальные крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы.

Стоит сравнить намечаемые темпы развития совхозов по пятилетке и действительно реализованные планы, чтобы лишний раз показать, что рука вредителей к плану приложена. Приведем несколько показателей. По плану намечалось, что общая земельная площадь совхозов будет расти следующим темпом (в млн. га): в 1928 г. — 4,7; в 1929 г. — 6,8; в 1933 г. — 13,9. Фактический рост земельной площади совхозов (по контрольным цифрам Госплана в млн. га): в 1928 г. — 4,7; в 1929 г. — 12,4; в 1930 г. — 51,9; в 1931 г. — 71,0. Несомненно, что к 1933 г. площадь далеко превысит 100 млн. га. По посевным площадям пятилеткой намечалось (в млн. га): в 1928 г. — 1,1; в 1929 г. — 1,5; в 1933 г. — 4,7. Фактический прирост (по конт. цифрам): в 1928 г. — 1,1; в 1929 г. — 1,8; в 1930 г. — 3,9; в 1931 г. — 9,5.

По капитальным вложениям пятилетним планом намечалось за все пятилетие вложить 840 млн. руб. Фактически же произведено капитальных затрат в совхозах в 1928 г. 72,8 млн. руб.; в 1929 г. — 190 млн. руб.; в 1930 г. — 1.000 млн. руб.; в 1931 г. — 1.763 млн. руб. К концу 1931 г. в совхозах будет вложено не 840 млн. руб., как предполагалось по пятилетке, а свыше 3 миллиардов рублей.

Для того чтобы задержать, затормозить развитие совхозов, вредители приводили самые разнообразные доводы.

Первый и основной довод — нет земли. Как ни странно, в Советском союзе, в котором из общих земельных запасов используется совсем небольшая часть, вредители затруднялись найти землю под совхозы. Причем в связи с недостатком земли под совхозы они порочили всевозможнейшие политические обвинения в деревне для советской власти. Для образования больших массивов под совхозы, говорили они, нужно переселить крестьян с их земель, а это чревато опасностями. Для переселения крестьян на новые земли нужно им оплатить стоимость их имущества и земли, а это делает отводимую под совхозы землю слишком дорогой. Выходит, что на крестьянской земле совхозы строить невыгодно и нельзя (дорого, неизбежны политические осложнения), а свободных массивов, пригодных для строительства совхозов, у государства нет. Нужно приступить к строительству совхозов, не торопиться. Взятые темпы непосильны. В стране нет достаточного кадра агрономических сил, чтобы обслужить совхозы, им придется остаться без всякого агрономического обслуживания.

Повторяем снова, борьба против высоких темпов развертывания социалистического сектора сельского хозяйства неслезно предостережена и настойчиво. И она частично получила отражение в тех низких темпах развития совхозов, которые зафиксированы в пятилетних перспективных планах Наркомзема и Госплана.

Что Макаров, Челищев, Вишневские, Огановские всячески тормозили развитие совхозов — это не подлежит никакому сомнению. Показательными в этом отношении являются их выступления и на совещаниях специалистов о форсированном развитии совхозов.

В 1928 г. мы имеем решения Политбюро центрального комитета, которое гласило: «принять предложение об организации в продолжение 3-4 лет в РСФСР и на Украине новых крупных совхозов по производству хлеба в районах, где не могут быть задаты новыми совхозами крестьянские «наделы», в расчете на то, чтобы к концу этого срока иметь в них годовое производство товарного хлеба в размере 100 миллионов пудов».

Решение Политбюро было подтверждено пленумом ЦК и получило выражение в директивах правительства о создании нескольких десятков крупных совхозов, с такими расчетом, чтобы к концу пятилетия получить от них 100 млн. пудов товарного хлеба. Форсированные темпы развития совхозов были взяты в штыки правыми оппортунистами и контрреволюционными вредителями.

Прямо возражал против создания колхозов кондратьевцы не решаются, поэтому, принципиально как бы не возражал против создания совхозов, они весь свой авторитет специалистов направляют на темпы строительства.

«Все дело, — говорит Рудин, — в расчетах, темпе строительства, суммах вложений, в ожидаемом урожае. Я полагаю, что лучше несколько растянуть организационный период, лучше не торопиться».

«Ученый кулак» прямо бьет в цель, он не занимается измышлением болячек. Для правительства, для партии нужен немедленно хлеб и этот хлеб ему может дать социалистический сектор в деревне. Все силы партия направляет на быстрое развитие совхозов, на скорейшее получение от них товарного зерна. Здесь медлить нельзя. Темпы решают все. Поэтому партия открыла огонь против тех, кто срывал эти темпы, задерживал их.

Рудин считает взятые партией и правительством темпы непосильными. Он рекомендует не торопиться. И пока что предоставить Рудиним и К^о насаждать хутора, отруба и на базе индивидуального хозяйства привлекать кулацкие хозяйства.

Еще проще и яснее ставит вопрос другой вредитель Макаров. «Что я критикую в этом проекте? — спрашивает он. И отвечает: Я критикую здесь темп, которым предполагается развернуть это дело». Причем Макаров тут же поясняет, почему он критикует взятые партией и правительством темпы развертывания совхозов.

«У нас есть много других секторов и нам нужно затратить рациональную пропорцию между вложениями в это мероприятие и вложением в кооперативный крестьянский сектор. Мне представляется, что вложение 350 млн. руб. за четыре года (как мы показали, фактически за 4 года мы вложили куда больше 350 млн. руб. — В. Б.) в новые зернофабрики будет несколько преувеличенным. Оно снижает, уменьшает вложения в основные секторы народного хозяйства».

Здесь Макаров поставил вопрос насчету. Быстрое развертывание потребует большего вложения средств, чем до сих пор отпущалось, а это может отразиться на основном секторе, на инди-

видуальном (понимай кулацком). Совхозы, по Макаровым, не основной сектор в нашем сельском хозяйстве. В форсированном развитии совхозов он видел решительное наступление социалистического сектора сельского хозяйства на капиталистические элементы деревни, идеологом которых он являлся. Поэтому Макаров, Челинцев пытаются, используя весь свой авторитет специалистов, задержать, затормозить строительство совхозов. Куда торопиться?—кричат они. Зачем строить в четыре года, ведь можно намеченное количество совхозов развернуть в 6 и 7 лет. Совхозы не основной сектор, и над нами не каплет. Пусть развертывание будет несколько медленнее, зато вернее, надежнее.

Если Макаров, Челинцев еще дипломатичнее, то один из наглейших столпов кулацкой контрреволюции Дояренко сбрасывает с себя маску. Ему видите само слово «совхоз» режет ухо. Странное какое-то слово, непривычное в профессорском обиходе.

«Мне это слово (совхозы—В. Б.),—говорит он,—не очень нравится, мне кажется, что—это фабрики зерна, ничего общего с совхозами не имеющие. Внешнее впечатление—как будто дело в словах. Не будем называть совхозы совхозами, будем называть их хлебными фабриками. Не нравилось же Троцкому и Теодоровичу называть кулака кулаком, один предпочитал называть его «фермером капиталистического типа», другой просто зажиточным крестьянином. Дело конечно не в словах. Дояренко мыслит себе государственные «хлебные фабрики» как изолированные, одиноко, замкнутые в себе среди безбрежного моря мелких и мельчайших крестьянских индивидуальных хозяйств. «Хлебные фабрики» сами по себе, крестьянские хозяйства и колхозы сами по себе. Но все равно строительство «хлебных фабрик» он хотел бы отложить, задержать. Дояренко тоже считает, что намеченное строительство совхозов за четыре года ни за что не осуществить.

«Я думаю,—говорит он,—что если бы предложили кому угодно организовать хотя бы небольшое хозяйство—совхоза не в 20 десятин, а в 500—1.000 десятин, так чтобы оно давало полную продукцию, то возможно ли это действительно в четыре года? Я говорю нет. Хозяйство в 100 десятин, маленькое хозяйство, организовать в четыре года, так, чтобы давало полную продукцию, нельзя хотя бы потому, что вы семеноводство не введете в четыре года. Поэтому очевидно в четыре года такого большого предприятия или ту часть, которая будет начата в этом году, организовать нельзя. Это нам не позволит природа (подчеркнуто нами—В. Б.), и поэтому нельзя предполагать, чтобы 100 миллионов пудов зерна через четыре года были выброшены на рынок.

Здесь опять вопрос о темпах. Все вредители бьют в одну точку. В 20 десятин хозяйство за четыре года построить еще кое-как можно, но хозяйство в 500—1.000 десятин—ни за что. Нельзя в четыре года создавать советское хозяйство даже в 100 десятин, чтобы оно давало товарную продукцию. В четыре года нельзя ввести в работу даже часть предприятия.

Приходится удивляться, с каким упорством этот вредитель боролся против мероприятий партии и советской власти по развертыванию совхозов. Для убедительности он готов в качестве свидетеля привлечь и природу. Только просчитался «ученый кулак». Созданные вновь совхозы дали советскому правительству 100 млн. пудов товарного зерна, только не в четыре года (против чего они так боролись), а... в два года, и природа это «позволила».

Зернотрест (организация, возглавляющая зерновые совхозы), созданный по решению партии и правительства в 1928 г., в действительности за два года добился таких результатов, которые вредителям и не снились. В 1930 г. (втором году форсированного развертывания совхозов) Зернотрест создал уже 143 совхоза, которые имели 1.750 тысяч га посева. Он в 1930 г. дал вместе с зерновой частью хозяйства других совхозов почти 12 млн. ц зерна. В 1931 г. совхозы Зернотреста вместе с зерновой частью хозяйства других совхозов дадут около 32 млн. ц товарного зерна.

Вопреки вредителям, вопреки правым оппортунистам, играющим на руку кулацкой контрреволюции, наша партия добилась бурного, опрокидывающего всякие пророчества правых оппортунистов, роста социалистического сектора в сельском хозяйстве в виде совхозов и колхозов. Твердая, непоколебимая, четкая-классовая линия нашей партии не позволила вредителям претворить свои планы в жизнь. Через целый ряд рычагов пролетариат города, насаждая в деревне совхозы и колхозы, повернул широчайшие бедняцко-среднекрестьянские массы крестьянства на путь социализма. В социалистической передаче мелких и мельчайших крестьянских хозяйств исключительная, важнейшая роль принадлежит советским хозяйствам, последовательно социалистического типа предприятиям в деревне. Достижения и перспективы совхозного строительства, воздействие совхозов на колхозы и крестьянство прекрасно охарактеризованы т. Сталиным на XVI партийном съезде.

«Вперед, — говорит он, — пойдут совхозы, как становой хребет перестройки старого уклада деревни. За ними потянутся многочисленные колхозы как опорные пункты нового движения в деревне. Соединенная работа этих двух систем создаст условия для полной коллективизации всех областей СССР»¹.

Такова по т. Сталину роль совхозов в этом великом деле. И несомненно — совхозы имеют все основания для того, чтобы выполнять роль ведущего начала, роль организаторов и культурных рассадников в колхозном движении.

Совхозы значительно более вооружены технически по сравнению с колхозами и индивидуальными крестьянским хозяйством.

Нижеприводимая таблица свидетельствует о росте механизации трестированных совхозов СССР (по к. и. 1929/30 г.).

ГОДЫ	Всего тиговых единиц, в тыс. лош. сил	В том числе		Процент мелкой, сил в балансе тиговой силы	Процент пашин обра- батыв. трак- торами
		В рабочем скоте	В тракторах		
1926/27	101,9	81,5	20,3	19,9	29,2
1927/28	117,0	89,8	27,2	23,2	33,2
1928/29	173,7	97,7	76,0	43,8	60,6
1929/30	381,0	99,0	285,0	74,2	81,0

В общем росте обеспечения совхозов тиговой силой «конская тяга» остается почти стабильной, а тракторная тяга за четыре года возрастает в 14 раз. Процент тракторной тяги растет из года в год. В 1923/24 г. только 7,3% работ совхозов обслуживалось тракторной тигой, а 92,7% лошадьми, волами, верблюдами; в 1924/25 г. процент

¹ Сталин и Каганович. Ответ на XVI партсъезде.

обслуживания тракторной тягой поднимается до 20,0, в 1924/25 г. до 30, в 1926/27 г. — 29,2, в 1927/28 г. — 33,2, 1928/29 г. — 60,6, 1930 г. до 81, а в 1931 г. еще выше.

Все сложные операции совхозов переведены на обслуживание тракторной тягой, конская тяга все больше и больше вытесняется.

Подведение под совхозы технической базы, улучшение организации территории советских хозяйств, отказ от сдачи земли в аренду и исполу и обработка ее силами совхозов, обеспечение кадрами агротехников и постоянных рабочих, специализация совхозов — все это уже дало целый ряд качественных показателей работы совхозов, значительно их выделяющих над колхозами и индивидуальными крестьянскими хозяйствами.

Совхозы несравненно значительно более вооружены технически по сравнению не только с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, но по сравнению с колхозами. Хозяйство совхоза лучше организовано. В совхозах выше производительность труда, ниже себестоимость продукции. Они дают значительно больший выход товарной продукции. В совхозах выше урожайность полей, выше урожайность скота. Это дает все основания совхозам служить образчиком крупного хозяйства и для колхозов и для индивидуального крестьянского хозяйства. Если мы примем урожай в индивидуальном крестьянском хозяйстве за 100, то урожай в совхозах по зерновым хлебам в 1929 г. равен 125,6; в 1930 г. — 121,1; в 1931 г. — 128,2; по сахарной свекле: в 1927 г. — 121,7, в 1928 г. — 132,1, в 1930 г. — 122,8, в 1931 г. — 143,2. То же самое мы наблюдаем по всем остальным культурам.

Такова же картина и по животноводческому хозяйству совхозов. Из года в год растет племенная скот совхозного стада, из года в год растет урожайность совхозных коров. Если мы урожай в индивидуальных крестьянских хозяйствах примем за 100, то урожай в совхозах, без коров «Скотовода», достигает в 1928 г. — 210,1, в 1929 г. — 215,1, в 1930 г. — 267,7.

Вот краткая иллюстрация показателей работы совхозов как станового хребта колхозного движения. Из года в год роль совхозов как государственных фабрик зерна, мяса, риса, хлопка, свеклы, кефира, льна, молока, птицы и т. д. гигантски возрастает и тем самым возрастает их роль в переломе крестьянского хозяйства. Никаким Кондратьевым, и даже с ним предателям не задержать роста социалистического сектора в сельском хозяйстве. Страна наша гигантскими шагами идет по пути к социализму, сметая на своем пути и контрреволюционных предателей и правых оппортунистов.

«В союзе с рабочими городов, в союзе с социалистическими пролетариатом всего мира, русское трудящееся крестьянство может быть уверено теперь, что оно победит все негододы, все натиски империализма и осуществит дело, без которого освобождение трудящихся быть не может — дело общественной обработки земли, дело постепенного, неуклонного перехода от мелких единоличных хозяйств, к общественной обработке земли» (Ленин, т. XV, стр. 556).

М. Бушуге

Хлопковые районы в СССР

I. Мировое распределение хлопководства

Мировое производство хлопкового волокна за последние годы (1928—1929) превышает 5,5 млн. тонн (335 млн. пудов); из этого количества почти 3/5 (56%) приходится на долю САСШ. При общей мировой хлопковой площади в 1928/29 г. около 34,4 млн. га на долю Америки приходится почти 18,5 млн. га, с которых было собрано около 3,2 млн. т хлопкового волокна. Вторым большим районом хлопководства является Индия, где в 1928 под посевами хлопка было 10,7 млн. га и собрано с них хлопка-волокна 1,01 млн. т. Наш Союз ССР по площади хлопчатника в 1929 г. занимал третье место, имея около 1,03 млн. га хлопковых посевов, или 3,0% от мировой хлопковой площади, а по урожаю волокна (278 тыс. т) — около 4,8% от мирового сбора хлопка.

Следует отметить, что в настоящее время по сравнению с довоенным в хлопководстве произошли значительные сдвиги как в общей продукции хлопка, так и в смысле распределения его по производящим странам: так при общем росте мировой хлопковой площади к 1929 г. почти на 25% по сравнению с довоенной хлопковой площадью (1910—1913 гг.) наибольший процент роста был в нашем СССР — 74%; большой прирост произошел и в Соединенных Штатах Америки — 35%, меньший в Индии — на 13%, затем в Египте — на 10% и в прочих странах — на 9%; при этом в мировом хлопководстве за указанный период значительно повысился удельный вес Америки — с 52,2% до 54,5% (по хлопковой площади) и Союза ССР — с 2,2% до 3,2%, значение же Индии понизилось с 33,0% до 30,0%, Египта — с 2,9% до 2,2%.

Отмеченные изменения в области хлопководства в СССР по сравнению с другими странами несомненно объясняется коренным различием социальных отношений у нас и в капиталистических странах: в то время как в других странах и до и после войны в области хлопководства и сельского хозяйства вообще преобладает частнокапиталистическое и большей частью мелкое производство, у нас основной задачей в настоящее время является организация крупных хлопководческих хозяйств — совхозов и колхозов; и если в 1929 г. процент коллективизации хлопководческих хозяйств в наших хлопковых районах не превышал 5,6%, а посевы хлопковых совхозов 1,8%, то в 1930 г. в колхозах было уже 38,6% и в совхозах 3,2%; на 1931 же год удельный вес обществленного сектора в хлопководстве увеличивается до 61,9%, в том числе совхозов до 8,1%. Очевидно, что смена разнородных мелких крестьянских хозяйств крупными с.-х. предприятиями в наших хлопковых районах — с возможностью максимального применения в них машинной обработки хлопковых полей — в значительной степени и определяет тот быстрый темп роста у нас хлопковых площадей и освоение новых земель, отводимых под культуру хлопка, который отмечается за последние годы в СССР.

Однако, несмотря на бурный рост у нас хлопководства, продукция хлопка значительно отстает от потребности в хлопковом волокне нашей хлопчатобумажной промышленности: так если довоенное потребление хлопка в России составляло около 327 тыс. т (20 млн. пуд.), а сбор хлопка внутри страны достигал 207,230 тыс. т, то в последние годы потребность текстильной промышленности в СССР возросла до 380—450 тыс. т, сбор же хлопка не превышает 263 тыс. т. Таким образом почти половина всего хлопка получается нами из-за границы и Союзу приходится ежегодно выплачивать валюты иностранным продавцам хлопка (главным образом американским) громадную сумму — до 100 млн. руб. золотом. Это обстоятельство заставило советскую власть уже с первых годов после революции обратить особое внимание на вопрос о форсировании развития в СССР хлопководства, а в июне 1929 г. ЦК нашей партии вынес по этому вопросу специальное решение, по которому в прежнее пятилетку по хлопководству вносятся значительное дополнение и предусматривается ускорение темпа развития нашего хлопководства. Вместо намеченных по первоначальному пятилетнему плану на 1932/33 г. 1,530 тыс. га посевов хлопка в СССР, уже в 1930 г. превзойденных почти на 40 тыс. га (1,570 тыс. га), в 1932 г., по новой хлопковой пятилетке ориентировочно намечается довести хлопковую площадь до 3,000—3,200 тыс. га. Этим планом развития хлопководства вместе с тем намечаются значительные сдвиги как в отношении удельного веса отдельных хлопковых районов в СССР, так и в смысле социально-технической и организационной реконструкции хлопководства.

II. Районы хлопководства

Обычно считается, что районы надежной хлопковой культуры американских сортов хлопка лежат между 37—43° северной широты со средней годовой температурой около 13—16° Цельсия, а для египетских сортов хлопка граница лежит южнее 37° северной широты.

У нас в СССР основными районами хлопководства, где культура хлопчатника ведется с очень давних времен — в условиях искусственного орошения полей, являются районы Средней Азии и Закавказья, которые как раз расположены в границах 35—44° северной широты.

Новые хлопковые районы. Имеются исторические указания на то, что уже около 150 лет тому назад были отдельные удачные попытки выращивания хлопка в более северных районах России — по Тереку, в Астраханской губернии (см. Ковалевский — История культуры хлопчатника в России, 1928 г.).

Более поздние изыскания опытного характера по культуре хлопка в новых районах России, где культура его была бы возможна без искусственного орошения (по примеру Сев. Америки, производящей большую часть своего хлопка в естественных условиях, без полива полей), были произведены департаментом земледелия в 1909—1911 гг. и показали, что скороспелые американские сорта хлопка дают удовлетворительные урожаи хлопкового волокна (хотя и значительно меньшие, чем в жарких районах Средней Азии и Закавказья) во многих более северных местностях южной полосы Союза, прилегающих к Черному морю, а также в районах Сев. Кавказа и зап. побережья Каспийского моря; причем ориентировочно возможная площадь посева хлопка в пределах этой полосы исчислялась в размере около 1,5 млн. га.

Однако систематические опыты по изучению пригодности новых районов в СССР для культуры хлопка и широкие мероприятия по развитию в них хлопководства с затратой немалых значительных средств начали осуществляться только советским правительством, заинтересованным в скорейшем обеспечении нашей промышленности хлопком союзного производства. Начиная с 1925 г. в указанных районах не только организована целая сеть опытных учреждений по хлопководству, но с каждым годом все больше и больше увеличиваются массовые хозяйственные посевы хлопка на крестьянских полях, в колхозах, по вновь организуемым Главным хлопковым комитетом хлопководческих совхозах. Так если 1928 г. в новых хлопководческих районах — в Дагестане, на Сев. Кавказе (Терский округ, Таманский полуостров и друг.), в Крыму, в Астраханском округе, в южных степях Украины (Херсонщина и другие) и во Фрунзенском районе Киргизской республики, а также в Джаркентском районе Казахской АССР — было посеяно хлопка около 1,700 га, а в 1929 г. эти посевы уже увеличились до 10,800 га и в 1930 г. — до 146,300 га, то по плану на 1931 г. хлопковую площадь в этих новых районах намечается довести до 1 млн. га — и тогда удельный вес этих общей посевной площади хлопка в СССР в 1931 г. около 18% (2,300,000 га). Главнейшими из этих новых районов неорошаемого хлопководства в СССР, в которых по перспективному плану на 1932/33 г. намечается довести посевы хлопка до 1 млн. га, являются следующие:

Новые районы	1931 г. площадь хлопка в тыс. га		В % общему
	Всего	В совхозах	
Северный Кавказ	225	25	50
Украина	160	5	35,5
Крым	30	6	6,7
Дагестан	5	4	6,7
Н. Волга	3	—	1,1
Всего	450	40	100

К концу пятилетки — в 1932/33 г. — посевы хлопчатника в новых районах намечается довести до 1 млн. га — и тогда удельный вес этих районов в союзном хлопководстве увеличится до 24%, причем по отдельным областям хлопковые посевы предполагается расширить до следующих размеров:

По Сев. Кавказу до 500 тыс. га с удельным весом	30,0%
— Украине	25,0%
— Крыму	12,5%
— Дагестану	10,0%
— Н. Волге	2,5%

Таким образом важнейшим из новых районов по хлопку является Северо-кавказский — с посевом хлопка к концу пятилетия около 500 тыс. га. Здесь основные хлопковые массивы приурочиваются к Таманскому и Керченскому полуостровам, затем значительные посевы производятся в Терском округе, в Прикумском районе Кубанского округа, в Керченском районе.

Следующим районом нового хлопководства является Украина с площадью хлопка к концу пятилетия около 225 тыс. га (25% от площади хлопка в новых районах); причем основные посевы хлопка здесь будут в Херсонском районе, в Николаевском и Одесском.

В Крыму хлопковые посевы к 1932/33 г. намечается довести до 125 тыс. га, главным образом в западно-приморских районах — Феодосийском и других.

В Дагестане хлопковая площадь к концу пятилетия будет доведена до 100 тыс. га, по преимуществу в плоскостных местностях Хасавюртского и Дербанского районов.

Наконец по Н. Волге посевы хлопка, частью с периодическим орошением, предполагается довести к концу пятилетия до 25 тыс. га, преимущественно в Астраханском округе и в Каллибласти.

Наиболее надежными из указанных новых районов по производству хлопка должны быть признаны, на основании опытов в 1929/30 г., районы Таманского и Керченского полуостровов, Хасав-юртский и Дербанский районы, Астраханский и Красновский, а также Терский. Здесь при благоприятных метеорологических условиях (равной весне, неожиданной осени и не слишком ранних осенних заморозках) и при умелой культуре хлопка урожай хлопка-сырца достигали 7 ц на га, средние же урожаи определялись в 4 ц. В неблагоприятные же годы и при плохом уходе за посевами хлопка сбор его не превышал 1—3 ц, как это было в 1930 г.

В общем-нужно сказать, что урожай хлопка в новых районах раза в три ниже, чем в орошаемых районах Средней Азии, где средний урожай за последние годы достигает 9,2 ц на га, а до войны достигал даже 12,3 ц.

Основные районы хлопководства. Из основных районов хлопководства СССР — Средней Азии и Закавказья, в которых культура хлопка ведется при искусственном орошении полей, самым древним районом хлопководства является Средняя Азия, куда эта культура проникла из Индии через Персию — сначала в южные районы Туркмении, а затем по берегам реки Аму-Дарья и Сыр-Дарьи, причем до прихода русских здесь развился главным образом туземный азиатский хлопок (гузла) и то в небольших размерах — не более 25,000 га до 1885 г. Лишь после удачных опытов культуры американского хлопка с 1872 г. по 1885 г. хлопковая площадь в Средней Азии начинает быстро расширяться и достигает в предвоенные годы до 680 тыс. га, а в 1929 г. до 910 тыс. га, превысив довоенную площадь более чем на 33%.

По размерам посевных хлопковых площадей и сбора хлопка Средней Азии принадлежит преобладающая роль в хлопководстве СССР. Так из общей хлопковой площади 1929 г. по Союзу в 1,033 тыс. га — на долю Средней Азии приходится 910 тыс. га, или 88,09%, на долю ЗСФСР — 111 тыс. га, или 10,74%, и на новые районы 10 тыс. га, или 1,17%.

В перспективе же ближайшего пятилетия роль Средней Азии в хлопководстве несколько снизится при соответствующем увеличении удельного веса новых районов и снижении роли ЗСФСР, а именно на 1932/33 г. по новой хлопковой пятилетке вся хлопковая площадь СССР проектирована в размере около 3,200 тыс. га, в том числе по Средней Азии 2,100 тыс. га (в том числе богарного неорошаемого хлопка 150 тыс. га), или 66,8%, по ЗСФСР — 300 тыс. га, или 9,5%, и в новых районах 800 тыс. га, или 23,7%.

Из отдельных республик Средней Азии первое место по хлопку принадлежит Узбекской республике (64,7), а затем идет Туркмения (12,9%), далее Таджикистан (7,9%) и на последнем месте стоит Каракашская автономная область (4,0%).

За последние годы удельный вес в хлопководстве среднеазиатских республик значительно изменился, как видно из следующей таблицы:

Республики	Площадь хлопка в тыс. га			Удельный вес по хлопк. площади в %		
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Узбекская	588	813	1.040	64,7	64,5	62,3
Таджикская	67	109	171	7,4	8,6	10,2
Туркменская	118	158	200	12,9	12,4	12,0
Киргизская	43	59	75	4,7	4,8	4,5
Казахская	57	75	121	6,3	6,0	7,2
Каракашская	36	47	65	4,0	3,7	3,8
По Средней Азии	910	1.262	1.672	100	100	100
В том числе богарного (неорошаемого хлопка)	—	20	65	—	—	—

Узбекская республика, оставаясь на первом месте по посевам хлопка, снижается по удельному весу с 63,7% в 1929 г. до 62,3% в 1931 г., тогда как значительно возрастает роль Таджикистана — с 7,4% в 1929 г. — до 10,2% в 1931 г.; удельный вес Туркмении также за эти годы снижается с 12,9% до 12,0%, несколько повышается удельный вес Казахстана, которому в будущем суждено играть значительную роль в хлопководстве Средней Азии (после осуществления большого проекта орошения Голодной степи).

Важнейшие хлопководческие районы в пределах Средней Азии обычно расположены в орошаемых оазисах, преимущественно в полосе так называемого пустынно-низменного пояса с аллювиальными почвенными отложениями, главным образом в долинах крупных рек — Сыр-Дарьи, Аму-Дарьи, Зеравшана, Мургаба, а также в низовьях многочисленных горных рек; затем хлопковые посевы отчасти расположены на склонах низких предгорий и предгорных равнин с аллювиальными почвенными отложениями.

В соответствии с почвенно-климатическими и орошенными особенностями отдельных районов распределяются и настоящее время и различные сорта хлопка в Средней Азии; в частности в последние годы особое значение приобретают южные районы Туркмении и Таджикистана, расположенные южнее 38° северной широты, благодаря возможности разведения здесь наиболее ценных египетских сортов хлопка, волокно которых целиком возмозно в Союзе из Египта. В частности такими районами возможного разведения египетского хлопка в Таджикистане являются Вахский, Сарай-комарский, Кулябский, а в Туркмении — Керкинский, Меркиский. Значительные перспективы рисуются также для культуры хлопка в богарных районах Средней Азии — с обеспеченными атмосферными осадками богарой (более 400 мм в год), где культура хлопка возможна без орошения, например в пределах Джизакского уезда Узбекской республики, Фрунзенского района Киргизии, Гиссарского и Кулябского районов и Таджикистане и друг.

Важнейшими хлопковыми районами Средней Азии на орошаемых землях — с посевами хлопка свыше 25 тысяч га — являются следующие: хлопца (белого, шелковистого, длинного).

В Узбекской республике — Ферганский хлопковый район по бассейну реки Сыр-Дарья, производящий наиболее высоких качества хлопковое волокно (тонкое, крепкое, белое, мягкое); Ташкентский район — в долине р. Черчик — Ангrena; Голодистепенский район — по

Продукция и площадь хлопка	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г. в т.ч. в т.ч. отработанной парши	До войны 1910— 1914 гг.
Продукция хлопка-волокна по СССР в тыс. тонн	260	415	667	893	228
В том числе:				845	270
по Средней Азии и Казахстану и Киргизии	253	365	562	720	201
„ ЗСФСР	18	31	68	694	240
„ новым районам	0,47	13,5	37,0	86	27
				65	30
Посевные хлопковые площади по СССР, в тыс. га	1.033	1.556	2.300	3.200	813
В том числе:				2.830	
по Средней Азии	910	1.262	1.672	2.100	688
„ ЗСФСР	111	153	248	1.430	
„ новым районам	10	146	375	300	126
				800	
				600	

V. Организация хлопкового хозяйства

Наряду с количественным ростом хлопководства СССР, в нем происходят за последние годы также громадные сдвиги социально-технического и организационного порядка: с одной стороны, колоссально возрастает удельный вес колхозно-совхозного сектора, а с другой стороны — увеличивается зернопроизводительность хлопководческих хозяйств и механизация процессов культур хлопка.

Так если в 1929 г. удельный вес колхозов в хлопководстве Средней Азии определялся по сбору хлопка в 5,5% и хлопковых совхозов в 1,5%, то в 1931 г. колхозный сектор даст хлопка уже почти 52%, а совхозы около 7,6%; по ЗСФСР же роль колхозов в хлопководстве увеличится с 10% в 1929 г. до 52% в 1931 г. и совхозов — с 3,5% до 6,7%; а по новым районам колхозы по хлопку с 26,5% в 1929 г. увеличат удельный вес в 1931 г. до 88%, совхозы же с 3,3% до 10,6%. При этом число крупных хлопковых совхозов по Союзу увеличится с 1929 г. по 1931 г. с 14 до 40, в том числе в Средней Азии с 12 до 25 и в новых районах с 1 до 11; посевная же хлопковая площадь в них за это время возрастет с 15 тыс. га до 184 тыс. га, иначе говоря, он будет превышать всю хлопковую площадь 1930 г. ЗСФСР в целом.

Впервые организованные в 1930 г. в хлопководческих районах машинотракторные станции в числе 19 развертываются в 1931 г. до 141, а число тракторов при этом увеличивается с 3.122 до 9.629 шт.

Организация хлопкового дела в центре и на местах до февраля 1931 г. представлялась в таком виде:

Общее руководство оперативными работами в хлопковом деле возглавлялось Главным хлопковым комитетом, который по указанию вышестоящему постановлению ЦК партии в конце 1929 г. был переведен из Москвы в Ташкент в интересах приближения его к основным хлопководческим районам и для ускорения его работы с работой национальных республиканских правительств.

Непосредственная производственная работа по хлопку среди посевщиков хлопка — проведение посевных планов, контрактация хлопка и реализация планов скупки и заготовки хлопка в районах —

осуществляется специальными хлопководческими кооперативными организациями — республиканскими, окружными, районными и поселковыми по главе с Центральным кооперативным хлопководческим бюро (или Хлопкоцентр), правление которого также переведено в 1929 г. из Москвы в Ташкент. Наиболее мощным республиканским хлопковым союзом (Пахта-союз) в Средней Азии является Узбек-Пахта-союз, а в ЗСФСР — Азербайджанский республиканский хлопковый союз — Пахбукберлаги.

С текущего 1931 г. вся агропроизводственная работа в хлопководческих районах, охваченных машинотракторными станциями Тракторцентра, передача хлопководческой кооперативной в ведение Тракторцентра, на который (в лице МТС) также возложена организация дела переустройства мелкой оросительной сети в районах работы МТС в целях приспособления этой оросительной сети к требованиям крупного механизированного хлопкового хозяйства.

В состав Главхлопка на местах включался ряд трестов, обслуживающих специальные отрасли хлопкового дела: Совхозхлопок — для руководства работой хлопководческих совхозов, Рассадхлопок — для осуществления пересадочной культуры хлопка, Хлопкоцентр, Хлопкоснабжение, Средазводпроиз и Средневодстрой — для производства ирригационного строительства в хлопковых районах и т. д.; кроме того в ведении Главхлопка находится целый ряд центральных научных учреждений по хлопку и ирригации: Научный институт по хлопководству (НИХИ), Институт водного хозяйства и др. Сам Главхлопок входит в состав НКЗема СССР.

В феврале месяце 1931 г. НКЗем СССР принял решение о коренной реорганизации Управление хлопковым делом в СССР, причем в целях улучшения работы по заготовке и уборке хлопка и приближения руководства работой по хлопководству к колхозам, совхозам и местным советским организациям намечена следующая новая организация управления хлопковым делом:

1) Вместо одного Главного хлопкового комитета организуется 4 союзных объединения, непосредственно подчиненных НКЗему СССР, а именно: Средне-азиатский хлопковый комитет (в Ташкенте), Казахский хлопком, Закавказский хлопком (в Тифлисе) и Новхлопком для новых хлопковых районов (в Ростове и/Дону).

2) Внутри каждого из этих хлопковых комитетов организуется по 4 треста: трест хлопковых совхозов, трест хлопковых заводов, трест ирригационного строительства и ирригационных изысканий (последний кроме новых районов).

3) Создается всесоюзный трест «Хлопкоснабжение», обслуживающий все 4 районных хлопковых комитета.

4) Для общего планового руководства хлопковым делом в Союзе создается особый хлопковый сектор в составе НКЗема СССР.

Для осуществления намеченных ЦК партии и союзным правительством мероприятий по расширению и реконструкции хлопководства и хлопководческой организации в СССР контрольными цифрами народного хозяйства на 1931 г. предусмотрены следующие вложения средств по Главному хлопковому комитету:

а) По хлопководству размер капитальных вложений определяется в 110 млн. руб., некапитальных вложений — в 11 млн. руб. (в том числе по хлопковым совхозам капитальные вложения исчисляются в 69 млн. руб.).

б) По хлопководческой ирригации ассигнования по бюджету определяются: по капитальным вложениям в сумме 124 млн. руб. (в том числе по Средней Азии — 94,9 млн. руб.), по некапитальным вложениям — 16 млн. руб. (в том числе по Средней Азии — 12,7 млн. руб.).

А. Сучков

Проблемы рыбной промышленности Волго-каспийского рыболовного района

1. Характеристика рыбных водоемов Волго-каспийского бассейна

Волго-каспийский рыболовный район, состоящий из дельты реки Волги и северной части Каспийского моря, является одним из богатейших в мире районов большого рыболовства.

Весьма важное значение имеет дельта Волги. Рукава и протоки дельты служат путями, по которым рыба идет в нерестилища и для вылавливания на зигу в яках. В приморских ильменях дельты рыба проводит свою жизнь, особенно в полоях, где мечут икру сазан, лещ, сом, а подстепных ильменях мечут икру сельдь и пузанок. Полои являются пастбищами для молодки нерестившихся там рыб и поставляют в море питательные вещества для рыб.

Таким образом в одном месте рыба кормится и нагуливается, а другим она мечет икру, в третьем развивается и растет ее молодь, а четвертым она зимует. Следовательно рыба Волго-каспийского района рыболовства в течение своей жизни коучет в пределах его из одного водоема в другой, и изолировать отдельные части района друг от друга без нарушения жизненных функций рыб, без ущерба для рыбных запасов и всего рыбного промысла — невозможно.

«Волго-каспийский рыболовный район делится на 3 отличительные друг от друга части: 1) нижняя часть р. Волги с рекой Ахтубой, 2) дельта Волги и 3) западно-северная часть Каспийского моря с впадающими в нее реками Уралом и Эмбой. Дельта р. Волги является центральным местом Волго-каспийского района и представляет густую сеть многочисленных рукавов, из которых более 250падают непосредственно в море. Дельта р. Волги, кроме восточной и западной системы ильменей (по данным Наркомзема РСФСР), занимает около 750 тыс. га. Из них межениным водани занято 46 тыс. га, или 6%, под поймойной системой занято 336,5 тыс. га, или 44%; не затопляемые в нормальные годы пологим водом 382,5 тыс. га — 50%. Система восточных подстепных ильменей занимает площадь в 110 тыс. га и западная — 428 тыс. га. Весной и летом в подстепных ильменях развиваются богатая фауна и фауна, служащие важнейшим источником пищевых запасов для рыб.

Край этот действительно богатейший в мире по своему рыболовству. Каждый год здесь вылавливается около 3,3—4,1 млн. ц (20—25 млн. пуд.) рыбы — больше чем в Черном, Балтийском, Белом и Мурманском морях вместе взятых. Стоимость довоенного улова определялась в 35—40 млн. руб. Астраханская селедка и вобла хорошо известны всему Советскому союзу и являются самой распространенной народной пищей. Эти две породы составляют главную массу улова Астраханского края, являясь основой рыбного промысла»¹.

Дельта Волги, как мы уже отмечали, имеет благоприятные естественные условия для массового разведения рыбы, для развития рыболовства и рыбной промышленности. Значение Волго-каспийского района для страны очевидно.

II. О развитии в дельте Волги сельского хозяйства

Отдельные окружные работники в Астрахани ставили своей целью развитие в дельте Волги сельского хозяйства в ущерб рыбному. В связи с этим особенно много уделялось внимания вопросу развития хлопка на дельтовых обвалованных (земляные валы).

Некоторые работники, — пишет астраханская газета «Коммунист», — в руководящем советском аппарате пытаются доказать, что Астраханский округ по существу является округом сельскохозяйственным. Убекаясь этой установкой, они доходят до того, что центр внимания переносит на развитие сельского хозяйства округа.

Мы считаем эту точку зрения вредной, ибо если ее придерживаться, мы нанесем огромный ущерб основной отрасли хозяйства Астраханского края — рыбному хозяйству. Мы должны конечно форсировать развитие сельского хозяйства округа, но ни в коем случае не за счет рыбного хозяйства. Между тем вся работа последних месяцев, по нашему мнению, начинает перевешиваться именно в сторону разрывания сельского хозяйства округа и только сельского хозяйства. Рыбное хозяйство постепенно отодвигается на задний план, уплывает из поля зрения². Наркомторг СССР в своем постановлении от 14/IV 1930 г. отмечает, «что вместо придания рыбацким колхозам специального рыбачьего направления в колхозах Астраханского округа организуются с.-х. секции, обобществляющие молочный и рабочий скот, сады, огороды, с.-х. инвентарь и т. д.»

Действительно в прессе, докладных записках и устных выступлениях последнего времени не только ставится вопрос, но и берется установка на развитие сельского хозяйства в Волго-каспийском районе в таких формах, которые вызывают опасение за развитие рыбного хозяйства.

Интересы рыбного хозяйства особенно затрагиваются при развитии сельского хозяйства на островах дельты реки Волги. Эти острова весной заливаются водой и являются исключительно благоприятным местом для икрометания и нагула рыбной молоди важнейших промысловых рыб Волго-каспийского района. Оттуда такие участки под те или другие с.-х. культуры, площадь их конечно будет уменьшаться, что не может не отразиться на естественных рыбных запасах.

Практика отвода таких участков под с.-х. культуры показала, что возводимые валы в целях удержания воды никогда не разрываются, участок совершенно не может наполняться водой и заполняется только при высоком подъеме воды; с другой стороны, при спаде воды валы задерживают воду и вместе с ней попавшую в обвалование молодь, которая обрекается на гибель. Вместе с этим обвалованные участки в связи с быстрым истощением их плодородия забрасываются и под с.-х. культуры занимают все новые и новые площади. На старых же участках, потерявших плодородие и засоленных, прежняя природная обстановка, прежний растительный покров восстанавливаются очень медленно.

«Обвалование ильменей и полов в дельте Волги имеет крайне отрицательное значение для рыбного хозяйства. Прежде всего у него

¹ Ф. Загородникова, «Рыболовство Волго-каспийского края».

² См. ст. Пилина, газета «Коммунист» от 14/II 1930 г.

отнимаются нерестовые, нагульные и кормовые площади. Для рыбного хозяйства чрезвычайно важно сохранить в действенном состоянии всю почву дельты с ее диким и весьма обычным растительным покровом. Затопляясь водой, этот растительный покров дает изобилие кислорода, столь необходимого для дыхания разнотельной икры и молоди рыб, и кроме того способствует развитию богатейшего мира микроорганизмических животных, служащих пищей молоди. Кроме того отмирающие осенью растения дают обилие органических остатков, являемых ежегодно полкой водой в море и дающих тот богатейший запас кормовых веществ, за счет которого Волго-каспийский район дает такое большое количество рыбы¹.

Из приведенного ясно зависимость кормовых ресурсов рыболовства от обвалования дельтовых площадей, с чем непосредственно связано развитие сельского хозяйства в ущерб рыбному. А мы должны не разрушать, а создавать благоприятные условия для увеличения рыбных ресурсов. В связи с этим необходимо прекратить практику разрывания сельского хозяйства в дельтовых пространствах, а также дальнейшее возведение земляных валов, особенно в нижней части дельты р. Волги, являющейся сплошным нерестилищем важнейших промысловых пород рыб.

Однако из всего этого не следует, что расширение сельского хозяйства в Волго-каспийском районе должно быть приостановлено. Но развитие его не должно производиться за счет рыбного хозяйства. Для сельского хозяйства могут быть использованы бугровые возвышения дельты Волги, а также пространство дельты выше линии Астрахань, Красный Яр и все Ахтубинская пойма, по своему плодородию равноценная дельте Волги.

Экспертная комиссия по вопросам сельского хозяйства и мелководия Волго-ахтубинской поймы и дельты р. Волги в своем заключении отмечает, что «широкое использование поймы и дельты интенсивными культурами не должно противоречить интересам рыбного хозяйства, имеющего преобладающее значение в большей части дельты р. Волги».

Один из сторонников развития в дельте Волги сельского хозяйства Коломейцев мотивирует необходимость этого следующими соображениями:

«Главнейшими преимуществами дельты являются: продолжительный теплый сезон — 3500° тепла за с.-х. сезон, высокая летняя температура при большом количестве солнечных дней, обилие воды и доступность орошения. Дело вовсе не в том, что ежели культивируемые в дельте растения «после спада воды всегда и везде требуют искусственного полива», то и условия для сельского хозяйства в дельте нигде негодны. Для чего дожди при наличии волжской воды? Для культуры нужных растений, фруктов и винограда требуется солнце, сухой воздух, т. е. как раз то, чем мы так богаты и чем нас так щедро одарила природа. Во многих случаях дожди бы нам причинили только вред, а дельту превратили бы в сплошное кислое болото, и она прежде всего потеряла бы свое значение кормовой базы для рыбного хозяйства Волго-каспийского района. Природа мудро разрешила вопрос, создала условия, благоприятствующие как рыбному, так и сельскому хозяйству. То, что дельта р. Волги по климатическим условиям представляется наиболее благоприятным участком для интенсивного сель-

ского хозяйства, признаю давно и нет никакой надобности оспаривать это положение, как то пытался сделать проф. Киселевич. Ранняя весна и сухое продолжительное лето позволяют снимать двойной урожай огородных культур с одной и той же площади и, что особенно важно, получить раннюю продукцию овощного хозяйства, позволяющую при наличии удобных и дешевых путей сообщения (водных) вывезывать ее в крупные рабочие центры. В данный момент, когда требуется увеличение продовольственных ресурсов в нашей стране, проблема вывозки ранней овощной продукции для рабочего потребления приобретает исключительное значение. Район дельты вполне отвечает этому требованию и по климатическим и по географическим условиям¹.

Автор этой точки зрения ратует за увеличение продовольственных ресурсов в нашей стране, он за выгоду ранней овощной продукции для рабочего потребления и т. д. Снабжение рабочих центров рыбными продуктами в меньшей степени интересует сторонника развития сельского хозяйства в дельте. А ведь разрывание сельского хозяйства на дельтовых островах подрывает кормовую базу для рыбы и тем самым наносит непоправимый вред рыбным запасам Волго-каспийского рыбопромышленного района. Между тем сельское хозяйство может быть развернуто в верховьях Волги, что невозможно в отношении рыбного хозяйства, так как оно по своим естественным условиям непереносимо.

От правильного решения этого вопроса зависит судьба крупнейшего в мире Волго-каспийского района рыболовства и рыболовства, являющегося важнейшей продовольственной и экспортной базой Советского Союза. К решению его следует привлечь широкие круги советской общественности и заинтересованные организации.

III. Сырьевые возможности Волго-каспийского района рыболовства

В море и на р. Волге Волго-каспийского района ловятся по потребительской классификации следующие породы рыб:

Красная рыба	Частиковые		
	Крупная	Средняя	Мелкая
Белуга	Сом	Щука	Тарель
Осетр	Лень	Жерех	Сала
Севрюга	Судак	Сельдь	Белогазка
Белорыбца	Сазан	Вобла	Чехонь и др.

В новых районах рыболовства (Жилая коса, Прорыв и Мангильякское побережье) ловятся красная рыба, морской судак, вобла, доатинская сельдь, килька.

Для характеристики улова рыбы в Волго-каспийском рыболовном районе приведем следующие цифры, относящиеся к последним 20 годам (в тыс. ц).

¹ См. ст. проф. Киселевича. Рыбу не только ловить, но и разводить. «Коммунист» от 3/1 1930 г.

¹ См. ст. Возможно ли в дельте Волги одновременно развивать рыбное и сельское хозяйство (из ст. проф. Киселевича). «Коммунист» от 28.11 1930 г.

По данным Ф. Загородникова

Годы	Кр. рыба	Сельдь	Вобла	Сулак	Сазан	Лещ	Прочие	Всего
1910	135	661	1.600	179	85	78	327	3.083
1911	214	444	1.244	133	144	108	337	2.625
1912	169	1.197	662	209	160	87	430	2.926
1913	178	2.306	828	278	217	80	964	4.280
1914	102	2.722	1.032	151	115	82	224	4.463
1915	94	1.277	1.191	102	218	64	221	3.167
1916	59	1.351	1.433	190	306	139	126	3.777
1917	59	2.086	1.615	309	305	105	261	5.042
1918	29	1.051	538	66	58	33	50	1.125
1919	11	777	334	59	58	9	22	1.670
1920	14	490	506	81	57	29	84	1.253
1921	15	437	704	147	58	35	96	1.481
1922	24	594	1.281	207	80	71	91	2.311
1923	25	753	1.215	267	53	63	113	2.491
1924	48	606	1.104	322	75	153	159	2.406
1925	76	1.006	1.642	404	143	268	229	3.868
1926	77	914	2.216	532	88	352	230	4.413
1927	76	923	917	302	43	206	421	2.948

По данным Союзрыба.

Годы	Красная рыба	Сельдь	Вобла	Крупная частиковая	Мелкая частиковая	Всего
1928	107	666	1180	638	304	2896
1929	101	416	1984	1174	381	4068
1930	134	404	2119	1257	420	4336

(млн.)

Рыболовство и рыбная промышленность района достигли своего максимума в 1913—1914 гг. В 1926 г. улов рыбы приблизился к довоенному. Что касается 1917 г., когда улов рыбы достиг 5 млн. ц (30,5 млн. пуд.), то это следует отнести за счет хищнического истребления рыбных запасов района: рыбные ямы и береговой запретный полосу подверглись разгрому и облову, что отрицательно отразилось на запасах Волго-каспийского водоема.

В 1914 г. в Волго-каспийском районе рыболовством занято было 95 тыс. человек, в том числе морских ловцов 65 тысяч и речных 30 тысяч. За счет моря до войны в районе добывалось в среднем 63% рыбы, остальное должно быть отнесено за счет речного лова. Улов рыбы в Волго-каспийском районе производился ловцами нательными, на долю которого приходилось в среднем 73,5% неводной тягой (назвонной силой) добывалось 26,5%.

В революционный период произошло резкое изменение в сторону снижения морского лова и увеличения речного рыболовства (улов в море в среднем 40—50% против 50—60% речного улова). В основном это объясняется тем вредительством, которое имело место в Волго-каспийском рыболовстве, преследуя цель снижения добычи рыбы в районе равно и тем, что за время гражданской войны рыбная промышленность Волго-каспийского бассейна пришла в упадок. Особенно пострадал морской ловческий промысел. В конечном итоге добыча рыбы в Волго-каспийском бассейне значительно снизилась (1.253 тыс. ц в 1920 г. против 4.250 тыс. ц в 1913 г.). Лишь в 1926 г. улов возрос до 4.413 тыс. ц, превзойдя даже 1913 г., но в последующие годы улов рыбы по району снова дал резкое снижение (2.948 тыс. ц в 1927 г.).

Колебания в уловах рыбы по Волго-каспийскому рыбопромышленному району объясняются низким состоянием техники и организации добывающего промысла, гидрометеорологическими условиями и биологическими свойствами (плохой выход малька), что стоит в связи главным образом с условиями икрометания и т. д.

При рациональной организации, повышении техники добывающего промысла и должном использовании сырьевых запасов Волго-каспийского водоема уловы могут быть значительно повышены против максимальных уловов довоенного времени. Поэтому запретируемая пятилетним планом контрольная цифра в 6,5 млн. ц (39,5 млн. пуд.) для 1933 г. вполне реальна.

Главнейшей трудностью является неучтенность рыбного хозяйства. Мы не знаем исходных путей, основных обихов наших рыб. Не знаем путей их следования и — самое главное, что хуже всего — не знаем естественных запасов. Рыбная наука очень сложна, и беда наша заключается еще в том, что она совершенно не связана с практическими задачами, а нас на сегодняшний день больше всего интересует, сколько и каких именно рыб можно взять безболезненно и где — в каких районах можно взять рыбу при минимальных затратах*.

Следовательно не случайно, что отдельные работники считают запретируемую контрольную цифру на 1933 г. 6,5 млн. ц для Волго-каспийского рыболовства непосильной, обосновывая это тем, что в водоемах бассейна рыбные запасы истощены. Такой точки зрения придерживается между прочим проф. Киселевич, не раз высказывавший эту мысль свою.

«Волжской сельди, — говорит проф. Киселевич, — в этом году было очень немного видимо потому, что она или заменяется или вытесняется долговичной сельдью. Немножко ее в дельту (погода и температура воды благоприятствовали ей) и объясню уменьшением запасов ее вообще. Тем более, что аналогичная картина, выраженная несколько слабее, замечалась и в два предыдущих года, к тому времени в море оказалось масса каспийского пузанка. Совершенно не войти в реку сельди не может, а поэтому, если в ближайшие дни не увеличат добычу (речь идет о несенной путине 1930 г. — А. С.), значит запасы действительно мизерны».

В противовес утверждениям проф. Киселевича приведем мнение знаменитого Научного рыбохозяйственной станцией Т. Болховитинова*, который заявил, что в «море этой весной можно было взять гораздо больше сельди (план сельди 1.470 тыс. ц против среднего довоенного 900 тыс. ц — А. С.), если бы была организован морской лаубежной лова».

И действительно, «сельдь» появилась в море (у Синего Моря) еще 1 мая. В этом районе шалады Гусьрейтреста принимали в сутки по 300—500 ц. Густые косяки сельди появились в море в конце 2-й, в начале 3-4-й пятиневки, ловцы снимали с переборки по 20—25 ц сельди. Густыми косяками также шла сельдь во 2-й пятиневке, при исключительно хорошей погоде, в восточном районе Каспия-денгирском, но ловцов в море было мало». Это же подтверждается и другими источниками: «18 мая в районе Белинского банка, на глубине от 3 до 4 м подошла сельдь в огромном количестве. Сельдь шла настолько

* См. ст. Перспективы рыбного хозяйства Волго-каспийского района. «Коммунист» от 29/IV 1930 г.

* См. Промыслы путин. «Поволжская правда» от 23/IV 1930 г.

* См. «Коммунист» астраханский от 22/IV 1930 г.

* «Правда» от 25/V 1930 г.

густо, что плавные порядки находившегося там сеподенника под тяжестью селды легли на дно»¹.

Таким образом заявление проф. Киселевича об истощении рыбных запасов в водах Волго-каспийского рыболовства принимать всерьез не следует, тем более, что он это же предсказывал и в отношении воблы (в связи с недоловом ее в весеннюю путину 1927 г.). Однако жизнью это было опровергнуто, и в последующие годы улов воблы превысил плановые задания (в 1929 г. воблы выловлено 1.984 тыс. ц, или 163% плана; перевыполнение плана по вобле имело место и в 1930 г.). Следовательно дело недолова рыбы в ту или другую путину не столько зависело от сырьевой базы (план добычи рыбы соответствовал запасам сырья), сколько от нашей неорганизованности, от применения допотопных орудий лова и от игнорирования морского глубинного лова. Вот что является основным в недоловах, а не истощение запасов, как это утверждает проф. Киселевич.

Остановимся еще на точке зрения другого специалиста — рыбака Загородникова, сводящейся к тому же, что изъятый темп улова 6,5 млн. ц для 1933 г. не реали.

«На 1930 г., — пишет Загородников, — контрольные цифры правительства намечают добычу 4,5 млн. ц и на 1931 г. 5 млн. ц. Последняя цифра является максимальной за все время существования Волго-каспийского рыболовства, превышая на 7% добычу рыбы-сырца, намеченную пятилеткой рыбной промышленности по району на 1933 г. Дальнейшее увеличение добычи возможно лишь после проведения ряда культурных мероприятий в области добывающего промысла, которые могут реализоваться не ранее 3-6 лет. Таким образом цифра добычи 5 млн. ц является последней на ближайшее пятилетие»².

Если проф. Киселевич при оценке темпов улова по рыбной пятилетке исходил из сырьевых запасов Волго-каспийского рыбопромышленного района, то Загородников основывает свое мнение отсталостью добывающего рыбного промысла (добыча рыбы допотопными орудиями производства). Взгляд Загородникова на рыбную промышленность Волго-каспийского рыболовства более обоснован и требует серьезного отношения к себе. Но с Загородниковым нельзя согласиться в одном — в том, что он считает необходимым отодвинуть проведение культурных мероприятий (механизация, рационализация и т. д.) в рыбную промышленность до второй пятилетки.

Выполнение рыбной пятилетки Волго-каспийского рыболовного бассейна вполне возможно, но для этого необходимо, во-первых, произвести мелкоразмерные работы ходовых путей, нерестилищ и кормовых площадей, т. е. оказать воздействие по линии мелiorации мест икрометания — плотов и ильменей, — что будет способствовать народолюбивости вполне достаточного количества мальков для замены вылавливаемой взрослой рыбы. Во-вторых, необходимо культивировать искусственное рыбозаведение, применять искусственное оплодотворение икры имеющихся в бассейне пород рыбы и производить пересадку рыб в водоемы Волго-каспийского района за счет других районов рыболовства.

Кроме того до сего времени не заострен вопрос борьбы с хищными породами рыб, истребляющих молодь и взрослых рыб. По данным проф. Киселевича средний годовой улов судака, составляющий за последнее десятилетие около 230 тыс. ц (1,4 млн. пуд.), дается ценой поедания 4,6 млн. ц (28 млн. пуд.) других пород. Это количе-

ство заметно превышает весь годовой улов всех пород рыб Волго-каспийского района³.

А кроме судака в Волго-каспийском районе водятся и другие породы хищных рыб (щука, жерех, сом и т. д.). Например, чтобы щук увеличиться в весе на 1 кг, она должна истребить около 25 кг других рыб. В пределах дельты Волги и Каспия имеются хищные птицы (бвляк, пелikan и др.), которые тоже уничтожают громадное количество рыб.

Необходимо также обеспечить охрану рыбных ям (нерестилищ). Этому вопросу уделялось до сих пор очень мало внимания. Хуже того — мероприятия по борьбе с незаконным обловом нерестилищ дискредитировались, а иногда в целях выполнения плана мера облова даже поощрялась. В связи с этим не лишне привести такой характерный случай. В весеннюю путину 1930 г., когда перед рыбными организациями Астрахани встал вопрос об ответственности за выполнение плана рыбной путины, руководители рыбопромышленных организаций (Волго-каспийского госрыбтреста) поставили своей целью выполнения план весенней путины за счет хищнического разрома рыбных ям, толкнув на это и ловческое население. Кстати сказать, эта мера была поддержана астраханским руководством. По вопросу о разроме рыбных ям проводил беседу с сотрудниками местной газеты с председателем Волго-каспийского госрыбтреста т. Андриановым, который заявил следующее:

«Кто вам это сказал? Прошлые путины трест охранял запретные воды только потому, что был частник и рыба могла попасть к нему. Теперь частника нет, поэтому вся рыба, выловит ли ее обловщик или колхозник, все равно попадет на государственный промысел. И чем больше ее будет выловлено, тем лучше. А откуда она — из водных или запретных вод, это не суть важно»⁴.

Из этого рассуждения следует, что Волго-каспийский госрыбтрест махнул рукой на охрану рыбных богатств в водах Волго-каспийского рыболовства, лишь бы выполнить план. Для этого все средства хороши.

Необходимо далее отказаться от развития сельского хозяйства в нижней части дельты Волги, приносящего ущерб рыбным запасам Волго-каспийского рыболовного бассейна, так как разделение с.х. культур связано здесь с обвалованием (возвышением земляных валов) дельтовых участков, изъятых из общей автопоемной поймы водной площади.

Отметим также, что рыбопромышленные организации Астрахани должны перейти от речного лова рыбы к морской глубинной ловле в водах Каспия, доведя добычу рыбы в море до 75 — 80%. Фактически же, вопреки решению партии, активизируется речной, а не морской лов.

В целях наилучшего прохода рыбы в дельту Волги необходимо в самом срочном порядке прорыть банки, как-то Никитинского, Беллинского и др., имеющих большое рыбопромышленное значение, особенно во время хода волжской селды.

Необходимо также изменить социально-экономическое лицо существующих промыслов (подкустарных) Волго-каспийского района, подведя под них научно-техническую базу и ориентируясь на более

¹ «Поволжская правда» от 21/V 1930 г.

² См. ст. Ф. Загородникова, «Поволжская правда» от 26/II 1929 г.

³ К. А. Киселевич, О состоянии рыбных запасов в Волго-каспийском районе к весне 1928 г.

⁴ См. Писарь Васильевич, «Экономическая жизнь» от 4/V 1930 г.

крупный промысел («промысел-фабрика»), оборудованный по последнему слову техники.

Наконец следует организационно закрепить существующие и Волго-каспийском районе ловческие колхозы и не ослабить дальнейших мероприятий по коллективизации ловческого населения как важнейший фактор, который несомненно изменит социально-экономическое лицо ловческого хозяйства, в связи с чем этот промысел в своих темпах значительно возрастет.

При социалистической организации рыбного хозяйства, при повышении технического уровня его и надлежащем использовании сырьевых ресурсов Волго-каспийского района уловы здесь могут быть значительно увеличены.

IV. От полукустарного промысла к промыслу-фабрике

Советарком Союза в своем постановлении от 6/VII 1929 г. о мероприятиях по развитию рыбного хозяйства кладет начало форсированному темпу реконструкции рыбной промышленности.

Необходимо обеспечить возможность скорейшего перехода обрабатывающей и добывающей отрасли рыбной промышленности к индустриальным методам производства. В рыбной промышленности нашей страны еще сохранились дореволюционные формы организации труда и производства. И Волго-каспийский район в этом отношении не является исключением. «Рыбное хозяйство (Волго-каспийского района — А. С.), — говорит Рыскулов, — ведется на полукустарных началах, а организаторская работа — по линии поднятия производительности труда, усовершенствования, не говоря уже об основной механизации, хотя бы по линии простейших орудий, — почти совершенно не ведется»¹.

В довоенный период вся выловленная рыба Волго-каспийского бассейна перерабатывалась на промыслах, расположенных в береговой полосе северной части Каспийского моря, в дельте р. Волги и в г. Астрахани. В 1915 г. в районе была 771 промысловая единица, емкость которой исчислялась в размере не менее 3.000 тис. ц. Все эти промыслы принадлежали частным владельцам. И в тисе промыслов были и очень крупные, емкостью 65 — 70 тис. ц. и очень мелкие, емкостью в 840 — 850 ц. но все они отличались примитивностью устройства и имели полукустарный характер. Механизация процессов улова и обработки рыбы не применялась совершенно.

Для характеристики промыслов Волго-каспийского района приводим таблицу распределения промыслового фонда по рыбопромышленным организациям.

Наименование организаций	Промысловый фонд		Емкость промыслов в 1.000 ц.			
	Число пром.	В % к общему итогу	Холод. посола	В % к общему итогу	Теплого посола	В % к общему итогу
ВКУ	116	45,8	633	36,3	126	21,1
ВК Госрыбтрест	74	29,2	851	48,9	316	55,4
Казаньрибтрест	7	2,8	34	2,0	15	2,7
Ловческая кооперация	51	20,2	176	10,0	104	18,3
Окр. рыб.	3	2,0	47	2,7	8	1,5
Всего	253	100	1742	100,0	571	100,0

¹ См. ст. Рыскулова. Задачи колхозного движения. «Поволжская правда» от 30 XI 1929 г.

В этой таблице обращает на себя внимание прежде всего то, что за революционный период количество промысловых единиц значительно снизилось (253 единицы в 1930 г. против 771 единицы в 1915 г.). Снижение количества промыслов по Волго-каспийскому району в основном произошло в результате упразднения целого ряда карликовых промыслов, т. е. наиболее убыточных. Главному заготовителю — Волго-каспийскому госрыбтресту — из общего фонда промыслов принадлежит 29,2% — 74 единицы, емкость которых 48,9% холодного и 55,4% теплого посола. Тресту принадлежит также 10 плавид (морские плавучие промыслы) емкостью 37,9 тис. ц. Это соотношение в распределении промыслового фонда между рыбопромышленными организациями названного района к осеней путине 1930 г. еще изменилось в сторону усиления Волго-каспийского госрыбтреста, так как по постановлению правительства к последнему перешла от ловческой кооперации обрабатывающая отрасль рыбной промышленности.

Несмотря на то, что по Волго-каспийскому бассейну произошло заметное сокращение промысловых единиц против довоенного, все же рыбная промышленность этого района остается чрезвычайно разнородной, полукустарной и разбросанной на огромном пространстве района, что очень затрудняет осуществление реконструкции и механизации.

«Социальная реконструкция, которая только и делает возможной реконструкцию техническую, является основным условием для полного переворота в нашем отсталом ограниченном рыбном хозяйстве, располагающем поистине колоссальными, но нетронутыми резервами. Наша страна исключительно богата самой разнообразной рыбой, а наши рынки бедны ею... Миллионы гектаров ценнейших водоемов эксплуатируются в очень ограниченных размерах или не используются вовсе. Причины заключаются прежде всего и главным образом в раздробленности рыбачьего хозяйства, его отсталости и связанном с этим низким уровнем механизации добычи и обработки»².

Многочисленность и разбросанность промыслов не создает благоприятных условий для применения механизации, рационализации, являясь большим тормозом на пути индустриализации рыбного хозяйства. Лишь при концентрации обрабатывающего промысла будет надлежит необходимая база для развития механизации и широкой рационализации производства. «Рационализация, — говорит германский инженер Бабер, — обрабатывающего рыбного промысла идет в первую очередь по линии механизации процесса обработки рыбы, т. е. замены ручного способа разделки рыбы машинным, и только во вторую очередь идет по линии улучшения и механизации транспортировки рыбы как внутриводоемной, так и вневодоемной. К этому следует прибавить, что обработка каждой индивидуальной рыбы может быть в ближайшем будущем настолько механизирована, что до 80% всей рыбы в Волго-каспийском районе может быть обработано механическим путем; это должно привести к большой экономии в рабочей силе на промыслах» (из доклада Бабера в ноябре 1929 г. на правлении ВК треста).

Перед рыбной промышленностью, особенно в период затруднений с продовольственными продуктами в стране, стоят поистине грандиозные задачи и по линии качества обработки рыбы-сырца и по линии количества добычи рыбы. Осуществление этих задач можно будет добиться только при условии изменения социально-экономического

² «Правда» от 28/IV 1930 г.

лица рыбной промышленности, большого и малого рыболовства Союза, а главное основного Волго-каспийского рыбопромышленного района.

«Какой-либо системы или увязки в строительстве промыслов и довоенное время совершенно не было; рядом с мощными промыслами возникали мелкие, карликовые, в некоторых местах они были построены с избытком, в других их было мало. В силу этого вызывались большие излишние расходы, сильно удорожающие себестоимость продукции. Это обстоятельство и заставляло при разрешении вопроса об эффективности капиталовложения прежде всего выяснять вопрос о рациональной расстановке промыслов. Нужно выявить перспективы развития каждого промысла и наметить конкретный план перехода к рациональной дислокации. Лишь в этом случае реконструкция рыбных промыслов даст соответствующий производственный и экономический эффект... Старый полукустарный рыбный промысел отжил свой век и должен уступить свое место новому механизированному производственному промыслу со всеми новейшими достижениями как в области производства, так и обслуживания рабочих»¹.

Поэтому ближайшей задачей рыбной промышленности Волго-каспийского района является — создать механизированный промысел, реконструируя его в направлении наилучшего использования емкости, увеличения нагрузки, уменьшения числа обрабатывающих промысловых единиц, механизации, улучшения обработки рыбы-сырца, утилизации отходов и использования прочих условий рационализации рыбной промышленности.

Изменяя социально-экономическое лицо рыбной промышленности, резко изменится и тип промысла Волго-каспийского рыболовства, и существующий полукустарный промысел в этой отрасли промышленности должен будет уступить свое место новому индустриальному «промыслу-фабрике». Где именно должны быть выстроены такие «промыслы-фабрики»? Это — важнейший вопрос рациональной дислокации и реконструкции рыбных промыслов. Расположение существующих промыслов нерентабельно и вызывает излишние расходы в обрабатывающем промысле, тем самым повышая себестоимость рыбной промышленности. При этом основная масса промыслов — 87% — расположена в пределах дельты Волги, остальная же часть расположена по побережью северного Каспия. Речные промыслы имели преимущества перед морскими, так как расположение первых территориально было ближе к промышленно-экономическому центру Волго-каспийского рыболовного бассейна — г. Астрахани. Близость города снижает транспортные и накладные расходы, и реализация готовой рыбной продукции протекает с небольшой затратой средств.

«Все рукава дельты Волги имеют единый центр — Астрахань. Поэтому пригородные промыслы занимают наиболее выгодное положение, находясь в вершине дельты Волги, они имеют связь со всеми участками реки и моря и могут снабжать как речным, так и морским сырцом. Изменение хода рыбы по отдельным банкам и участкам моря на них не столь сильно отражается, как на других промыслах. С притоком банка и рационализацией приемного флота роль пригородных промыслов еще более усилится. Они тратят меньше средств на переработку материала и рабочей силы, у них меньше расходы по доставке и отгрузке рабочих. Они не требуют больших запасов материалов и рабочей силы, что имеет огромное значение в производстве. Эти промыслы могут пользоваться коммунальными услугами — город-

ской электростанцией, водопроводом, телефоном, жилищными и прочими сооружениями. Они расположены близ железной дороги и пристаней, поэтому имеют возможность в любой момент реализовать свой продукт. Наконец, и это самое главное, обработка рыбопродуктов на городских промыслах является наиболее дешевой по сравнению с другими промыслами»¹.

Таким образом укрупнение и концентрация должны идти путем создания в узловых пунктах Волго-каспийского района промыслов-фабрик с мощной пропускной способностью и за счет пригородных промыслов, т. е. строительством промыслов-фабрик по производственно-экономическим соображениям должно производиться на территории г. Астрахани. При этом рассчитывать на расширение и реконструкцию могут лишь те промыслы, которые расположены на территории важнейших банков рыболовного бассейна: Главному, Белинскому, Камызякскому и Домбровский; промыслы же, расположенные в водоемах второстепенных банков, обречены на отмирание. Ведь ясно, что отказ от примитивного способа добычи рыбы и обработки рыбы-сырца на промыслах района возможен лишь по мере механизации отдельных процессов производства, но экономический эффект механизации возможен лишь на крупных промыслах. В этом случае концентрация обрабатывающего промысла и механизация его не могут быть рассматриваемы вне связи друг с другом. И в области рыбной промышленности (строительство холодильников, коптел, подсобных производств, механизация процессов производства, постройки жилищ и т. д.) рационализация сопряжена со значительными затратами средств и не под силу разрозненным мелким промыслам. Лишь на промыслах-фабриках налицо благоприятные условия для механизации и рационализации производства. Вместо существующих в районе 253 промыслов к концу пятилетия должно быть 40 — 50 промыслов-фабрик.

Начало крупному строительству в рыбной промышленности района кладется в текущем году. В Волго-каспийском районе на территории Астрахани приступлено к постройке крупнейшего в Европе рыбоконсервного комбината с ежегодной производительностью в 30 млн. рублей. Богатейшие запасы сырья Волго-каспийского района позволяют комбинату ежегодно производить 60 млн. банок консервов, 45 тыс. ц филейной продукции, 8 тыс. ц желатина и клея, 11 тыс. ц коры муки, тука и жиров и до 600 ц гуанина. Рыбоконсервный комбинат будет одним из колоссальнейших сооружений в Волго-каспийском районе. Что же касается промыслов-фабрик, то они только проектируются и к строительству их мы еще не приступили.

По добывающему промыслу дело с механизацией и рационализацией обстоит не лучше, чем в обрабатывающем производстве. До сих пор применяются здесь самые примитивные орудия лова. Никакого прогресса в рыбном хозяйстве Волго-каспийского района не произошло. Никаких новшеств, никакой рационализации ни в области промышленности, ни в жилищно-бытовых условиях рабочих промыслов.

Рационализация в рыбной промышленности Волго-каспийского района может быть достигнута, во-первых, соответствующей группировкой емкости на территории, во-вторых, механизацией промыслов и тоней, в-третьих, созданием предприятий для выработки продукции улучшенного качества. В морском лове рыбы в целях механизации работы применяются подъемники, а при речной добыче рыбы тоня промыслов постепенно переключаются на механизированную тягу (лебедь-

¹ См. ст. Ф. Загородникова. От мелких кустарных промыслов к крупным промышленно-фабрикам. «Новая жизнь» от 26/31 1929 г.

² См. ст. Ф. Загородникова, там же.

ки). В обрабатывающей отрасли промышленности могут быть применены заводы, производящие механическую валавку рыбы из прорезей, резальные машины для резки рыбы, механический ледотаск по навишке ледников, льдодробилки и др.

Капиталовложения в строительство рыбной промышленности Волго-каспийского района пятилеткой определены в сумме 136,5 млн. рублей, которые распределяются по отраслям рыбной промышленности в следующем порядке: по линии добывающей отрасли вкладываются 54 млн. руб., по линии обрабатывающей отрасли — 70,6 млн. руб., в жилищно-коммунальное и культурно-бытовое строительство — 8,5 млн. руб. Эта сумма вполне обеспечивает реконструкцию, механизацию и рационализацию рыбной промышленности Волго-каспийского района.

Вложения по Волго-каспийскому району за ряд лет в ценах соответствующих лет составили (в млн. руб.):

	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
По госпромышленности	3,3	2,9	4,4	13,5	23,3
По госпромышленности вместе с кооперацией	3,3	2,9	4,4	24,8	31,1

Общая сумма капитальных вложений в рыбное хозяйство Союза ССР определяется в следующих величинах (в млн. руб. по ценам соответствующих лет):

1929 г.	32,8
1930 г.	143,0 ¹
1931 г.	150,0 (по к.п.)

Рыбное хозяйство Волго-каспийского района в 1931 г. получает таким образом 31 млн. руб. против исчисленной Нижне-вожжским крайпланом суммы в 60 млн. руб. Возможно, что заявка крайплана преувеличена, однако при вложениях в 31 млн. руб. реализации плана добычи рыбы (почти в 6 млн. ц) и переработки улова, равно и выполнения плана механизации промысла представят значительные трудности.

К рыболовству и рыбной промышленности необходимо подходить как к комплексной проблеме, учитывая ее, с одной стороны, с сельским хозяйством, с другой — с рядом других отраслей — лесопильной промышленностью, деревообрабатывающей промышленностью, судостроением, двигателестроением, сетевязанием и пр. Только такой подход обеспечит надлежащее развитие рыбного хозяйства.

Рассматривая распределение капиталовложений по характеру работ в рыбной промышленности Волго-каспийского госрыбтреста, мы обнаружим в общем неутешительную картину.

	1927 г.	1928 г.	1929 г. (по пром- финплану)	1930 г. (по к.п. судьям)
Новострой	764,6	997,0	1.022,1	6.150
Капитальный ремонт	975,7	551,3	597,2	1.000
Реконструкция	1.572,4	1.418,2	780,7	4.150
В том числе:				
а) производственные сооружения	1.054,7	961,9	178,0	2.115
б) жилищно-комму. строительство	403,1	333,3	502,7	1.335
в) механизация	114,6	103,0	50,0	575
г) научно-исследоват. работа	—	—	50,0	125

¹ Сюда включены фактические вложения по госпромышленности, вложения по кооперации и т.п. по плану.

Из приведенных цифр мы видим, что затраты капитальных средств на механизацию и производственные сооружения из года в год снижались. Это является лучшим доказательством того, что в рыбной промышленности Волго-каспийского района дело со строительством обстояло далеко неблагоприятно, что в значительной степени должно быть объяснено действиями вредителей, прочно обосновавшихся в этой отрасли хозяйства.

Из показаний вредителя Арцибушева например следует, что срыв реконструкции и механизации в рыбной промышленности Волго-каспийского района проводился в заранее обдуманном и организованном порядке, поэтому не случайно, что рыбная промышленность района сохранила до наших дней капиталистическое наследие — отсталую технику и полукустарный тип обрабатывающего промысла, что и сказывалось недоловом рыбы и плохим качеством обработки ее. Вообще говоря, эта отрасль хозяйства в силу вредительства в ней приняла в упадок.

Базой переделки рыбной промышленности Волго-каспийского района должна явиться социалистическая реконструкция, концентрация и укрупнение промыслов и механизация лова рыбы. Только при этом условии возможно будет достичь намеченных пятилеткой повышенных темпов улова и улучшить качество обработки рыбы-сырца.

П. Москвин

К вопросу об изучении народного дохода СССР¹

Введение

Исключительное значение проблемы исчисления народного дохода в условиях советской экономики как наиболее синтетического результативного показателя очевидно.

Активная политика в области планирования, направленная к построению социализма в нашей стране, предполагает в качестве отправного момента учет материальных ресурсов, которыми на данный момент располагает народное хозяйство. То же плановое строительство предполагает в качестве своей базы познание характера распределения этих ресурсов между отдельными секторами и социальными группами населения. Этими положениями собственно и определяется характер и объем работ по исчислению народного дохода.

Как и всякая другая экономико-статистическая проблема, задача исчисления народного дохода может быть разрешена лишь на базе марксистской теории. Наглядной иллюстрацией невозможности разрешить последнюю, отталкиваясь от какой-либо другой теории, могут послужить производившиеся в этой области рядом буржуазных экономистов работы.

Нужно сказать, что в капиталистических странах исчисление народного дохода имеет весьма долгую историю. Мы имеем примеры расчетов, составленных за несколько столетий от нашего времени. Конечно как по состоянию статистического материала, так и по характеру методологической проработки самого вопроса они не могли не быть довольно примитивными. Но и расчеты последнего периода, производившиеся на основе несравненно более богатого фактического материала и с применением более совершенных технико-статистических приемов, что уже само по себе обеспечивает и более полный охват явления и большую точность его учета, нас удовлетворить не могут. Всем им присущ такой органический порок, как отсутствие при изучении экономических явлений народнохозяйственного подхода.

Для ограниченного взгляда буржуазных экономистов с их индивидуалистическим мировоззрением и частично-хозяйственной на общественные явления установкой народный доход — не реальная общественная категория, составляющая в своих частях единое органическое целое, а простая статистическая сумма несоизмеримых между собой величин индивидуальных доходов. Для них, ошибочно разрывающих процессы производства и распределения, народный доход как сумма вещных благ, созданных в сфере общественного производства, и народный доход как сумма индивидуальных доходов — это принципиально-различные явления.

А отсюда вытекает противопоставление исторически выработанных двух методов учета народного дохода — реального и личного.

В первом случае исходит из представления о народном доходе как сумме вещных благ, созданных в сфере материального производства. Второй метод оперирует с ним, как с суммой индивидуальных доходов, величина которой и приравнивается к общему объему народного дохода.

Буржуазные экономисты, имея в качестве отправного момента не материалистическое познание общества, а его частично-правовую концепцию, разрывая в то же время процессы производства и распределения, рассматривают оба эти метода как имеющие дело с совершенно различными объектами исчисления. При этом с их точки зрения различие между этими объектами имеет место не только по линии их результата, но и по линии познания их сущности. Народный доход как сумма вещных благ и народный доход как сумма индивидуальных доходов для них — принципиально различные явления.

Отрицая за продуктом общественного производства значение реальной категории, они неизбежно приходят к тому выводу, что реальный метод имеет дело не с реальным процессом, а с некоторой фикцией, существующей лишь для более наглядного представления. Пирада для них и сумма индивидуальных доходов представляет такую же фикцию, как и чистая продукция, созданная в сфере производства. Но поскольку отдельные доходы для них — категории вполне реальные, постольку и личный метод, оперирующий с ними, находится ближе к действительности по сравнению с реальным. Мы стоим бы совершенно неправильно представление о характере методов учета народного дохода, имеющих место в буржуазной статистической практике, если бы не отметили, что и в данном случае объект учета реальным методом обычно весьма далек от чистой продукции в нашем понимании этой категории.

В подавляющем большинстве случаев здесь мы имеем такое нагромождение различного рода бухгалтерских категорий, что бывает очень трудно разглядеть среди них действительные элементы народного дохода. Так в качестве последних рассматриваются ввозимые из-за границы блага, или пренебрежение ввоза над вывозом. Часто сюда включается стоимость полезного имущества. Более того, в качестве элемента народного дохода некоторые последователи считают не только сумму стоимость поделенного имущества, но и выгоды от него получаемые.

Не менее ошибочными являются способы исчисления народного дохода и личным методом. Для буржуазных экономистов, ошибочно разрывающих процессы производства и распределения и рассматривающих последние как две самостоятельные, управляемые своими законами области, свойственна и другая ошибка — это отсутствие разграничения процессов распределения и процессов перераспределения. Обе эти ошибки как раз и приводят к представлению о народном доходе как сумме абсолютно самостоятельных и по характеру создания и по характеру получения величин.

А отсюда для них проблема исчисления народного дохода личным методом становится совершенно неразрешимой, ибо, суммируя все индивидуальные доходы, независимо от источника их возникновения, они неизбежно приходят к сумме, превышающей истинные размеры народного дохода.

Ясно, что такие выводы для нас в корне неприемлемы. Как реальный, так и личный метод оперируют с одним и тем же объектом, а именно — вновь созданной в процессе общественного производства стоимостью. Различие между ними сподится лишь к тому, что они

¹ Некоторые положения автора являются дискуссионными. Ред.

настигают отдельные доли народного дохода на разных ступенях его кругооборота. Но для нас еще совершенно недостаточно признание того факта, что отдельные доходы — это простые части общественного продукта, части, сравнимые и сопоставимые друг с другом. Это последнее вытекает из понимания общественного продукта как некоего единства. Но единство общественного продукта — единство не простое, а единство противоположностей. А отсюда мы не можем подходить к народному доходу как в его целом, так и к отдельным его частям как к безразличным величинам. За движением отдельных долей народного дохода мы должны уметь проследить движение отдельных классов общества. А потому для нас совершенно неприемлем характерный для буржуазно-экономической мысли бесклассовый аспект народного дохода. В создании народного дохода и в его распределении участвуют различные классы и группы населения. А потому изучение социальной и классовой структуры народного дохода в наших условиях является элементарным требованием, лежащим в основе наших расчетов. Но различие отдельных доходов общества как различие внутри единства состоит не только в их социальной природе. Оно обуславливается и тем, получены ли доходы в порядке распределения или перераспределения³.

Проблема распределения и перераспределения в условиях капиталистической системы

Уже у классиков проблема распределения занимает чрезвычайно важное место.

Правда, рассматривая капиталистическую систему не как исторически преходящую общественную форму, а как неизменяющийся в своем естественном бытии правопорядок, они не в силах были вскрыть и действительные законы распределения. Само распределение рассматривалось ими как совершенно независимая, управляемая своими законами область. Последлассическая буржуазная политическая экономия характеризуется полным отсутствием научного подхода к данному вопросу. Несмотря на всю несостоятельность ряда решающих положений, выдаваемых классиками, у них все же можно было встретить хотя бы попытку правильной постановки этой проблемы. В последнем же случае мы имеем полное господство вульгарщины и эмпиризма.

Рассматривая народное хозяйство как простую сумму взаимно не связанных хозяйственных единиц, при анализе общественных явлений они пользуются признаками единоличного хозяйства. А потому, как мы уже отметили, для них является совершенно неразрешимой проблема исчисления народного дохода, в частности характеристика доходов как полученных в порядке распределения, так и доходов, полученных в порядке перераспределения. Впервые проблему распределения удалось разрешить Марксу.

Обычно распределение понимается как распределение продуктов между членами общества. «Однако прежде чем распределение становится распределением продуктов — оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) что представляет собой дальнейшее отношение того же определения — распределение членов общества по различным родам производства, подведение явлений под определенные производственные отношения. Распределение продуктов есть очевидно результатом этого распределения, которое включено в самый процесс

производства и которое обуславливает организацию этого последнего. Производство, рассматриваемое независимо от этого заключающегося в нем распределения, есть очевидно чистая абстракция, в то время как наоборот распределение продуктов дано само собой вместе с этим распределением, первоначально составляющим момент производства». (Маркс. Введение к критике политической экономии).

При изучении проблемы народного дохода нас интересует непосредственно вторая форма распределения. Но во всяком случае, возьмем ли мы распределение первого рода (распределение средств производства и рабочей силы), представляющее по выражению Маркса предэкономический факт, или возьмем распределение второго рода — распределение продуктов, в обоих этих случаях распределение не может рассматриваться как самостоятельная, управляемая своими законами область, как это мыслили представители классовых. В действительности оно является простым моментом единого целого процесса воспроизводства общественной жизни. Процесс воспроизводства общественной жизни для Маркса — это не ряд следующих один за другим изолированных, механически противопоставляемых моментов, а диалектическое единство процессов производства, распределения, обмена и потребления.

В своем знаменитом «Введении» Маркс дает исключительный по своей глубине анализ содержания этих моментов и их отношения друг к другу.

Как и всякая другая экономическая категория, распределение есть единство содержания и формы. Под содержанием его нужно понимать распадение общественного продукта на свои составные части в процессе его дележа между отдельными классами, под формой — ту социальную форму, в которой протекает этот процесс, или тот механизм, при помощи которого достигается это распределение. В условиях капиталистической системы такой формой распределения является рыночная форма.

При анализе природы общественного продукта мы указывали, что всякое производство выступает перед нами не как производство вообще, а как исторически и социально оформленное производство. Грубейшей механистической ошибкой является подход к последнему как к неизменному внеисторическому содержанию, облекающемуся в изменяющиеся исторические формы, так как процесс общественного производства является сам социально-оформленным содержанием. Такое же социально-оформленное содержание составляет и категорию распределения.

В явлениях распределения нужно различать два момента: раздел общественного продукта между отдельными хозяйственными единицами, совершающийся через цены, и затем его дальнейшее распадение между отдельными агентами производства. Ошибочно думать, что эти моменты составляют два изолированных, не связанных между собой процесса. Оба они находятся в состоянии диалектического взаимодействия.

До сих пор мы рассматривали распределительные отношения в их общем виде — без выделения из них процессов перераспределения.

Здесь возникает такой вопрос: насколько закономерно говорить об отношениях перераспределения как самостоятельных от отношений распределения моментах. Конечно предполагать наличие перераспределительных отношений вне системы распределения — это значит допускать явную ошибку. Очевидно, что там, где не было распределения, там нечего и перераспределять. И все же несмотря на это отношения

³ Более подробно о природе народного дохода см. нашу статью Народный доход и проблема производительного труда. «Вестник статистики» № 3-4 за 1929 г.

перераспределения составляют самостоятельный от отношений распределения момент, самостоятельный не в смысле их метафизического противопоставления, а в смысле их диалектического взаимодействия (различие внутри единства — процесса воспроизводства общественной жизни). Правда в конкретной действительности бывает очень трудно, а иногда и совершенно невозможно провести разграничение этих процессов, так как сами процессы распределения как выражения наиболее абстрактных законов хозяйственной системы выступают на поверхности явлений не в своем чистом виде, а скрываясь за отношениями перераспределения. А потому и разграничение этих процессов, выделение из них распределительных моментов возможно лишь путем применения метода абстракции.

Что же нужно понимать под этими двумя процессами? Под явлениями распределения в отличие от явлений перераспределения мы понимаем первичный раздел общественного продукта между отдельными хозяйственными единицами, и затем его дальнейшее распадение между агентами капиталистического производства. К отношениям же перераспределения мы относим отношения, возникающие между отдельными членами общества на базе перераспределения доходов, полученных в порядке первичного раздела вновь созданной стоимости. Поскольку к распределению относится раздел общественного продукта, постольку и цены должны быть рассматриваемы как моменты перераспределительных отношений.

К последним нужно отнести и наличие непроизводственной сферы, обуславливающей перераспределение между агентами общественного производства уже распавшегося на свои составные части общественного продукта.

Проблема распределения народного дохода является проблемой дележа общественного продукта между отдельными классами общества, а потому и раздел общественного продукта между хозяйственными единицами составляет простой момент распределения общественного продукта между самими классами.

Но все же в явлениях распределения нужно различать две указанные сейчас стадии. По этому поводу нужно будет сделать такие замечания.

В капиталистической системе, взятой уже в ее абстрактной форме, обмен товаров протекает по ценам производства; в действительности же он протекает по конкретным ценам, отклоняющимся не только от стоимости, но и от цен производства. А отсюда неизбежность перекачки общественной стоимости из одной сферы народного хозяйства в другую. Фактором такого перераспределения общественной стоимости являются таким образом не только конкретные цены, но и цены производства.

Но в то же время было бы ошибочным рассматривать цены производства как фактор перераспределения народного дохода в процессе дележа его между самими классами общества. Возьмем для простоты двухсекторную модель капиталистической системы с классом производительных капиталистов и классом производительных рабочих.

Процесс перераспределения общественной стоимости между отдельными отраслями народного хозяйства с точки зрения интересующей нас проблемы затрагивает лишь прибавочную стоимость, не затрагивая в принципе стоимости возмещения рабочей силы. Доход рабочего является в данном случае доходом, полученным в порядке рас-

пределения общественной стоимости, а не в порядке ее перераспределения.

Участие в разделе общественного продукта со стороны класса капиталистов в форме получения прибыли является односторонним процессом раздела общественного продукта между капиталистами и рабочими и раздела прибавочной стоимости между отдельными группами капиталистов. Прибыль, получаемая капиталистами пропорционально авансированному капиталу, составит категорию доходов, полученных в порядке распределения, а не в порядке перераспределения народного дохода.

Здесь мы имеем первичный раздел общественного продукта, протекающего на основе абстрактных законов капиталистической системы. Другое дело в отношении конкретных цен. Являясь отклонением не только от стоимости, но и от цен производства как закона капиталистической системы, устанавливающего размеры долей общественной прибавочной стоимости, приходящейся на отдельных капиталистов, — они составляют бессорный фактор перераспределения народного дохода.

С проблемой перераспределения общественной стоимости по указанию сейчас линии неразрывным образом связана проблема исчисления народного дохода реальным методом. Строго говоря, задача исчисления народного дохода реальным методом, в той же количественной определенности, в какой он создан в отдельных частях народного хозяйства, должна сводиться к определению вновь созданной стоимости в той же количественной определенности, в какой она создана в этих частях.

Постановка этой задачи в условиях капитализма носила бы схоластический характер; да и вряд ли она может быть здесь разрешена. Наоборот — одной из наиболее актуальных проблем, которые будут стоять перед системой социалистического учета, является учет продукции по трудовым затратам. Эта проблема как раз и будет сводиться к определению общественного продукта в той же количественной определенности, в какой он создан в отдельных частях народного хозяйства.

Предельной абстракцией капиталистической системы является ее двухсекторная модель с ее полюсами — классом производительных капиталистов и классом производительных рабочих. Такой предельной абстракции соответствует и распадение общественного продукта на заработную плату производительных рабочих и прибыль производительных капиталистов.

Усложняя затем нашу абстрактную схему допущением представителей торгового и ссудного капитала, а также земельных собственников, мы будем иметь и распадение общественного продукта на заработную плату рабочих, предпринимательский доход промышленных капиталистов, торговую прибыль, процент и ренту. Это конечно не должно быть поводом предполагать, что раздел общественного продукта путем цен и затем его дальнейшее распадение между отдельными агентами производства составляют два изолированных, не связанных между собой процесса. Оба эти момента находятся в процессе диалектического взаимодействия.

Всем этим доходам присуще одно им общее свойство — что все они своим непосредственным источником имеют вновь созданную стоимость, и как у таковых у них отсутствует признаков повторности. В дальнейшем эти доходы проходят следующую стадию, уже стадию перераспределения. Определенная доля доходов поступает в форме

налогов на содержание непроизводственного аппарата, другая их доля поступает продавцам непроизводительных услуг, производством которых может быть организовано в простой товарной и капиталистической формах. В последнем случае, так же как и в первом, имеются моменты перераспределения, поскольку услуги не составляют общественного продукта.

Это конечно не значит, что перераспределение доходов имеют другой, особый по отношению к вновь созданной стоимости источник. Но доходы, полученные в порядке перераспределения, в отличие от доходов, полученных в порядке распределения, образуются не непосредственно, а через ряд посредствующих звеньев. Такими посредствующими звеньями и являются доходы, полученные в порядке распределения.

Здесь возможен такой вопрос: можно ли считать все доходы, которые отнесены нами к доходам, полученным в порядке распределения, действительно таковыми, или правильнее было бы некоторые из них отнести к доходам, полученным в порядке перераспределения?

В самом деле, возьмем такие виды доходов, как доходы представителей торгового или ссудного капитала или доходы земельных собственников. Формально рассматривая, они тоже получены в порядке перераспределения части общественной стоимости — прибыли производителей. И в этом смысле к первичным доходам нужно было бы отнести только заработную плату производственных рабочих и прибыль производителей капиталистов. Но если посмотреть в сущность самого явления, то мы увидим совершенно иное. Можно ли проводить знак равенства между такими доходами, как торговая прибыль, или доходами полученными в порядке продажи непроизводительных услуг? Поскольку услуги являются непроизводительными услугами, поскольку их продавцы не могут быть рассматриваемы как агенты общественного производства, тогда как и представители ссудного капитала и земельные собственники являются таковыми. А ведь под распределением общественного продукта и нужно понимать процесс его распада на основные классы капиталистического общества.

Беря процесс капиталистического производства, взятый в целом, мы такую часть общественной стоимости, как прибыль производителей капиталистов, не можем еще рассматривать в качестве их дохода, который был бы получен на основе абстрактных законов капиталистической системы. Производительные капиталисты бывают вынуждены переуступить часть общественной стоимости другим носителям капиталистического способа производства. А потому процесс распределения капиталистической прибыли не может рассматриваться как процесс перераспределения доходов.

К вопросу о характеристике непроизводственной сферы, как фактора перераспределения народного дохода

Непроизводственная сфера как таковая может существовать лишь за счет общественного продукта, созданного в сфере производственного труда. В процессе первичного раздела общественного продукта этот последний целиком распадается между агентами общественного производства. А потому непроизводственная сфера источником своих доходов имеет не непосредственно вновь созданную стоимость, а вновь созданную стоимость, уже распавшуюся на свои составные части. А

отсюда вытекает и роль непроизводственной сферы как фактора перераспределения народного дохода.

Роль непроизводственной сферы как фактора перераспределения общественной стоимости проявляется в двойной форме: или в форме так называемого безвозмездного изъятия (налоговая система) на содержание различного рода надстроек, возвышающихся над экономическим базисом, или в порядке покупки непроизводительных услуг.

Здесь возникает такой вопрос, насколько закономерно противопоставлять друг другу эти две формы перераспределения народного дохода? Рассмотрим этот вопрос поближе.

Вообще проблема распределения и перераспределения народного дохода значительно упростилась бы, если бы в основу своих построений положить расширенное толкование производительного труда, т. е. если бы труд по производству услуг рассматривать как труд производительный. Тогда к бесспорным моментам перераспределения пришлось бы отнести лишь такие безэквивалентные формы изъятий из общественного продукта, как подаяние нищим, выигрыши и т. п. Производители же услуг при таком понимании производительного труда получали бы свои доходы из созданного ими же самим общественным продуктом.

Но с точки зрения узко-материалистического толкования производительного труда труд по производству услуг — труд непроизводительный. А потому услуги с этой точки зрения не могут составить соответствующей доли народного дохода, так же как и сами доходы этих производителей должны быть отнесены к доходам, полученным в порядке перераспределения. Правда здесь в очень вынужденной форме скрывается вся слабость позиций узко-материалистического толкования производительности труда.

В самом деле, ведь с этой точки зрения такая форма доходов, как заработная плата рабочего, получаемая им в порядке первичного раздела общественного продукта, в той ее части, из которой он расходует ее на покупку различного рода нематериальных услуг, например услуг артистов, представляет простую безвозмездную, безэквивалентную форму изъятий, а значит эта часть заработной платы не может рассматриваться как его реальный доход. Рассмотрим этот вопрос, уводя его с так называемой проблемой номинальных и реальных доходов.

Участвуя в распределении общественного продукта, отдельные группы населения тем самым получают право на получение определенной его доли. Но как правило доля народного дохода, причитающаяся той или иной социальной группе в силу этого права, благодаря целому ряду перераспределительных моментов значительно отличается от той его доли, которая ею реально используется. А отсюда вытекает и противопоставление двух понятий — понятия номинального и реального дохода. Проблема номинальных и реальных доходов, понимаемая в этом смысле, является совершенно неразработанной. Некоторую попытку ее постановки мы встречаем у т. Петрова. В своей статье «Статистическое изучение воспроизводства в СССР» он пишет: «Производные доходы получают: либо в результате непосредственного обмена услуг на доход, либо путем принудительного изъятия части дохода в порядке налогового обложения. Во всех этих случаях происходит добровольное или принудительное перемещение права на получение известной доли материальных благ. В результате этого перераспределения реальная доля народного дохода, получаемая тем или иным классом или группой населения, отличается от номинальной» (подчеркнуто нами — П. М.).

Таким образом с точки зрения т. Петрова, та доля доходов населения, которая извлекается у них в порядке перераспределения, не может для них рассматриваться как реальный доход. Так заработная плата рабочего, участвующего в производстве материальных ценностей, полученная в порядке первичного раздела общественного продукта, не составит еще величины реального дохода. Для того, чтобы получить величину последнего, заработную плату нужно очистить от всех перераспределительных моментов, как налогов и сборов, платежей в Гострах, расходов, связанных с покупкой всякого рода услуг, и т. п.¹

Тогда под реальным доходом придется понимать лишь стоимость материального потребления и накопления. Точно так же и доход, полученный в порядке перераспределения, еще не может полностью рассматриваться как реальный доход. Как и в первом случае, величина реального дохода определяется величиной материального потребления и накопления; так доход, полученный лицом свободной профессии, еще не может целиком рассматриваться как его реальный доход. Будучи сам производным доходом, он тем не менее в крутообороте общественного продукта проходит дальнейшую стадию своего перераспределения. Определенная его доля занимает в форме налога, другая его доля занимает в порядке покупки непродовольственных услуг и т. д. и т. п.

И в отношении этого дохода, как и в отношении заработной платы рабочего, нужно сказать, что первичное право на получение общественного продукта далеко еще не совпадает с тем доходом, который действительно реализуется в процессе его потребления.

Итак с точки зрения т. Петрова под реальным доходом нужно понимать часть номинального дохода, реализуемого в виде потребления и накопления.

Такая установка с формальной стороны является безупречной. Действительно с точки зрения узко-материалистического толкования производительного труда народный доход есть не что иное как совокупность материальных потребительных благ, выступающих в форме общественного продукта. А потому и под доходами отдельных групп населения нужно понимать только то, что поступает к ним в форме материального продукта. Всякого же рода услуги — будут ли то услуги, обслуживающие индивидуальные потребности (услуги индивидуальные — лица свободных профессий), будут ли то услуги коллективного характера (услуги воинствующим) как не составляющие части общественного продукта, не являются в то же время и долями народного дохода. А потому и получение услуг такого рода не может рассматриваться как получение народного дохода.

Но такого рода бесспорные выводы вступают в вопиющие противоречия с нашими обычными представлениями по целому ряду экономических явлений, и в первую очередь с представлением об уровне благосостояния населения. Ведь в качестве бесспорного составного момента, образующего это благосостояние, являются и нематериальные блага. Ведь очевидно, что уровень благосостояния рабочего класса в наших условиях определяется не только количеством материального продукта, падающего на него в процессе распределения и пере-

¹ Как мы уже отмечали, даже с точки зрения узко-материалистического толкования производительного труда не вся стоимость услуг должна рассматриваться как величина, полученная в процессе перераспределения, а только та ее часть, которая остается за вычетом стоимости материальных элементов, израсходованных в своем производстве услуг.

распределения народного дохода, но и различного рода обслуживанием (социально-культурным, медицинским и прочими видами нематериального характера обслуживанием). Ведь известно, что потребительными стоимостями являются не только материальные потребительные блага, но и различного рода услуги. Но во всяком случае с точки зрения узко-материалистического толкования производительного труда проблема народного дохода в значительной мере не совпадает с проблемой уровня благосостояния народных масс.

Как нужно было бы подойти к разрешению данной проблемы? Положим сначала в основу своих рассуждений расширенное толкование производительного труда. Поскольку с этой точки зрения труд по производству услуг — труд производительный, постольку и сами услуги составляют определенную долю общественного продукта. А потому и покупка такого рода услуг не может рассматриваться как безэквивалентная форма изъятия из доходов населения.

В случае покупки и продажи услуги мы имеем такое же положение, как и в случае покупки и продажи материальных потребительных благ.

В первом случае, так же как и во втором, мы имеем наличие эквивалентного обмена.

С точки зрения узко-материалистического толкования производительного труда это будет выглядеть следующим образом.

Общественным продуктом является лишь материальный продукт. Обмен материальной вещи на услугу или — то же самое — покупка услуги, связанная с переуступкой со стороны покупателя ее продавцу, права на получение части материального продукта — это не эквивалентный обмен, а безэквивалентная форма изъятия. С этой точки зрения уступая ли я часть своего дохода артисту, покупая его услуги, или иному, подавая последнему милостыню, или государству в форме налоговых изъятий — во всех этих случаях мы имеем один и тот же процесс, а именно безвозмездную форму изъятий из моего дохода. Но очевидно, что, рассматривая этот вопрос под углом зрения уровня благосостояния народных масс, даже для представителей узко-материалистического толкования производительного труда, эти формы изъятий не могут считаться равноценными. Не могут же в самом деле они ставить знак равенства между такой формой изъятия, как подавание иному, и изъятием в форме покупки услуг учителя, врача и т. п. При всей их не любви к услугам они должны признать за ними свойство повышать уровень благосостояния той или иной группы населения. Но тогда они очевидно должны будут признать, что и сами услуги представляют собой некоторый трудовой эквивалент, правда в ином по сравнению с материальными вещами смысле.

Вся эта неразбериха происходит вследствие неправильной установки узко-материалистического толкования производительного труда. Но даже и в том случае, когда в основу своего анализа мы положим расширенное толкование производительного труда, то все же встречаемся с рядом трудностей. Ведь очевидно, что нельзя рассматривать всякий труд по производству услуг как труд производительный, а соответственно этому — всякую услугу за соответствующую долю общественного продукта.

А отсюда значит, что не всякую услугу можно рассматривать в качестве трудового общественного эквивалента. Если такого рода услуги, как услуги врача, артиста и т. п., можно рассматривать в качестве общественного эквивалента, противостоящего материальным благам, то вряд ли можно так же рассматривать и услуги, обслуживающие

мые существованием социально-политической надстройки, например в области военного или судебного дела. Правда при анализе природы производительного труда здесь приносятся моменты этического порядка, вроде того, что услуги, обуславливаемые общественной формой производства, услуги непроизводительные, тогда как услуги, не зависящие в своем происхождении от этих моментов, — услуги производительные (так например услуги врача, артиста, учителя будут иметь место и при социализме, тогда как услуги первого рода там будут отсутствовать).

Но такая установка также является довольно скользкой. Ведь если признать услуги, создаваемые военнослужащим, непроизводительными, тогда почему же не рассматривать таким образом и труд рабочего, изготовляющего военное снаряжение. Но с последними выводами вряд ли могут согласиться даже представители узко-материалистического толкования производительного труда.

Во всяком случае здесь условно можно было бы принять следующие два построения, отираясь в одном случае от узко-материалистического понимания производительного труда и во втором от его расширительного толкования.

Первое построение: под реальным доходом данной группы населения нужно понимать не первичное право на получение общественного продукта, а только то, что остается за вычетом всех изъятий в силу различного рода перераспределительных моментов.

Этот реальный доход не отражает полностью уровня благосостояния данной группы населения; в качестве элементов, составляющих это благосостояние, нужно рассматривать и услуги, составляющие при этом своеобразный трудовой эквивалент. Услуги в области социально-политической надстройки никакого эквивалента не составляют, если рассмотреть это и с точки зрения народного дохода и с точки зрения уровня благосостояния населения, хотя их производство и требует затрат человеческого труда. Если услуги первого рода ничего не прибавляют к народному доходу, увеличивая в то же время уровень благосостояния населения, то услуги второго рода не только не увеличивают народного дохода, но не увеличивают и благосостояния группы населения.

Второе построение, в основе которого лежит расширительное толкование производительного труда: в качестве элементов народного дохода нужно рассматривать не только материальные потребительные блага, но и указанные выше услуги, повышающие уровень благосостояния населения. А потому и покупка такого рода услуг не может рассматриваться как безэквивалентная форма изъятия доходов населения. Здесь мы имеем такое же положение, как и с материальными потребительными благами. Таким образом получение услуг такого рода будет свидетельствовать не только о повышении благосостояния населения, но и о повышении уровня его реального дохода.

Услуги второго рода, обуславливаемые существованием социально-политической надстройки, не увеличивают ни народного дохода, ни благосостояния населения.

Проблема распределения в условиях СССР

Проблема распределения в условиях советского хозяйства не может не стоять принципиально иначе по сравнению с тем, как она стоит в любой из капиталистических стран.

Природу этого распределения мы можем легче усмотреть после того, когда хотя бы в краткой форме осветим проблему распределения в условиях социалистической системы.

В условиях социализма вместо распределения общественной стоимости мы будем иметь дело с распределением общественного продукта. Вместе с этим исчезнут и такие иррациональные формы доходов, как заработная плата, прибыль и рента, выражающие antagonisticкую структуру капиталистической системы. Доходы отдельных членов общества будут простыми частями общественного продукта, частями, сравнимыми друг с другом.

В условиях социализма продукт общественного производства пройдет следующие стадии распределения: 1) часть этого продукта пойдет на потребление производительных работников; 2) вторая его часть составит средства потребления для непроизводительных работников, и наконец оставшаяся часть пойдет на «накопления». Последние две части по аналогии с прибавочной стоимостью можно будет объединить в форме прибавочного продукта.

Но такое деление общественного продукта в условиях этой хозяйственной системы является условным. Здесь гораздо более актуальное значение приобретает деление последнего на часть, идущую в индивидуальное (непроизводительное) потребление, и на часть, потребляемую производительно.

В условиях капитализма проблема распределения общественного продукта рассматривалась нами как единство процессов распределения и перераспределения. Посмотрим, как это будет обстоит в условиях организованной экономической системы.

При социализме распределение общественного продукта будет протекать таким образом на основе некоторого регулирующего принципа, обуславливаемого пережитками буржуазных норм. В основе этого принципа будут лежать затраты общественного труда. Конечно отсюда нельзя делать такой вывод, что доли общественного продукта, приходящиеся на тех или иных членов общества, должны находиться в полном соответствии с фактическими затратами труда отдельных производителей.

В то же время принцип «всему по его способностям» в условиях социализма будет совпадать в известной мере с проблемой квалифицированного труда. Правда эта последняя при социализме будет стоять совершенно иначе по сравнению с тем, как она стоит в условиях капиталистической системы. Благодаря большой технической вооруженности труда различие между отдельными видами труда по линии его квалификации в значительной мере уничтожается. Это по-первых. Во-вторых, сам процесс воспроизводства рабочей силы будет протекать в основном не на базе расходования индивидуальных доходов, а на базе расходования общественных фондов. Все же здесь будет иметь силу буржуазный принцип распределения «всему по его способностям». В основе этого принципа, как мы уже сказали, будут лежать затраты фактического труда, каким-то образом расцениваемые обществом. А потому получение отдельными членами общества определенной доли общественного продукта должно рассматриваться как процессы распределения общественного продукта, а не как моменты его перераспределения. При таком понимании регулирующего принципа можно считать, что все лица, занятые производительным трудом, в условиях такой экономической системы будут получать свой доход в порядке распределения общественного продукта, а не в порядке его перераспределения.

К доходам, полученным в порядке перераспределения, тогда придется отнести лишь доходы лиц, занятых непроизводительным трудом или вообще не выполняющих никаких общественных функций.

Имея в качестве отправного момента узко-материалистическое толкование производительного труда, придется признать существование непроизводительной сферы и при социализме (сфера нематериального производства). Но независимо даже от этого здесь будет иметь место получение доходов лицами, не участвующими в процессе общественного производства (инвалиды, больные). Спрашивается, как нужно рассматривать доходы этой категории членов общества?

По аналогии с доходами в капиталистической системе их можно было бы называть доходами, полученными в порядке перераспределения. Но в то же время здесь являлись и известная разница. Ведь при капитализме под доходами, полученными в порядке перераспределения, нужно понимать доходы, имеющие своим непосредственным источником первичные доходы, получаемые агентами общественного производства. Здесь же как величина дохода как производительного работника, так и непроизводительного определяется непосредственно обществом, и как тот, так и другой вид дохода имеют своим непосредственным источником вновь созданный общественный продукт. А потому как будто было бы правильнее с этой точки зрения делить эти доходы на доходы основные и доходы производные по аналогии с основными и производными доходами товарнокапиталистической системы, как доходами лиц, создающих общественную стоимость, и доходами лиц, не создающих таковой.

Приступая после всего вышесказанного к характеристике распределительных и перераспределительных отношений в условиях переходной экономики, мы не собираемся давать подробного анализа этой весьма сложной и мало разработанной проблемы. Остановимся на ней лишь постольку, поскольку это необходимо для разрешения вопросов, связанных с исчислением народного дохода.

Советское хозяйство, как и всякая другая экономическая система, представляет собой некоторое единство. Но поскольку советская система в отличие от системы социализма представляет собой совокупность различных социальных укладов, постольку она будет не простым единством, а единством противоположностей.

Такое же единство противоположностей составляет и общественный продукт как результат труда, входящего в систему общественного производства, но организованного в различной социальной форме. А отсюда, в отличие от системы социализма, доходы отдельных классов общества советской экономики, как носителей различных социальных укладов, не могут рассматриваться как простые части общественного продукта, как социально однородные величины.

В условиях капиталистической системы различие социальной природы отдельных доходов вытекает из ее антагонистической структуры. Основное антагонистическое отношение, отношение между классом производительных капиталистов и классом производительных рабочих, усложняется антагонизмом между отдельными капиталистическими группами как агентами общественного производства, занимающими в последнем свое особое место. А отсюда вытекает и антагонистическая природа капиталистических доходов.

И в условиях переходной экономики социальная неоднородность доходов отдельных классов свидетельствует о противоречивом характере самой хозяйственной системы. На этом мы остановимся вкратце.

ставии более подробно, сейчас же перейдем к характеристике следующих моментов.

В условиях капиталистической системы под процессом распределения мы понимаем первичный раздел общественного продукта между отдельными хозяйственными единицами, и затем его дальнейшее распадение между основными агентами общественного производства: в отличие от распределения под процессами перераспределения нужно понимать дальнейший перераспредел уже распадающегося в процессе первичного раздела на свои составные части общественного продукта, перераспредел, протекающий или в форме безвозмездного изъятия или в форме покупки и продажи непроизводительных услуг.

Сохраняет ли свою силу это определение распределительных и перераспределительных отношений и для советской экономики?

Да, такое их определение сохраняет свою силу и для советской экономики. И здесь под распределением общественного продукта нужно понимать его распадение между отдельными хозяйственными единицами, и затем его дальнейшее распадение между основными агентами общественного производства. Точно так же под перераспределением общественного продукта нужно понимать процесс перераспредела уже распадающегося на свои составные части между основными агентами общественного производства общественного продукта.

Но формальное совпадение определений распределительных и перераспределительных отношений для обеих экономических систем не должно затушевывать глубокого различия в содержании этих процессов.

Агентами общественного производства, а в то же время и получателями первичных доходов в условиях капиталистической системы являются промышленные капиталисты и промышленные рабочие, представители торгового и ссудного капитала и земельные собственники. Для анализа распределительных и перераспределительных отношений здесь не нужно будет прибегать к помощи такого фактора, каковым является государство. Наоборот только на основе абстрагирования от государственной власти здесь можно вскрыть действительные законы капиталистического распределения. Само государство в этих условиях является простой социально-политической надстройкой, а не агентом общественного производства.

Совершенно по-другому должен ставиться вопрос в наших условиях. Здесь государство входит в качестве составного момента самого экономического базиса, а потому и абстрагирование от государства в этих условиях будет не чем иным как абстрагированием от самой системы распределения.

Поскольку при анализе общественных явлений мы исходим от плана как основного регулятора хозяйственной системы, постольку и само государство как носитель планового начала должно рассматриваться как некоторый общественный закон, устанавливающий пропорции производства и распределения общественного продукта.

Орудиями распределения и перераспределения общественного продукта у государства являются цена и кредитно-бюджетная политика.

Всем известна роль цен в условиях советской экономики как фактора перераспределения общественного продукта. В отличие от цены в капиталистическом хозяйстве, пассивно регистрирующей сложившиеся пропорции распределения общественного продукта, цена в наших условиях является активным фактором, на основе которого устанавливаются пропорции обмена. Громадные

значение в наших условиях приобретает и бюджет как фактор перераспределения народного дохода. Собранные с населения в форме налогов при строгом соблюдении классового принципа средства распределяются под углом зрения задач, стоящих перед государством. То же самое нужно сказать и о перераспределении общественного продукта между отдельными отраслями народного хозяйства.

Итак при анализе природы распределительных отношений в условиях советской экономики не только нельзя абстрагироваться от государства, наоборот это последнее должно рассматриваться как активное начало этого распределения.

Государство осуществляет свою экономическую политику не непосредственно, а опираясь на целый ряд экономических рычагов, составляющих социалистический сектор. А отсюда для целей теоретического анализа, да и не только для целей теоретического анализа, но и для целей конкретной характеристики природы распределительных и перераспределительных отношений, необходимо расценить роль государства как фактора распределения народного дохода и роль государства как фактора его перераспределения. Это можно представить в следующем виде.

В разделе общественного продукта (первичная форма его распределения) наряду с прочими агентами общественного производства государство участвует в лице предприятий общественного сектора.

При анализе распределительных и перераспределительных отношений в условиях капиталистической системы мы отмечали, что раздел общественного продукта протекает сначала как раздел его между отдельными хозяйственными единицами (предприятиями и отраслями народного хозяйства). А отсюда только и возможна проблема распределительных и перераспределительных отношений между отдельными самостоятельными хозяйственными единицами. Очевидно, что где нет противостоящих друг другу самостоятельных хозяйственных единиц, там, собственно говоря, не должно бы быть и проблемы распределения народного дохода между ними.

Ведь и при социализме народное хозяйство будет представлять собой совокупность отдельных предприятий и отраслей народного хозяйства. Но, как мы видим, проблема распределения общественного продукта между ними как социальная проблема бесспорно отпадает.

Как это обстоит в советском хозяйстве?

И наша экономика представляет собой совокупность отдельных предприятий и отдельных отраслей народного хозяйства. Но очевидно, что проблема экономической самостоятельности этих предприятий и отраслей народного хозяйства у нас не может не стоять принципиально иначе по сравнению с тем, как она стояла в любой из капиталистических стран.

Возьмем предприятия общественного (государственного) сектора. Очевидно, что формальная самостоятельность этих предприятий не может затуманивать того факта, что по существу они являются первыми частями общественного сектора противостоящего другим секторам народного хозяйства.

Но также очевидно, что поскольку у нас существует частный сектор, постольку предприятия частного сектора должны рассматриваться не только технически, но и социально самостоятельными величинами. А поэтому и проблема распределения и перераспределения народного дохода как между ними самими, так между ними и предприятиями общественного сектора продолжает оставаться как социальная проблема, тогда как проблема распределения и перерас-

пределения народного дохода между предприятиями общественного сектора в основном является проблемой технического порядка.

Отсюда конечно нельзя делать такого вывода, что в силу этого характеристика распределительных и перераспределительных отношений между предприятиями общественного сектора тервет всякий интерес.

Распавшись между отдельными хозяйственными единицами общественный продукт проходит дальнейшую стадию своего распределения в процессе дележа его между отдельными членами общества. Часть общественного продукта общественного сектора распадается на доход последнего и на заработную плату рабочих и служащих, занятых в его предприятиях. Чистая продукция простых товаропроизводителей целиком составит величину их дохода. Наконец общественный продукт капиталистического сектора распадется на заработную плату рабочих и прибыль капиталистов, последняя в свою очередь распадется на предпринимательский доход — торговую прибыль и процент. Такая форма доходов, как земельная рента у нас отсутствует.

Всем этим доходам присуще то общее им свойство, что они являются доходами, полученными в порядке первичного распределения общественного продукта. Сумма их дает общий объем народного дохода. При этом получателями доходов являются агенты общественного производства. Полученные таким образом доходы проходят дальнейшую стадию в кругообороте общественного продукта, уже стадию перераспределения народного дохода или в форме непосредственного изъятия из общественного продукта или в форме покупки производительных благ. Природа этого процесса, по крайней мере с точки зрения перераспределительных отношений, такова же, как и природа таких факторов перераспределения и в условиях капиталистической системы.

О классификации доходов населения

После того как нами были выяснены общие принципы распределительных и перераспределительных отношений можно будет приступить к классификации отдельных доходов.

В нашей экономической литературе наиболее распространенной является двухчленная формула доходов с делением их на доходы основные и доходы производные.

В своей статье «Народный доход СССР» в разработке буржуазной экономической мысли В. Кан определяет основные доходы как доходы, основанные у источников их возникновения, производные — как доходы, полученные в порядке перераспределения народного дохода.

Такое определение отдельных доходов не отличается особой ясностью.

Во-первых, при построении такой классификации совершенно оставлен в стороне такой фактор перераспределения народного дохода, каковым являются цены. Совершенно неизвестно, как рассматривает автор доходы, полученные в процессе перераспределения общественного продукта на основе цен. Но даже, абстрагируясь от этого момента, характеристика основных и производных доходов продолжает оставаться неясной.

Совершенно непонятно, понимает ли автор под перераспределением народного дохода только перераспределение и порядке покупки

непроизводительных услуг или в форме непосредственного изъятия, или относит сюда и моменты перераспределения между самими агентами общественного производства (перераспределение прибыли капиталистами между отдельными капиталистическими группами).

Тов. Кац, не ограничиваясь общим определением доходов, в другой своей работе приводит расчеты этих доходов.

Но и здесь та же печать неясности, что и в указанных выше определениях.

С одной стороны, имеется тенденция рассматривать основными доходами доходы лиц, занятых производительным трудом, а в противовес им к производным отнести доходы лиц, выполняющих непроизводительные функции. А отсюда доходы рабочих и служащих, занятых в управлении промышленностью, относятся к производным доходам в отличие от доходов рабочих и служащих, занятых в сфере непосредственного производства (хотя и с этой точки зрения в сфере непосредственного производства имеется также целый ряд непроизводительных моментов). Отсюда вытекает и отношение к производным доходам доходов торговли, а значит и доходов торговых служащих.

Но такие выводы вступают в противоречие с высказанной ранее предположкой, что сумма основных доходов должна обязательно дать общий объем народного дохода.

В соответствии с такого рода установкой т. Кац совершенно правильно относит доходы промышленной буржуазии к основным доходам, хотя они сами своим «трудом» не создают общественной стоимости.

Правда автор может заявить, что его определение основных доходов, как осваиваемых в сфере производительного труда, относится к доходам отдельных отраслей народного хозяйства (например промышленности). А отсюда непосредственно вытекает и тот факт, что основными доходами будут не только доходы лиц, занятых производительным трудом в этой отрасли, но и доходы лиц, не выполняющих в ней производительных функций.

Но торговля не является сферой производительного труда, а потому и доходы этой отрасли не являются доходами, осваиваемыми у источника их возникновения; поэтому согласно точному смыслу определения основных доходов как доходов, осваиваемых у источника их возникновения, нельзя отнести к основным доходам доходы торговли.

Такая постановка вопроса, как внутренние увязания, вообще не говоря, допустима, но тогда очевидно нельзя говорить, что сумма основных доходов должна обязательно равняться общему объему народного дохода.

Таким образом все построения т. Каца нужно рассматривать по меньшей мере недовершенными до конца.

Перейдем к построениям т. Петрова.

Основные и производные доходы т. Петров определяет следующим образом:

«Доходы, которые имеют своим непосредственным источником новую стоимость материального производства, мы называем основными доходами; их сумма равна этой новой стоимости. Производные доходы, имея конечным источником ту же новую стоимость, своим непосредственным источником имеют основные доходы; доходы этой категории могут быть названы производными. По степени распределения часть их может образоваться в порядке нового перераспределения самих производных доходов, но общее у всех производных до-

ходов то, что они представляют вычет из суммы основных первичных доходов. Производные доходы получаются либо в результате обмена услуг на доход, либо путем принудительного изъятия части дохода в порядке налогового обложения.

Во всех этих случаях происходит добровольное или принудительное перемещение права на получение известной доли материальных благ.

В результате этого перераспределения реальная доля народного дохода, полученная тем или иным классом общества или группой населения, отличается от номинальной».

Эти определения основных и производных доходов являются бесспорно правильными, по крайней мере отпадая от убого-материалистического толкования производительного труда. Сумма основных доходов в понимании т. Петрова дает истинные размеры народного дохода.

К сожалению т. Петров, также как и т. Кац, оставил при характеристике доходов без внимания такую проблему, как перераспределение народного дохода на основе цен.

Далее мы совсем можно согласиться со следующим заявлением т. Петрова. Указывая, что общий сумма оплаты услуг прямым и косвенных налогов является фондом производных доходов, он пишет, что этот фонд может не совпадать с суммой производных доходов вследствие нового перераспределения в сфере производных доходов и вследствие того, что в условиях советского хозяйства часть народного дохода, изъятая в виде налогов в пользу бюджета, может идти на производственные цели.

Несовпадение этой суммы с фондом производных доходов обуславливается не только этими моментами. Ведь действительно, разве можно рассматривать всю сумму оплаты услуг как фонд производных доходов? Очевидно, что нет, так как оплата услуг включает в себя не только оплату произведенной продавцом услуги, некоторого эффекта, но и оплату стоимости материальных элементов, потребленных в связи с производством этого эффекта. С точки зрения продавца услуги эквивалент стоимости материальных элементов, потребленных в процессе производства услуг, ликом образом не может рассматриваться как его доход, хотя с точки зрения покупателя это будет означать расходование своих доходов.

А отсюда с точки зрения всего общества только та часть оплаты услуг можно рассматривать как фонд производных доходов, которая остается за вычетом стоимости материального потребления, связанного с их производством.

Далее очевидно, что не только то, что, будучи изъят в форме налога в пользу бюджета, затем поступает на производственные цели, должно быть исключено из фонда производных доходов, — должно быть исключено и все материальное потребление, имеющее своим источником вновь созданную стоимость, хотя бы оно и носило непроизводительный характер.

Итак, построению обонх разбираемых сейчас авторов присущ тот дефект, что при анализе распределительных и перераспределительных отношений они абстрагировались от такого фактора, как цены являются цены.

Очевидно что эта проблема возникает лишь в том случае, если изучаются доходы отдельных хозяйственных единиц производственной сферы как получателей первичных доходов в противовес доходам, получаемым представителями непроизводительной сферы, будет

ли это население или предприятия. Или иначе — такого рода перераспределение доходов мыслимо лишь между предприятиями производственной сферы. С точки зрения всего народного хозяйства, как бы ни изменились доходы отдельных хозяйственных единиц этой сферы, их сумма всегда даст общий объем народного дохода.

Эта проблема совершенно не возникает тогда, когда рассматриваются доходы, полученные в порядке покупки и продажи непроемодительных услуг. Правда сами услуги, хотя и не являются носителями стоимости, тем не менее внешне принимают форму стоимости. На поверхности явлений это проявляется как обмен материального продукта на услугу.

Но проблема эквивалентного или неэквивалентного обмена здесь стоять не может, так как оплата услуг по своему экономическому содержанию составляет безэквивалентную форму изъятия права на получение определенной доли общественного продукта.

В капиталистическом хозяйстве рабочая сила выступает в качестве своеобразного товара. Как и в основе покупки и продажи любого другого товара, и в основе покупки и продажи рабочей силы лежит закон стоимости. А поэтому и продажа рабочей силы не по ее стоимости может рассматриваться как форма неэквивалентного обмена.

В отличие от приведенных выше авторов В. Дяченко дает трехчленную формулу доходов, деля их на доходы первичные, основные и производные. Эти доходы В. Дяченко определяет следующим образом: «Под первичными доходами мы понимаем доходы, освобождающиеся вследствие затрат производительного труда в данном предприятии (или хозяйстве), в суммарном же выражении данной отрасли производства и данного сектора народного хозяйства. Их сумма равна величине вновь созданной стоимости — величине народного дохода... Следующей — после первичных — группой являются основные доходы, получаемые в сфере производственного труда (непосредственными участниками производства). Основные доходы предприятия равны его валовой выручке — прибыли, т. е. ценности валовой продукции минус издержки производства (индивидуальные); основные доходы всей страны равны сумме валовой прибыли всех предприятий сферы производственного труда, плюс сумма выплаченной заработной платы, плюс торговые накладки и т. д. Основные доходы отдельных предприятий и сумма основных доходов всей страны могут быть как меньше, так и больше первичных доходов предприятий и суммы первичных доходов (народного дохода) всей страны... Наконец, третья группа доходов — производные доходы — освобождаются в результате единства процессов распределения — перераспределения народного дохода (сумма первичных доходов) между всеми членами общества. Сюда относятся все доходы лиц непроизводительного труда, все доходы лиц, стоящих вне системы общественного разделения труда и все доходы непроизводительных отраслей общественной деятельности»¹.

По существу этой схемы возразить особенно нечего. Только своей трехчленной формулой В. Дяченко особенных Америк не открывает.

Не трудно видеть, что основные доходы по классификации В. Дяченко совпадают с основными или — что то же самое — с первичными доходами по классификации т. Петрова. Разница лишь та, что

т. Петров берет вновь созданную стоимость как некоторую абстрактную категорию в ее распадении на свои составные части, тогда как В. Дяченко оперирует не абстрактной вновь созданной стоимостью, а ее составными частями и то в их конкретном проявлении. А потому у него в силу целого ряда моментов свойственных системе капитализма возможно несовпадение суммы основных доходов с общей суммой народного дохода.

Но очевидно, что при конкретных исчислениях народного дохода всякой разницы между указанными сейчас понятиями не имеется.

Также нет никакой разницы между определением производных доходов В. Дяченко и их определениями тт. Кацом или Петровым.

Отметим лишь здесь не совсем удачную формулировку, допускаемую В. Дяченко, когда наряду с прочими признаками производных доходов он понимает как доходы лиц, находящихся вне сферы общественного разделения труда. Очевидно, что в эту рубрику входят и производители, труд которых организован в натуральной сфере.

Но здесь возможны две постановки вопроса. Или продукт труда, организованного в натуральной форме, рассматривается как соответствующая доля общественного продукта, тогда и доходы лиц, являющихся носителями труда такого рода, нужно относить к категории основных доходов. Или же, если натуральная форма труда как труда, не входящего в систему общественного производства, включается в сферу экономического анализа, то ни о каких доходах — ни основных, ни производных — говорить не приходится, так как самое понятие дохода покоится на базе общественных отношений.

По форме новым здесь является первый член этой формулы — характеристика доходов как доходов первичных. Но и здесь по существу В. Дяченко вряд ли вносит что-либо новое. Ведь его первичные доходы — это не что иное как доходы предприятий и отраслей народного хозяйства, т. е. то, что лежит в основе исчисления народного дохода реальным методом.

Правда при исчислении народного дохода реальным методом в том его виде, в каком он применяется и до настоящего времени, оперируют теми величинами чистой продукции отдельных отраслей народного хозяйства, которые образовались после процесса ценообразования. Цены же влекут за собой неизбежную перекачку народного дохода между отдельными хозяйственными единицами. Конечно при этом имеют в виду, что доходы отдельных отраслей, полученные таким образом, не отражают действительного объема вновь созданных в них стоимостей. Ставя перед собой задачу воспринести это, В. Дяченко тем не менее этой задачи не разрешает, так как для условий капиталистической системы он считает возможным оценить произведенную продукцию не по рыночным стоимостям, а по ценам производства.

Переходим к изложению собственной концепции по данному вопросу.

В основе указанной классификации, если так можно выразиться, лежит распределительный принцип. Основные и производные доходы определяются в зависимости от формы их получения (первичный и вторичный раздел общественного продукта). Конечно, как мы видели, это деление доходов на первичные и вторичные вытекает из характера общественных функций, выполняемых их получателями, т. е. в конечном счете это деление определяется моментами производственного порядка.

¹ В. Дяченко. Классификация доходов на первичные, основные и производные в связи с исчислением народного дохода, «Финансовые проблемы» № 4 за 1930 г., стр. 62-63.

Такая классификация дохода позволяет судить о размерах переканки доходов из производственной сферы в сферу непроизводственную. А отсюда в отношении населения под доходами, полученными в порядке перераспределения, понимаются только доходы лиц, занятых в непроизводственной сфере. Но очевидно, что характеристика труда, функционирующего в непроизводственной сфере, в противовес труду, функционирующему в сфере производства, не совпадает с его характеристикой как труда производственного или труда непроизводственного, так как в самой сфере производства имеется целый ряд непроизводственных моментов (труд канцелярских служащих в сфере непосредственного производства, труд торговых служащих в части выполнения ими формальных функций, «труда» буржуазии, т. е. труд лиц, участвующих в первичном разделе общественного продукта и т. д. и т. п.).

А отсюда вытекает и второе деление доходов — на доходы лиц, занятых производственным трудом, и доходы лиц, выполняющих непроизводственные функции или вообще не выполняющих никаких общественных функций. В основе такого деления в отличие от распределительного принципа, лежащего в основе деления доходов на доходы первичные, основные и доходы вторичные, лежит, если можно так выразиться, производственный принцип.

А отсюда наряду с делением дохода на доходы первичные, исчисляемые реальным методом, первичные и вторичные исчисляемые личным методом, мы получаем деление их на доходы основные и доходы производные.

Тогда, исходя из вышесказанного, можно будет отдельные доходы классифицировать следующим образом: под первичными доходами, учитываемыми реальным методом, мы понимаем доходы, освоенные в сфере производственного труда в данной хозяйственной единице (предприятие, отрасль, сектор), причем освоенные в той их количественной определенности, в какой они действительно созданы в этих отраслях. Под первичными доходами, учитываемыми личным методом, мы понимаем доходы лиц и предприятий, участвующих в первичном разделе общественного продукта на правах агентов общественного производства. И наконец к вторичным доходам мы относим доходы, возникающие на базе перераспределения первичных доходов.

В отличие от этого к основным доходам относим доходы лиц, выполняющих производственные функции, а к производным — доходы лиц, выполняющих или непроизводственные функции, или доходы лиц, вообще не выполняющих никаких общественных функций¹.

Основным делением является деление доходов на доходы первичные и доходы вторичные. Только на основе такой классификации и возможно исчисление общего объема народного дохода. Деление доходов на основные и производные носит в известной мере вспомогательный характер. Это деление позволяет определять всю сумму доходов получателей, живущих за счет общественного продукта, создаваемого трудом производственных работников.

Зная сумму материального непроизводственного потребления, мы сможем определить и ту долю общественного продукта, которая непроизводительно потребляется.

Как видно из определения, между этими доходами можно сформулировать следующую взаимозависимость.

¹ Это положение распространяется и на предприятия производственной и непроизводственной сферы.

Всякий вторичный доход будет в то же время и производным доходом. Но не всякий производный доход будет в то же время и вторичным доходом. Очевидно, что лица, выполняющие непроизводительные функции в сфере производства по линии участия их в создании общественной стоимости, являются получателями производных доходов, тогда как по характеру распределения общественного продукта они составляют категорию получателей первичных доходов. Тогда к производным доходам придется отнести доходы лиц, занятых в непроизводственной сфере, а также и доходы лиц, хотя и занятых в производственной сфере, но выполняющих в ней непроизводительные функции.

К вопросу о построении схем по исчислению народного дохода

После общей характеристики распределительных и перераспределительных отношений можно будет приступить к разрешению вопросов, связанных с построением схем, которые могут быть положены в основу исчисления народного дохода, и вопросов, связанных с характеристикой самих доходов.

Выше было отмечено, что буржуазная статистическая практика знает два метода учета народного дохода — реальный и личный, причем реальный метод оперирует с первичными благам, созданными в отдельных отраслях народного хозяйства, личный — с индивидуальными доходами населения и предприятий. Применение этих методов для наших условий может быть возможно лишь после их коренной реорганизации.

В отличие от представлений буржуазных экономистов об нас как реальный, так и личный метод оперируют не с различными объектами исчисления, а одним и тем же, а именно вновь созданным в процессе общественного производства стоимостью. Разница заключается лишь в том, что они настаивают отдельные доли народного дохода на разных ступенях его кругооборота.

Реальный метод ставит перед собой задачу уловить народный доход у источников его возникновения, в процессе его распределения и перераспределения между отдельными хозяйственными единицами (отрасли и предприятия народного хозяйства). Таким образом объектом учета народного дохода реальным методом будет чистая продукция отдельных отраслей и предприятий народного хозяйства.

Задача, стоящая перед личным методом, может быть сформулирована как задача уловления народного дохода в стадии его распределения — перераспределения между отдельными членами хозяйственной системы. Таким образом объектами учета народного дохода личным методом являются индивидуальные доходы, а не доходы самих хозяйственных единиц.

Оба эти метода для условий советской экономики должны быть в полной мере реорганизованы. Так реальный метод, применявшийся и применяющийся в мировой статистической практике, давал самое большее отраслевую структуру народного дохода. В наших условиях наряду с отраслевой структурой реальный метод должен отображать социальную структуру народного дохода. Только при этих условиях само исчисление народного дохода послужит могучим рычагом эффективного воздействия на развитие народного хозяйства, которое обеспечит победу социализма.

Точно так же при исчислении народного дохода личным методом буржуазной статистике присущ бесклассовый аспект. Правда и здесь

делается попытка некоторой дифференциации доходов, попытка некой их группировки. Но группировочный признак составляет здесь не отдельные классы как носители различных доходов, а высота дохода. Ясно, что такая группировка доходов сводится к затухающей антагонистической природе самих доходов.

И в наших условиях отдельные доходы — не простые однородные части общественного продукта, а социально неоднородные величины. Социальная неоднородность доходов вытекает из социальной неоднородности и противоречивой природы самой советской системы. За движением отдельных доходов у нас скрывается соотношение отдельных классов. А потому для нас совершенно неприемлем бесклассовый аспект народного дохода, имеющий место в буржуазной статистической практике.

Переходим к выяснению вопросов, связанных с построением схем по исчислению народного дохода. Начнем с реального метода¹.

Народное хозяйство представляет собой совокупность отдельных отраслей и секторов народного хозяйства. А потому наша схема должна отобразить обе эти стороны единого народнохозяйственного целого.

При построении схемы возможен различный подход: 1) можно включить в нее все отрасли, входящие в сферу общественного производства, взятого в целом. Сюда тогда войдут и отрасли, не участвующие в создании общественной стоимости (торговля) в части выполнения ею формальных функций, — кредитная система.

Непроизводительная сфера не может быть включена в нашу схему, так как в отличие от торговли или кредитной системы она не только не участвует в создании общественной стоимости, но и не является одним из моментов экономического базиса; она должна рассматриваться как надстройка над этим базисом.

Дальше можно исходить при построении схемы только из тех отраслей, которые участвуют в создании общественной стоимости. Наконец можно было бы построить такую схему, в которую входили бы лишь отрасли, составляющие сферу непосредственного производства.

Не трудно видеть, что задачу исчислить народный доход в той его количественной определенности, в какой он создан отдельными отраслями народного хозяйства, разрешает только вторая схема (здесь мы отвлечемся от такого фактора перераспределения народного дохода между отдельными отраслями народного дохода, как цены).

Первая из схем этой задачи разрешить не сможет, так как наряду с отраслями, участвующими в создании общественной стоимости, здесь фигурируют и отрасли, составляющие простой вычет из последней.

Но очевидно, что исчисление народного дохода по второй схеме предполагает в качестве своей базы первую схему, так как для определения объема народного дохода, создаваемого в отдельных отраслях народного хозяйства, необходимо определить и ту его долю, которая извлекается отраслями, не принимающими участия в создании общественной стоимости, с тем, чтобы после определения этой доли соответствующим образом распределить ее между производительными отраслями.

¹ Вопрос о производительном труде еще не разрешен в нашей литературе. Госплан в своих расчетах народного дохода считает производительным только тот труд, который овладевается в материальных продуктах.

Не соглашаясь в общем с такой установкой, мы все же считаем целесообразным построить схему, в основе которой будет лежать указанная сейчас установка Госплана.

Что же касается третьей схемы, то она, не отображая участия отдельных отраслей народного хозяйства в создании общественной стоимости, все же составляет некоторый, правда специфический, интерес, поскольку позволяет определить, какая доля общественной стоимости воплощается в данных конкретных потребительных благах.

Так или иначе, но базовой схемой в данном случае будет первая схема.

Наша схема должна отобразить производственную и социальную структуру народного дохода. Эта последняя должна быть представлена как совокупность собственно сферы производства как сферы непосредственного создания потребительных благ и сферы распределения, как сферы дообработки потребительных благ. Все эти отрасли составляют сферу приложения производительного труда.

Включенные в сферу распределения в значительной своей части непроизводительные моменты мы выделяем в особую отрасль, обуславливаемую общественной формой производства, — сферу обращения как сферу приложения непроизводительного труда. Тогда наша схема примет следующую форму.

А. Сфера непосредственного производства (сфера непосредственного создания потребительных благ).

I. Промышленность:

- а) Ценовая
- б) Мелкая

по секторам.

II. Сельское хозяйство:

- а) Государственное
- б) Кооперативное
- в) Частное

с выделением простого товарного по секторам:

III. Строительство:

- а) Промышленное
- б) Транспортное
- в) Сельскохозяйственное
- г) Связи

д) Строительство общественного назначения по секторам.

Строительство может быть сгруппировано по линии производственного и непроизводительного строительства.

Б. Сфера распределения (сфера дообработки потребительных благ).

I. Транспорт (товарный):

- а) Государственный
- б) Кооперативный
- в) Частный:

1) простой товарный
2) капиталистический по секторам.

II. Торговля в части выполнения ею реальных функций.

В. Отрасли, входящие в сферу общественного производства, взятого в его целом, но не участвующие в создании общественной стоимости.

I. Торговля в части выполнения ею формальных функций.

II. Кредитная система.

Таков общий вид схемы, когда в основу ее построения положено узко материалистическое толкование производительного труда. По форме она изменяется очень мало, если в основу ее положить и расширительное толкование производительного труда. Вся разница будет сводиться к тому, что наряду с отраслями, составляющими сферу материального производства, здесь будет фигурировать сфера производства духовного. В частности, по линии транспорта здесь будет фигурировать не только товарный, но и пассажирский транспорт. В качестве производительной сферы тогда придется рассматривать и такую отрасль, как связь.

Реализация этой схемы, по крайней мере теоретически, не представляет особых затруднений.

Чистая продукция каждой из отраслей народного хозяйства определяется как разность между валовой продукцией и материальными затратами. Правда на практике здесь неизбежен целый ряд затруднений. Но так или иначе в принципе обстоит этот вопрос просто. Несомненно, сложнее обстоит дело с исчислением чистой продукции торговли. Во-первых, здесь еще нет полной договоренности, что нужно считать за чистую продукцию торговли.

В опубликованных в контрольных цифрах исчислениях народного дохода торговля фигурирует в качестве непроеизводительной сферы. А отсюда и чистая продукция, реализованная в ней, рассматривается не как вновь созданная стоимость, созданная в самой торговле, а как часть общественной стоимости, созданной в производительных отраслях (в отраслях, составляющих по нашей терминологии сферу непосредственного производства. Доли, извлекаемая торговлей, исчисляется совершенно неправильно. Она исчисляется по аналогии с исчислением чистой продукции производительной сферы, как разницы между валовой выручкой торговли и материальными затратами. Валовая выручка торговли складается из стоимости материальных элементов, потребленных в процессе создания торговых услуг — затрат на живой труд и торговой прибыли. Так и материальным затратам относятся амортизация торговых и конторских помещений, стоимость упаковки, отопление, освещение. В качестве элемента валовой продукции торговли часто рассматривают и стоимость услуг, оказываемых другими отраслями, например транспортом или связью.

Итак при своих расчетах Госплан исходит из представления о торговле как непроеизводительной сфере. Но тогда очевидно совершенно неправильно рассматривать под чистой продукцией торговли только ту долю общественной стоимости, которая, будучи извлечена торговлей, составляет заработную плату рабочих и служащих и торговую прибыль.

Если труд торговых служащих целиком отнести к сфере непроеизводительного труда, тогда и стоимость материального потребления, связанного с выполнением торговых функций, нужно рассматривать как часть вновь созданной стоимости, извлекаемой из производительных отраслей на цели непроеизводительного потребления в торговле. А потому и народный доход, извлеченный торговлей при расчетах Госплана является неизбежно преуменьшенным.

Но здесь наряду с этим искажается не только та доля, которая извлекается торговлей в части выполнения ею формальных функций, но и общий объем народного дохода.

Существующий способ расчетов народного дохода не отразится бы на его общем объеме, если бы недоучтенная в торговле, извлека-

емая ею доля народного дохода была бы учтена в производительных отраслях.

На первый взгляд это так и происходит. В самом деле при указанном способе исчисления народного дохода недоучтенной в торговле является та доля, которая непроеизводительно потребляется ею в части материального потребления. Стоимость этих материальных элементов наряду со стоимостью, возмещающей заработную плату торговых служащих и торговую прибыль, является простой частью прибавочного продукта, созданного в производительных отраслях. Но ведь стоимость материальных элементов, потребленных в торговле как простых частей валового продукта тех отраслей, где они производятся, как будто должна найти свое отражение. В действительности же мы имеем другое положение.

Возьмем сначала капиталистическую систему производства. В этих условиях товары продаются по ценам производства; но в процессе образования цен производства участвует и капитал обращения. А потому при оценке продукции таковой отрасли, как промышленности, по ценам производства воспроизводится не полная стоимость в ней созданная, а уже за вычетом того, что извлечено сферой обращения в части выполнения ею формальных функций. А потому для определения общего объема народного дохода помимо чистой продукции производительных отраслей нужно считать и всю торговую наценку в части выполнения торговой функции формальных функций.

То же самое мы имеем в отношении сферы обращения в условиях советской экономики.

Существующий способ оценки продукции производительных отраслей позволяет определить чистую продукцию не в той ее количественной определенности, в какой она создана в этих отраслях, а уже за вычетом той доли, которая извлекается торговлей в части выполнения ею формальных функций. И потому для определения общего объема народного дохода наряду с чистой продукцией производительных отраслей нужно считать и ту его долю, которая извлечена торговлей, или иначе — всю торговую наценку в части выполнения торговлей формальных функций.

Разобранные выше положения можно изобразить в следующей форме. Для получения общего объема народного дохода достаточно было бы оценить всю произведенную продукцию по ценам потребителя. Здесь нашла бы свое отражение и вновь созданная стоимость, созданная в сфере непосредственного производства, и стоимость, созданная в сфере распределения. Изобразим эту следующую формулу.

Цена потребителя равняется: $(C_1 + V_1 + p_1) + (C_2 + V_2 + p_2) + \dots + (C_n + V_n + p_n) + (C_n + V_n + p_n)$, где C — материальное потребление, V — возмещение заработной платы, p — прибыль.

Первый член этой формулы характеризует стоимость, реализуемую в сфере непосредственного производства; второй член — стоимость, реализуемую в сфере транспортирования; третий член — стоимость, реализуемую в сфере обращения в части выполнения ею простых функций, и наконец четвертый член характеризует долю, извлекаемую торговлей в части выполнения ею формальных функций.

Но конечно совершенно неправильно даже в условиях капиталистического способа рассматривать торговлю целиком как непроеизводительную отрасль. Уже капиталистическая торговля включает в себе целый ряд производительных моментов. Это тем более относится к нашей торговле, которая из собственно торговли превращается в

сферу распределения общественного продукта как целиком производительную сферу.

Как же тогда будет выглядеть поставленная нами проблема? Возьмем сначала капиталистическую торговлю.

Как можно видеть из вышесказанного, относим торговлю целиком к сфере непроизводительного труда, мы должны рассматривать и стоимость материальных затрат, связанных с выполнением торговых функций, и стоимость живого труда и торговую прибыль как идеальные по своей природе величины, как простые части вновь созданного в сфере производительного труда продукта.

При допущении, что в торговле наряду с формальными функциями, вытекающими из необходимости превращения стоимости из одной формы в другую, имеют место реальные функции, придется сделать следующее построение.

Вся вновь созданная стоимость, улавливаемая в торговле, должна быть расчленена на две части. Первая часть соответствует стоимости всех издержек обращения, связанных с выполнением формальных функций, включая сюда и стоимость потребленных материальных элементов и торговую прибыль; вторая часть вытекает из выполнения реальных функций обращения.

Первая часть целиком должна рассматриваться как часть общественной стоимости, извлекаемой из производительной сферы. Вторая часть действительно будет вновь созданной стоимостью, созданной в самой торговле в ней занятыми рабочими и служащими в части выполнения ими реальных функций обращения. Материальные затраты, связанные с выполнением реальных функций обращения, уже в этом случае не будут непроизводительным потреблением вновь созданного продукта (прибавочного продукта), как это имеет место при выполнении формальных функций, а элементами производительного потребления.

Стоимость материальных затрат и стоимость живого труда и связанных с выполнением формальных функций не увеличивают стоимости товара. Это относится и к торговой прибыли — на функционирующий торговый капитал в части выполнения им формальных функций.

Наоборот, поскольку труд, функционирующий в торговле в части выполнения ею реальных функций, — труд производительный, постольку этот труд в процессе своего функционирования создает общественную стоимость, перенося в то же время на стоимость реализуемых товаров стоимость материальных элементов. Источником заработной платы этих работников и торговой прибыли на капитал, связанный с выполнением реальных функций, является вновь созданная в самой торговле стоимость.

В принципе так же обстоит этот вопрос и в условиях советской системы, если рассматривать эту проблему с точки зрения производительного или непроизводительного характера функций в торговле. Коренная трансформация самой торговли, превращающая ее в сферу распределения приводит к резкому снижению непроизводительных элементов. Но поскольку последние все же продолжают иметь место, при конкретном исчислении народного дохода нужно исходить из разобранных выше принципов.

В следующем очерке мы займемся разбором вопросов, связанных с построением схемы исчисления народного дохода личным методом, которая в то же время будет и схемой его распределения и перераспределения.

Софья Губерман

О состоянии общественного питания

Одной из форм коллективной организации потребления рабочего класса является система общественного питания. Наряду с этим общественное питание при правильной его организации и поднятии на должную высоту является существенным фактором повышения производительности труда и реконструкции быта на социалистических началах.

Развертывание социалистической индустриализации, вовлечение в промышленность новых и новых сотен тысяч рабочих, развитие совхозов и колхозов, быстрое развертывание повостроев — все это диктует необходимость огромного роста общественного питания.

По мере построения в нашей стране социализма индивидуалистическая форма питания должна отмирать. Правильная организация рационального и планомерного питания трудящихся должна стать задачей государства и кооперации.

Организаторами питания в семье в форме самостоятельной домашней кухни в подавляющей массе являются женщины. Внедрение общественного питания в среду рабочего населения взамен посемейной кустарной формы приготовления пищи будет иметь громадное значение в деле распределения женщин-работниц. Кроме того развернутое строительство социализма не может уживаться рядом с колоссальной растратой труда, которая имеет место при наличии семейной формы питания. Так по данным т. Струмилина, «Рабочий быт в цифрах», расход труда на приготовление обеда в семье для одного обслуживаемого составляет не менее одного часа, в то время как в московской фабрике-кухне № 1 на приготовление обеда требуется только около 5 минут, т. е. почти в 12 раз меньше, нежели домашним способом. Даже на менее мощных, чем фабрика-кухня, предприятиях общественного питания, например в общественных столовых с выпуском до 1½ тыс. обедов в день, на приготовление обеда из 2 блюд затрачивается только 10 минут, т. е. в 6 раз меньше, нежели при домашнем изготовлении.

Эти цифры, характеризующие преимущества в сбережении труда на предприятиях общественного питания, достаточно говорят о том, какое громадное значение для роста производительных сил страны будет иметь полный охват рабочих общественным питанием.

Несмотря на известный рост, общественное питание до сих пор в рабочем бюджете играло еще незначительную роль. Так по данным ноябрьских бюджетов за последние годы мы имеем следующие цифры расхода в рабочей семье на общественное питание:

Годы	Доля расходов на общественное питание в рабочей семье	
	Ко всему питанию	Ко всему бюджету
1925	1,3	0,6
1926	1,6	0,7
1927	1,8	0,8
1928	2,3	1,0
1929	4,1	—

Общественным питанием пользовались главным образом одиночки, не успевшие еще обзавестись семьей, для же те семейные рабочие, которые в силу сезонности своей работы временно живут вне семьи. Бюджеты одиночек за 1928 г. показывают, что общественное питание у одиноких рабочих составляет 63% от всего питания.

За последнее время общественное питание занимает уже более или менее значительное место. Рабочие фабрик и заводов во время работы начинают пользоваться заводской или имеющейся вблизи общественной столовой, что однако не ликвидирует приготовления горячей пищи в пределах семьи. Общественное питание для семейного рабочего играет еще подсобную роль. Причиной этого кроются как в системе общественного питания, так и в современных условиях быта. Домашняя система питания носит устойчивый характер еще и благодаря наличию избыточного женского труда. По данным «питательности женского труда» количество женщин, не вовлеченных в наемный труд, в 1928/29 г. составляло (без сельского хозяйства) 57%. В общем числе лиц наемного труда женщины составляли 27%. Безработица среди женщин была выше, чем среди мужчин: безработные женщины составляли 40% всего числа безработных.

Женщины, не занятые в производстве или другим общественно-полезным трудом, посвящают свои силы организации домашнего питания. Потраченный на это труд не расширяется никак. Поэтому домашнее питание обходится для рабочего дешевле, чем общественное, в оценку которого помимо стоимости продуктов входит и заработная плата. Дневной расход на питание в 1929 г. по бюджетным данным был равен в среднем на душу 47 коп. Качество этого питания по калорийному составу представляется в следующем виде:

	Калорий	В %
Всего	2.091	100
В том числе:		
хлеб — мука	1.251	59,6
продукты животного происхождения	378	19,0
картофель	202	18,0
прочие	267	14,4

При определении качества домашнего обеда мы исходим из того, что последний составляет примерно половину всего суточного питания. Тогда мы получим следующую картину.

	Калорийность обеда в общественном питании стоимостью в 37 коп.		Половина дневного домашнего питания стоимостью в 23,5 коп.	
	Калорий	В %	Калорий	В %
Всего	1.400	100	1.050	100
В том числе:				
хлеб	455	33,0	625	59,6
продукты животного происхождения	363	26	189	19,0
картофель	173	13	101	18,0
прочие	489	28	134	14,4

Эти данные свидетельствуют, что по калорийному составу и доле животных продуктов общественные обеды по качеству выше домаш-

них. Но зато и выше их стоимость. Разница в расходе на питание в семье и в общественной системе и в данном случае получается, во-первых, вследствие более высокого качества общественных обедов и, во-вторых, от того, что рабочий в расходах на питание учитывает только денежные затраты на приобретение продуктов, не включая в него оценку труда своей домашней хозяйки, которая расходует большое количество времени на приготовление пищи. Если же принять во внимание и оценить затрачиваемый домашний труд, исходя из расчета стоимости труда домашней работницы, то тогда стоимость дневного питания повысится процентов на 47 и составит примерно 32 коп. за обед. Все же и при таких условиях домашний обед обходится дешевле, нежели в общественном питании.

Тяготение рабочих к домашнему питанию объясняется возможностью использования свободной рабочей силы семьи или неквалифицированного, наиболее дешевого труда домашних работниц. Но даже занятие в производстве женщины пользуются общественным питанием только частично, занимаясь дома еще приготовлением пищи за счет увеличения своего трудового дня. Уплотнение рабочего дня женщины до максимума является тормозом для включения их в общественно-политическую жизнь страны, тормозом для их культурного и общественного роста. Задачи культурной революции находятся в полном противоречии с системой домашнего питания.

Следующим обстоятельством, препятствующим уничтожению семейной формы питания и перехода рабочей семьи на систему общественного питания, является отсутствие полного общественного воспитания детей. Необходимость питать и воспитывать детей еще главным образом в семье приводит к тому, что даже квалифицированная женщина-работница считает для себя более выгодным пригласить домашнюю работницу и пользоваться домашним столом, нежели включиться в общую систему общественного питания. Следовательно форсированное вовлечение женщин в производственно-общественную работу, с одной стороны, и общественное воспитание детей, с другой, являются основными путями к разрушению старого быта, а развитие общественного питания является одной из форм организации нового социалистического быта.

С одной стороны, рост потребности в общественном питании под влиянием указанных выше факторов, с другой — расширение и улучшение сети общественного питания дают в свою очередь стимулы к вовлечению рабочих с системы семейного питания на общественную.

Данные о развитии общественного питания за последние два года указывают на некоторые положительные сдвиги в этом отношении.

	1928/29 г.	1929/30 г.	% роста
Количество произв. предприятий к концу года	7.205	5.308	241
Количество рабочих, занятых в них	8.159	13.590	166
Мощность предприятий в тыс. бзед	2.204	9.137	414
Емкость производства в тыс. бзед	704.813	2.098.274	297
Полный оборот в тыс. руб.	240.239	641.202	266,8

Из приведенной таблицы видно, что наряду с чисто количественным ростом предприятий общественного питания и их продукция мы имеем и увеличение их мощности. Так за год число предприятий выросло на 241%, а их мощность (количество выпускаемых бзед) — на 414%. Это происходит не только за счет увеличения числа занятых в них рабочих (на 166%), но и благодаря рационализации и механизации самой работы. Количество фабрик-кухонь с 7 на 1 октя-

бря 1929 г. увеличилось до 13 на 1 октября 1930 г. Годовая продукция всех предприятий выросла на 297 %, достигая 6 млн. блюд в день. Об известных положительных сдвигах свидетельствуют изменения в структуре расходов общественного питания.

Наименование расходов	1928/29 г. 1929/30 г.	
	в тыс. руб.	То же в %
Сырье	161.815	450.327 72,8
Прочие	65.071	168.068 28,7 27,2

В 1928/29 г. сырье в общей массе расходов составляло 71,5 %, в 1929/30 г. — 72,8 %, уменьшая таким образом долю прочих расходов с 28,7 % до 27,2 %. Содержание обслуживающего персонала уменьшилось с 15,1 до 15 %. Однако абсолютные данные о стоимости одного блюда не говорят еще об улучшении качества обедов.

Стоимость одного блюда	В копейках	
	23	21
В том числе: стоимость сырья	16,4	15,3
прочие расходы	6,6	5,7

Удешевление стоимости единицы продукции происходит не только за счет уменьшения расходов, связанных с обработкой сырья, но и за счет уменьшения затрат на самое сырье, что в свою очередь является следствием изменения в ассортименте блюд, сокращения количества дорогих и увеличения средних, более доступных рабочему.

Общественное питание, обладающее всеми данными для того, чтобы стать господствующей формой питания, служит важным фактором для повышения реальной заработной платы, поднятия производительности труда и перестройки кин, в настоящее время характеризуется еще большим количеством недостатков, мешающих ему занять должное место в системе питания. Эти недостатки в основном состоят в следующем: 1) предпринимательский подход предприятия общественного питания, т. е. стремление организаторов общественных столовых извлекать из них побольше прибыли; 2) безответственность обслуживающего персонала перед потребителем; 3) нерациональное и недобросовестное использование вырабатываемого сырья, а отсюда невысокое качество продукции; 4) относительно высокие цены, делающие невыгодным общественное питание для семейных рабочих. На преодолении всех этих недостатков должны сосредоточить внимание все государственные и общественные организации, занятые общественным питанием.

Общественное питание возникло еще в эпоху капитализма. С ростом городов и промышленного пролетариата создавались такие условия, при которых большое количество людей не имело возможности пользоваться семейной формой питания, предъявляя спрос на общественное питание. Вызванная жизнью потребность в общественном питании быстро нашла свое удовлетворение. Для буржуазии были созданы роскошные рестораны, для среднего горожанина — более доступные столовые, для рабочего же класса и остальной бедноты города — всякого рода харчевни и чайные. Как ни различались между собой указанные предприятия общественного питания, их объединяло то, что все они являлись капиталистическими предприятиями, созданными для извлечения прибыли, для обогащения предпринимателей. В более дорогих предприятиях это достигалось чрезмерно высокими ценами на продукцию, а в более дешевых, предназначенных для трудящихся, — плохим качеством выпускаемой продукции.

Совсей иной характер имеет общественное питание в эпоху диктатуры пролетариата. Являясь одним из путей повышения реальной заработной платы, оно преследует конечно другие цели. Система общественного питания, способствуя повышению экономического благосостояния рабочего и являясь важным фактором повышения производительности труда, должна одновременно содействовать перестройке быта на новых социалистических началах. Одним из условий для достижения указанных целей является уничтожение торгашеского подхода к эксплуатации предприятий общественного питания. К сожалению такой подход наблюдается еще во многих местах. Во время всесоюзного смотра общественного питания, происходившего весной 1930 г., был заявлен ряд жалоб на значительную прибыльность столовых: «в большинстве столовых Иваново-Вознесенской области выпялены наклейки на продукты до 200 %»; «Родниковская фабрика-кухня за один квартал получила 17.500 руб. чистой прибыли при обороте в 98.000 руб., что составляет 18 % к обороту»; «в Киеве прибыль с общественного питания достигает 10 — 12 %» и т. д.

Более рациональная постановка работы, возможная механизация процессов обработки, целесообразное и бережное использование сырья, правильная организация обслуживания — вот что должно стать основным в работе общественного питания. Этими путями можно будет достигнуть снижения себестоимости продукции при одновременном улучшении ее качества.

Вторым крупным недостатком общественного питания является отсутствие строгой ответственности со стороны обслуживающего персонала за работу и бережное отношение к вверенному ему сырью. Благодаря неизжитой еще собственнической психологии персонала мы имеем факты небрежного отношения к сырию и оборудованию и отдельные случаи хищения продуктов, что вызывает недоверие к работе предприятий общественного питания и со стороны потребителей. Потребители, пользующиеся данной общественной столовой, могут считать и чувствовать себя действительными хозяевами ее только при условии создания известной заинтересованности их в работе данного предприятия общественного питания. Это может быть достигнуто, во-первых, организацией закрытых столовых для определенного круга потребителей — рабочих фабрик, заводов, учреждений, школ и т. д., а во-вторых, установлением систематического контроля над деятельностью предприятий общественного питания. Закрытый тип столовой облегчает проведение строгого контроля над работой ее со стороны организованного потребителя. Контроль должен проводиться выборными органами, члены которых должны периодически меняться. Они должны быть ответственными перед массой потребителей за работу предприятия, добиваясь всемерного улучшения работы, борьбы с хищениями, порчей продуктов; они должны путем привлечения более квалифицированной рабочей силы добиться рационального использования сырья и лучшей постановки работы, тем самым улучшая качество и уменьшая себестоимость продукции.

Организация закрытых общественных столовых даст возможность не только создать систематический контроль потребителей над производством, но и привлечь его к непосредственному участию в планировании самой работы. Характер и направление работы должны быть увязаны с нуждами коллектива потребителей, находиться в зависимости от условий и специфических особенностей производственной его работы.

В работу закрытых столовых при жилых домах нужно вовлечь женщин, не занятых другим трудом, что в свою очередь является одной из форм вовлечения их в общественно-полезную работу.

Последними решениями правительственных органов¹ намечается охватить по РСФСР общественным питанием в 1933 г. не менее 75% рабочих промышленности и транспорта с семьями. Это требует прежде всего правильного решения вопроса об организационных формах общественного питания. Развитие его должно в основном пойти по линии организации столовых закрытого типа при фабриках, заводах и учреждениях, а также по линии организации коммунальных общественных столовых при жилых домах. Далее надлежит разрешить вопрос, какую роль должны играть фабрики-кухни в общей системе общественного питания; должны ли фабрики-кухни заменить все виды общественного питания или же они должны в какой-то форме дополнять их.

Остановимся на каждой из указанных форм общественного питания.

Общественное питание на предприятиях играет большую роль в деле поднятия производительности труда рабочего, а тем самым выполнения боевого задания 5-летнего плана социалистического строительства. Но для этого общественное питание должно быть хорошо поставлено. Важно не только получить вкусный и сытный обед, существенно также, в какой обстановке рабочий получает этот обед, насколько эта обстановка способствует созданию бодрого настроения для работы. Уничтожение очередей, улучшение санитарного состояния, вежливое обращение обслуживающего персонала, сервированный чистый стол — все это необходимые предпосылки для правильной постановки дела в общественных столовых.

На примере работы столовой при заводе «Электропровод», неоднократно освещенной в прессе, можно видеть, какое громадное значение имеет здоровая инициатива рабочей общественности для создания образцовой столовой. Изучение отчетного материала и личное посещение столовой подтвердило достижения последней. Вот что говорит секретарь ячейки завода «Электропровода» о работе столовой раньше: «После работы рабочие стояли за обедом 50 минут в 4 очередях. Обед из 2 блюд. Рабочий тащил в тесноте 2 полные тарелки и обдирав горячим супом свои запачканные нефтью и кислотой руки. В столовую шли, можно сказать, только герои с крепкими нервами. Из 1500 рабочих столовой пользовались только 300—400 человек». А вот что мы имеем теперь в результате работы общественности в лице партийки и залкома. Столовая приняла опрятный вид. Несмотря на небольшое помещение, достигнут порядок и чистота. На всех столах стоят цветы, для каждого обедающего поставлены заранее 2 тарелки, лежат нож, вилка и ложка. Четыре подавальщицы обслуживают 21 стол. Столы накрываются заранее, за несколько минут до начала обеда ставится на стол миска с супом, из которой обедающие сами наливают суп. Обед состоит из 3 блюд. По мере надобности разносится второе и третье — сладкое. Рабочих приучили к порядку и чистоте. Благодаря тому, что уничтожены очереди, рабочий успевает пообедать в 15 минут. Он не спешит и успевает снять свой рабочий фартук и помыть руки. В столовой прорубили две двери — для входа и выхода. Пропускная способность увеличилась с 300 до 1500—2000 человек. Благодаря ряду проведенных мероприятий, не требующих осо-

бых дополнительных затрат, улучшено качество продукции и удешевлена стоимость обедов, несмотря на отсутствие механизированного производства. Обед в 800—850 калорий стоит 37 коп. Так как на обед тратится всего 15 минут, рабочий большую часть обеденного перерыва может провести по своему усмотрению, в красном уголке или же гуляя полчаса на свежем воздухе.

Закрытый тип столовой, каким должны являться фабричные столовые, дает возможность организовать равномерную нагрузку их, для чего соответствующим образом устанавливаются перерывы на обед по отдельным цехам. С другой стороны, в закрытых столовых облегчается контроль. Только в этом случае можно усилить ответственность за работу, улучшить обслуживание и постановку дела. В закрытых столовых возможно введение абонентной формы расчета за обеды, при которой в распоряжение столовой сразу поступают большие средства. Кроме того это позволяет удешевить стоимость обедов за счет упразднения должности кассира.

Переход к закрытой форме столовых вполне осуществим уже на сегодняшний день.

Дальнейшее развитие общественного питания должно пойти по линии создания крупных фабрик-кухонь и превращения мелких столовых при фабриках и заводах в распределители готовой продукции, получаемой от более крупных производственных единиц.

Крупные предприятия общественного питания являются более эффективными во всех отношениях. Приводимая ниже структура расходов на фабрике-кухне и в кустарной столовой¹ свидетельствует о более рациональном производстве на фабрике-кухне. Там основную долю расходов составляют затраты на сырье и соответственно меньшую часть прочие расходы, связанные с обработкой этого сырья.

Структура расходов

Наименование расхода	Фабрика-кухня	Столовая
Сырье	71,4	67,1
Зарплата	20,3	22,3
Прочие расходы	8,3	10,6

Обед из 2 блюд без хлеба, равный 900—1000 калорий, на фабрике-кухне стоит 32,3 коп. при стоимости сырья в одном блюде в 11,4 коп., а в кустарной столовой обед, равный 800—850 калорий, стоит 37,6 коп. при стоимости сырья в одном блюде 8,4 коп.

Производственно-торговые расходы фабрики-кухни складываются следующим образом:

Расходы	В % к итогу
Зарплата и начисления	70,8
В том числе: а) производственные	31,0
б) пр. зарплата	39,8
Амортизация	5,3
Электроэнергия	1,0
Топливо	4,5
Освещение	1,3
Отопление	1,0
Ремонт	1,6
Прочие хозяйства	14,5
Всего	100

¹ Решение Соваркома РСФСР от 26 VI 1930 г.

¹ Данные Московской фабрики № 1 и столовой завода «Электропровода».

Большую часть расходов, как видно из таблицы, составляют расходы по графе «прочая оплата». В эту статью входит оплата лиц, занятых распределением готовой продукции. Рационализация системы распределения продукции фабрик-кухонь должна будет сопровождаться уменьшением этого расхода.

Удешевление посреднического распределительного аппарата может быть достигнуто путем прикрепления к фабрикам-кухням близко расположенных коллективов. Иначе говоря: столовые фабрик и заводов, расположенные вокруг фабрик-кухонь, должны получить характер распределителей, а не самостоятельных столовых. В одних случаях указанные распределители должны организовать у себя только потребление продукции фабрики-кухни, в других они могут также заниматься и частичным приготовлением обедов из полуфабрикатов кухни. Придание распределителю того или иного характера зависит в каждом конкретном случае от мощности распределителя и экономической целесообразности.

В развитии общественного питания с целью перехода к полному обществу питанию большую роль могут сыграть столовые-коммуны при жилых домах. Прежде всего столовые-коммуны являются наиболее последовательной формой коллективной организации потребления. В социалистическом городе они войдут как составной элемент в развитую систему бытовых коммун, охватывающих и другие стороны бытового обслуживания.

Столовые-коммуны в настоящее время могут быть организованы на основе самостоятельности самих потребителей при участии не занятых иным трудом женщин, а также с помощью привлеченной со стороны платной рабочей силы.

Имеющийся материал о работе одной такой столовой-коммуны¹ позволяет дать положительную оценку ее. Несмотря на то, что производство столовой является кустарным, эффективность работ ее довольно высокая. Данные о структуре расходов показывают, что основную долю в расходах составляют затраты на сырье, что является положительным фактором производства.

Расход	В %, к итогу
Сырье	82,6
Зарплата	16,0
Прочее	1,4
Всего	100

Наряду с платной рабочей силой в работе столовой принимают участие сами питающиеся, дежуря ежедневно по очереди.

Если принять во внимание труд дежурных и добавочный труд штатной «хозяйки», выходящий за пределы 8-часового рабочего дня, и соответствующим образом его оценить, тогда получится несколько иная структура расходов: сырье—79,6, зарплата—19,0, прочие—1,4. Затраты труда увеличиваются, но доля прочих расходов остается такой же незначительной, благодаря упрощению распределения готовой продукции. Стоимость полного суточного питания при калорийности в 2 623 калорий равна на душу 1 руб. 14 коп. При относительно высокой средней зарплате членов коллектива этот расход на питание является вполне посильным.

Создание таких столовых-коммун возможно особенно в домах-общежитиях, где живут более однородные по своему экономическому благосостоянию жильцы. Это в свою очередь облегчает возможность дифференцирования стоимости обеда в зависимости от получаемой участниками столовой заработной платы.

Индустриализация общественного питания через строительство механизированных фабрик-кухонь и организация общественных форм распределения и питания через столовые-коммуны при производственных объединениях и жилых домах — таковы те основные пути, идя по которым мы сможем постепенно наладить развитое коллективное потребление на высокой технической базе.

¹ Столовая-коммуна при 4-м Доме союзов в Москве.

Хроника научной жизни

И. Кан

О преподавании технических дисциплин в плановых вузах

I. Основные установки

Тов. Сталин в своей речи об овладении техникой поставила перед страной огромный вопрос исторической важности.

Начавшееся уже в стране движение в направлении осуществления этого лозунга свидетельствует о том, что и эта задача будет решена в тех стремительных темпах, которые соответствуют потребностям нашего бурно развивающегося хозяйства.

И это движение по «овладению техникой» естественно должно найти огромный отклик именно там, где готовятся кадры для строительства — во всей системе нашего образования, начиная от низших до высших его звеньев. Мы знаем, что преподавание технических дисциплин для любой школы имеет огромное значение. Тем более это важно для педагогических учреждений плановой системы. Планирование путей технической реконструкции, развертывание дальнейших перспектив развития техники в Союзе не может быть достаточно четким и обоснованным при отсутствии солидного знакомства с основами современной техники и ее важнейшими тенденциями.

Задача однако не только в том, чтобы достигнуть уровня современной буржуазной техники: и на этом фронте сохраняет свою силу лозунг «догнать и перегнать». Работники плановой системы должны быть достаточно вооружены знаниями для того, чтобы в своей плановой работе умело пользоваться показателями социалистической техники, той техники, которая соответствовала бы социальной природе нашего хозяйства. Подобно тому как рационализация развертывается у нас своими собственными, своеобразными путями, отличными от капиталистических, так и развитие техники должны быть обеспечены свои особые социалистические методы; участие работников плановой системы в разрешении этой сложной задачи должно быть весьма значительным.

Необходимость овладеть основами современной техники особенно ярко выявляется в связи с процессами вредителей. Раскрытие вредительства в Госплане и других ведомствах по ряду технических вопросов тормозилось отчасти благодаря тому, что основная масса преданных социалистическому строительству сотрудников по своему специальному образованию и практическому стажу не стояла на уровне задач современной техники. Они вынуждены были поэтому на веру принимать все то, что подсказывалось «авторитетными специалистами», по сути дела находившимися в лагере непримиримых классовых врагов пролетариата.

А между тем принятие тех или иных плано-оперативных решений по основным вопросам производства, таких решений, которые соответствуют задачам социалистической реконструкции

техники, может и должно опираться лишь на надежный фундамент теоретических и практических знаний. Коренная реорганизация преподавания технических дисциплин в плановых вузах тем самым становится одной из актуальнейших и ответственнейших задач в деле подготовки плановых кадров.

Изучение технических дисциплин в плановых вузах однако не должно ставить своей целью дать студентам о б ш и р н ы е чисто-технические знания. Не в том задача, чтобы после прохождения курса обязательно уметь рассчитать, спроектировать, работать на том или ином техническом объекте. Необходимо научиться хорошо ориентироваться в основных областях техники и достаточно глубоко понимать важнейшие показатели, характеризующие тот или иной техническое явление, тот или иной технический объект.

При определении объема технических знаний, которые должны быть усвоены будущими работниками плановой системы, следует иметь в виду, что для отбора нужного материала неизбежно придется ломать привычные грани технических дисциплин и преодолевать ту для прошлого непродолимую пропасть между «чистой техникой» и экономикой, которая так характерна для технической школы дореволюционного времени и которая по сути дела является своеобразным показателем разрозненного частнокапиталистического хозяйства. Даже сама компоновка технического материала неизбежно отлагается прежде в такие формы, которые типичны именно для буржуазного мышления. Чистая техника, — в сущности техника единичного предприятия, как бы изолированного от других предприятий той же отрасли, а тем более от хозяйства в его целом, — была своеобразно абстрактной, утрированно-односторонней, оторванной, не связанной с общими задачами народного хозяйства. Но даже независимо от этого технические дисциплины в том виде, как они изучаются в технической школе, могут быть использованы в педагогических учреждениях плановой системы лишь в незначительной степени.

Трудность задачи заключается именно в том, чтобы обычный материал, как правило ориентирующийся на исключительно инженерную характеристику явления, сгруппировать по-новому и обогатить его теми техническими (отчасти и экономическими) моментами, которые вытекают как из задач индустриализации, так и из практики ее осуществления в Союзе.

Придается повидимому разрешить две задачи. Надо будет обеспечить усвоение студентами плановых вузов: 1) определенного круга общетехнических знаний, в сущности того, что должна была бы дать хорошо налаженная политехническая школа, и 2) определенного круга специальных знаний в тех пределах и в том именно разрезе, которые дадут возможность в дальнейшем умело планировать технические показатели хозяйственных планов, устанавливать пути технической реконструкции.

Не следует загромождать обилием материала учебные планы, а отбирать только наиболее существенное. Из всей совокупности технических дисциплин, относящихся к различным отраслям хозяйства, целесообразно выделить несколько таких, которые для индустриализации страны имеют особо важное значение. Такими отраслями следует считать топливную и металлургическую, и их изучение должно быть обеспечено в любом плановом вузе во всех его отделениях. Технические дисциплины, относящиеся к другим отраслям производства, должны проходить в различных отделениях плановых институтов применительно к специальным их задачам.

При изучении любой отрасли хозяйства необходимо обеспечить получение знаний, касающихся источников энергии, типовых, решающих для данной отрасли орудий производства, используемого сырья, применяющихся технологических методов.

В отношении источников энергии особое внимание должно быть уделено выяснению моментов, обеспечивающих оптимальное энергоснабжение и энергоиспользование; в отношении орудий производства необходимо остановиться главным образом на задачах технической их характеристики, установлении степени достигнутой стандартизации, в отношении сырья — на проблеме расширения базы данной отрасли (новые районы, новые культуры, замена одного вида другим) и исчерпывающего использования данного сырья (обогашение, утилизация отходов и отбросов и т. д.). Наряду с изучением классических технологических методов должно быть обеспечено освоение и других более современных и совершенных методов, использование которых гарантирует огромное повышение производительности силы труда, устранение потерь в настоящем и их предотвращение в будущем.

В учебных планах должно быть предусмотрено ознакомление с техническими основами капитального строительства в его целом: с строительными материалами, элементами строительного искусства, организацией проектирования и экспертизы капитального строительства и собственно строительством.

Независимо от этого в учебном плане необходимо обеспечить ознакомление с важнейшими техническими показателями современных гигантов индустрии, таких например, как Магнитогорское строительство, Сталинградский тракторный, Челябинский и др. К показателям, подлежащим изучению, следует отнести: продукцию в ее технических характеристиках, энергобазу, характер оборудования, внутризаводский транспорт, степень специализации и комбинирования предприятия, применяющиеся технологические методы.

Вместе с тем преподавание нужно вести такими методами, чтобы ознакомить студента не только с отдельными техническими объектами, но и с агрегатами в их совокупности — словными станциями, электроцентралями и системой обслуживаемых ими предприятий.

В учебном плане необходимо предусмотреть и такой курс, который освещал бы наиболее важные технические тенденции современности и служил бы введенным к основам технической реконструкции нашего хозяйства. Ближе всего к такой задаче примыкает курс, значущийся в программе Павлового института под названием «Рационализация и борьба с потерями», который целесообразно переименовать в курс: «Рационализация и пути технической реконструкции».

II. Машиноведение

В свете изложенных выше общих установок автором настоящей статьи по специальному поручению Управления кадрами Госплана СССР было произведено в конце 1930 г. обследование постановки преподавания технических дисциплин в Московском плановом институте.

В учебном плане института значились следующие технические дисциплины: машиноведение, технология, электростанции, энергохозяйство, технико-экономическое проектирование, рационализация и борьба с потерями, а затем несколько других дисциплин, носящих более специальный характер, применительно к особым задачам различных отделений Института.

Более тщательно были обследованы программы по машиноведению и технология как важнейшие и достаточно развернутые. То notwithstanding, которое имеется между современной постановкой преподавания технических дисциплин для плановых вузов, и тем, которое представляется желательным, может быть легко показано на этих программах.

Начнем с рассмотрения содержания программы и тех учебников, которые лежат в их основе.

Программы, построенные в основном на курсах, В. В. Фармаковский — Машиноведение, В. Науом — Машиноведение и др., имеют в виду дать студентам сведения сугубо-технического, инженерского характера и в таком объеме, который для работников-плановиков представляется излишним. Учебники эти предназначены для техникумов, профкурсов, вузов и по существу — преимущественно для последних. Естественно, что такая целевая их установка неизбежно предопределяет все содержание соответствующих пособий.

Программы по машиноведению для всех отделений Павлового института содержат описание и объяснение «деталей машин», а из машин почти исключительно «машин-двигателей». В программах совершенно отсутствуют «машин-орудия». Между тем раздел машиноведения, относящийся к орудиям, станкам, имеет для всех отделений Павлового института — и в особенности для промышленного — существенное значение.

Узко-технический характер программы сказывается между прочим и в том, что в раздел «детали машин» включены такие специальные моменты, как «средства против отрывания гаек», «формы шпонок», «крепление колес на валу», «расчеты ременных передач», «шарнир Гука» и т. д., что уместно лишь для техникумов и вузов. Изучению деталей машин вообще уделяется непропорционально много времени: для промышленного отделения — 19 часов из общего числа часов курса 101; для сельскохозяйственного — 20 часов из 108; примерно то же характерно и для районного и энергетического отделений.

В курсе отсутствует освещение тех новых технических тенденций, которые характерны для машиноведения последних десятилетий, что для наших условий имеет особо важное значение как фактор технической реконструкции хозяйства. Мы имеем в виду нормализацию, стандартизацию, серийное и массовое производство.

Самое изложение отдельных разделов программы ведется, как правило, изолированно друг от друга: котельные или гидравлические установки — вне связи с турбинами, последние — независимо от генераторов тока. Между тем изучение этих объектов в их взаимной связи и комбинированном использовании имеет весьма важное значение. Лишь в программу энергетического отделения включен небольшой раздел о силовых станциях в целом.

В программах не обеспечено усвоение основных понятий механики и технических единиц измерения (энергия, работа, мощность, коэффициент полезного действия и т. д.), что должно явиться необходимым введенным к курсу машиноведения. Программы не дают и соответствующего знакомства с элементами кинематики механизмов, что представляется целесообразным включить как звено в общий курс машиноведения.

Проекционное черчение как подобная дисциплина значится лишь в программе отделений сельскохозяйственного и районного. Между тем для промышленного и энергетического отделений знакомство с проекционным, техническим черчением имеет отвод не меньшее, а

даже большее значение. К тому же трехчасовой курс по проекционному черчению является совершенно недостаточным.

Разделу об электрических машинах уделено в программе совершенно недостаточное внимание. Последовательность отдельных частей программы такова, что изучению электрических машин отведено последнее место и при нехватке у студентов времени важнейший раздел машиноведения может оказаться и вовсе непройденным. У студентов может создаться искаженное представление об удельном значении отдельных видов машин-двигателей. Между тем внимание студентов должно быть как раз направлено на изучение машин электротехнической промышленности. Время, предоставляемое по программе на их изучение, является явно недостаточным: всего на это отводится по промышленному отделению 8 часов, в то же время котлам уделяется 15, паровым машинам — 20, двигателям внутреннего сгорания — также 20 часов. Такое же количество часов на изучение электрических машин предусмотрено и в программах других отделений.

Близкие по своему содержанию и объему программы различных отделений далеко не в достаточной мере обеспечивают выполнение специфических задач каждого из четырех отделений института. Таковы характерные особенности существующих программ по этим двум дисциплинам.

Что может быть конкретно предложено для изменения этих программ?

Несомненно надо значительно сократить объем занятий по разделу «детали машин». Общему курсу машиноведения необходимо предпослать изучение основных понятий механики, энергетик, теории механизмов, что позволит в дальнейшем освободиться от повторений при прохождении отдельных разделов курса машиноведения.

Безусловно необходимо включить в программу обширный раздел о машинах-орудиях, с выделением станков такого рода, как токарный, строгальный, фрезерный, сверлильный, шлифовальный и др. Часть объектов может изучаться на всех отделениях института; изучение остальных может быть включено в программу применительно к специфическим задачам того или другого отделения (прокатные станы, паровые молоты, врубовые машины, машины для строительного дела, текстильные сельскохозяйственные машины и т. д.). Чисто конструктивное описание машины должно дополняться указаниями на ряд важнейших технических показателей с выявлением наиболее значительных тенденций (например по турбинам — их современная мощность; по котлам — типы, давления; по машинам орудиям — типы, производительность и т. д.).

В курсе обязательно должно быть обеспечено выяснение характерной особенности техники капиталистического хозяйства — излишнего и многообразия конструкций, применяемых для одного и того же вида орудий. Этот момент для планового хозяйства объективно является источником огромных потерь. Излишнее, никак неоправдаемое многообразие должно преодолеваться на путях технической реконструкции нашего хозяйства и поэтому вопросам серийного, массового и в особенности стандартного производства должно быть в программах уделено достаточное место. В связи с этим должно быть обеспечено исчерпывающее знакомство с принятыми или разрабатываемыми Комитетом при СТО стандартными типами моделей, по которым должно равняться технически реконструируемое оборудование. Параллельно с этим должно идти изучение работы по сокращению ассортимента, того, что в Америке носит название «практики упрощения».

По машинам-двигателям следует обеспечить изучение требующегося для них топлива с освещением тех тенденций, которые связаны с заменой одних видов топлива другими.

В отношении энергоиспользования нужно выявить основную тенденцию, выражающуюся в увеличении удельного веса электроэнергии в общем балансе энергоснабжения, и одновременно установить показатели энергооборуженности на одного рабочего.

Раздел программы по машиноведению, относящийся к электроэнергии, электромашинам, надо значительно расширить; он должен занимать одно из первых мест в смысле последовательности изложения. Следует обеспечить освещение вопроса о совместной работе — кольцевания — электрических станций, уделяя особое внимание вопросу о сетях, передаче энергии на расстояние, применяющиеся полые и т. д.

Техническое черчение должно быть выделено из общей программы как отдельный подобный предмет. Следует также предусмотреть в программе машиноведения усвоение определенного круга знаний из кинематики механизмов и отчасти сопротивления материалов.

Несколько особняком — поскольку это относится не к производству, а к условиям эксплуатации — стоят вопросы о показателях, качеству, а к условиям эксплуатации, степень обеспеченности запасными частями, частоту ремонтов, степень обеспеченности запасными частями тех или иных двигателей. При самой компоновке программы необходимо так распределить время для прохождения отдельных частей программы, чтобы наиболее важные разделы — и в частности все относящиеся к электроэнергии — могли бы быть развернуты в достаточном объеме.

III. Технология

Критические замечания по машиноведению могут быть распространены и на имеющиеся программы по технологии. Программы эти, разработанные для промышленного и энергетического отделения института, слишком энциклопедичны, охватывают слишком обширный круг явлений (вода, топливо, металлургия, основная химическая промышленность в ее разнообразии — серная кислота, соляная кислота, азотная и др., строительные материалы, волокнистые вещества, кожевенное производство, жировые вещества, каучук, пищевые вещества, удобрительные материалы).

Программу эту как обязательную для всех студентов промышленного отделения, надо заметно сократить. Целесообразно ориентироваться на то, чтобы занятия по технологии проводились не только на первом, но и на третьем курсе соответствующих отделений института. Общая технология таким образом должна проходить на первом курсе, а специализация — на третьем.

К общей технологии условно могут быть отнесены: технология топлива и металла, к специальной — технология волокнистых веществ, жировых, кожевенного производства и еще более дифференцировано в специальных группах тех или иных отделений. Таким образом в зависимости от намечающейся будущей линии практической работы одна из групп внутри промышленного отделения может преимущественно изучать технологию цветных металлов, другая — ту или иную ветвь химической индустрии, третья — пищевую промышленность и т. д.

При прохождении общего курса технологии топлива (уголь, нефть и др.) нужно особое внимание уделить изучению всех этапов получения и использования сырья: добыча, обогащение, собственно использование, утилизация отходов и отходов. Наряду с изучением

классических методов добычи и обработки топлива с истощающей природой должны быть выявлены и те новейшие методы, которые связаны с технической революцией в этих областях.

В курсе технологии должно быть обеспечено знакомство с современным географическим размещением главнейших массивов топлива в Союзе, выделяя при этом топливо местного значения. Описание этих массивов топлива должно быть сделано в разрезе их технических характеристик: calorийность, влажность, зольность, коксующесть и т. д.

Центральным объектом изучения по технологии металлов должен явиться чугун и его производные — железо и сталь в их разновидностях, а также важнейшие цветные металлы. Здесь, как и по топливу, надо уделить особое внимание обогащению сырья (механическому обогащению, флотации), его предварительной подготовке, собственно производству, а затем использованию отходов и отбросов.

Должна быть обеспечена возможность ознакомления с классическими методами получения черного металла — доменным процессом, способом Бессемера, Мартена и Томаса. По вопросу об обработке металла следует изучить основные классические методы: а) обработка металла резанием (точение, сверление, строгание, фрезерование); б) обработка металлов давлением в горячем или холодном состоянии (ковка, штамповка, волочение); в) тепловая обработка, основанная на плавлении металла; г) электрические способы получения металлов.

Особое и выдающееся место при прохождении курса технологии металлов следует отвести сопоставлению методов — в целях усиления их сравнительной технической и экономической эффективности. Такого рода сопоставления вплотную подводят к выявлению огромных преимуществ новейших методов по сравнению с прежними, давая возможность работникам плановой системы в будущем более продуманно планировать основные пути, по которым пойдет техническая реконструкция в той или иной области хозяйства.

Существенно важным является обеспечить согласованное — вне отрыва друг от друга — преподавание машиноведения, с одной стороны, и соответствующих ветвей технологии — с другой. Изучение взаимной зависимости применяемого оборудования и технологических методов даст соответствующую подготовку, необходимую при составлении пятилетних планов и контрольных цифр отдельных отраслей хозяйства.

Самый анализ тех или иных методов должен сопровождаться описанием того, где именно и на каких заводах тот или иной технологический процесс находит свое применение, что должно содействовать лучшему ознакомлению с современным «географическим размещением» производства, классифицируемого по признаку технологических методов. Это даст студентам возможность еще на студенческой скамье ознакомиться с техническим профилем страны и накопить сведения, необходимые для продуманного планирования самой политики технической реконструкции.

IV. Техничко-экономическое проектирование

Значащийся в программе курс «техничко-экономическое проектирование» целесообразно расширить и превратить в более общий курс — «технические основы капитального строительства». Курс этот в основном может сводиться из следующих разделов: технология строительных материалов, основы строительного искусства и технико-экономическое проектирование в собственном смысле слова.

В разделе «технология строительных материалов» подлежат изучению важнейшие методы производства таких материалов, как кирпич — красный и огнеупорный, цемент и его производные (бетон, железобетон), новые строительные материалы и специально местные материалы. Должно быть вместе с тем обеспечено изучение принятых конингетом по стандартизации стандартов по отдельным строительным материалам.

Географическое размещение крупнейших предприятий по главнейшим строительным материалам, являе в разрезе технической их характеристики, должно быть включено в общую программу соответствующего раздела программы.

В разделе «строительное искусство» надо обеспечить освещение важнейших методов и приемов строительного дела с дифференцированием содержания программы по отделениям.

Вопросу о практическом преодолении сезонного характера строительных работ должно быть уделено особое и исключительное место: более активное использование фактора времени является огромным резервом в деле осуществления и превышения принятых темпов строительства и разветвления народного хозяйства.

Наряду с изучением строительного искусства необходимо дать студентам ориентировку в работе важнейших проектировочных, экспертных и строительных организация Союза, освещающая и методы технической организации строительных работ.

Эти замечания и предложения по двум уже включенным в программу техническим дисциплинам могут служить иллюстрацией к тем общим принципам, о внедрении элементов техники в новую область педагогики — систему плановых учебных организаций (вузов, техникумов, рабфаков и т. д.), которые были развиты в начале настоящей статьи.

Таким образом вся совокупность общетехнических дисциплин (кроме отдельных, которые проходят в порядке специализации), подлежащих изучению в плановых вузах с учетом тех изменений в их содержании, о которых упоминалось выше, суммарно уклавывается в следующий перечень:

- механика (элементы);
- энергетика (с выделением электроэнергетики);
- кинематика механизмов (элементы);
- сопротивление материалов (элементы);
- техническое черчение, отчасти топографическое и гражданских сооружений;
- машиноведение;
- машины-двигатели; машины-орудия (с выделением главнейших орудий современного машиностроения);
- технология: общая, специальная;
- технические основы капитального строительства (строительные материалы, строительное искусство, проектирование, экспертиза, собственно строительство);
- проекты крупнейших строительства;
- рационализация и пути технической реконструкции.

Организационно ряд дисциплин может быть объединен в общую курс; так например к курсу машиноведения в качестве подсобных частей могут быть отнесены механика, отчасти энергетика, кинематика механизмов, сопротивление материалов, техническое черчение.

Задача в том и заключается, чтобы из огромного материала, включаемого в эти дисциплины, извлечь тот минимум, который будущим работникам плановой системы необходимо изучить.

Такой отбор при всей четкости основных установок требует все же тщательного уточнения на основе большой экспериментальной работы. Коренное изменение методов изучения технических дисциплин (а наряду с этим и экономических) в педагогических учреждениях плановой системы должно быть практически проверено опытным путем в Плановом институте. Организация опытного семинара в Плановой академии по вопросам техники для плановиков могла бы содействовать разрешению поставленных задач.

Деяо проведения новых начинаний и уточнение самой концепции преподавания техники в педагогических учреждениях плановой системы может быть заметно ускорено срочным составлением хрестоматии «Техника—плановикам», а в дальнейшем изданием серии оригинальных учебников применительно к различным ступеням планового образования.

Устанавливая таким образом в общих чертах основное содержание программ, необходимо иметь в виду большую ее специализацию как по отделениям, так и по курсам. Некоторое увеличение числа предметов против значащихся в программе не должно привести к большой нагрузке студентов, поскольку каждый из курсов подлежит значительному изменению как со стороны своего объема, так и содержания.

Повидному можно будет иметь значительные резервы времени за счет известного сокращения курса математики, по своему содержанию слишком обширного для основной массы студентов плановых вузов.

Естественно, что наряду с изменением содержания курсов должны коренным образом измениться и методы преподавания.

Наложению соответствующего раздела программ необходимо предпослать вводное обобщающее описание данного технического объекта, иллюстрируемое фотографиями, чертежами, моделями и т. д. Более полному ознакомлению с объектом должны способствовать экскурсии — осмотр его в натуре.

Следующей ступенью в овладении данным техническим объектом должно явиться его тщательное теоретическое изучение, закрепляемое практическим ознакомлением с ним, хотя бы путем кратковременной работы (2-3 дня) на месте.

Не исключена возможность — наоборот представляется даже весьма целесообразным — практическое знакомство с техническими объектами не только непосредственно на предприятиях, но и в соответствующих лабораториях научно-исследовательских институтов.

Контрольная работа по данной дисциплине может сводиться между прочим к технической характеристике того или иного объекта или процесса. Особое значение могло бы иметь сопоставление на основе практического изучения двух различных технологических методов в целях выявления того из них, который имеет заметные технико-экономические преимущества (например сравнение клепки со сваркой, сварки в различных ее разновидностях).

Приведенные приемы преподавания по сути дела являются лишь введением к непрерывной производственной практике, которая только и может обеспечить плодотворное и эффективное освоение студентами Планового института определенного круга технических явлений и знаний.

Но вопрос о методах требует специального рассмотрения.

От relaxation. Как нам известно, в учебном плане и программах Московского планового института произошла известные изменения, в которых наиважнейшее место отводится изучению истории работы.

«Энергетическое обозрение».

Нашему рассмотрению подлежат первые 6 номеров журнала «Энергетическое обозрение», вышедшие в течение 1930 г. в пять книжинок по 10 печатных листов в каждой. Журнал выпускается Научно-исследовательским институтом энергетики и электрификации при Энергоцентре, имеет своей целью давать обзоры мировой технической литературы по вопросам энергетики. Институт получает и обрабатывает для журнала «Э. О.» 113 журналов, из них 34 русских, 33 немецких, 11 английских, 10 американских (9 из САСШ и 1 из Канады), 9 французских и 9 швейцарских, 3 итальянских и по одному из Испании, Норвегии и Чехословакии. Библиография охватывает около 1/4 журнала. Остальные занимают статьи и рефераты, которые посвящены главным образом электротехнике, электротехнике, теплотехнике и энергетике транспорта (40). Большинство материала происходит с немецкого и английского.

Из опыта «Э. О.» ясно, что для того, чтобы следить за техническими знаниями заграницы, нет нужды читать все массу иностранных журналов. Вполне достаточно пользоваться несколькими немецкими и американскими энергетическими журналами, чтобы быть в курсе последних технических и научных достижений в этой области, поскольку они вообще находят место на страницах печати и не являются фирменным секретом.

Журнал, держащий нас в курсе новейших открытий и т. п., несомненно нужно предоставлять и вестнику подкреплять, тем более, что наше знакомство очень слабо знакомо с иностранной техникой и состоянием той или иной отрасли промышленности за границей.

«Э. О.» дает целый ряд весьма интересных и содержательных статей, знакомящих нас с теоретическими и практическими достижениями Европы и САСШ. Таковы статьи в № 1 Р. Роденберга «Работа электрических станций и сетей при параллельном соединении», Г. Платона «Влияние параллельного соединения больших сетей на их работу»; в № 2 проф. Ронни — «Комбинированные процессы обогрева

жидкости водой с применением электроэнергии», «Эффекты установок высокого давления в Америке» и др.; в № 3 статья «Возможна ли синхронизация собственной энергии», Орлов — «Экономическое единство белого угля и пара» Фалалеев — «Организация управления и эксплуатации крупной силовой установки»; в № 4-5 Бернер — «Экономические точки большой производительности», проф. Ниттагер — «Энергетическое хозяйство в буржуазной промышленности»; в № 6 Келлер — «Передача больших мощностей», Лессе — «Потери в длинных линиях передач», Зорге — «Нововведения в области питания от коротких замыканий на земле» и др.

Имеется также ряд статей обзорного характера, знакомящих с энергетическим хозяйством разных стран или отдельных отраслей народного хозяйства. Таковы статьи в № 1 Р. Филка — «Значение электричества в высокотехнологичных странах Германии с точки зрения единого энергохозяйства»; в № 2 Чезари — «Электроснабжение Франции»; в № 3 Листон — «Услуги электроснабжения в САСШ в 1929 г.»; в № 4-5 «Электрификация железных дорог мира к концу 1929 г.»; в № 6 — «Применение электричества в сельском хозяйстве в настоящее время и виды на будущее».

Необходимо отметить также печатаемые журналом из месяца в месяц библиографические обзоры, охватывающие всю сумму статей, получаемых институтом из иностранных журналов. Правда, эти обзоры отнимают много места, но они имеют и большую ценность для интересующихся тем или иным техническим вопросом русских техников. Прямой библиографический обзор опровергает во времена основной статейной литературы.

Полная полнота и необходимость дальнейшего выхода в свет «Э. О.» мы вместе с тем должны указать на целый ряд крупных недостатков, которые должны быть как можно скорее устранены.

Первым делом необходимо отметить отсутствие у журнала советского политического и экономического лица. Из приглашаемого года пролетарской революции является хо-

коллегиальным органом журнала, без критики помещающей самую макрокосную политико-экономическую идеологию буржуазии и тем самым ее идеологический базис. Политическое и экономическое содержание пронизывает большинство технических статей. Но «Энергетическое обозрение», «Корреспонденция», все с «общественной» беспристрастностью, не поддается ни тому, что является либо нам и не может быть принято в наших условиях, ни тех фактов, которые характерны для капитализма и водноэнергетики нашу мысль о неравнозначности полного развития промышленности, с одной стороны, и промышленности в рамках капиталистического строя. Наоборот устали буржуазных споров доказывается, что капиталистические условия и частное хозяйство «без вмешательства государственной власти» имеют наиболее благоприятные условия для развития общественных сил энергетических систем (Франк, Палотти).

Рассмотрим подробнее провозглаемую на страницах «ЭЭ» идеологию. Начнем с «ЭЭ» с статьи «О развитии электротехники и электротехники», помещенная в № 6 «ЭЭ». «Обзор электроэнергетики восточно-европейских и балканских стран». Относительно Австрии читаем: «Начиная правительство Габсбургской монархии претворило в жизнь использование источников водной силы Западного Тироля, близости к коню. Препятствием для получения концессии является для австрийских банка и Рейнско-восточной австрийской компании (Германия) совместно с австрийским отделением Сименс-Шукерта (тоже Германия)». Далее «В вопросе о финансировании этого предприятия (срещает издательство электротехники в Гемме) провозглашают интерес финансовых кругов САСШ». «Проекты постройки гидроэлектростанции на Дунае встречают поддержку со стороны международной Дунайской комиссии».

В обзоре польского электроэнергетики мы находим следующие сведения: «индустриальных и шах (электротехнических станциях) в то время (1927 г.) капиталов, внутренне капиталы составляли всего 24%, а иностранные, главным образом английские, бельгийские, французские и швейцарские — 76%. По данным, относящимся к текущему году, иностранные капиталы составляют 43%, а все авиационные и электротехнические. Относительно будущего в Польше намечаются следующие перспективы: «Множеством общественных работ составлен план электрификации страны. Осуществление проекта зависит от возможности привлечения иностранных капиталов. В настоящее время общественные работы уже заключен с фирмой В. А. Гардини концессионный договор на 66 лет. Концессионер обещал сле-

дать, за время действия договора установить не менее чем на 100 мил. долларов, из них 15 млн и первые 10 лет. Относительно Румынии сообщается: «Румынским правительством заключено несколько концессионных договоров с французскими и немецкими фирмами. Кроме того в Румыно-Монтане сооружается крупная электростанция при участии бельгийского капитала».

Статья подает нас также известное, что в Югославии «Электрификация страны сильно продвинулась в последние годы благодаря деятельности разных групп иностранных предпринимателей. Там работают швейцарские, немецкие, чехословацкие, французские и итальянские фирмы».

Эта статья дана журналом без всяких комментариев.

Редакция не подчеркивает факта заведомо слабых стран от экономически более мощных, и в частности, которая ведет к усилению эксплуатации рабочих и крестьян малых стран. Редакция не отмечает слабости темпов развития, как характерную черту капиталистического строя. На примере этих стран не демонстрируется огромное преимущество социалистического народного хозяйства, выходящего изнутри себе мощные ресурсы для невиданных в капиталистических странах темпов развития.

Редакция не отмечает также другой статьи, исходящей из чисто политической окраски, взятая из ЕТЦ и помещенная почему-то только в кратком изложении под названием «Безопасность в электротехнике Венгрии» («ЭЭ» № 3, стр. 50). Выяснилось, читаем мы в этом переводе, что в течение последних 10 лет в электротехнике Венгрии наблюдаются полный застой. Препятствием этому не поддается различию электротехники страны. Всеми своими мероприятиями и в этой области правительство чинит препятствия электротехническому и возлагает на него всю тяжесть. До сих пор не проведен закон о правах отключения участка под линии передачи и т. д. В связи в хронике заметку о второй Всемирной энергетической конференции в Берлине («ЭЭ» № 3, стр. 55) и отмечает, что там была создана «Законодательство и политико-экономические вопросы» и другие секции, затрагивающие политико-экономические проблемы, редакция на этом не говорит о политическом характере работ этой конференции, которая ставила тактические вопросы, как «корреляция электротехнических установок во время рабочих волнений» и др.

Определяющая политическую окраску, никак не отмеченную редакцией, имеет также первая статья первого номера журнала: Р. Франке — «Значение конкуренции высоковольтных сетей Герма-

нии». Франке является ярким идеологом германской хозяйственной экспансии. Он надеется, что не в столь отдаленном будущем удастся успешно провести интерконнекцию всех сетей Германии с тем, чтобы в дальнейшем можно было установить соединение сетей и на другие страны... и тем самым мы получим возможность сохранить за собой в этой области (электротехники) руководящую роль. Продавая Бартола. Редакция не выражает своего мнения насчет этих идей, высказанных Франком. Возможно ли объединение всех сетей Германии при господстве капиталистического строя и тем более возможности объединения сетей Германии с сетями других стран и установление энергетической и отсюда хозяйственной и политической гегемонии Германии? Этих самым редакция как бы солидаризуется с ним. Формальное вместе с тем и с идеологией «организмизм» капитализма.

Посмотрим теперь, каковы экономические установки, пропагандируемые статьями «ЭЭ». Прежде всего надо отметить, что экономическим в этих статьях отсутствует очень простое место.

Вот како страно встречем мы по этому вопросу в статьях, помещенных той или иной технической области. Так в № 4-5 км. Преторусе в статье, озаглавленной «Сущность, цели и значение тепловых хозяйств». «Различное значение экономических моментов, характерное для всего развития техники, выступает особенно наглядно на примере теплотехники». В другом месте этой же статьи он подает свою мысль. «При правильном выводе на тепловое хозяйство, экономические соображения должны быть всегда на первом месте. В этом заключается огромный разрыв между теплотехникой как средством к достижению цели». В статье про Мерцанта (№ 1, стр. 46) та же мысль о ведущем значении экономических соображений высказывается и в связи с вопросом о пределах выгодности электротрансформации. «Вопрос о высоковольтной передаче энергии в настоящее время прежде всего вопрос экономический», — пишет он. Технические затраты и передача энергии на расстоянии в сотни километров больше уже нет.

Против этих утверждений мы не спорим. Это правильно. Вопрос, однако, в том, как излагается, и понятие экономическое является руководящим экономическим индекс.

По этому поводу мы имеем весьма большое количество ответов, приведем все они единодушно. «Высоковольтные линии несут практические выгоды». В № 2 «ЭЭ» на стр. 57 помещена статья анж. Кенеди «Практика

планирования работы электрических обществ в концерне Дегерте». От чего мы узнаем самую истину, что «экономическим соображениям, которые руководствуются. А именно при обсуждении перспектив развития электротехники предприятий является получение максимального процента прибыли на капиталы, которые затрачены на возмещение затрат на развитие электротехники данной территории». Редакция никак своих принципов относительно того, насколько мы можем принять эту идею, не делает.

В № 3 «ЭЭ» помещена серия статей по планированию электротехники за границей, о которых мы уже упоминали. Здесь мы хотим только отметить их «генеральные» установки. Так небезысленный редактор известного энергетического журнала «Electric world», Л. Морроу в статье «Планирование силосов системы с подвозом извне генерального плана» пишет: «Сущность генерального плана заключается в прогнозе, который позволяет бы развивать дело с наилучшими затратами. Тем самым прогнозы и планы представляют общего пользования можно составить управление, решение которого полагает, как тем развития, скажем 5, 10, или 30% в год, дает наибольшую прибыль каждого».

В том же номере в другой статье тот же Морроу пишет: «Сделка дела в экономическом отношении определяется в конечном счете размером прибыли. Темпы строительства должны основываться на размерах ожидаемых прибылей для каждого года».

К этим статьям в начале номера даю общее приложение, посвященное вопросу, насколько помещая их «на виду большого интереса, представляющего их фактически содержанием» (?), говорим, что в СССР заданной постановки является не получение максимальной прибыли, но «удовлетворение и максимальное народнохозяйственные интересы растущего спроса на энергию». Но в конечном счете применение является не всегда. В этом же номере, напечатана статья анж. Ормера «Экономическое обоснование большого угля и пара». Ормер пишет: «Энергия воды по сравнению с энергией из или нефти можно считать неустойчивой. Поэтому единственной альтернативой (не бодая) практической ценности для хозяйства является ответ на вопрос: можно ли продавать ее с прибылью?». Очевидно редакция «ЭЭ» в вопросе строительства гидроэлектростанций с таким и рассуждает, пользуясь принципами Ормера.

Нельзя пнуть более туманно, чем американцы, однако суть та же. В статье Шеллера, помещенной в № 1 «ЭЭ» —

«Тарифная политика, электростанции ставится» мы читаем: «Что представляет собой понятие «тарифная политика». Под тарифной политикой следует понимать совокупность мероприятий, которые должны быть предусмотрены электротехническими стандартами для того, чтобы, во-первых, при построении электротехнических систем полностью использовать все определяющие их экономические факторы и соответствующие руководящие идеи, и во-вторых, путем применения рациональных тарифов уменьшить издержки абонентов, с одной стороны, и электростанций станций — с другой».

Фраза, как видите, достаточно туманна. Автор очень подробно заботится об интересах абонентов. Однако в конце этой же главы положено промолчать. Редактору, являющемуся, с одной стороны, и электростанций станций — с другой.

Фраза, как видите, достаточно туманна. Автор очень подробно заботится об интересах абонентов. Однако в конце этой же главы положено промолчать. Редактору, являющемуся, с одной стороны, и электростанций станций — с другой.

Вопросы тарификации и в наших условиях имеют свое значение и до сих пор недостаточно освещены. Мы можем благодарить редакцию «Э. О.», данную нам «руководящую» статью, установка которой редакцией очевидно вполне оправдана, так как никаких вопросов на этот счет в журнале не возникает.

Но прибавь, как это мы узнали из предыдущих статей, руководящая и стимулирующая хозяйственную деятельность, опосредствуемая ценами, а цены опосредствующие рынком. Поэтому законы рынка и цены обуславливают то или иное направление технического процесса.

В двух статьях, посвященных очень интересному для нас вопросу о комбинации производства энергии с обогащением угля и переработкой угля, во втором номере «Э. О.», а именно в статьях Князева и Майского и проф. Родина читаем: в первой — «Самой собой разумеется, что предварительный переработкой угля топливно котельной можно быть увеличен только в том случае, если доходы от сбыта первичных продуктов переработки окажутся выше расходов по переработке», во второй — «Экономичность процессов обогащения угля зависит всецело от возможности сбыта их продуктов» — «Установка

экономического предела выхода дается из бурного угля по своим свойствам от цен на сырой уголь и дотого. Опыт мы несомненно никаких применений редакции и можем считать, что редакция принимает установку авторов статей для СССР и что наша электротехническая редакция, в интересах экономических интересов экономики топливно-энергетического хозяйства, в данном случае считает «Э. О.» и промышленники. Мало того, не только руководящие установки, но и практические выводы, которые основываются совершенно на иных чем у нас ценностях соотношениях в разных странах, редакция не оспаривает».

В статье цитированной статьи Орлова (№ 3, «Э. О.») предельная мощность гидростанций последней составляет соответственно американские условия — 30—40%, все установленной мощности. «Если гидроэнергия с течением времени будет уменьшаться по мере того, как сооружение новых гидроэлектростанций будет развиваться и они будут все более удаленными от рынков сбыта. Причем в стоимости сооружений гидроэлектростанций «стоимость отчуждения водных пространств и суши». Вряд ли можно для наших условий признать эти выводы удовлетворительными. Однако редакция в данном случае никаких применений не делает. Точно так же в ответе редакции ответ Франка (№ 1) на вопрос: «Будет ли расти выработка энергии такими темпами (за последние 2 года по статистике общего потребления Германии по 30% в год и дальнейшим) или нет? Ответ редакция не дает, — зависит от той или иной оценки перспектив роста народного хозяйства Германии. Вообще говоря можно сказать только одно, что по мере насыщения страны энергией, потребности в энергии должны будут уменьшаться».

Теория затухающей кривой может быть применима для капиталистической Германии — мы сейчас не будем останавливаться на этом вопросе, но во всяком случае для СССР эта теория давно потребна.

Выводы и предложения, касающиеся рационализации электрооборудования американской промышленности (см. реферат в № 4-5 «Основные пути рационализации электрооборудования американской промышленности», и балансируется на экономике частного, несомненно от других предприятий хозяйства, так же совершенно не пригодны для наших условий комбинированного хозяйства, основанного на наиболее тесном сплав отдельных предприятий между собой.

Некритическое отношение к материалу и выводам характерно как видим для всех рецензируемых номеров журнала. Не последние пример в этом еще является помещенные в № 6 статьи

«Электростанция в быту у швейцарцев» и «Электростанция в промышленности». В первой статье описывается газ и электростанция на маленькую индивидуальную кухню в швейцарских местностях с населением в 3-4 тыс. человек, а во второй статье — также же индивидуальная электростанция в быту для страны. Где мы возьмем сейчас энергию, чтобы для индивидуального быта и к то у нас будет забитость о развитии мелкого домашнего хозяйства? Зачем нам нужны эти статьи?

Нельзя не остановиться еще на пришедших планировании электростанций с точки зрения «Э. О.», а в статье, посвященной, по выражению редакции, большому интереса. Как предусмотреть спрос на энергию, спрашивает Кемпел (№ 2). Он, а за ним Морроу отвечают, что нужно изучить прошлые тенденции, нововременные и будущие изменения, а также конкуренты у основных потребителей района и строить соответствующую картину. Мы видели здесь пример, даю у нас стартерный и газный только для электростанций хозяйства, а также электростанций кривой прироста развития. Организацию установку мы находим у Н. Гансова в его статье в № 3 «Э. О.». «Население как показатель спроса на энергию», мы находим, что спрос на энергию (притом он не ограничивается, что имеет в виду только бытовую нагрузку, так что надо понимать, что речь идет о росте всего спроса на энергию — бытового и промышленного) пропорционален росту населения. Быст же население определяется совсем просто — по «кривой двух мух». Эту кривую изобрел Раймонд Перль в своей статье «Биология природы населения», на основе его опыта с разведением двух мух, помещенных в банку с кормом.

Думается, что мы в СССР можем планировать с большой степенью научной точности, нам теория «двух мух» мало может помочь в разработке методологии планирования.

Точно так же советам Морроу детализировать «1) разделение производства электроэнергии; 2) для местностей, в которых сырьевые предприятия усиленно конкурируют или перекрывают друг друга, рекомендуется разработать план совместной эксплуатации для всего района», — эти советы мы можем оставить для САСШ, мы в них мало нуждаемся, и совершенно неизвестно для чего редакция воспроизводит такие статьи нашим моим изобретением энергетиком, делавшим исключительно дословный перевод английской статьи.

Мы ограничимся этими указаниями в части политико-экономических установок, хотя они далеко не исчерпывают соответствующего содержания. Некритическое отношение к помещаемому

материалу ведет к обезличиванию журналов, не только в политико-экономическом отношении, но даже и в отношении техническом. По одному и тому же вопросу даются различные технические советы без конкретного указания редакции какой же метод правильнее, какой технический прием лучше. Если мы возьмем статьи одного раздела журнала — будь то теплотехника или электротехника и пр., то отсутствие технического единства легко проследить. Да это и понятно, ведь печатаются статьи, в которых устанавливаются нормы на разных странах с различными техническими и экономическими условиями, а редакция не заботится себя сведения всего этого материала в соответствие с нашими условиями и требованиями.

Даже в вопросах теоретических мы встречаем противоположные утверждения в двух разных помещенных статьях. Так например, в № 6, в статье Келлера указывается, что потери на реактивную мощность зависят до 30% от мощности установленных генераторов, а в статье Ленга в том же номере на стр. 96 говорится, что «потери от реактивной мощности в общем малы по сравнению с потерями в линиях».

Серьезный технический журнал не может не иметь своей технической точки зрения и должен ориентировать своего читателя в одном направлении по техническому направлению, а не давать противоречивых сведений — выбирать, что хочешь.

Отитим еще неопределенность ориентации журнала на тот или иной круг читателей и недочеты издания.

В № 1 редакции в своем предисловии заявляет, что журналу принадлежит объединенный вопрос, что ориентировать себя главным образом на технически экономические проблемы энергетика. Эта установка соответствует установке самого института, работающего в области технико-экономических вопросов энергетика и электротехники.

Однако и журналы помещают статьи, посвященные вопросам экономическим вопросам электротехники, трансформаторной энергетике, теплотехнике и пр., которые предполагают высокий уровень математическо-теоретической специальной подготовки. Такие статьи в № 1 Р. Роденберга — «Работа электростанций и сетей при параллельном соединении»; в № 2 проф. Церковны — «Термические и термодинамические коэффициенты полезного действия»; в № 3 Булатова — «Влияние индукции на электрические генераторы»; № 4-5 Тод-филлер — «Газовый двигатель постоянного тока в работе при пульсирующем напряжении» и в № 6 Кемпел — «Передача большой мощности». Л. Ленг — «Потери в длинных линиях передач».

дятся в хозяйственных взаимоотношениях с рядом других стран, продавая им свои изделия и покупая у них необходимые нам товары. Но все же при рассмотрении нами ныне трудно было сомневаться в более серьезном обосновании. Но в одном мыслить отвлеченно: он чрезвычайно последователен в своей безразличности и апатичности.

Основной проблемой экономической географии автор считает проблему пространственного размещения хозяйства. Каковы же по мнению автора все движущие силы, те факторы, которые управляют размещением в капиталистическом обществе? Принципы размещения производных затрат — это ответ автора. «Какой экономической точки зрения стало выгодным производить отдельные продукты (?) и товары в тех районах, в которых по природно-производственным и транспортным условиям это можно сделать с наименьшей затратой труда и всего дешевого, а уже затем в порядке взаимного обмена поучить из других стран то, чего не достает. Таким образом география — это наука о размещении труда и специализации районов вехе к установлению взаимных хозяйственных связей между отдельными районами (разрядка наша.—Б.К.). Автор слышал однажды эпил, по не знает откуда он. Смысла он, вероятно, что закон стоимости является основным регулятором капиталистического хозяйства и рента, что «наименьшие затраты труда и денег» — такая регулятор пространственного размещения капиталистического хозяйства. Автору видно совершенно незнакомы следующие положения: «чего стоит товар капиталисту, чего стоит самая продукция товара, что в таком случае для совершенно различных величин... То, чего стоит товар капиталисту, измеряется затратами капитала, то, чего товар действительно стоит — это труд». Поэтому капиталистические издержки производства товара количественно отличаются от его стоимости или действительных издержек его производства, — это верно, но тогда стоимость. Издержки производства товаров для него (капиталиста. — Б.К.) представляются действительной стоимостью товара (Капитал, том III, ч. I, стр. 2).

Итак не погоня за максимальной прибылью, не стремление к исключительно высокой и относительной прибыльной стоимости при одностороннем снижении издержек производства являются факторами размещения отраслей хозяйства в капиталистическом обществе. Никуда противоречий между размещением на основе капиталистических издержек производства и размещением на основе действительных издержек

производства стоимости — нет. Географическое разделение труда в мировом хозяйстве по мнению автора — это разделение на капиталистическую систему, построенную в интересах всего общества на принципе наименьших трудовых затрат.

Надо положить конец этой путанице: мирская, переосмысленная в сложную аполитическую и идеологизированную капиталистическое общество, имеющая к содержанию еще значительное содержание среди экономгеографов.

Надо отметить, что автор претендует не только на знание популяризатора и компилятора, он желает возвыситься и поистине установлении истинных закономерностей в географии мирового хозяйства. Автор хочет очевидно дать «философское» размещение в мировом хозяйстве, «судящие нам более помыслим». Автор считает возможным говорить о географии мирового хозяйства не иначе как в связи с географией естественных-исторических ландшафтов. Он объединяет эти два вопроса, лежащие в совершенно различных плоскостях, в одну главу. Думаем, что одно это построение автора позволяет уже догадываться о философии его. Все же приведем эту «классическую» философскую преувеличение, которой автор очевидно хотел увеличить свое имя. «Если все это (вплоть природы на человека — Б.К.) принять во внимание, то станет яснее следующий тезис: важнейшая задача экономической географии — выявить посылку, которая лежит в основе географической среды, поскольку и жизнь человечества вообще и в частности его экономической жизни также в своей основе географическая. И далее идет конкретизация закона о географии размещения. Другими словами, география хозяйства также до известной степени география населения. И далее идет конкретизация этого философского закона. «В полярной зоне — бродячие скитания занимаются лишь охотой и рыболовством. Южные зоны заселены. Кроме охоты и рыболовства, здесь развивается земледелие и скотоводство. Умеренный пояс совпадает с зоной зерновых хлебов». И т. д. и т. п. Это — картина географии мирового хозяйства.

Эту «философию» и общетеоретическую свою постановку автор приводит на первых страницах книги, касаясь вопроса о предмете экономической географии. Поскольку это место принадлежит не только на методологическую установку автора, но и на содержание, то мы не будем приводить цитаты из книги. Мы же экономико-географической литературы, считаем необходимым привести соответствующую цитату, которая данна.

Автор пишет: «Если было установлено, что физико-географическая среда определяет (??) хозяйство, то уже относительно легко было прийти к такому же несомненному и так же ясному отсюда выводу (разрядка наша.—Б.К.). Так как различные явления на отдельных частях земной поверхности отличаются чрезвычайным разнообразием, являясь каждому району особый облик и для каждого района создавая особый географический ландшафт, то следовательно и общий характер экономики данного района в значительной мере обусловлен местным ландшафтом, т. е. местной природной обстановкой. Такой вывод для дальнейшего развития экономической географии имеет весьма важное значение. Из него родилось новое направление... среди европейских ученых, главным образом германских (по мнению проф. Геттера) — это движение — школа, а в нашей стране в 1920 г. (проф. Бернштейн-Коган) возникло новое течение, которое в основу всей науки ставит уже не отрасль, а экономический район. Основной задачей экономической географии — это направление считает изучение экономического района на базе присущей им физико-географической среды». Районные направления за последние годы у нас в СССР быстро завоевывают популярность (разрядка наша.—Б.К.). От того, что между районом в понимании Геттера и Когана Бернштейна и районом в понимании районной школы СССР существует различие, принципиальное различие — не больше, не меньше как различия между буржуазным и марксистским пониманием, — этого автор очевидно не знает. Он выдает гостиницу за нас районное направление школы Геттера и Когана-Бернштейна. Основной задачей районной школы он считает изучение района как базе присущей им физико-географической среде. Автор приводит вместе с тем и историю появления районного направления. Известно, что оно появилось именно у нас, в СССР, на основе классового социалистического строительства, государственного районирования и плана Госплана.

Перейдем к рассмотрению глав об экономической географии СССР.

Книга написана в 1930 г. и издана в конце 1930 г. Однако вопросу обоснования сельского хозяйства отведено всего полторы страницы, и то полукруглыми старыми материалами. Для характеристики размера обоснования сельского хозяйства в 1930 г. автор пользуется контрольными цифрами на 1929/30 г. В разделе о сельском хозяйстве СССР выделены поочередно проблемы зерновой, животноводческой, лесной, рыбной, оленеводческой, строительства машиностроительных заводов, агро-индустриальных

комбинатов, тракторостроения и механизации сельского хозяйства. Вместо этих животрепещущих проблем социалистического строительства, требующих и экономико-географического осмысления, автор разводит нас по сторонам, сводя статистику. Приведем цифру посевных площадей по районам и культурам, урожайности, поголовья скота, валовая и товарная продукция. Разбавлено это 5-6 страницами пустословия, и эта механическая переписанность как экономико-географическая характеристика сельского хозяйства СССР в 1930 г. Зато автор разбавил на счет лесного хозяйства. Автор сообщает нам, что лесовосстановление — это хозяйство, которое приносит пользу и в то же время имеет мягкую древесину, береза дает березовые дрова превосходной качества (??), древесина дуба твердая и прочная и т. п. Мы знаем, что существование лесной системы лесного хозяйства и система вывозов. Об этом автор написал много больше, чем по вопросу обоснования сельского хозяйства. В таком же духе построены и главы о промышленности и о сельском хозяйстве. В разделе о промышленности автор сообщает: 1) проблема размещения индустрии на восток и индустриализации окраинных областей отсутствует; 2) проблема создания второго металлургического центра не осмелен; 3) о строительстве и географии новых отраслей промышленности в книге и поминуть нет; 4) автор обильно употребляет термины «индустриальный район», «индустриальный район» (разрядка наша.—Б.К.). Остальное теория Вебера. С одной стороны, теория Вебера дает научный критерий при выборе мест для новых производственных предприятий и отдельных хозяйственных предприятий; с другой стороны, применение теории Вебера требует к себе сугубо осторожного отношения в условиях социалистического хозяйства, так как «индустриальный район» и «индустриальный район» — это не то же самое, что индустриальный район в капиталистическом обществе, определяемый по принципу себестоимости перевозок для самого транспорта, а это уже больше (разрядка наша.—Б.К.) обдумает нас Вебером.

Мы считаем, что для характеристики и оценки книги приведенного уже достаточно. Сделаем еще лишь несколько замечаний о построении курса. Совершенно выданы разделы об обосновании индустрии, сельского хозяйства, сельского хозяйства СССР и раздела о транспорте. Автор отговаривает, что география транспорта будет посвящена в той части книги. Но грамотное экономико-географическое рассмотрение народного хозяйства СССР и экономики районов невозможно без одновременного и

параллельного освещения транспортных проблем. Из этого ясно значение экономико-географической грамотности и учебная ценность работы автора. Тем более это поразительно, что книга предназначена для транспортников.

Флет издавна такой книги в конце 1930 г. в качестве учебного пособия для транспортных учебных заведений и в

особенности для заочников заслуживает
редкого освещения. Если Центральный
заочный политехнический институт, чья
марка значится на татуальном листе, рас-
пространял этот учебник среди заочни-
ков, то он должен принять определен-
ные меры к исправлению этой недопу-
стимой ошибки.

Б. Маминский

М. А. БРАУН. Основной капитал промышленности СССР. Государственное издательство. Москва—Ленинград 1930 г. Цена 2 р. 25 к

Резешируемая книга из серии «Библиотека промышленных знаний» объединяет нас с еще одним «трудящимся» наряду с уже названными «Юзерками» промышленного экономического А. М. Тугузбаев и с «Сознательным хозяйственным» в промышленности А. С. Тугузбаев, у которого, впрочем, совсем отсутствует ответственность за составленную себе «минею»!

Прежде чем дать подробную оценку размеристой работы мы считаем необходимым выписать основные «теоретические» установки автора. Первое представление о них мы получим буквально в первом абзаце первого параграфа, транзитивного о «содержании понятия» основной каптала «промышленности»

М. Барз усталивает, что «при строгом теоретическом рассмотрении вопроса понятие «капитализм» вообще должно было бы быть применимо не только к социалистической промышленности СССР. Однако наличие и в обществственной части советского хозяйства некоторых элементов, формально сходных с элементами капиталистического производства (рыночные отношения, частная трудовая сила, заработная плата, заработная плата, заработная плата) позволяет говорить о капитализме и в применении к социалистической внешней промышленности».

И далее: «За сделанной оговоркой понятие основного капитала для нашей промышленности имеет то же содержание, что и для капиталистиче-ской».

И тут же автор книги осмывается в сноске (очевидно для поддержки и вышней «авторитетности») на... А. М. Гинзбурга, одноклассно с ним трактующего этот же вопрос.

[illegible]

Бессерию относил жилища здания к потребительским фондам, а же к производственным, но, видите ли, Маркс анализирует вопрос с точки зрения воспроизводства надуваемого капитала; а не с точки зрения производственного капитала, следовательно, существование рабочего складует рассматривать как материальное, употребленные на содержание в неспешности жилища, или, как расходы по содержанию рабочего скота¹, поэтому сужать общую общественную точку зрения, или, видите ли, Г.Б. упустил из виду общественное производство надуваемого капитала. Так как к тому же оборот стоимости характеризуется авансированием всей суммы этой последней и затем постепенным перенесением по частям на общественный продукт, то они (жилища здания) с той же общественной функцией могут быть отнесены к основной части производственного капитала.

Итак: «Социальной структуре советского хозяйства в советской промышленности отвечает рассмотрение производства, не замкнутого в себе, а во всем его общественном объеме. Поэтому применительно к советскому хозяйству вопрос о принадлежности жилищ застройки к основному капиталу имеет значение решать, рассматривая его в этом объеме».

А, как экологично выше, при таком рассмотрении вопросы находятся именно достояние оспаривания для отнесения жилых зданий, занимаемых рабочими, к производственному капиталу и в первую очередь к основной его части»².

Трудно сказать, чего здесь больше: безграмотности, путаницы или грубой апологетики капиталистического хозяйства, и все это прикрывается... именем Маркса.

Получается же эта галиматия и конце 1930 г., т. е. тогда, когда усилиями экономистов и статистиков-марксистов разрабатывались специальные методы для окончательного фискального проведения уже сложившейся в советской системе учета (самостоятельно разработать в предвоенный период ВПК не удалось). Ибо за 1930 г. (1930-31 гг.)

Обратную ошибку делает М. Бар, когда он относит незаконченные к таковым работы к основному капиталу, при чем делается это опытным путем, с помощью общественной точки зрения на основании того, что «продукт промышленного строительства и «шишек» уличных не поступает в продажу и не предназначается для нее».

М. Баруа не понимает, что основной капитал является частью производственного капитала и представляет в этом собою функционирующие средства труда, капиталы в конечном счете являются незаконными сооружениями. Таблица М. Баруа выступает в еще более «заблудном» направлении, когда он в списке «приращений» в своей «теореме» произвел в его разрезе на «Социалистическое хозяйство» в 1929 г. на работу ЦСУ СССР — «Основные капиталы промышленности СССР», где он «успешно» в изучив правильности не несет незаконных капитальных работ к основному капиталу.

М. Баруш с высоты своей «платиновой беспристрастности» не только, что отчасти в этой работе незначительных соображений о том, что «в настоящее время не добродетельно ЦСУ», а его бедность — в первичном инструментариум соответствующих данных не были (и 1926-28 гг.) расклевывался. В настоящее время это вполне совершенно ясно, и расценивание фактов, изложенных в основных фондах, как проведенное до сих пор, является сильнейшей доверью вплоть до расценивания балансов предприятий на акционерствами (где числятся основные фонды) и строительных (где находится все имущество), работа, в том числе, и архитектурной. Но, тем не менее, к этому очевидно придется и третий раз вернуться к своей «непримиримости».

Не имея глубокомысленных рассуждений М. Баруза, когда он, кавказскую динамику производства и основного капитала с 1880 г. и до 1927/28 г. устанавливает следующий закон: «В теоретической точке зрения более быстрый темп роста основного капитала и сравнении с темпом роста производства нормальных условий развития промышленности является экономически совершенно закономерным и отражающим в себе процесс непрерывного повышения органического строения капитала промышленности».

Стоит ли после этого удивляться М. Барузу, когда он далее отмечает «ненормальные» или — по его собственному выражению — «оригинальные» наивысшие пятилетки: «Запроецированное в пятилетнем плане соотношение между ростом промышленной продукции и среднегодового капитала является

оригинальным не только в сопоставлении с теоретически закономерным процессом развития промышленности и в сопоставлении с фактически развивающейся промышленностью передовых капиталистических стран¹.

О смысле и значении союставного предложения и основного капитала много писали, в особенности в последнее время.

Меня известно, автором по «второму» этому показателю «отдачей капитала» нашей литературе была А. М. Гинзбург. Широко использован этот показатель Раппинян в его докладе на Всесоюзной топливной конференции, в котором ее точки зрения минимизации капиталовложений на единицу производства обосновывает «на основе» потребления дальнопривозного топлива. В «новейшее» время защитником этого показателя «отдачей капитала» выступили молодой экономист г. Красовский, с которым «устоялось» закон роста производства из рубль капитала.

Вряд ли имеет смысл повторить здесь все, что по этому поводу было сказано. Скажет лучше сам, заметив, что в этом отношении М. М. Раппинян — «чуждость» не обнаруживает и замечается в весьма неострой компании Гинзбурга и др.

Приведем еще ряд цитат (они к сожалению не поместились в журнале) М. Баруна, позволяющих установить точку зрения М. Баруна на сущность нашего хозяйства и пути его движения. Вот к примеру ряд суждений М. Баруна о темпах нашего развития и в частности о темпах реконструкции основных фондов:

«Само собой разумеется...» — процесс бионизации (основного) капитала должен быть (в условиях ограничения сил ресурсов он иначе не может быть постепенным)», вещает М. Барн. проливный слезы об ограниченности основного капитала советской промышленности, или даже, капитализм темпы пятавятся, он кустанаживает: «Может быть принят достаточно удовлетворительный вариант того, в котором называется малозначительная часть капиталов промышленности СССР в пятилетках планов? Учитывая состояние наших ресурсов, на этот вопрос надо ответить в положительном смысле». И далее, к чему торопиться, тогда... Тем

² М. Баруи. Основной капитал, стр. 40.

² Материалы по изучению эффективности капиталовложений. Изд. Гостехиздат.

⁵ «Путь индустриализации» № 19, 1930 г.

* М. Барун. Основной капитал, стр. 100.

⁶ Там же, стр. 131.

манизации промышленности СССР, отмеченный даже по преувеличенным предположениям отрицательного перспективного плана, «обеспечивает нам возможность достигнуть и преодолеть развитие механизации промышленности СССР»¹.

И это пишется в книге, вышедшей в свет через 6 месяцев после XVI съезда и после того, как волею обстоятельств 4 года стал знаменем борьбы самих рабочих трудящихся масс нашей страны.

Принадлежит еще несколько любительских, например, гипотез о факторах использования основных фондов. М. Баруи устанавливает следующие: «Основными факторами, определяющими степень использования основного капитала промышленности, являются: ко-нъюнктура соответствующих отраслей промышленности, рынок сырья, техническое состояние основного капитала и финансовое положение предприятия»².

И после долгих рассуждений о «конъюнктуре, которой он придает исключительное значение, он констатирует: «То же самое и непосредственная связь конъюнктуры промышленности и использования ее основного капитала, так рано и влиятельно других внешних факторов подтверждаются данными об использовании капитала промышленности других стран и за любой период в истории»³.

Итак «новый» исторический закон установлен М. Баруни. Что это не случайная ошибка, а «система взглядов», что М. Баруи не делает ровно никакого различия между экономической доктриной России, капиталистический строй в СССР, свидетельствует заключительный раздел того же очерка об использовании основного капитала промышленности, где М. Баруи после 10 страниц построения в совершенно бездоказательным и не подкрепленным рассуждений и цифр наислабодко «упоминает» о том, что «неполным использованием основного капитала характеризуются и в то время развитые капиталистические страны. В прошлом и настоящем капиталистической промышленности — будь то промышленность довоенной России или промышленность иностранных государств — мы обнаруживаем явления того же порядка»⁴.

Размеры журналирской рецензии не позволяют нам привести все «теоретические» установления М. Баруни, ибо это бесчисленные их составные и несоразмерное количество страниц.

Нам хочется остановиться еще только на двух моментах.

Имеется давний спор об экономической природе морального износа и о трактовке этой проблемы в советских условиях. В свое время против учета морального износа и износа выработки лесных ресурсов выступал С. Г. Струмилин. Довольно подробно этот вопрос разбирает автор в своем последнем времени у А. Перухина. В настоящее время спор как таковой, можно сказать, отошел в область истории. Не уже экономистов-марксистов, которые бы разделяли точку зрения необходимости включения морального износа в нормы амортизации. Более того этот вопрос стал после разоблачения вредительства, одной из основных установок которого было искусственное увеличение стоимости продукции проектируемых новых заводов путем преувеличения норм амортизации под «теоретическим» соусом учета морального износа⁵. И вот М. Баруи поднимает вопрос снова, причем он оказывается в лагере защитников включения морального износа в нормы амортизации, подхода к этому вопросу с точки зрения «капситности» преувеличения себестоимости продукции причем весь вопрос сводится к ее методологии и ее учету и любительские волюнтаризмы не пытаются опираться на Маркса. Нужно отметить, что все его рассуждения по этому вопросу⁶ свидетельствуют, по мнению всего прочего, о крайне низком теоретическом уровне автора, чтобы не сказать большего.

Еще одним штрихом закончен теоретический обрис М. Баруни.

Крайне важным и теоретически и практически является вопрос об исторических финансово-экономических условиях капитального строительства. Как известно, эта проблема была осью, вокруг которой вращались нападки на политику капитального строительства оппортунистической волею толков и истолкований «загадка» тупицы нашего капитального строительства не сходит и со страниц монографической прессы большой и малой капиталистических стран. Оказываясь, что и М. Баруи не выходя из рамок этого вопроса. Мы не можем не отметить его постановку проблемы:

«С. Предоставление кредита по капитальному строительству по открытому счету деловым банкам в России не осуществлялось на требования соответствующих организаций на банковский кредит. Все эти вещи все же весьма, эмпирические или капиталистическое строительство до прекращения всеобщего об-

рота, устанавливался в банке. Поэтому весь или почти весь кредит, предоставлявшийся строительным организациям их поставщиками и подрядчиками, по существу имеет своим источником — банком средства, а в конечном счете и в главной своей части — средствами денежной эмиссии»⁷.

Неизвестно, чему приходится здесь порицать — наглости или безграмотности. И то и другое здесь настолько перемешано, что судить об этом представляется беспристрастному читателю, и к сведению его сообщаем, что М. Баруи «исчислил» даже величину, которую «средства» капитального строительства составляют от отношения ко всей денежной массе — до 65%.

Выводы о теоретических установках М. Баруни приди ли после всего сказанного нуждаются в какой-либо формализации.

М. Баруи целиком стоит на позициях буржуазных экономистов в нашей стране, отягченной особенностью «открытым» является активное участие в развитии экономики страны, дискуссии и соображения.

В этом смысле книга М. Баруни вполне подходит под «серий» Библиотечки промышленных знаний, в которой она и помещена, как мы уже указывали, ряд «блестящих» президентов. В этом смысле Госиздат действительно может похвалиться «серийным производством» буржуазной макулатуры. Одно только странно: почему откладывает М. Баруни от его «предшественников» (по алфавиту) — А. Гинзбург и А. Я. Перуха — это его неумеренно более высокой теоретической уровнем.

Однако от этого его труд становится еще более вредным, еще более бесцельным.

Стоит ли после всего сказанного останавливаться на «достоинствах» книги М. Баруни? Мы думаем, что не стоит, ибо совершенно ясно, какова может быть ценность материалов, «обработанных» при помощи такого теоретического багажа, каков «качество» М. Баруни.

Однако рассмотрение содержания рецензируемой книги приводит нас еще к ряду отрицательных выводов.

Прежде всего о «мере» автора представляется без всяких методологических объяснений своя таблица, цифры которых скатать сказать, несопоставимы ни с одним из научных источников и являются плодом «вспрашивания» М. Баруни по одному ему известному способу. Так мы находим таблицы об износе, об использовании основного капитала и т. д., происхождение цифр которых совершенно неизвестно, что де-

лает бесцельной попытку их критики.

Второе, что необходимо отметить это то, что по всей книге нет ни одной ясной цифры; все таблицы представляют из себя разрозненные данные, скроены и перекроены по желанию левой руки автора. Все или почти все цифры «исчислены» М. Баруном. Совершенно не используются, более того — совершенно игнорируются, богатейшие материалы об основных фондах, имеющиеся в результате десятилетия обследований промышленности по так называемому плану «16» Госплана.

Третье это то, что М. Баруи неслучайно не имеет «подкрепления» материалов на целую книгу. Ряд очерков «капитализма» или буквально их пародия, несмотря на их претенциозные названия. Так например очерк «Маниакализация основного капитала промышленности и ее материальная база» не превышает 25 страниц плоских рассуждений М. Баруни о том, что в нашей экономической практике уже давно известно под именем «энергетизации труда» и «энергетизации производства» — заготовитель «эксплуатации» механизации основного капитала (речь идет о коэффициенте, показывающем отношение потребления к производству механической энергии к затратам на труд).

Аналогичное положение с очерком «Использование основного капитала». Все материалы М. Баруни без труда можно уложить в 1-2 журнальных статьи (бесит их стиль вообще печатный). С этой точки зрения видные редакторской манеры бездарность является расточительством.

Удивительно ли, что в результате своей «работы» М. Баруи пришел к ряду плоских констатаций, глубина которых может быть проинформирован специалистом «экономическим капиталом». Так М. Баруни «удалось» например «установить», что «Мы можем во всяком случае считать, что размеры промышленного производства СССР к началу 1929/30 г. выше, чем до войны и выше по крайней мере довоенный». Или что «Среди других отраслей промышленности удельным весом производственных данных по всем основным капиталам, особенно машиностроения, является промышленность». В этой отрасли производственные данные составляют 60,9% от всего ее имущества⁸. Или наконец «И состав производных дней (холод прежде всего 52 рабочих дней, остальное приходится на годовые революционные и нербочные праздники (и дни отдыха)). Колебание в общем числе производных и свободных дней с 1920

¹ М. Баруи. Основной капитал, стр. 131.

² Там же, стр. 140.

³ Там же, стр. 141.

⁴ Там же, стр. 180.

⁵ «Главное хозяйство» № 7-8, 1930 г.

⁶ См. расчеты Л. Рамина в его докладе на Всесоюзной топливной конференции о газификации торфа, склея и водомосконых углей.

⁷ М. Баруи. Основной капитал, стр. 195.

⁸ М. Баруи. Основной капитал, стр. 297.

⁹ М. Баруи. Основной капитал, стр. 31.

¹⁰ Там же, стр. 71.

по 1928 гг. связаны преимущественно с тем, какое число годовых праздничных дней и дней отдыха совпадает с воскресными днями¹.

Машино-тракторные станции и XVI парт'езду. Опыт изучения машино-тракторных станций в социально-экономическом, организационно-производственном и техническом отношении. Гиз, стр. 193, цена 1 р. 35 к.

Книга написана коллективом аспирантов и научных сотрудников Научно-исследовательского колхозного института на основе материалов обследования жоскым машино-тракторных станций типично зерновых районов. Обследованы были по две станции Сев. Кавказа, Нижнего и Среднего Поволжья и УМЮ.

В книге разбираются примерно три группы вопросов: а) организация технической базы МТС, ее мощность и эффективность; б) производственная деятельность ЖСТ и влияние МТС в этой области на обслуживаемые хозяйства; в) социальное значение МТС и их влияние на развитие и ход классовой борьбы и на процесс коллективизации крестьянских хозяйств.

По первой группе вопросов выявлено, что ценный материал, обеспечивающий достижения и недостатки в работе МТС. К достижениям МТС в первую очередь следует отнести антиинтенсивный окват или окулировку деревьев, что позволило избежать Белье. Так, в Камаеве лесной 1928 г. МТС Хлебостроитель имели 33 тракторной мощностью в 133 НР и обслуживали 2508 га, то лесной 1930 г. количество тракторов МТС Хлебостроитель равнялся 1262, мощностью в 14438 НР, а площадь, обслуживаемая ими, равнялась 10000 га. Таким образом, если количество тракторов за два года увеличилось примерно в 10 раз, то количество обслуживаемой ими земельной площади выросло примерно в 350 раз, т. е. темп роста обслуживаемой площади в три с половиной раза быстрее, чем темп роста тракторной мощности.

Это обязательно привело к преимуществу МТС как более целесообразной формы организации энергетической базы в с.-х. производстве, даю возможность доставить напугку тракторам МТС ассени, а также полевых работ (вспашка, боронование, посев и др.) до 479 га в сезон, а в время как напугка тракторами в с.-х. коммунах доходила только до 281 га в сезон, снижаясь в в.-х. артеан до 205 га, в сопках до 171 га, машинных товариществ до 107 га, в артеанских пунктах комитетов взаимопомощи до 104 га и в единоличных хозяйствах до 100 га.

³ М. Барун. Основной капитал, стр. 163.

Приведенное достаточно характеризует «глубину анализа», произведенного М. Барузном в его работе.

Г. Бурштейн

193, цена 1 р. 35 х.

хозяйствах до 77 га в сезон (стр.160). Эти данные говорят о больших достижениях МТС в части загрузки тракторов.

Но несмотря на эти достижения МТС по сравнению с другими формами применения тракторов в сельском хозяйстве, использование времени работы тракторов МТС является абсолютно недостаточным. Если предельный запас рабочего времени трактора определен в 24 часа в сутки, то фактически в среднем трактористы тракторы МТС выполняют работы за сезон 1929 г. равнялись 29%, снижались в некоторых станицах (Минераловодская) до 17,5% (стр. 161).

Эти цифры говорят о чрезвычайно серьезном недостатке в работе МТС тем более, что например Жолтинская МТС даст коэффициент использования рабочего времени трактора в 45%, показывают, что имеющиеся тракторы используются не в полной мере, что безусловно является недопустимым при недостатке тракторов.

Необходимо отметить также высокие нормы расходов МТС на отдельные статьи. На 1 гектар аспальма горючего и смазочного материала расходуется в среднем по носым обследуемым МТС на 2 р. 72 к., что составляет 27,6% всех расходов по аспальму (стр. 178). Колоссальные расходы на горючее и смазку от 1р. 92 к. на гектар (Шкуринская МТС Сев. Кавказа) до 3 р. 32 к. (Паровская МТС ЧИО), говорят о явном неблагополучии в этой части работы МТС.

Еще большим недостатком заслуживает считать размер общих и управленческих расходов, составляющих в среднем 27,2% к общей себестоимости запасных и ранних запасных расходов на горючие и смазки. Эти расходы колеблются по разным станциям в пределах от 1 р. 30 к. до 4 р. 05 к. на гектар. Эти данные говорят о необходимости обмена опытом в работе МТС и расширении достижений отдельными станциями по сокращению расходов на все МТС.

В части производственной деятельности МТС особо следует отметить роль МТС в развитии цеховых и бригадных обслуживаемых колхозов и в учете основанных залежных и целинных земель. В 1929 г. основно залежных и целинных земель в процентах к общему

жизнему населению Минераловодского МТС 61%, Шентальской 18,2%, Крушанской 25%, Желтинской 33,4%, Чанасовской 20,4%, Парьевской 24,9% и Охоченской 12% (стр. 88).

Нет никакого сомнения, что без мощной базы МТС освоение залежных и целинных земель и расширение за этот счет посевных площадей в таких размерах было бы невозможно.

Вместе с расширением площадей МТС имеют большие достижения и в отношении урожайности колхозных полей. Во всех решающих районах поля обслуживаются МТС, давая в среднем 100% урожая с соседними полями единоличников. В Жолтосельском районе (Средневожский край) урожай пшеницы, посеянная до 5 мая, давал с гектара на полях МТС 8,3 центнера, а с колхозных полей — 7,5 центнера. В среднем же по району до 6 мая, при посеве районной пшеницы 0,3 центнера и в среднем по посевам 4,3 центнера. Яровая пшеница, посеянная после 12 мая, давала на полях МТС с гектара 1,3 центнера, а с колхозных полей — 1,1 центнера. В среднем же по району с гектара 0,9 центнера с гектара (стр. 90).

Эти цифры показывают, что потери значительные: пресмыкающиеся уронам в полях, обслуживаемых МТС, по сравнению с уронами на полях единоличных хозяйств, во-вторых, применяя записки, мы уронам от техники обработки и посева на крестьянских полях и, в-третьих, резко, бросающиеся в глаза за зависимость величины урона от сроков посева как на полях МТС, так и единоличных.

Параллельно росту урожайности растений и тозарности сельскохозяйственной продукции в районе деятельности МТС по сравнению с соседними районами. В районе деятельности Охотинской МТС (ЦНО) процент тозарности равенства по ржи 24,3, по овсяной пшенице 8, по овсу 82, гречихе 31 и гороху 0,7, тогда как по административному району процент тозарности составляет по ржи 8,5, овсяной пшенице 0, по овсу 76, гречихе 25 и гороху 0,7.

Надо отметить недостаточное освещение работы МТС по поднятию животноводства, этой (после разрешения зерновой) центральной проблеме сельского хозяйства. При очень поверхностном описании фисего на двух страницах работы МТС в этой области в книге есть места в лучшем случае называющие недоразумение; к таковым следует отнести рассуждение о том, что «зерновая проблема в условиях современных — универсального типа — хозяйства упирается в кормовую проблему и следовательно в животноводство».

Если в основном авторы страницы с двумя первыми группами вопросов, оценивая жизнь в Китае, и дали в этой части правильный ответ, то в третьей части, где выбирается социально-экономическое значение МТС и оцениваются вопросы классовой борьбы в связи с коллективизацией, имеется явное расхождение мнений. Например, например нельзя согласиться с авторами в том, что «успех коллективизации последних лет бесспорно нужно и основан объяснить все большие успехи в развитии сельского хозяйства страны и их необходимость в виде МТС, давших «наибольший успех по сравнению с тракторами-одиночками» (стр. 24), как и в том, что «организация МТС повышает производительность и быстроту колхозов» (стр. 44).

Такая постановка вопроса об основных причинах успехов коллективизации отрицает, во-первых, как качество решающего условия правильную политику партии и правительства в области коллективизации, проделанную истинными организациями за последние годы в деревне, отрицает, во-вторых, громадное значение в деле коллективизации в деревне и в области государственной культуры и искусства, в частности, в целом ряде других мероприятий партии наряду с организацией МТС. Наконец такая постановка вопроса отрицает работу по коллективизации в условиях, когда в стране величайшие трудности, связанные с переходом к тракторному сельскому хозяйству, с тем самым на точку зрения правящего класса, «опорочивая» и извращая, что является сложное крестьянские (иные) и рабочие хозяйства под такой «эффект», достигнутый в результате коллективизации (Сталин).

Несомненно, таким следует считать подожжение о том, что экономическая заинтересованность в колхозе и в обслуживании колхозов имеется только у бедноты и батрачества. «Экономическая заинтересованность бедноты в обслуживании колхозов МТС удержала ее оплотную часть от выхода. «Машинно-тракторные станции сыграли огромную роль в сплошной коллективизации, увеличении и раздвигании колхозного строительства, обеспечении его техникой, удобрениями, орудиями труда, выработкой усовершенствованного, а следовательно и культурно-политического роста бедняка и батрачества» (стр. 14).

162 сказать, что экономический уровень заинтересован в работе МТС и в коллективизации — это значит отрицать коллективизацию как путь поднятия среднего уровня своего материального положения, а то время, когда имеется уже достаточно фактического материала, частью помещенного и в редакционной записке, который подтверждает необходимость этой работы.

колхозника-бедняка и середняка — по сравнению с количеством бедняков и середняков единоличников.

Нельзя забывать и о том, как приняты коллективизации, так и причины перехода коллективных хозяйств от простейших форм к высшим. «Те же классовые линии, которые нарастают в колхозничестве, достигают в дальнейшем социально-производственных отношений, в реконструктивный период определяют и неизбежно в конечном счете приводят к созданию колхозно-крестьянских масс на коллективные формы сельскохозяйственного производства. Перестройка индивидуальных хозяйств в общинственные происходит опять в простейших коллективных объединениях. Но раз став на этот новый путь, колхозники себя неизбежно, согласно внутренним требованиям рациональной организации труда, идет к более высоким формам производственной кооперации. В момент сплошной коллективизации само хозяйство на грядущую, более рациональную форму производственной кооперации — и артели (стр. 37).

Следовательно, если классовые линии неизбежно ведут к коллективизации, если колхозники себя неизбежно ведут к более высоким формам с.-х. производства и если основной коллективизации — это переход союза к более рациональной форме производственной кооперации согласно внутренним требованиям рациональной организации труда, тогда становится неизбежной теснейшая работа, продолжая партия по коллективизации, становится неизбежной помощь рабочего класса крестьянству в организации коллективных и колхозных из работы (объединение 25 000 рабочих на колхозную работу), становится неизбежной работа по закреплению успехов в коллективизации, по переходу на основ достигнутых и закрепленных успехов к дальнейшему развертыванию работы по коллективизации. Все это становится неизбежной, если став на точку зрения неизбежности. Бред — следует доказать, что эта точка зрения не-

лется абсолютной истиной и вечной в деле строительства коллективного производства.

Переход к вопросам внутренним противоречиям в колхозах, авторы утверждают, что в 1951 г. главным противоречием есть то основное, противоречие, которое вытекает из противоречия между отдельными социальными группами колхозников (стр. 55). Под этим углом зрения рекомендуется и устанавливать принципы работы в колхозах. «Общая производственная установка в колхозах, а также по отдельным социальным группам колхозников предопределяет движение экономического неравенства между этими силами» (стр. 56).

Внутренняя борьба в колхозах, а также установка принципов оплаты труда должны быть по линии усиления индивидуальных форм колхоза, по линии борьбы с потребностями теснейшей работы колхоза, по линии повышения производительности труда, по линии борьбы за социалистические методы и формы труда (совершенствование, удешевление), по линии борьбы с вульгаризмом, которое неизбежно будет происходить при разрешении этих вопросов, а отсюда не по линии «борьбы за равенство», как утверждает автор.

Выводы. В той части книги, где приводятся конкретные результаты обследования, она дает ценный и полезный материал, характеризующий работу МТС с ее недостатками и достижениями. В части же рассуждений о социально-экономических процессах и деревне, происходящих в связи с коллективизацией, авторы умалют роль партии в работе по колхозному строительству, скатываясь к теории самостека как в процессе коллективизации, так и в процессе перехода от низших форм коллективизации к высшим. В этой части книга невольно подходит к осуждению основных вопросов коллективизации и внутренних противоречий в колхозах, сводя их к борьбе за равенство.

И. Малышев

Материалом обследования колхозно-крестьянских объединений Северо-Восточного Кавказа. Ростов н/Д. 1930. 130 стр. Цена 75 коп.

бю организации и учреждений, так и теоретический познавательный интерес и являются ярким документом, раскрывающим колхозные достижения и дело социалистического строительства советской деревни (стр. 3).

Прежде чем приступить к работе недостатков книги по существу, остановимся на позитивных статистических материалах. На Северном Кавказе, как и в других

районах, переход широких крестьянских масс к сплошной коллективизации произошел не сразу.

Весной 1929 г. по Северному Кавказу было коллективизировано всего лишь 7,4% крестьянских хозяйств, тогда как к началу осени 1929 г. и весны 1930 г. эти массы объединены в колхозы 60,6% всех крестьянских хозяйств, насчитывающих 57,3% всех рабочих дворов, 41% рабочих дворов и 43% хозяйств. Простой коллективизированных хозяйств в округах так же, как и в первой очереди коллективизации достигают 80,7% (Кубанский) и даже 92,8% (Донской). Общий уровень коллективизации сокращается за счет понижения коллективизации в западных районах (Карачаевский — 1,4%, Чеченский — 1,5%).

Основной формой колхоза является сельскохозяйственный артель. Из общего числа колхозов артели составляют 83%; в артели общинственно 94,1% хозяйств колхозников и 94,7% колхозного населения; за артели идет коммуна — 11,8% и за последние — индивидуальные хозяйства — 4,2% (главным образом в западных районах). Артели и по размеру своему являются наиболее крупными колхозами. В среднем по краю артель объединяет 234 хозяйства и 1143 души населения; коммуна — 94 хозяйства и 350 человек населения; из них 38 хозяйств и 171 душу населения. Изет непрерывный процесс укрупнения артелей и коммун. В 1928 г. всех видов колхозов в крае, артели, коммун по краю было 8 848, в 1929 г. — 6 845 (111,9%), в 1930 г. — 3 703 (63,1% к 1928 г.). Объединено ими колхозников (в процентах к 1928 г.) — в 1929 г. 148,5%; в 1930 г. 153,7%; охвачено население (также в процентах к 1928 г.) — в 1929 г. 142,5%; в 1930 г. 150,6%; всех существующих до осени 1930 г. колхозов снизился в более крупные. Поэтому, если судить по числу колхозов, коллективизация сокращается почти на 40%, на самом деле колхозы растут неуклонно темпом, все время укрупняясь.

Интересен социальный состав колхозов края. Батраки составляют 8% колхозного населения: бедняки 38,6%, середняки 50%; рабочие 0,8%; служанки 1,5%; прочие 1,1%. Основной частью колхоза является середняцкий класс, включая преимущественно колхозного хозяйства и в след за батрачеством и батрацкой повернувшись на социалистический путь.

В социальном составе органов управления колхозами мы видим значительное участие батрацко-бедняцкой партии и усиление роли промышленных рабочих. В общем числе членов правлений батраков 9,5%; бедняков 39,1%; середняков 37,8%; рабочих 9,8%; служанок 3,6%; прочих 0,2%. Комму-

нальные же города и деревни рабочие составляют 25,0% колхозного населения крупных колхозов и сыграл огромную роль в коллективизации.

Большой недостатком колхозов Северного Кавказа является еще далеко недостаточная батрацко-бедняцкая просветительная работа. Из 3703 колхозов только 21,8% колхозов имеют детские ясли и 9,7% детские сады; 6,3% имеют общественные столовые; 8,1% клубы; 16,2% библиотеки; 24% красные уголки; 47% колхозы имеют стеновые газеты. Несомненно лучше работа востановлена в старых колхозах, куда в южные, особенно северно в колхозы тапавшихся рабочих.

Несмотря на отставание недостатка в области коллективизации, продолжая работу на Северном Кавказе с колхозом вытесняет старую экономику, старый быт и культуру и создает новую экономику, новый быт, новую культуру. Подготовительная работа задала возможность сразу перейти от ограничения и вытеснения капиталистических элементов в ликвидации кулачества как класса, с ликвидацией коллективизации. Подтверждение цифрами, факты, достижения, является положительной стороной книги.

Но можно ли писать о колхозном строительстве Северного Кавказа и на слова не сказать в классовой борьбе, в которой эта коллективизация протекает? Как ни странно, но в земстве нет никаких намеков на классовую борьбу. И мы не можем квалифицировать это явление, как явление, которое является поразительным. «Покажи, говорит в революциях XVI партийного съезда, что такой великий переход в жизни десятилетия миллионов людей, как переход от индивидуального хозяйства к колхозному хозяйству к крупному общественному хозяйству, неизбежно связан с рядом огромных трудностей, измываемых обострением социальных классовых отношений, с борьбой с кулацким капиталистическим оппортунизмом на нем. Поэтому только батрацкая и членская, а не пережитки оппортунизма могут думать, что переход такого значения, как классовой борьбы, может быть осуществлен без трудностей, без обострения классовой борьбы. Авторы не имеют трудностей колхозного строительства, они не замечают классовой борьбы. А между тем вся история колхоза, что с переходом к сплошной коллективизации, к ликвидации кулачества как класса, к классовой борьбе становится ожесточенной и острой. Так же боя не слыхать. С кулаком приходится бороться за каждый колхоз, за каждого колхозника. Убийство отдельных колхозников, посягательство на имущество, клевета, злоба на колхоза,

Колхозы Северо-Кавказского края. По колхозам к XVI съезду ВКП(б). Северный Кавказ. Ростов н/Д.

Госпланом СССР, Наркомхозом и Колхозцентром в мае 1930 г. было проведено сплошное личное обследование колхозов. Обработкой этих данных по Северному Кавказу с авторскими комментариями и является рассматриваемая книга.

Вот как характеризуют задачи этой работы ее авторы: «Публичное изложение представляет собой ценный материал для практической оперативной ра-

Азии на 1929/30, 30-го, 40-го. — Ташкент, 1929, 132 стр.

24. СССР. Государственная плановая комиссия. Секция внутренней конъюнктуры. Выполнение плана первого года пятилетия. Под ред. А. С. Менделеева. 2-ое изд. и доп. изд.—М., «Плановое хозяйство СССР», 1930, 96 стр. (2) вкл. а. граф.

25. Уральская область. Плановая комиссия. Материалы контрольных цифр хозяйства Урала на 1929/30 г. Свердловск, Уралдан, 1930, 313 стр. Разд. паг. (Урал. обл. исполн. комит. Уралплан).

2. Перспективные планы

26. Сибирский край. Плановая комиссия. Материалы к пятилетнему плану развития народного хозяйства и хозяйственного строительства Сибирского края. — Новосибирск, Сибкрайиздат, 1930, 777 стр. Разд. паг. (Сиб. краев. план. комиссия).

27. СССР. Государственная плановая комиссия. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. III Районный раздел плана 3-е изд.—М., «Плановое хозяйство», 1930, 606 стр. (2) стр. обшн.

III. ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

1. Общие вопросы

28. Вопросы ленинградской промышленности. Сборник статей. — Л., «Прибой», 1930, 166 стр.

В настоящем сборнике статей Г. Шаперова, А. Неманова, М. Роскошова и др. рассматриваются вопросы о роли ленинградской промышленности в системе промышленности СССР, об обеспечении ленинградской пром. основными ресурсами (энергетика, сырье, кадра и пр.) и о необходимых мероприятиях для выполнения и перепланирования Ленинградом заданий по пятилетке.

29. Проблемы промышленно-промысловых колонизаций. — М., Гос. науч.-исс. ин-т землеустройства и лесоводства, 1929. II, 5—286 стр., с картот., (2) вкл. а. картот. (Главнаука, Труды Гос. науч.-исс. ин-та землеустройства и лесоводства, Т. XII).

Сборник содержит как общие статьи о планировании промышленных колонизаций, так и статьи о конкретных перспективах промышленной и промысловых колонизаций отдельных районов (Даль. Якутской рес., Сибир. Азии, Урала и Северо-западного районов).

30. СССР. Высший совет народного хозяйства. Указания по заполнению форм контрольных цифр на 1930/31 г. Изд. официальное.—

Гос. тех. изд., 1930, 120 стр. (ВСНХ СССР.)

2. Головные планы

31. Московская область. Совет народного хозяйства. Основные показатели контрольных цифр на 1933/34 гг. По промышленности МСХА областного и окружного подчинения. — М., МСНХ, 1930, 53 (2) стр. (Проект.)

3. Перспективные планы

32. Долгов. Пятилетний план развития промышленности Брянского округа Западн. области. Теннис и докладу г. Долгова на II окр. партконференции, одобренное Бюро ОК 27 мая 1930 г. — Брянск, 1930, 14 стр., без тит. а. и обложки.

33. Всесоюзная коммунистическая партия. Нижневожжская краевая конференция. II. Свартков, 1930. Теннис докладов: I. Перспективы промышленного развития Нижневожжского края (докладчик Хлопков), II. Пр. тем. см.) — Саратов, 1930, 35 стр. (II Нижневожж. краев. партконференция).

34. Выполнение пятилетнего плана промышленности. Материалы к докладу В. В. Куйбышева на XVI съезде ВКП (б). — М., Гос. изд., 1930, 240 стр.

35. Куйбышев В. В. О выполнении пятилетнего плана промышленности. Доклад и заключительное слово на XVI съезде ВКП (б) 2-8 июля 1930 г. — М., Гос. изд., 1930, 108 (3) стр.

36. То же. О выполнении пятилетнего плана промышленности. Доклад и заключительное слово на XVI съезде ВКП (б) 2-8 июля 1930 г. — М., Гос. изд., 1930, 126 (2) стр.

37. Малков В. П. Пятилетка в действии. Достижения и перспективы пром. строительства Татарстана. — Казань, Татариздат, 1930, 88 стр., с илл. и карт.

38. Северокавказский край. Совет народного хозяйства. Перспективы развития промышленности Северокавказского края на пятилетие 1928/29—1932/33 гг. — Ростов на Дону, 1930, 109, LVIII (2) стр., 5 л. диагр. (Север. каз. краев. сов. хоз.).

39. Ухвалов К. В. Московская промышленность и перспективы ее развития. Доклад на II Моск. обл. парт. конференции 13 июня 1930 г. — М., «Московский рабочий», 1930, 112 стр.

40. Хаюлянкин М. И. Перспективы развития промышленности в Нижневожжском крае. Доклад М. И. Хаюлянкина на II Нижневожж. краев. конференции ВКП (б). — Саратов, Гос. изд. РСФСР. Нижневожж. краев. отд., 1930, 56 стр. (На обл.: 2-й краев. конференция ВКП (б)).

41. Центрально-Черноземная область. Совет народного хозяйства. Материалы по пятилетнему плану промышленности ЦЧО. (По материалам ВСНХ СССР и ВСНХ РСФСР). — Воронеж. (Одл. СНХ), 1930, 93, (1) стр. На правах рукописи.

4. Проблемы химизации

42. Всесоюзная коммунистическая партия. Северный краевой комитет. Постановление бюро Северного ВКП (б) о состоянии и перспективах развития химии в Индустриальном округе (решения II Индустриальной конференции ВКП (б) 28 мая—2 июня 1930). (Индустрия), 1930, 22 стр. Без тит. а. и обложки.

43. Зарембо К. С. Проблема газификации Довбасса. К. С. Зарембо—Л. Науч. хим.-тех. изд. Всесоюзного ВСНХ РСФСР, 1930, 102 стр. (3) вкл. а. карт и табл. (Ком. по химизации нар. хоз. нар. хоз. СНХ СССР).

44. СССР. Комитет по химизации народного хозяйства. Местное топлино и народное хозяйство. Доклад президиуму Ком. по химизации нар. хоз. при СНХ СССР. Сост. Л. С. Баранов и В. С. Шенцов. Под ред. А. З. Гольдмана. — М., 1930, 67 стр.

45. СССР. Комитет по химизации народного хозяйства. Химико-энергетическая секция. Рациональное использование топлива СССР. Доклад-записка. Под общ. ред. А. З. Гольдмана. — Л. Науч. хим.-тех. изд. НТУ ВСНХ СССР, 1930, 65 стр., 10 вкл. а. карт, и табл. (Записка-доклад сведения инж. И. М. Горфинкеля).

5. Проблемы энергетики

а) Общие вопросы

46. Московский областной энергетический съезд. Москва, 1930. Организационное бюро Бюллестей, Организационное бюро по созыву I Московского областного энергетического съезда. — М., Всесоюз. энергетик, комит., 1930, № 2, 31 стр.

47. Сербский М. М. Проблемы энергетики и перспективы развития промышленности в Сур-Дарьинском округе (1928/29 г.—1932/33 г.) — Энергетик, 1930, 95 стр., 9 вкл. а. диагр. (Сур-Дарьинск. окр. план. комиссия).

б) Электрфикация

48. Самойлов А. А. Электрфикация. Под ред. С. П. Пирюмова—Тифлис, Госизд. ЗСФСР, 1929, 84 стр., с илл. (Перспективный пятилетний план развития нар. хоз.-ва ЗСФСР, 1928/29—1932/33).

49. Украинский энергетический комитет. Материалы к конференции по электроснабжению Дон-

басса. Под ред. А. А. Митусева. — Харьков, 1930, 44 стр.

в) Угольная промышленность

50. Гуревич М. Р. Основные данные пятилетнего плана развития машиностроительной промышленности Донбасса. Под ред. Л. П. Сельменко. — Харьков, Донугль, 1930, 48 стр. («Донугль», Науч. издат. бюро).

г) Материалы к I Всесоюзной топливной конференции, созванной Госпланом СССР и ВСНХ СССР. 51—53. Всесоюзная топливная конференция, I. Москва, 1930. Материалы к Всесоюзной топливной конференции, Март 1930. Т. I.—М., «Известия», 1930 (Оргбюро Всесоюз. топливной конференции).

Ветунитские статьи: «Всесоюзная топливная конференция и задачи развития энергетической базы Союза» — Г. М. Крайновский.

Т. I (512) стр. Разд. паг., с диагр. и карт.

11 брошюр с самостоятельными тит. а. и пагинацией, переплетенные в 1 том.

Т. II (701) стр. Разд. паг., с илл., карт, и план., 3 вкл. а. карт.

18 брошюр с самостоятельными тит. а. и пагинацией, переплетенные в 1 том.

Т. III. (Стенографический отчет и резолюция), (349) стр. Разд. паг.

12 вкл. с самостоятельной пагинацией, сброшюрованных в 1 том.

54. Всесоюзная топливная конференция, II. Москва, 1930. Материалы Всесоюзной топливной конференции, Март 1930 г. (2-ое изд.). Т. I.—М., Гос. изд., 1930 (Оргбюро Всесоюз. топливной конференции, Б-ка «Горного журнала»).

55. Т. I, 543 стр., с диагр. и карт. Материалы Всесоюзной топливной конференции 10—15 марта 1930 г.—М., «План. хозгиз», 1930. (Оргбюро Всесоюз. топливной конференции).

Т. III. (Стенографический отчет и резолюция), (346) стр.

11 отдельно сброшюрованных книжек с самостоятельной пагинацией.

56. Всесоюзная топливная конференция, III. Москва, 1930. Организационное бюро Бюллестей. Организационное бюро I Всесоюзной топливной конференции, созванной Госпланом СССР и ВСНХ СССР, 10 марта 1930 г.—М., «План. хозгиз», 1930, 84 стр.

57. Афанасьев С. Перспективы Подмосковного бассейна М., «План. хозгиз», 1930, 28 стр. (Материалы к Всесоюз.

На этой конференции значительные вложения получали кредиты Рамин.

- топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР.
58. Димаскин М. М. Ресурсы и использование доменных шихтов и отходов. — М. И. Димаскин. — М., Гос. план.-хоз. изд. «Планхозгиз», 1930. 18 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
59. Зенков Д. Вопросы дровоснабжения в расширенном пятилетнем плане топливостроения СССР. — М., Гос. план.-хоз. изд. «Планхозгиз», 1930. 35 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
60. Златовицкий К. Пути развития Сибирской каменноугольной промышленности. План.-эконом. отд. треста Сибургаз, Горный ин-т, К. Златовицкий. — М. «Планхозгиз», 1930. 34 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
61. Значение электрификации в решении топливных проблем. — М., Гос. план.-хоз. изд. «Планхозгиз», 1930. 10 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
62. Казыкин С. Экономические данные по рациональному использованию коксового газа в целях максимального снижения себестоимости кокша. Инж. С. П. Казыкин. — М., Гос. план.-хоз. изд. «Планхозгиз», 1930. 21 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
63. Козорунцев Г. Основные проблемы построения плана топливостроения транспорта. К. Козорунцев. — М., Гос. план.-хоз. изд. «Планхозгиз», 1930. 34 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
64. Кушнерев И. Организация централизованного углестроения в отношении снабжения топливом транспорта. Инж. И. И. Кушнерев. — М., Гос. план.-хоз. изд. «Планхозгиз», 1930. 35 стр., вкл. черт. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
65. Московская область. Плановая комиссия. Перспективы топливно-энергетического хозяйства Московской области. Материалы к докладу Моск. Общества на Всесоюзной топливной конференции. Докладчик: директор А. И. Федосеев. — М., Моск. обл. план. комитет, 1930. 40 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом СССР и ВСНХ СССР).
66. Московская область. Плановая комиссия. Перспективы топливно-энергетического хозяйства Московской области. Материалы к докладу Моск. Общества на Всесоюзной топливной конференции. Докладчик: директор А. И. Федосеев. — М., Моск. обл. план. комитет, 1930. 40 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом СССР и ВСНХ СССР).

67. «Москэнерго» и перспективы развития топливно-энергетического хозяйства Московской области. Доклады на Всесоюзной топливной конференции 10-15/III 1930 г. — М., Мосбодсплоком, 1930. 14 стр. (Моск. обл. плановая комиссия).
68. «Москэнерго» и перспективы развития топливно-энергетического хозяйства Московской области. Доклады на Всесоюзной топливной конференции 10-15/III 1930 г. — М., Мосбодсплоком, 1930. 14 стр. (Моск. обл. плановая комиссия).
69. Предварительный проект расширения паритета топливного плана 1928/29—1932/33 гг. — М., «Планхозгиз», 1930. 168 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
70. Предварительный проект расширения паритета топливного плана 1928/29—1932/33 гг. — М., «Планхозгиз», 1930. 168 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
71. Равенкова М. И. Брикнетное топливо из естественного отпада хвойных лесов. Доклад М. И. Равенковой. С предисл. Я. С. Зейделя. — Роль сурrogатов в топливной балансе страны. — М., «Планхозгиз», 1930. 48 стр., с вкл. и черт., 3 вкл. а. черт. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
72. Развитие Л. К. Рациональное направление топливного х-ва СССР. Проф. Л. К. Равенкова. — М., Гос. план.-хоз. изд. «Планхозгиз», 1930. 58 стр. (Материалы Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
73. Ресурсы каменного угля в СССР. Докладчик: директор Мосбодсплокома А. И. Федосеев. — М., Моск. обл. план. комитет, 1930. 40 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом СССР и ВСНХ СССР).
74. Скавьяны И. Топливные ресурсы как база для электрификации отдельных районов СССР. И. Скавьяны. — М., «Планхозгиз», 1930. 13 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
75. Союзветфлот — бюро по составлению нефтяной и битумной. Основные установки районирования переработки нефти в разрезе пятилетия (К топливной конференции, составленной Госпланом СССР). — М., Медпеч. изд. ИТУ ВСНХ. (6 т.). 36 стр. Без тит. д. и обл.
76. «Союзуголь». Перспективы каменноугольной промышленности Донбасса (Тезисы к докладу на Топливной конференции) «Союзуголь». — М., «Планхозгиз», 1930. 31 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
77. СССР. Научно-технический совет топливной промышленности. Топливная проблема и ее значение в перспективе дальнейшего развития торфяного дела в СССР. Доклад НТС топливной промышленности. — М., «Планхозгиз», 1930. 49 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
78. Трифонов Н. С. Экономика отдельных видов топлива в плане топливостроения. Н. С. Трифонов. — М., «Планхозгиз», 1930. 36 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
79. Угольный геологоразведочный институт. Ленинград. Обзор по геологическим запасам и горючим сланцам СССР за 1930 г. (По материалам угольного геологоразведочного института). М., «Планхозгиз», 1930. 11 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
80. Угольный геологоразведочный институт. Ленинград. Обзор по геологическим запасам и горючим сланцам СССР за 1930 г. (По материалам угольного геологоразведочного института). М., «Планхозгиз», 1930. 11 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).
81. Угольный геологоразведочный институт. Ленинград. Обзор по геологическим запасам и горючим сланцам СССР за 1930 г. (По материалам угольного геологоразведочного института). М., «Планхозгиз», 1930. 11 стр. (Материалы к Всесоюзной топливной конференции, составленной Госпланом и ВСНХ СССР).

82. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
83. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
84. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
85. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
86. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
87. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
88. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
89. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
90. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
91. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
92. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
93. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
94. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
95. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
96. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
97. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
98. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
99. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).
100. Цанцигер Б. В. Перспективы швейной промышленности СССР. Центральный комитет. Инструкции по составлению планов эксплуатации в участниках швейных и швейных фабрик. — Л., 1930. 36 стр. (Ленинград, лесхоз и лесосадоводческий трест «Леспроект»).

фиг. в тексте. — М., Гос. тех. изд., 1930, 32 стр., с диагр. (Рабочий 6-кл. А. Серия 2 № X—XII. Центр. ком-т Союза инженеров).

IV. ПЛАНИРОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

1. «Волга — Дон — Азовское море»

89. «Волга — Дон — Азовское море». Водная магистраль. Строительство. Питание канала водой и снабжение его энергией. Под ред. А. С. Аксентьева и Н. В. Волжского. — Краснодар. Упр. глав. инж. строительства Волго-Дона, 1930, 446 стр. (изд. шаг, с изд. черт. диагр. и схем. 1 вкл. д. карт. (РСФСР. Сев.-кав. краев. исполн. ком-т Волго-донск. строительство. Волго-донск. водная магистраль. Проект 1927—1928 гг. (Техзаказ проекта. Вып. VI).

90. «Волга — Дон — Азовское море». Водная магистраль. Строительство. Тяга судов на канале. Под ред. А. С. Аксентьева. — Ростов на Дону. Упр. глав. инж. строительства Волго-Дона, 1930, VIII, 294 (3) стр., с изд. черт. и граф. 16 вкл. д. карт. (РСФСР. Сев.-кав. исполн. ком-т Волго-донск. строительство. Волго-донск. водная магистраль. Проект 1927—1928 гг. Вып. VII).

91. То же. Хлебные грузы. Под ред. А. С. Аксентьева и Н. В. Волжского. — Краснодар. Упр. глав. инж. строительства Волго-Дона, 1930, 109 стр., с изд. схем. (РСФСР. Сев.-кав. краев. исполн. ком-т Волго-донск. строительство. Волго-донск. водная магистраль. Проект 1927—1928 гг. Вып. VIII).

92. Перспективы Г. А. Осново-исследовательские работы по тринтам трассе Волго-донского канала. Иск. Г. А. Перминова. Под ред. А. С. Аксентьева. — Краснодар. Упр. глав. инж. строительства Волго-Дона, 1930, 151 стр., с изд. черт. и граф. 1 вкл. д. карт. на вкл. 3 стр. об'яв. (7) вкл. д. карт. и граф. (РСФСР. Сев.-кав. краев. исполн. ком-т Волго-донск. строительство. Волго-донск. водная магистраль. Проект 1927—1928 гг. Вып. XII).

2. Днепровское строительство

93. Днепровское строительство. Материалы к проекту И. Г. Александрова. Вил. Киев. железнодорожный и водный транспорт, варианты плана, 295 стр., с черт. и граф. (4) вкл. д. карт. и табл. М., Гос. Днепровск. строительство. 1930. (ВСНХ СССР. Энергоцентр. Гос. Днепровск. строительство).

3. Другие строительства

94. Гос. институт по проектированию новых металлургических заводов. Ленинград. Основные направления реконструкции заводов Югостана. — Л., Гос. инст. по проектированию металлургических заводов. 1930, 49, (2) стр., с диагр. (23) вкл. д. карт. и план.

95. Московская область. Плановая комиссия. План строительства Московской области на 1930/31 год. — М., Стройсектор Мособлплана, 1930, VIII, 160 стр. (Моск. обл. план. комиссия).

96. Самойлов А. А. Строительство. Под ред. С. Г. Вирнукова. — Тифлис. Госплан РСФСР, 1929, 90 стр. (Перспективный пятилетний план развития нар. хоз. СССР, 1928/29—1932/33).

V. ПЛАНИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО И ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА

1. Общие вопросы

97. Вольф М. М. Пути реконструкции сельского хозяйства в пятилетие. Предисл. Г. М. Крюжанинского, 5-е изд., с поим. предисл. автора. — М., «Плановое хозяйство», Госплан СССР, 1930, 127 стр.

98. Цыпко Ф. А. Пути развития сельского хозяйства СССР в ближайшие пять лет. Изд. 2-е. — М., Л., Гос. изд., 1930, 212 стр., с диагр. (В-ка союзн. знаний).

2. Главные планы

99. РСФСР. Народный комиссариат земледелия. План осенней посевной с-х. кампании 1930 г. — М., Л., «Сельхозгиз», 1930, 56 стр. (Нар. ком. зем. СССР).

3. Перспективные планы

100. Навиан А. И. Сельское и водное хозяйство СССР. Под ред. С. Г. Вирнукова. Тифлис. Госплан РСФСР, 1929, 123. II стр., с табл. и диагр. (Перспективный пятилетний план развития нар. хоз. на СССР 1928/29—1932/33 гг.).

101. Камышинский округ. Плановая комиссия. Навианская проблема. Экономическая задача по реконструкции сельского хозяйства в бассейне р. Иовля на водно-мелиоративной базе. — Камышин, 1930, 124. II, III стр., с диагр. (Камыш. окрплан).

102. Соколов А. А. Машинизация и тракторизация сельского хозяйства РСФСР в пятилетнем плане. С предисл. Эр. Кларинга. — М., Л., Гос. изд., 1930, 136 стр. (В-ка союзн.-экон. знаний).

103. Яковлев Я. А. Колхозное хозяйство и подлинное сельское хозяйство. Доклад и заключит. слово на XVI съезде ВШН(б) 19—12 июля 1930 г. —

Планы посевных кампаний отдельных районов, округов и т. д. не могут быть помещены из-за недостатка места.

М., — Л., Гос. изд. 1930, 96 стр., с граф. и карт.

То же, изд. 2-е. 93, (2) стр.

4. Проблема поднятия урожайности

104. РСФСР. Народный комиссариат земледелия. Плановая комиссия. Сопоставление. Москва 1929. Системы земледелия засушливых и незащищенных районов. Материалы совещания при Госплане НКЗ РСФСР 9—10 дек. 1929. — М., Л., «Сельхозгиз» 1930, 242 (2) стр., с карт. (НКЗ РСФСР. Труды Госплана. Под общ. ред. А. И. Мурашова. Вып. XVII).

105. СССР. Государственная плановая комиссия. Президиум. За трипольную систему земледелия. Дискуссия в Президиуме Госплана СССР. — М., «Литхозгиз», 1930, 103 стр.

5. Технические культуры

106. Коммунистическая партия Туркменистана. Цели и задачи в области сельского хозяйства. Объявленный наизум ЦК и ЦКК, 1929. Новая хлопководная программа в задачах компартии (б) Туркменистана. Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК КП(б) Т. — Ашхабад, ЦК и ЦКК КП(б) Туркм. 1930, 18 стр.

107. «Чай-Гарузи». Актинерное общество. Тифлис. Пятилетний план развития чайной культуры и промышленности в ССР Грузии (1929—1933 гг.). — Тифлис, 1929, (7), 153 стр.

6. Животноводство

108. Рыбников А. А. Перспективы рационализации и реконструкции скотоводства засушливого Центрального Казахстана. — Ашхабад, Госплан КССР, 1930, 24 стр., с картот. Отт. из журн. «Народное хозяйство Казахстана» № 1-2 за 1930 г.

109. Шелехов И. Состояние и перспективы развития животноводства в Западной области. Доклад на пленуме Запоблава ВШН(б) 11 авг. 1930 г. — Смоленск. Гос. изд. Зап. обл. ота, 1930, 40 стр.

7. Лесное хозяйство

110. Проект инструкции для устройства, ремонта устройств и лесохозяйственной реконструкции общегосударственных лесов РСФСР и для составления планов их эксплуатации. — Пермь, 1930, 99 стр. «На правах рукописи».

VI. ПЛАНИРОВАНИЕ КООПЕРАЦИИ

1. Потребительская кооперация

111. Пермский окружной союз потребительских обществ. Потребительская кооперация Пермского округа (1927—1930) и перспективный план на 1929/30 г. г. Пермь, 1930, 113, 6 стр., с диагр. (Пермск. окр. союз. потреб. общ. На правах рукописи).

112. Центральная общ. Потребительская общ. Потребительская кооперация. Планово-финансовый сектор. Инструкция по составлению контрольных цифр годового и квартального операций, планов района. — М., Центросоюз, 1930, 55 стр.

2. Промышленная кооперация

113. Всесоюзный союз промышленной кооперации. Курсы — совещание плановых и статистических работников. Москва 1930. Материалы курсов-совещания плановых статистических работников в системе Всесоюзпрома — М., ВСНП (б. г.), II, 113 стр. (Всерос. союз промышленной кооперации Всесоюзпрома). Без тит. д. Описано по обл. Напечатано на пиш. машинке и стенографировано.

См. следующие решения курсов-совещаний: организация плановых аппаратов в промышленности и укладка старобиты с плановыми работами, организация работ по к. ч. на рабоч. г. и по урегулированию к. ч. планов, организации планирования сбыта в условиях тендерных и безденежных отношений внутри системы, основные положения по оперативному планированию финансов в промышленности.

114. Всесоюзный совет республиканских центров промышленной кооперации. Планово-экономическая секция. Наименование промыслов и распределение их по группам (К. формы плана на 1930/31 г.). — М., 1930, 12 стр. (Всерос. совет промышленной кооперации «Всесоюзпрома». План.-экон. секция).

115. Всесоюзный совет республиканских центров промышленной кооперации. Финансовая секция. Инструкция по составлению квартального промышленного баланса (К. формы плана на 1930/31 год). — М., 1930, 23 стр. (Всерос. совет промышленной кооперации «Всесоюзпрома». Фин. секция).

116. Ленинградский областной союз промышленно-строительной кооперации. Ленинградская строительная промышленная кооперация. Общий состав и деятельность за 1929 г. и перспективные

развития по материалам Ленингр. промостр.—Д. Ода. союз промостр. коопер., 1930, 79 стр.

А. Сельхоз. кооперация

117. Иванов Н. А. Кредитная реформа в план. районном союзе с-х кооперации.—Д. 1930, 27 стр.

118. Сельскохозяйственный банк РСФСР. Инструкция по составлению финансовых и кредитных планов и по плановой отчетности с-х кредитных товариществ.—М., Росельбанк (1) 6, 12 стр. Без тит. а и обложки.

VII. ПЛАНИРОВАНИЕ ТОВАРООБОРОТА И ТОВАРОСНАБЖЕНИЯ

119. Вабахан С. Контрольные шифры контракции сельскохозяйственного сырья за 1929-30 г.—М., Наркомторг СССР и РСФСР, 1930, 87 стр.

120. Костенко М. и Казаков И. Потребность народного хозяйства Украины в строительных материалах и разрезе плитки.—Харьков, Гос. изд. Укр., 1930, 66 стр.

121. Нижневожский край. Краевой союз потребительских обществ Саратов. План товароснабжения на IV квартал 1929/30 г. по мясокозам и району потребностей Нижневожского (по сельскому сектору).—Саратов, 1930, 40 стр. Без тит. а. Описано по обложке.

122. Нуринов А. А. Основные задачи хлебопечения на 1930/31 г.—М.—Д. Гос. изд., 1930, 64 стр.

123. Тарханов Н. А. Товарооборот. Под ред. С. Г. Пирумова.—Тифлис, Госплан ЗСФСР, 1929, 99 стр. (Перспективный пятилетний план развития нар. хоз-ва 1928/29—1932/33 гг.).

124. Хазазов С. А. Хлебобулочное. Итоги 1929/30 г. и задачи на 1930/31 г. Под ред. М. Чернова.—М.—Д. Гос. торг. изд. 1930, 69 (2) стр.

125. Чернов М. А. Борьба за хлеб.—М., «Московский рабочий», 1930, 109 (2) стр.

VIII. ПЛАНИРОВАНИЕ ТРАНСПОРТА

126. Белоусов М. П. Пятилетний план нового железнодорожного строительства.—М., Транспечать, НКПС, 1930, 37 стр.; с англ.

127. Он же. Расчет грузооборота местного транспорта на 1928/29—1932/33 гг.—М., Транспечать, НКПС, 1930, 193 стр.

128. Гривяк С. Р. Реформа заработной платы на водном транспорте. Под ред. Л. В. Тонзуна.—М., Транспечать, НКПС, 1930, 40 стр.; с англ. (Пятилетний план транспорта).

129. Ковалевский И. Н. Великая Сибирская сверхмагистраль.—М., Гос. изд.-хоз. изд. «Панктулат», 1930, 64 стр.

130. Небесов Н. А. Реконструкция железнодорожного транспорта. Об основных моментах по пятилетнему плану.—М., Транспечать, НКПС, 1930, 48 стр. (На обл. Пятилетний план транспорта).

131. Поповацкий И. А. Перспективы железнодорожных перевозок на 1932/33 г.—М., Транспечать, НКПС, 1930, 16 стр. (Науч.-иссл. сектор ЦШТУ НКПС. Информационное письмо 29).

132. Радаутак Я. Э. Очередные задачи транспорта и пути его реконструкции (Доклад на ком. комиссара путей сообщ. т. Радаутак Я. Э. на VII пленуме сов. права. транспорта СССР 26 дек. 1929 г.).—М., Транспечать, НКПС, 32 стр. (Сов. местных органов транспорта СССР).

133. СССР. Народный комиссариат путей сообщения. Центральная комиссия по пересмотру отчетности на транспорте. Инструкция по составлению форм №№ 4 и 19 профинпланов 1-д (Инструкция по заполнению форм 1-д и 19-18 профинпланов 1-д).—М., 1930, 7 стр. Без тит. а и обложки.

IX. ПЛАНИРОВАНИЕ ТРУДА И ПОДГОТОВКА КАДРОВ

134. Всесоюзная конференция по вопросу о подготовке кадров безбоязников. Москва, 1930. В борьбе за кадры. Доклады и резолюции Всесоюз. конференции по вопросу о подготовке кадров безбоязников 26—29 июля 1930 г.—М., «Безбоязники», 1930, III стр. (Центр. совет союза конститутивных безбоязников СССР).

135. Зальберглейт П. Б. Производительность труда в каменистой промышленности. Материалы к построению пятилетнего и генерального плана.—Харьков, Укрсплан и Донуголь, 1930, 107 стр. (Труды Гос. план. комиссии УССР. Вып. XX).

136. Институт по повышению квалификации административного и инженерно-технического персонала. Москва. Проект плана вышестоящих подготовок, квалификации административного, технического и экономического персонала промышленности на 1930/31 г.—М., Инт. по повыш. квалиф. адм. и инж.-тех. перс. ВСНХ СССР, 1930, X, 150 стр.

137. РСФСР. Народный комиссариат труда. Снабжение сезонных отраслей народного хозяйства рабочей силой (Сборник директив по регулированию рынка труда основных сезонных производств: строительство, деревозаготовочный и сплав, торфоразработка, сельское хозяйство, погрузочно-разгрузочные работы).—М., Гострудиздат, 1930, 64 стр.

138. СССР. Народный комиссариат труда. Снабжение сезонных отраслей народного хозяйства рабочей силой. Сборник основных законодательств и директивных материалов Нар. ком. труда СССР.—М., Гострудиздат, 1930, 47 стр. (Нар. ком. труда СССР).

139. СССР. Высший совет народного хозяйства. Материалы к составлению плана покрытия потребности в квалифицированной рабочей силе на 1930—1933 гг. (Проекты ВСНХ СССР, инструкций и форм).—М., Газ. «За индустриализацию», 1930, 16 стр. Без тит. а и обложки.

X. ПЛАНИРОВАНИЕ СОЦ. КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

1. Народное просвещение и политпросветработы

140. Жакон М. Народное просвещение. Под ред. С. Г. Пирумова.—Тифлис, Госплан ЗСФСР, 1929, 34 стр. (Перспективный пятилетний план развития нар. хоз-ва ЗСФСР 1928/29—1932/33 гг.).

141. Касаткин В. М. Культурный профиль СССР через пятнадцать лет. (К вопросу о генеральном плане). Под ред. В. Панфилова и Шохина.—М., «Рабочее просвещение», 1930, 71 стр.

142. Кабуновский И. Г. XVI съезд партии и вопросы культурного строительства.—М.—Д. Нар. ком. просв. РСФСР и Гос. изд., 1930, 64 стр.

143. Кубанский округ. Отдел народного образования. За культурную революцию! За сгущенную грамотность на Кубани! (Директивы и материалы по проведению в Куб. округе всеобщ. обязательного начального обуч., ликвидации неграмотности и интентизации школ).—Краснодар, 1930, 64 стр. Кубанск. окр. отд. нар. образ.

144. Панфилов В. Н. Культура на пороге третьего года пятилетия.—М.—Д. Нар. ком. просв. РСФСР и Гос. изд., 1930, 100 стр.

145. Совещание заведующих красными (областными) отделами народного образования и народных комиссаров просвещения автономных республик. Москва, 1929. О культурной политике. Материалы совещания зав. ОНО и НКП авт. респ. РСФСР, Девдара 1929, М., Наркомпрос РСФСР и Гос. изд., 1929, 168 стр. (За боные темы культ. строительства).

146. Совет по ликвидации безбоязников. Нижневожский крайевой совет. (Проект пятилетнего плана Нижневожского краевого совета Союза конститутивных безбоязников).—Покровск, Н.-вожск. крайевой Совет конститутивных безбоязников, 1930, 5 стр.

2. Книгоиздательская деятельность

147. Коммунистическая академия. Москва. Издательство Народного плана 1929/30 г. и его исполнение. Таблицы.—М., Коммадени, 1930, 7 стр.

3. Здравосохранение

148. Средневожский край. Отдел здравоохранения. Пятилетний план здравоохранения Средневожского края.—Самара, Ср.вож. крайрадаров., 1930, 29 стр. Без тит. а. Описано по обложке.

XI. ПЛАНИРОВАНИЕ ФИНАНСОВ

149. Авербах И. Д. Финансы. Под ред. С. Г. Пирумова.—Тифлис, Госплан ЗСФСР, 1929, 72 стр. (Перспективный пятилетний план развития нар. хоз-ва ЗСФСР, 1928/29—1932/33 гг.).

150. Адресс А. А. Местный бюджет Бакуского округа за 1929/30 г. пятилетка Бакуметы.—Баку, Совет Р. х. х. и м. д., 1930, 241 стр.

151. СССР Народный комиссариат финансов. Единый финансовый план на 1929/30 г. (Материалы).—М., Гос. фин. изд. СССР, 1930, 180 стр.

152. СССР. Народный комиссариат финансов. Составление единого финансового плана. Правила и формы.—М., ГФН СССР, 1930, 112 стр. Без тит. а. Описано по обложке. Перед загл. Изд. официальное.

153. Туркменская ССР. Государственная плановая комиссия. Основные элементы финансового плана 1928/29 г. в сопоставлении с 1928/29 г.—Ашхабад, ЦНК Совнаркома ТССР, 1930, 8 стр.

154. Центральный союз жилищной кооперации РСФСР. Организационный отдел. Инструкция по составлению финансовых планов жилищно-комму. хоз. —М., 1930, 8 стр. (Центрожилово. Инструктивные материалы орг. от.).

XII. СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДОВ И КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО

155. Иланово-Вознесенск. Совет. Р. К. и К. Д. Докладная записка администрации РСФСР о необходимости благоустройства и социалистической реконструкции города Иланово-Вознесенск, как крупного proletarianского и нового областного центра (Представлена пред. СНК РСФСР т. Сирскому С. И. председателю 16-го плен. 22-го сесс. 1930 г. Иланово-вожского, горсов. 1930, 24 стр.).

156. К проблеме строительства социалистического города. Доклады и отчеты плановых работников и м. д. Крайневожского края. М., Госплан СССР, 1930, 122 стр. с план.

187. Ларин Ю. Строительство социализма и коллективизация быта. — Л., «Добро», 1930. 61 (2) стр.

188. Ленинградская областная конференция по социалистическому переустройству быта. I. Ленинград, 1930. (Материалы I областной конференции по социалистическому переустройству быта. 17—20 марта 1930 г.). Л., 1930. 75 стр. Ленингр. обком, ВЛКСМ и Облпрофсоюз.

189. Лунина Б. Города социализма и социалистическая реконструкция быта. Сборник статей А. Гольмана, В. Зеленина, Н. Крупской, А. Думарского и др. Сост. Б. Лунина. — «Работник просвещения», 1930. 158 (2) стр.

190. «Московские городские железные дороги, трест. Московские трамваи на путях питания (По материалам V промп. конференции). — М., трест МГЖД и ОТЗ МОО Союза коммунальщиков, 1930. 113 стр. I кн. 4 кн.

191. С. Якович Л. М. Социалистические города. — М., Госиздат РСФСР, «Московский рабочий», 1930. 121 стр.

192. Черкас В. Очерк развития городов в капиталистическом хозяйстве. — Вологодск. И. И. Особинский развития городов. Харьков: Госплан УССР, 1930. 207 стр. (Труды комиссии по изучению перспектив развития городов. Вып. I).

XIII. ПЛАНИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

1. Головные папмы

193. Объединенный научно-технический совет. Ленинград. Деятельность и план работ объединенного научно-технического совета в Ленинграде на 1929/30 г. — Л., 1930. 92 стр. (Объединенный научно-техн. сов. в Ленинграде ОНТС).

194—197. СССР. Высший совет народного хозяйства. Научно-исследовательский сектор. Сводный план научно-исследовательских работ на 1929/30 г. Вып. I. — М., Гос. техн. изд., 1930. (План. техн.-эконом. упр. ВСНХ СССР. Научно-иссл. сектор). Вып. I. Черные металлы. Цветные металлы. 76 стр.

Вып. II. Химическая промышленность. 86 стр.

Вып. III. Промышленность удобрений. 27 стр. (1) стр. общ.

Вып. XI. Сельскохозяйственная промышленность. 68 стр.

2. Перспективные папмы

198. Сибирский краевой музей. Перспективные задачи в пятилетке. — Новосибирск. Сиб. краев. музей, 1930. 44 стр., с диагр. I кн. 4 кн. Перед заг. «Коллективный труд

геологич. кружка при Сиб. краев. музее. Под руково. кружковцев В. Лехинского, С. Запашина и М. Запашина.

199. СССР. Высший совет народного хозяйства. Научно-исследовательский сектор. Директивы и формы по переоборудованию и составлению пятилетних планов научно-исследовательской работы промышленности. 1928/29 — 1932/33. К приказу ВСНХ СССР № 1710 от 23/VII 1930 г. — М., Гос. техн. изд., 1930. 20 стр. (ВСНХ СССР. План. техн.-эконом. упр.-ие. Научно-иссл. сектор).

170. СССР. Главное геолого-разведочное управление. Составление материально-сырьевой базы промышленности СССР. Доклад Г. А. геолого-разведочного упр. Выс. сов. нар. хоз. СССР и Совету нар. комиссаров СССР. — М., Геологиз, изд., 1930. 79 стр., с диагр. 7 стр. отдельн. сброшюров., приложения «Постановление президиума ВСНХ СССР по вопросу о минерально-сырьевой базе промышленности» (ВСНХ СССР. Глав. геолого-разведочное упр.-ие). (На правах рукописи).

Доклад отмечает громадный дефицит в минеральном сырье, оказавшем в 1930/31 г. исключит. слабости развед.

171. СССР. Главное геолого-разведочное управление. Составление минерально-сырьевой базы промышленности СССР. Материалы к докладу ГПУ Совету нар. комиссаров СССР. — М., Геологиз, изд. Глав. геол.-развед. упр., 1930. 261 стр. (ВСНХ СССР. Глав. геолого-разведочное упр.). «На правах рукописи».

XIV. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПЛАНОВОЙ РАБОТЫ

1. Популяризация контрольных цифр и пятилетки

а) Народное хозяйство СССР и отдельных районов

172. Булах В. С. О пятилетке. — М., «Молодая гвардия», 1930. 40 стр. (Б-ка молодого гвардейца).

173. Вегнер В. Социалистическое строительство в автономных республиках и областях М., «Планхозгиз», 1930. 108 стр., с кн. На обл.: 5-летка в действии.

174. Исеев У. Второй год пятилетки в Казахстане. — Алма-Ата, Казахрайком, ВЛКСМ, 1930. IV. 32 стр.

175. Лейкин В. А. Пятилетку в четыре года. — М., «Планхозгиз», 1930. 68 стр. На обл.: 5-летка в действии.

б) Промышленность

176. Адамювич И. и Тер-Саакян А. Самария промышленность в 5-летке. Под ред. Э. Кирингта. — М.,

Л., Гос. изд., 1930. 80 стр., с кн. (Догнать и перегнать в техн.-эконом. отношении передовые капиталистические страны).

177. Авакянц Н. Х. Химическая промышленность в 5-летке. Под ред. Э. Кирингта. 2-е доп. изд. М.—Л., Гос. изд., 1930. 60 (2) стр., с кн. (Догнать и перегнать в технико-экон. отношении передовые капиталистич. страны).

178. Винавер И. Промышленное новостроительство и пятилетка Н.-Кавк. — Саратов. Гос. изд. Н.-Кавказ. краев. отд., 1930. 55 стр. (1 стр. общ.).

179. Корняккин М. Пятилетка в стройке М.—Л., Гос. изд., 1930. 77 (2) стр. (1-й год 5-летия и контрольные цифры 2-го года).

180. Мануйлов Г. Сельскохозяйственное машиностроение в 5-летке. Под ред. Э. Кирингта. М.—Л., Гос. изд., 1930. 48 стр., с кн. (Догнать и перегнать в техн.-экон. отношении передовые капиталистич. страны).

181. Медников Н. Промышленность во втором году пятилетки. — М., Гос. план. хоз. изд. «Планхозгиз», 1930. 63 стр.

182. Флаксбергман Ю. И. Электрификация — база социалистического строительства. — М., «Планхозгиз», 1930. 60 (2) стр. На обл.: «Пятилетка в действии».

в) Сельское хозяйство

183. Вольф М. М. Пути развития сельского хозяйства СССР. — М., «Планхозгиз», 1930. 32 стр.

184. Голембо М. С. Новая деревня в пятилетке. Под ред. Я. Вайсберга. М., «Московский рабочий», 1930. 61 стр.

185. Крымская АССР. Центральное статистическое управление. Отдел сельскохозяйственной статистики. Пятилетка статистика. Симферополь, ЦСУ Крыма, 1930. 7 стр.

186. Кроков В. А. Союзники и перспективы их развития в Нижегородском крае. — Н.-Новгород. Гос. изд. Нижегород. краев. отд., 1930. 43 (2) стр.

187. Кузнецов П. Союзники в 5-летке. Под ред. Э. Кирингта. М.—Л., Гос. изд., 1930. 64 стр. (Догнать и перегнать в технико-экон. отношении передовые капиталистич. страны).

188. Славков И. Союзники Средней Волги. — М.—Самара, Гос. изд. Ср.-волж. краев. отд., 1930. 63 стр., с кн. На обл.: Основные хоз.-полит. проблемы Средней Волги. Выпущены 5-летку в 4 года.

г) Транспорт

189. Самсонов А. Железные дороги СССР в пятилетку. Годы пятилетки. — М., «Планхозгиз», 1930. 57 стр.

190. Хрулев Н. Транспорт в 5-летке. Под ред. и с предис. Э. Кирингта. —

М.—Л., Гос. изд., 1930. 60 (3) стр., с кн. (Догнать и перегнать в технико-экон. отношении передовые капиталистич. страны).

191. Шевлякин М. Борьба с бездорожием в 5-летке. — М.—Л., Гос. изд., 1930. 96 стр., с кн. (1) стр. общ. (Догнать и перегнать в технико-экон. отношении передовые капиталистич. страны).

д) Связь

192. Обжерин Г. Д. Пятилетний план развития почтовой связи в СССР. Под ред. А. М. Любимкина. — М., изд. НКПТ, 1930. 28 (2) стр., 2 стр. общ. (В-на по пятилетнему плану хоз.-на связи. Вып. III).

е) Труд

193. Булах В. С. Пятилетка кадров и задачи комсомола. — М.—Л., «Молодая гвардия», 1930. 80 стр.

194. Ляшенко И. И. Пятилетка по охране труда. — М., Гоструделат, 1930. 36, (2) стр., с кн. и диагр.

ж) Культура

195. Ветелов М. О. Кто теперь и через пять лет. — М., «Фрунзский просвещения», 1930. 15 стр. (Б-ка копеек. Культ. пятилетка и масс. Под ред. А. П. Шохина. № 12-13). Без тит. л. и обложки.

196. Прауский М. М. Искусство масс. Полюс, очерк пятилетки искусства РСФСР. — М., Ташкиненич, 1930. 29 (1) стр.

з) Жилистроительство

197. Горский И. Жилистроительство в 5-летке. Под ред. Э. Кирингта. — М.—Л., Гос. изд., 1930. 80 стр. (Догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны).

и) Оборона

198. Мехометов К. Оборона и пятилетка. — М., «Планхозгиз», 1930. 77 (1) стр. На обл.: 5-летка в действии.

2. Папмы отдельных предприятий и трестов

199. Больше-грибановский сахарный комбинат. Промфинплан Больше-грибановского сахарного завода на 1930 г.—Грибан, 1930. 70 стр.

200. «Красное Сормово», завод. Никитин Н. Новгород. Памятка рабочего. Общезаводский и цеховой промфинплан и хозрасчет завода «Красное Сормово» на 1929/30 г.—Сормово, 1930. 110 стр. (ВСНХ СССР. Гос. заводы «Красное Сормово»).

201. Ленинградский государственный завод текстильного машиностроения им. К. Маркса. Промфинплан на 1929/30 г. —

повышение за 1 полугодие и перспективны на 1930/31 г. — Л. зав. К. Маркса, 1930, 12 стр. (Ленингр. гос. завод текстильного машиностроения им. К. Маркса).

202. «Пролетарский труд», — швейц.-придильная фабрика Москва. Производственно-финансовый план и производственная программа на 1929/30 г. по фабрике, цехам, бригадам и машинам. — М., 1930, 63 стр. (ВСНХ СССР. Швейцотгост. Гос. швейц.-придильная фабрика «Пролетарский труд»).

203. Новое организационно-скалярный план комбинат. Профинплан Новопокровского сахарозавода на 1930 г. по заводу и его подсобным предприятиям. Гуман. (6, г.), 47 стр. Без тит. а. Описание по обложке.

3. Борьба за профинплан

- а) Обращения и методические указания
204. Борьба Л. Радоппа и резолюция в борьбе за пятилетку (В помощь рабочему, радиолютеру, фабрично-заводской газете и рабочему активисту). — Одесса, 1930, 120 стр.
205. Боярский Я. И. Профсоюз на борьбе за профинплан. Итоги IV пленума ВЦСПС. — М.—Л. ВЦСПС и Гос. изд., 1930, 45 (2) стр. «На фронте социалистического строительства».
206. Всесоюзная коммунистическая партия. Центральный комитет. Ко всем партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям. Обращение ЦК ВКП(б) и постановление президиума ВЦСПС (О выполнении профинплана). — М., 1930, 16 стр.
207. Всесоюзная коммунистическая партия. Московский областной комитет. Отдел культуры и пропаганды. Инструктивное письмо промганизматом по проведению занятий на тему: «Обращение ЦК о выполнении профинплана и задачи Ленинского набора». — М., 1930, 4 стр. Без тит. а. обложки. Прил. к № 4 журн. «По ленинскому пути».
208. Всесоюзная коммунистическая партия. Тверской городской комитет. За выполнение профинплана. Тверь, Тверск. гор. комит. ВКП(б), 1930, 31 стр.
209. Институт техники управления. Москва. Как достичь профинплана до рабочего места. (Типовые метод. указания). — М., «Техника управления», 1930, 32 стр. (Из материалов Промганизмата).
210. Куйбышев В. В. Борьба за профинплан и ленинградские промганизмат. Доклад на собрании ленинградского актива 12 февр. 1930 г. — Л. «Прибой», 1930, 31 стр.
211. Левенталь Я. Б. Рабочий в борьбе за план 1929/30 г. — М.—Л.

- Гос. изд., 1930, 77 (3) стр. облож. «На фронте социализма, строительства».
212. Перельштейн М. и Дубров Д. Взять план — дать тему. Опыт работы оперативно-плановых групп. — М., «Молодая гвардия», 1930, 57 (2) стр. (Новое в социализации).
213. Ротштейн А. Ленинградский прорыв профинплана. — Л. «Прибой», 1930, 56 стр. (Рабочая книжка агитатора № 9).
- На обл. серия: «Б-ка Отд. массовой работы Ленинград. областного ВКП(б) и журн. «Партработника».
214. РСФСР. Народный комиссариат просвещения. Учебно-методический сектор. Комплексы пазлов, кроссов и текстов — на борьбу за профинплан (Материалы). — М., 1930, 8 стр. Без тит. а. и обложки.
215. Сендеров С. В. О хозрасчете цехов, единоначалии и доведении плана до рабочего места. (Сборник директив ЦК ВКП(б) и президиума ВЦСПС СССР). Составил С. В. Сендеров. 4 изд. авт. зам. глав инспекции ВСНХ СССР Г. В. Лыткин. — М., Гос. тех. изд., 1930, 36 стр.
216. Спичковский А. Л. Инженер, техник, мастер в борьбе за профинплан. — М.—Л. Гос. изд., 1930, 46 (2) стр. «На фронте социализма, строительства».
217. СССР. Народный комиссариат почт и телеграфов. На борьбу за выполнение пятилетнего плана. Обращение ко всем работникам хозяйств связи по вопросу выполнения нового пятилетнего плана хозяйства связи. — М., НКПТ, 1930, 8 стр. Без тит. а. и обложки.
218. Через массовую самопроверку выполнения профинплана, состоянии социализации и удличества мобилизуем рабочие массы на выполнение пятилетия — великой социалистической стройки в 1 года. (Сборник материалов). — Грозный, 1930, 21, 4 стр.
- б) Профинплановские памятки
219. «Красный гвоздильщик», завод Ленинград. Профинплановская памятка рабочего завода «Красный гвоздильщик» на 1929/30 г. — Л. (памятка «Красный гвоздильщик»), 1930, 21 стр.
220. «Красный котельщик», завод им. С. М. Киров. «Спутник удличителя». Основные показатели промганизма на 1929/30 г. — Таганрог, (6, г.) 31 стр. (ВСНХ СССР. Завод «Красный машиностроитель» им. т. С. М. Киров).
221. Московские об'единенные кабельные заводы. Памятка рабочего кабельщика. — М., 1930, 71 стр. (Кабельные заводы «МОКЗ» и «Севкабель»).

222. «Ленинаторг», объединение Ленинград. Борьба за торф. Памятка торфоборочного о промганизма. программы по добыче торфа в сезон 1930 г. — Л., Ленинторг, 1930, 16 стр. Без тит. а. Описание по обложке.
223. «Севкабель», завод Ленинград. Профинплан на 1929/30 г. и контрольные цифры по пятилетке по заводу «Севкабель». — Л., завод «Севкабель», 1930, 24 стр. (1) стр. «Памятка удличителя на обложке (1930/31). Без тит. а. Описание по обложке.
224. Сулинский металлургический завод. В борьбе за профинплан. — Шахты, (6, г.), 16 стр.
225. Типография им. С. М. Киров. Смоленск. Профинплан до конца (На 1 полугодие 1929—30 г.) Смоленск. Типографический завод им. С. М. Киров. Зап. литографический, 65 стр. (ОСНХ Зап. обл. госпит. им. С. М. Киров).
226. Троицкая чисельная фабрика. Памятка рабочего удличителя и ИТР Троицкой п/б. фабрики. Задания профинплана с учетом вылаз Воеводскому на 1 полугодие 1929/30 г. — Калуга, 1930, 65 (1) стр.

в) Комсомол в борьбе за профинплан

227. Волков А. А. В атаку! (Комсомол на фронте борьбы за профинплан). — М.—Л., «Молодая гвардия», 1930, 64 стр. с илл. (Как работать заводской ячейке ВЛКСМ). Перед згт. авт. А. Волков и В. Мейлах.
228. Всесоюзная коммунистическая партия. Центральный комитет. Комсомол мобилизован пятилеткой. Обращение ЦК партии о ленинских призывах о третьем году пятилетия. — М., «Молодая гвардия», 1930, 31 стр.
229. Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи. Московский областной комитет. Массовый экономический отдел. Новому году инструктор — встречный профинплан. — М., «Мосолитграф», 1930, 32 стр. с илл. (Массовый экон. отд. МК ВЛКСМ).
230. Комсомол на борьбу за профинплан. — М., «Молодая гвардия», 1930, 32 стр. «В помощь партячейке», журнал ЦК МК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ. Комсомольский кружок текущей политики. (Для городов). Без тит. а. Описание по обложке.
231. М. Хин П. Комсомол. Николай Волга в борьбе за профинплан. (Доклад на пленуме Крайкома ВЛКСМ 3/VI 1930 г.). — М.—Саратов, «Молодая гвардия», 1930, 32 стр. (На обл.: Б-ка VI пленума Н-воляск. ком-та ВЛКСМ. Июнь, 1930).

- г) Встречный профинплан
232. Всесоюзная коммунистическая партия. Московский организационный Краснопресненский районный комитет. За встречный профинплан на Красной Пресне. (Материалы). Краснопреснен. райком ВКП(б) и ВЛКСМ, 1930, 48 стр.
233. Капустин А. И. И. Мизурду А. За встречный профинплан. О новых формах социалистического соревнования и удличества. — М., «Московский рабочий», 1930, 48 стр.
234. Мясоев С. В. Новый подход. Встречный профинплан. Опыт Электротранза. М. — М.—Л., Гос. изд., 1930, 48 стр.
235. Мясоев С. В. От станка до Госплана. Встречный профинплан. — М., «Молодая гвардия», 1930, 80 стр.
236. Цейтлин В. и Кудрявцев Е. Профинплан ситу. (Встречный профинплан и на заводе им. «Ленин»). — М., ВЦСПС, 1930, 53 (2) стр.
237. Чучалов С. И. Что надо знать о встречном профинплане. — М., Капит. профб. МОСКП (и «Труд и жизнь ленинского набора» и зарплата).
4. Материалы для школ и кружков
238. Александров А. Социалистическая индустриализация и пятилетка. Рабочая книга для слушателей кружков ленинбора — М., «Московский рабочий», 1930, 19 стр. (В помощь партячейке: орган Квантупро ЦК и МК ВКП(б). В помощь ленинскому набору).
239. Всесоюзная коммунистическая партия. Центральный комитет. Отдел культуры и пропаганды. Об итогах XVI съезда ВКП(б). Материалы для докладчиков. — М.—Л. Гос. изд., 1930, 174 (2) стр. (Отд. культуры и пропаганды ЦК ВКП(б)).
240. Нижневолжский краевой деревенский университет. Саратов. Курс «Социалистическая реконструкция промышленности». Пятилетний план 31 строительства СССР (Саратов). Гос. изд. РСФСР. Н-воляск. отд. (1930), 15 стр. (Н-воляск. краев. деревенский ун-т. Краев. совет квантупро). Без тит. а. и обложки.
241. Совет профессиональных союзов Грузии. Программа тематического кружка по изучению пятилетнего плана развития народного хозяйства. Тифлис, Шрома, 1929, 118 стр. Тит. а. обл. и текст на груз. и русск. языках.
242. СССР. Политическое управление рабоче-крестьянской Красной армии и флота. Об итогах XVI съезда ВКП(б). Матери-

алы для групповодов. — М. — Л., Гос. изд. Отд. воен. лит.-ры, 1930. 118 стр.
 243. Тимофеев Н. П. Пятилетка Ивановской области. — М. — Иваново-Вознесенск, Гос. изд., 1930. 19 стр. (Объединенный кабинет партработы Обкома ВКП(б) Иванов. пром. области).

5. Дети и планирование

244. Гарбузов С. Е. В бой за пятилетку. Для ребят старш. возраста. — М., «Молодая гвардия», 1930. 60 (3) стр. с илл. (Деритесь за политехнизм.)

245. Дальневосточный край. Плановая комиссия. Директивы к составлению новой детской пятилетки в Дальневосточном крае. Тезисы Далькрайплана к краев. пионерскому слету. — Хабаровск, 1930. 11 стр.

246. Детская коммунистическая организация юных пионеров им. Ленина. Тульское окружное бюро. Проект на обсуждение! Контрольные цифры пятилетнего плана участия детей в соцстроительстве. — Тула, окрбюро ДКО и окроно, 1930. 30 стр.

247. Ирбитский округ, отдел народного образования. Программы школы 1 ст., измененные в связи с 5-летним планом социалистического строительства и коллективизации сельского хозяйства в округе. — Ирбит, 1930. 128 стр. (Ирбит, окр. отд. нар. образ.)

248. Кац Д. И. План великих работ. Переработка доклада Г. Кржижановского для детей средн. и старш. возраста. Д. Кац. Рис. худ. Карабановой и Покровской. — М. — Л., «Молодая гвардия», 1930. 76 (4) стр., с илл., диагр. и карт. (На обл.: Детям о 5-летке).

249. Котляров Н. Пионерам и школьникам о пятилетке Ивановской промышленной области (краткое пояснение пятилетки области и практич. мероприятия по участию в них пионеров и школьников). Под ред. облбюро ДКО. — Иваново-Вознесенск, Гос. изд. Ивановск. обл. отд., 1930. 40 стр.

250. Кржижановский Г. М. План великих работ (Ребята о пятилетке.) Для детей средн. и старш. возраста. Рис. худ. Карабановой и Покровской. — М. — Л., «Молодая гвардия», 1930. 76 (4) стр., с илл., диагр. и карт.

(На обл.: Детям о 5-летке).
 251. Лопатин П. И. Пятилетка в действии. Для детей средн. и старш. возраста. Рис. и макет худ. Голицына. — М., «Молодая гвардия», 1930. 186 (2) стр., с илл., диагр., схем. и карт. (На обл.: Детям о 5-летке).

252. Пятилетка в массовой школе в связи с методом проектов. Сборник, сост. работниками Московск. педагогич. техникума им. Профинтерна и опытной школы при нем, под ред. П. К. Шимби-

рева. — М., «Работник просвещения», 1930. 192., с черт. и схем.

Перед загл.: Бородин Г. С., Добромыслова Т. Н., Казанский А. И. и др.

253. Скосырев П. Г. Союз Байрам-Али (Хлопковая пятилетка). — М. Л., «Молодая гвардия», 1930. 84 (4) стр., с илл., диагр. и карт. (Серия «Пятилетка в действии»).

На обл. серии: Детям о 5-летке

6. Карты, диаграммы, плакаты

254. Дальний Восток к концу первой пятилетки. Объяснительный текст к карте. — Хабаровск, «Книжное дело», 1930. 51 стр. (Пятилетка Дальневост. края).

На обл. загл.: «Дальневосточный край к концу первой пятилетки».

255. Львов П. Карта пятилетки Нижегородского края 1928/29—1932/33 гг. Сост. П. Львов и Н. Карболев. (Объяснительный текст). — Н. Новгород, Гос. изд. Нижегород. краев. отд., 1930. 22 (2) стр., 1 отд. вкл. л. крас. карт.

На карте загл.: «План великих работ Нижегородского края. Промышленность, сельское хозяйство, транспорт».

256. Пирумов С. Г. Плакаты: «Пятилетний план ЗСФСР» — Тифлис, «Заря востока», 1929. 29 стр.

СОДЕРЖАНИЕ ПЛАНОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Общие вопросы планирования

1. Теория и методология	1—3
2. Директивы съездов и конференций, доклады	4—11
3. Планирование промышленности	12—16
4. Заграница и СССР	17

II. Планирование всего народного хозяйства

1. Годовые планы	18—25
2. Перспективные планы	26—27

III. Планирование промышленности

1. Общие вопросы	28—30
2. Годовые планы	31
3. Перспективные планы	32—41
4. Проблемы химизации	42—45
5. Проблемы энергетики	
а) общие вопросы	46—47
б) электрификация	48—49
в) угольная пром.	50
г) материалы к I Всесоюзной топливной конференции, созванной Госпланом СССР и ВСНХ СССР	51—83
6. Лесная промышленность	84
7. Металлическая промышленность	85
8. Пищевая промышленность	86
9. Строительная промышленность	87
10. Швейная промышленность	88